

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУРСКИЙ ФИЛИАЛ ВЗФЭИ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ РОССИИ

Материалы
III Всероссийской научно-практической конференции

25–28 сентября 2007 г., г. Курск

Издательство
Курского государственного университета

2007

УДК 316
ББК 60.52
О 62

О 62

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ РОССИИ: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 25-28 сентября 2007 г. / Под ред. Е.А. Когай. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – 259 с.

ISBN 978-5-88313-572-8

В сборнике представлены материалы третьей Всероссийской конференции, посвященной реализации программы «Социокультурная эволюция регионов России». Материалы содержат тексты выступлений участников конференции по общеметодологическим, методическим и конкретным вопросам разработки социокультурных портретов российских регионов.

Для научных работников, преподавателей вузов, представителей управления и бизнеса, журналистов и всех интересующихся вопросами социокультурного развития субъектов Российской Федерации.

ББК 60.52

Конференция проведена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда:
проект № 07-03-14079Г

ISBN 978-5-88313-572-8

© Авторы публикаций, 2007
© Курский государственный университет, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Е.А. Козай</i>	КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СООБЩЕСТВО, ЕЕ МЕСТО В ЦФО.	11
<i>Г.С. Корепанов</i>	КОНКУРИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПО- ЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ. . . .	23
<i>Л.А. Беляева</i>	МАТЕРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В РОССИИ И В РЕГИОНАХ.	32
<i>Н.И. Лапин</i>	СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН: ВСЕРОССИЙСКИЙ МОНИТОРИНГ И ПОРТРЕТ РЕГИОНА.	47

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛЫХ СТОЛОВ

<i>Т.Е. Благовестова</i>	ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.	64
<i>К.И. Богомазов</i>	РАСШИРЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА. ПРОЕКТ РЕЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ ДЛЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ.	68
<i>А.И. Винокуров</i>	МЕРОПРИЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В ОПИСАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА.	72
<i>Н.В. Власова</i>	ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ» В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ.	75
<i>В.С. Григорьев</i>	ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	81
<i>В.А. Давыденко, А.Н. Тарасова</i>	ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА.	84

Н.В. Дергунова	БЕДНОСТЬ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.	100
Л.А. Дремова, О.В. Покрамович	ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ. . .	108
Н.В. Дулина, В.В. Токарев	ИЗ ОПЫТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ РЕГИОНА.	114
Н.В. Дулина, В.В. Токарев	МЕТОДИКА КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНОГО ГОРОДА.	124
Г.З. Ефимова	ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.	130
А.И. Ковальчук	ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.	138
В.М. Котельникова, И.А. Гричаникова, Е.А. Власова	БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ.	144
И.А. Кох	ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	148
Т.Г. Кульсеева	СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ.	154
В.В. Мельник	НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АПРОБАЦИИ МЕТОДИКИ «СОЦИО- КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ».	159
В.И. Мосин	ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.	162
М.Н. Муханова	СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯ- ТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ.	168

Н.А. Овчар	ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА.	175
Ю.М. Пасовец	УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ.	177
В. М. Пивоев	МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАРЕЛИИ.	183
Е.Б. Плотникова, И.А. Германов, Н.А. Несебря	СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПЕРМСКОГО КРАЯ.	188
Н.В. Романкова	СМОЛЕНСКИЙ ПРИКАЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РУБЕЖА XVIII и XIX в.	193
Г.Ф. Ромашкина, Т.М. Сафонова	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОРТРЕТЕ РЕГИОНА.	198
А.Л. Салагаев, А.С. Макаров	СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ.	205
А.М. Старостенко	ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЕМЬИ.	210
В.И. Твердохлеб	РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В КУРСКОМ КРАЕ.	217
А.А. Телегин	ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОРТРЕТЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ.	220
А.В. Тихонова	ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ (на материалах Смоленской губернии).	224
В.В. Токарев, Н.В. Дулина	ВОЛГОГРАД И ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ В КООРДИНАТАХ БОЛЕЕ ШИРОКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА. ...	232

<i>М.С. Третьяков</i>	
ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ.	237
<i>Г.М. Чердынцев</i>	
ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОСНОВА ЕЕ СОЦИО- КУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА.	241
<i>В.А. Юдашкин , А.Л. Чеблаков</i>	
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (на примере подготов- ки социологического портрета Тюменской региона).	247
<i>Сведения об участниках конференции.</i>	254
<i>Указатель материалов по регионам</i>	259

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагаются материалы Третьей Всероссийской конференции «Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России». Она проводится в рамках исследовательской программы «Социокультурная эволюция регионов России», осуществляемой под эгидой Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, при поддержке РГНФ.

В рамках этой программы в конце июня 2005 г. состоялась *первая российская конференция «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов (разработка типовой методики социологического портрета региона)»*. На этой конференции был обсужден и принят в качестве основы исследований проект *Типовой методики «Социологический портрет региона»*, разработанной сотрудниками ЦИСИ ИФ РАН при участии специалистов МГУ им. М.В. Ломоносова, а также ряда других вузов и научных центров. В ходе конференции были сформулированы ключевые направления реализации проектов изучения социокультурных особенностей регионов России (субъектов Российской Федерации) в условиях стабилизации ее нового социального порядка¹.

На основе этой методики в ряде регионов России начались теоретические и эмпирические исследования, нацеленные на подготовку социокультурных портретов этих регионов. В сентябре 2006 г. на базе Тюменского государственного университета прошла *вторая российская конференция: «Опыт апробации типовой методики "Социологический портрет региона"»*, на которой были обсуждены теоретические и методические проблемы получения эмпирических данных и их анализа при подготовке портретов регионов².

К настоящему времени накапливается и обобщается опыт изучения социокультурного развития около 15 регионов России: Тюменского, Курской области, Чувашской республики, Пермского края и других. При этом есть возможность сопоставлять данные и выводы, получаемые по своему региону, с другими регионами, а также с общероссийскими данными, которые получены ЦИСИ в 2006 г. – в результате пятой волны всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян». Анализу накапливаемого опыта и посвящена настоящая, *третья российская конференция*.

Она проходит в одном из староосвоенных регионов России – Курской области, по инициативе и на базе Курского государственного университета и Курского филиала ВЗФЭИ. О своем участии в конференции заявили свыше 40 специалистов из 16 регионов России, а также из Харьковской области Украины. *Центральный федеральный округ* представляют специалисты из г. Москвы, Белгородской, Курской, Орловской, Смоленской, Тульской областей; *Северо-Западный федеральный округ* – из Республики Карелия; *Южный федеральный округ* – из Республики Калмыкия и Волгоградской области; *Приволжский федеральный округ* – из Республики Татарстан, Чувашской республики, Пермской области; *Уральский федеральный округ* – из Свердловской, Тюменской областей; *Сибирский федеральный округ* – из Омской области. В конференции принимают участие представители региональных органов власти: Курской областной администрации и Курской областной Думы, Тюменской областной Думы. Персональный список участников приведен в конце сборника.

Структура конференции включает два пленарных заседания и три круглых стола. *Первый круглый стол «Результаты разработки социокультурных портретов регионов»* посвящен обсуждению результатов исследований, осуществленных по типовой методике. Предлагаются также проблемы, выходящие за пределы типовых подходов. *Второй круглый стол «Возможности использования социокультурного портрета в деятельности*

¹ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Под ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. – М.: ИФ РАН, 2006.

² См.: Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»/ Отв. ред. В.В.Мельник. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – Ч. I, II.

региональных и местных органов власти. Социальные ресурсы региона и реализация национальных проектов» нацелен на выявление продуктивных форм взаимодействия исследователей с представителями власти, на обнаружение проблем в осуществлении инновационных проектов в регионах России, а также национальных проектов. *Третий круглый стол «Методики и алгоритмы анализа массивов эмпирических исследований для портретов регионов»* посвящен повышению эффективности проведения полевых социологических исследований, совершенствованию инструментария обработки социологических данных.

Материалы круглых столов представлены в сборнике в алфавитном порядке фамилий их авторов. Также приложен список, в котором все статьи сгруппированы по регионам, что позволяет компактно увидеть региональный срез публикуемых материалов. По их разнообразию лидируют регионы – организаторы второй и третьей конференций. Наши коллеги из Тюмени уже подготовили исходный вариант портрета своего региона, обсудили его в областной Думе и опубликовали¹. Организаторы нашей конференции также опубликовали первый вариант социокультурного портрета Курской области². Близки к подготовке первых вариантов портретов специалисты еще из нескольких регионов. Вместе с тем не все материалы настоящего сборника достаточно соответствуют задачам создания социокультурных портретов регионов, их можно рассматривать как подготовительные для решения таких задач.

По мере создания портретов мы должны повышать внимание к их использованию в различных областях жизни регионов и за их пределами. Можно назвать несколько направлений такого использования:

- при подготовке и совершенствовании стратегий, программ социального и экономического развития регионов, а также других документов, утверждаемых региональными органами власти;
- при разработке целей, программ деятельности политических партий, других общественных организаций, действующих в регионах;
- в преподавании дисциплин гуманитарного и экономического циклов в университетах и других вузах, а также в старших классах средних школ;
- в публикациях средств массовой информации.

Видимо, можно выделить и другие направления практического применения фактов и выводов, содержащихся в социокультурных портретах регионов. Как их разработчики, мы не должны пассивно ожидать, когда кто-либо будет их использовать, а активно действовать в этом направлении: предоставлять информацию о подготовленных портретах всем потенциально заинтересованным организациям и конкретным людям, в том числе через Интернет. И в целом, как сообщество специалистов, работающих в этом новом направлении теоретико-прикладных исследований, мы должны больше заботиться о повышении уровня своей самоорганизации. Основной формой такой самоорганизации были и остаются наши ежегодные конференции. Вместе с тем, по мнению многих из нас, было бы полезно образовать *Общероссийский научно-координационный совет «Социокультурные портреты регионов России»*, включающий руководителей соответствующих проектов, а также других специалистов, активно работающих над подготовкой региональных портретов.

В заключение от имени всех участников конференции я выражаю глубокую благодарность ее организаторам за большую и очень полезную работу, которая обеспечила успешную подготовку и проведение конференции.

Руководитель Программы «Социокультурная эволюция регионов России»,

¹ Социологический портрет Тюменского региона. Коллектив авторов. Тюмень, Тюменская областная Дума, 2007.

² Опыт построения социокультурного портрета Курской области: аналитический отчет/ Сост. и отв. ред. Е.А. Когай, Т.Г. Кульсеева, Ю.М. Пасовец, А.А. Телегин. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

член-корреспондент РАН

Н.И. Латин.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СООБЩЕСТВО, ЕЕ МЕСТО В ЦФО*

Регион, в котором живет человек, выступает обширной и вместе с тем непосредственной социокультурной средой жизни. Комплексная оценка ресурсного потенциала этой среды позволяет определить тот спектр возможностей, который создает человеку поле выбора для его развития, определения степени его свободы, осуществления его судьбы. Население области – это социокультурная общность, некоторое сообщество, проживающее на определенной территории и идентифицирующее себя с ценностями, традициями, стереотипами данного региона. Известно, что проблема культурной идентификации россиянина составляет сегодня для социолога определенную трудность. Однако для того, чтобы определять стратегии социально-экономического развития, создавать модели социально-политического и экономического устройства населения региона и российского общества в целом, следует основательно разобраться, в каком социуме мы живем, определить тип и уровень развития общероссийской, национальной и, в частности, региональной культуры. При этом можно отметить, что культурная идентификация через локальность (когда в качестве оснований принимаются ценности дома и малой родины) является важным этапом в процессе личностного самоопределения практически каждого человека, живущего в том или ином регионе. Более того, именно идентификация социального и культурного плана представляет собой довольно значимый *ресурс местного развития*. Ведь чем большее количество людей увязывают свою судьбу, судьбу своих детей и свои жизненные успехи с совместным проживанием в данном месте, данном субъекте Российской Федерации, тем большим они обладают энергетическим потенциалом, а также соответствующими ресурсами для претворения в жизнь программ дальнейшего развития.

Проект «Социокультурный портрет регионов», осуществляемый сегодня в ряде субъектов Российской Федерации под руководством Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ ИФ РАН), позволяет увязать воедино программы социально-экономического и культурного развития отдельно взятого региона, инновационные проекты преобразования этого региона с особенностями образа жизни его населения и нацелен на выявление, а затем на преодоление и разрешение «нестыковок» различного характера, на выработку соответствующей социокультурной политики.

Какие же тенденции и перспективы развития Курской области мы можем выявить? В *типологии регионов*, основанной на таких показателях, как уровень экономического развития и экономическое положение домохозяйств, а также освоенность территории, Курская область попала на начало XXI столетия в «середину» по первому критерию и в категорию «более высокая освоенность» по второму как «аграрный регион Черноземья». Необходимо отметить, что Курская область является средним и в определенном смысле типичным среднестатистическим регионом России. Поэтому многие проблемы, о которых пойдет речь в контексте развития Курской области, характерны для значительного количества регионов нашей страны.

Посудите сами: по значительному количеству социально-экономических показателей Курская область обнаруживает срединные значения. В частности, по критерию «динамика реальных душевых денежных доходов» с 1999 г. по 2005 г. Курская область не обнаружена ни среди лидеров, ни среди аутсайдеров.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проекты № 06-03-72301а/Ц и № 07-03-18019е).

Численность населения Курской области на начало 2007 года составила 1170,7 тысяч человек. В регионе фиксируется снижение демографического потенциала вследствие стабильного превышения смертности над рождаемостью и отрицательного сальдо миграции. Следует отметить, что данная тенденция является типичной для России в целом. Вплоть до середины XX столетия Курская область оставалась аграрным регионом, и до настоящего времени доля городского населения (62,6 %) остается более низкой, чем в среднем по стране. В области наблюдается пониженный уровень урбанизации, что характерно для большей части Центрального Черноземья. В трех самых крупных городах области проживает 46 % населения области. Это областной центр Курск, районные центры Железногорск и Курчатов. Численность населения в городах региона претерпевает постоянные изменения, при этом превалирует тенденция снижения численности населения (см. табл.1).

Таблица 1

Численность населения крупнейших городов Курской области
(тыс. человек)

	1990 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2006 г. к 1990 г., %
Курск	433,3	420,6	416,0	411,9	408,4	406,4	405,5	94
Железногорск	89,2	95,3	95,5	95,5	95,9	96,2	96,4	108
Курчатов	43,6	45,3	45,3	45,6	45,9	46,3	46,5	107
Льгов	25,6	24,1	23,9	23,7	23,3	22,9	22,6	88
Щигры	21,3	19,9	19,7	19,5	19,2	18,9	18,5	87

Как видно из таблицы, возрастание численности проживающих в городах жителей области отмечается лишь в двух городах – Железногорске и Курчатове, обладающих высоким экономическим потенциалом. Четыре малых города Курской области – Обоянь, Рыльск, Суджа, Фатеж – по формальным критериям не отвечают признакам выделения города, так как в них проживает менее 12 тыс. жителей.

Душевой валовой региональный продукт в области составляет 63 % от среднего по стране (с поправкой на стоимость жизни). Курская область схожа с Воронежской (нет ресурсно-экспортных отраслей) и отстает от соседей: в Липецкой области душевой ВРП на 59 % больше, в Белгородской и Орловской – на 20 %. Вместе с тем, согласно статданным, душевой ВРП неуклонно увеличивается, о чем наглядно свидетельствует следующая таблица.

Таблица 2

Валовой региональный продукт на душу населения
(рублей; до 1998 г. – тыс. руб.)

Год	Курская область
1995	7242
2000	25470
2001	30813
2002	38648
2003	48501
2004	68826

В 2006 году увеличение валового национального продукта на душу населения в области составило 5,7 %, в результате чего темпы роста валового национального продукта несколько превысили средние показатели в Российской Федерации. В целом же макроэкономические показатели региона за последние пять лет имеют положительную динамику. Остановимся на критериях социально-экономического развития региона, свидетельствующих об удельном весе Курской области в показателях ЦФО (табл.3).

Таблица 3

**Удельный вес региона в основных социально-экономических показателях
Центрального федерального округа в 2005 г. [5]**
(в процентах)

	Территория	Численность населения на 1.01.6 г.	Валовой региональный продукт ¹	Производство сельского хозяйства	Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	Объем розничной торговли	Объем платных услуг населению	Инвестиции в основной капитал
Центральный федеральный округ	100	100	100	100	100	100	100	100
Курская область	4,6	3,2	1,8	7,6	1,4	1,4	1,3	1,8
Белгородская область	4,2	4,0	2,5	10,3	2,7	1,8	1,6	3,9
Брянская область	5,4	3,6	1,2	4,7	0,8	1,5	1,6	0,8
Владимирская область	4,5	3,9	1,6	4,5	1,2	1,2	1,6	1,6
Воронежская область	8,0	6,2	2,6	10,3	2,0	3,2	2,4	3,0
Ивановская область	3,3	2,9	1,0	2,1	0,7	0,8	1,2	1,2
Калужская область	4,6	2,7	1,4	3,6	1,3	1,5	1,2	1,4
Костромская область	9,3	1,9	0,8	2,9	0,7	0,7	0,6	1,7
Липецкая область	3,7	3,2	3,1	6,7	2,2	1,6	1,3	3,3
Московская область	7,0	17,7	12,0	14,4	21,9	14,3	12,2	18,0

¹ Данные за 2004 г.

	Территория	Численность населения на 1.01.06г.	Валовой региональный продукт ¹	Производство сельского хозяйства	Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	Объем розничной торговли	Объем платных услуг населению	Инвестиции в основной капитал
Рязанская область	6,1	3,2	1,7	5,1	2,1	1,4	1,2	2,2
Смоленская область	7,6	2,7	1,3	3,5	3,5	1,5	1,0	1,6
Тамбовская область	5,3	5,3	1,3	6,4	1,2	1,4	1,2	1,6
Тверская область	12,9	3,8	1,9	3,6	2,5	2,3	1,9	2,5
Тульская область	3,9	4,3	1,9	5,5	1,8	1,9	2,0	1,8
Ярославская область	5,6	3,6	2,6	3,6	3,7	1,5	2,0	4,7
г. Москва	0,2	27,9	60,2	–	51,8	61,0	64,8	47,9

Как следует из таблицы, по валовому региональному продукту область стоит на 8 месте в ЦФО, по производству продуктов сельского хозяйства – на 4 месте, по строительству – на 7 месте, по объему розничной торговли разделяет 12 место вместе с Рязанской и Тамбовской областями, по объему платных услуг населения – на 10 месте, наконец, по инвестициям в основной капитал разделяет 9 позицию совместно с Тульской областью. В среднем по ключевым показателям развития региона Курская область занимает 10-е место среди субъектов Федерации, входящих в ЦФО.

Анализ динамики показателей развития области за последние 15 лет не обнаруживает значительных изменений удельного веса региона в общероссийских основных социально-экономических показателях. Однако можно с уверенностью констатировать факт некоторого увеличения удельного веса, начиная с 2002 года, таких показателей, как основные фонды в экономике, объем производства продукции промышленности и сельского хозяйства, экспорт и импорт товаров.

Уровень жизни населения. Курская область по большинству интегральных индексов устойчиво занимает позиции в срединной группе регионов. Как справедливо заметила Н.В. Зубаревич на встрече с курскими журналистами в декабре 2006 г., это «типичный среднестатистический российский регион». Комплексные оценки проекта «Курская область в Социальном атласе регионов» [6], разработанного в 2003 году, свидетельствуют о том, что наш регион практически по всем интегральным индексам проявляет срединные показатели. Добавим к этому, что исследование агентства «Эксперт РА», посвященное выявлению рейтинга инвестиционной привлекательности регионов РФ, в конце 2005 года отнесло Курскую область по рейтингу инвестиционного климата к группе «пониженного потенциала (умеренного риска)», а в типологиче-

¹ Данные за 2004 г.

ской карте регионов России – к числу регионов «с неопределившейся перспективой». Уровень инвестиционного потенциала Курской области в 2006 году – 36 место, а инвестиционного риска – 42 место среди регионов Российской Федерации.

Как уже было отмечено, Курская область относится к регионам со средним уровнем развития (причем при выделении типов регионов «выше среднего» и «ниже среднего» она оказывается именно в «среднем»). Как правило, в таких «средних» субъектах РФ фиксируется наличие дисбаланса в выполнении регионом социальных функций (жизнеобеспечивающей, духовно-интегрирующей, статусно-дифференцирующей и властно-регулирующей). Возможность преодоления этого дисбаланса требует привлечения усилий индивидов, социальных групп и организаций, использования соответствующих ресурсов.

Обратимся к вопросу динамики показателя индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), соответствующего нашему региону. Составляющими этого индекса выступают *душевой доход; ожидаемая продолжительность жизни и образованность населения* (доля учащихся среди возрастов 6-24 года). Заметим, что соотношение количественных составляющих ИРЧП можно рассматривать в качестве *характеристик* структуры социальных функций региона, качества этой структуры, а также качества жизни населения данного региона. Доход и долголетие свидетельствуют о выполнении функций жизнеобеспечения, уровень доходов и их дифференциация говорят о степени социальной стратификации населения, наконец, образованность задает характеристики духовной интегрированности населения региона. В соответствии/несоответствии указанных характеристик отслеживается и выполнение властно-регулирующей функции [3].

Как известно, рейтинг регионов по ИРЧП стал составляться с 1997 года. Рассмотрим таблицу, наглядно демонстрирующую изменение данного параметра в отношении Курской области и близлежащих областей Российской Федерации за период 1997–2004 гг.

Таблица 5

Динамика рейтинга регионов Российской Федерации по индексу развития человеческого потенциала за период 1997 – 2004 гг. [1]

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Липецкая область	9	9	9	6	9	6	5	6
Белгородская область	7	6	4	10	9	13	10	9
Орловская область	26	21	17	16	14	14	14	21
Курская область	18	17	21	39	42	34	32	23
Воронежская область	20	23	23	30	45	26	27	37
Калужская область	42	52	55	61	55	56	43	42
Тульская область	53	43	57	57	49	49	54	60
Брянская область	39	53	54	65	63	66	60	67

Представленные данные свидетельствуют о падении рейтинга Курской области по ИРЧП в 2000 – 2001 гг. и об изменении в лучшую сторону этого показателя в последую-

шие годы. Эксперты небезосновательно связывают данную позицию с вопросом о качестве управления регионом. Обращение к вопросу о динамике самих индексов, составляющих ИРЧП, позволяет сделать вывод о том, что за последние годы в Курской области произошло их сближение и некоторое выравнивание. Так, в 2001 году в области фиксировался достаточно высокий (0,915) индекс образования и относительно значимый (0,681) индекс долголетия, а индекс дохода (0,633) им значительно уступал. К 2004 году мы имели иное распределение индексов: некоторое повышение (0,923) индекса образования, снижение (0,666) индекса долголетия и увеличение (0,710) индекса дохода. Мы можем с уверенностью констатировать тенденцию усиления согласования индексов, составляющих ИРЧП, а также проявить динамику его нарастания.

В рамках составления социокультурного портрета Курской области важно проявить сильные и слабые стороны социально-экономического развития области. При этом, полагаю, немаловажно акцентировать внимание на *позитивных тенденциях*, способствующих повышению имиджевой и инвестиционной привлекательности Курского региона, а также проявить *проблемные точки*, препятствующие развитию региона.

Отметим вслед за авторами Стратегии социально-экономического развития области, разработанной Курским государственным техническим университетом совместно с Администрацией области, сильные и слабые стороны социально-экономического положения региона.

Сильные стороны – **1.** Прежде всего, следует назвать удобное природно-климатическое, географическое и транспортное расположение области. Являясь регионом Центрального Черноземья, Курская область вместе с тем обладает развитой транзитной сетью автомобильных и железнодорожных магистралей, аэропортом, имеющим с 1997 г. статус международного. **2.** Регион обладает достаточно богатыми природными ресурсами. Среди них на первый план выходят железная руда и другие нерудные полезные ископаемые, а также чернозёмы, которые в совокупности составляют 73,1 % почвенного покрова области. Помимо того, в ряде районов области обнаружено значительное количество рудопроявления золота и платиновой группы. Исследования геоинформационного научного центра РАН показали наличие в области значительных запасов нефти. Область обладает большими запасами нерудных полезных ископаемых (мела, кварцевого песка, песчаника и др.), в ней также обнаружены запасы лечебных вод. **3.** В Курской области довольно развита производственно-экономическая сфера деятельности. Так, промышленное производство, играющее ведущую роль в структуре экономики области, дает 36,5 % ВРП. Регион обладает высокой энергетической обеспеченностью, развитым научно-производственным комплексом, характеризуется высокой деловой и инвестиционной активностью малых предприятий. Ряд производств, расположенных на территории области, обладают статусом монополий – это производство аккумуляторных батарей, конвейерной ленты, контрольно-кассовых аппаратов, щелочных аккумуляторов. По территории области проходят шесть магистральных газопроводов и два нефтепровода. Согласно классификации регионов Российской Федерации, Курская область принадлежит к трудообеспеченным регионам. **4.** Следует отметить высокий потенциал агропромышленного сектора – область обладает многоотраслевым перерабатывающим комплексом, а также довольно значительным потенциалом предприятий пищевой промышленности. Курская область входит в пятерку лучших регионов ЦФО по объемам производства зерна, сахарной свеклы, картофеля, мяса и молока. **5.** В регионе осуществляется последовательная социальная политика. Так, в Курской области признается и поддерживается ключевая роль воспитания, образования, спорта, культуры и науки в жизни и развитии населения региона; поддерживаются принципы и цели государственной молодежной

политики, а также государственной политики в сфере социальной защиты пенсионеров, инвалидов и нуждающихся в государственной поддержке других групп населения, в области социальной защиты населения принимаются и претворяются в жизнь социальные программы и законы области. **6.** В целом область характеризуется стабильностью политической ситуации, развитой традиционной системой расселения, наличием кадрового потенциала высокой квалификации, обладает довольно устойчивыми историко-культурными традициями. В частности, 4522 объекта культурного наследия Курской области поставлены на государственный учет. **7.** Наконец, следует проявить позитивные тенденции в развитии управленческого потенциала региона. Так, Правительство области проявляет активное участие в решении проблем развития экономики и социальной сферы, при этом добивается согласования действий с федеральным центром, а также проявляет высокую степень заинтересованности в достижении позитивных результатов в экономическом и социокультурном развитии области.

Несомненно, продвижение в развитии региона имеет ряд препятствий, которые могут быть обозначены как *слабые стороны* социально-экономического развития региона – **1.** Недостаточность инвестиций в содержание и развитие транспортной инфраструктуры, а также недостаточная активность в вопросах разработки новых месторождений полезных ископаемых. **2.** Преимущественно моноотраслевой характер промышленной структуры (специализация в основном на переработке сельскохозяйственного сырья), высокая зависимость экономики области от внешних факторов (напомню при этом, что Курская область – реципиент). Большинство активов области принадлежит собственникам из Москвы и других регионов. **3.** Невысокие показатели экономической эффективности АПК и недостаточность основных производственных фондов. **4.** Недостаточная конкурентоспособность продукции, товаров и услуг товаропроизводителей региона, неразвитость рыночных институтов. **5.** Ряд демографических и социальных проблем, связанных, прежде всего, с невозможностью бюджета самостоятельно решать социальные проблемы и, как следствие, с проявлением низких показателей жизнеобеспечения. Добавлю к этому, что в области отмечается довольно высокий уровень женской безработицы. Исследование проблем занятости сельского населения, осуществленное сотрудниками научно-исследовательской лаборатории Курского государственного университета в Льговском районе Курской области, выявило нарастание напряженности на рынке труда в сельской местности. Потенциал же самозанятости сельского населения обнаруживает тенденцию к самоисчерпанию. **6.** Научно-исследовательская деятельность в регионе испытывает недофинансирование. **7.** Следует отметить довольно сложную экологическую обстановку в регионе и недостаточное использование культурно-исторического потенциала области в целях развития рекреативной политики.

Теперь о некоторых *позитивных тенденциях* эволюции региона. Анализ статистических материалов демонстрирует бесспорное *нарастание социально-культурного потенциала* в Курской области. Проявим некоторые моменты. Наша область обладает развитым научно-образовательным комплексом, располагающим довольно прочными историческими традициями, а также многопрофильностью и кадрами. Высшую школу в области представляют 32 образовательных учреждения. Почти 30 % студентов области обучается в негосударственных вузах, и это довольно высокий показатель. Данные Федеральной службы государственной статистики в Курской области свидетельствуют также о том, что в области наблюдается устойчивый рост промышленного производства, денежных доходов населения, грузоперевозок, объема розничной торговли, количества зарегистрированных предприятий, возрастание доли инвестиций в основной капитал. Уровень общей и зарегистрированной безработицы в области ниже средних показателей по стране.

В последние годы намечается возрастание количества посещений театров, музеев, библиотек. Настоящий – 2007 год – в Курской области назван «Годом библиотек», в связи с этим оснащению книгами и техническими средствами библиотечных фондов региона уделено особое внимание. Нарастают темпы строительства спортивных сооружений – стадионов, спортивных залов, плавательных бассейнов, различных спортивных сооружений. Специалисты отмечают наличие в области значительного культурно-исторического и культурно-экологического потенциала, который может быть проявлен в развитии туристско-рекреационной сферы экономики региона. Помимо того, неуклонно возрастает количество храмов русской православной церкви, а также количество прихожан.

Не вызывает сомнения тот факт, что на территории Курской области большой вес и значение имеет Русская православная церковь. В этом, полагаю, состоит одна из особенностей развития Курской области как социокультурного сообщества. Священнослужители участвуют во всех официальных мероприятиях области. Православной Церкви было передано большое количество зданий, помещений, земельных участков в собственность для работы церкви. Серьезных конфликтов на религиозно почве в регионе не наблюдается, в целом уровень конфессиональной толерантности в области достаточно высок.

Важной характеристикой процессов, происходящих в регионе, является их оценка самими жителями области. Социологические исследования, проводимые ЦИСИ ИФ РАН, обнаруживают противоречия самочувствия россиян. Не стали в данном случае исключением и представители Курского края. Так, в мае-июне 2007 года был проведен социологический опрос жителей области в 40 населенных пунктах области. Этот опрос проводился по типу стратифицированной, многоступенчатой, случайной на этапе отбора респондентов выборки. Объем выборки составил 1128 человек, ошибка выборки по одному признаку не превышала 3 %.

Таблица 6

**Ответы респондентов на вопрос:
«Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?»**

	Частота	Процент
Вполне уверены	108	9,6
Скорее уверен, чем нет	259	23,0
Не могу сказать точно	342	30,3
Скорее не уверен, чем уверен	240	21,3
Совершенно не уверен	174	15,4
Отказ от ответа	5	0,4
Итого	1128	100,0

Как следует из таблицы, количество респондентов, выразивших уверенность в своем будущем (32,6 %) несколько уступает числу тех, кто в нем не уверен (36,7 %). Следует заметить при этом, что в 2006 году при проведении аналогичного опроса в области количество оптимистов в оценке перспектив дальнейшей жизни превышало число пессимистов примерно в полтора раза. Теперь же картина несколько изменилась: число оптимистов проявляет тенденцию к уменьшению.

Удовлетворенными жизнью назвали себя 49,6 % респондентов («Полностью удовлетворены – 10,7 %, «Скорее удовлетворены» – 38,9 %) против 45 % в 2006 году, а количество неудовлетворенных составило 33,8 % (среди них ответ «Не очень удовле-

творены» дали 27,9 %, «Совсем не удовлетворены» – 5,9 %), что практически совпадает с ответами 2006 года.

При оценке опасностей (вопрос: «Насколько Вы лично чувствуете себя защищенными от различных опасностей»?) на первый план вышла *преступность* (65 % ответов), на втором месте – *произвол чиновников* (57,3 % ответов), на третьем – *бедность* (53,3 %). Далее была отмечена опасность *произвола правоохранительных органов* (47,4 % ответов) и *экологическая угроза* (45,4 %). Замечу, что в 2006 году при оценке опасностей на первое место вышли угрозы от преступности (52 % ответов), бедности (46 %), а также экологические угрозы (44 %), при этом в целом региональные оценки возможных угроз совпадали с общероссийскими. Оценки населением Курской области угроз демонстрируют достаточно противоречивую палитру социального самочувствия, а также возрастание недовольства населением существующим положением вещей.

Как справедливо отметил М.К. Горшков в пленарном докладе на Всероссийском социологическом конгрессе, прошедшем в октябре 2006 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова, людей больше не устраивает стабильность без развития. Планка притязаний населения Российской Федерации возрастает, соответственно, стратегия выживания теряет свою актуальность. Требуется прорыв в развитии, в противном случае разрыв между социальными ожиданиями и социальной повседневностью может привести к проявлениям протестных настроений. Отмечу, что в Курской области в 2006 году готовность принять участие в акциях против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека проявили 45 % опрошенных, а в 2007 году это число составило уже 47 %. В электронных средствах массовой информации Курская область фигурирует среди областей с высоким протестным потенциалом наряду с Сахалинской, Камчатской областями и Ставропольским краем. При этом И. Задорин, руководитель исследовательской группы ЦИРКОН, автор доклада «Социальное самочувствие и протестный потенциал населения России: региональные различия», отмечает, что индекс протестности нельзя однозначно связывать с уровнем экономического развития региона. Протестность неоднозначно связана и с такими показателями, как инвестиционный потенциал или инвестиционный риск, однако при этом она выше там, где при пониженном отношении к власти имеется повышенное ощущение свободы.

Свобода – одна из ценностей человеческой жизни. Отношение к ней поддается социологическому измерению. Так, жителям области было предложено согласиться или не согласиться с утверждением «Человеку на роду написано жить в богатстве или в бедности». Ответы распределились следующим образом: «Согласен» – 37,1 %, «Не согласен» – 52,4 %. Здесь явно прослеживается нежелание курян сохранять статус-кво своего материального положения. Эту установку подтверждают и проявления согласия/несогласия по поводу другого суждения «Любой человек может стать богатым, если этого захочет»: «Согласен» – 61,4 %, «Не согласен» – 37,9 %. В ответах проявляется установка на улучшение благосостояния людей, достижение благополучия.

Обратимся теперь к вопросу о ценностных предпочтениях жителей Курской области. Интегрирующее ядро ценностей (согласие более 60 % опрошенных) составили ценности *жизни человека* (83,8 %) и *семьи* (83,4 %), а также ценности *порядка* (76,7 %), *общительности* (71,9 %), *свободы* (62,2 %), *благополучия* (62,1 %) и *независимости* (60,1 %). В интегрирующем резерве (от 45 до 60 %) оказались ценности *работы* (57,5 %), *традиции* (54,3 %), *инициативности* (53,1 %), *жертвенности* (52,9 %). Оппонирующий дифференциал (30-44,9 %) составили ценности *нравственности* (40,4 %), наконец, в «зоне» конфликтогенной периферии (менее 30 %) оказались ценности *властности* (24,6 %) и *своевольности* (17,6 %). Последний слой проявляет **отрицаемые ценности** – то есть те, которые отрицаются большинством населения.

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

Проявим соотношение выявленных ценностей в таблице. Заметим при этом, что ценности подразделяют на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства), при этом выделяют три культурных типа ценностей – традиционные, общечеловеческие и современные (либеральные, модернистские). Обозначим также виды потребностей, с которыми сопряжены изучаемые ценности: *вит* – витальные, *инт* – интеракционные, *соц* – социализированные, *см* – смысложизненные.

Таблица 7

Культурные типы базовых ценностей жителей Курской области и их распределение

	Традиционные	Общечеловеческие	Современные
Терминальные	Традиция (<i>см</i>) 54,3 % Семья (<i>вит, см</i>) 83,4 %	Порядок (<i>инт</i>) 76,7 % Благополучие (<i>вит</i>) 62,1 % Работа (<i>вит, см</i>) 57,5 %	Жизнь человека (<i>вит, см</i>) 83,8 % Свобода (<i>инт, см</i>) 62,2 %
Инструментальные	Жертвенность (<i>вит, см</i>) 52,9 % Своевольность (<i>см</i>) 17,6 %	Общительность (<i>инт</i>) 71,9 % Нравственность (<i>инт, соц, см</i>) 40,4 % Властность (<i>инт</i>) 24,6 %	Независимость (<i>соц</i>) 60,1 % Инициативность (<i>соц</i>) 53,1 %

Если обратиться к распределению полученных ответов согласно классификации культурных типов изучаемых базовых ценностей жителей области, то оказывается, что в отношении терминальных ценностей (ценностей-целей) лидируют *ценности человеческой жизни и семьи*, на втором месте оказываются *ценности порядка*, далее идут *ценности свободы, благополучия, работы*, и завершает список *ценность традиции*. Следует отметить, что ценность традиции в сознании населения Курской области явно ослабевает. Среди инструментальных ценностей лидирует *общительность*, далее идет *независимость*, близки по значениям ценности *инициативности и жертвенности*, наконец, минимальная поддержка достается *властности и своевольности* (псевдосвободы, вседозволенности). Общечеловеческие и современные компоненты приобретают все больший вес, традиционные ценности им явно уступают. В сознании курян, как впрочем и в сознании всех россиян, на современном этапе оформилось динамичное совмещение трех культурно различаемых типов ценностей. Сегодня, как справедливо отмечает Н.И. Лапин [4], произошла стабилизация баланса культурно различных типов ценностей, сформировалась их взаимная толерантность.

Как же оценивает свою жизнь в регионе его население? В поисках ответа на данный вопрос обратимся к данным социологического опроса.

Таблица 8

Оценка населением жизни в регионе

	Процент
В нашем регионе люди живут лучше, чем во всех соседних	7,4
По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	42,2
В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	39,4
Затрудняюсь ответить	10,8
Отказ от ответа	0,2

Таблица демонстрирует, что жителям области свойственна реалистическая оценка условий своей жизни. Это связано, прежде всего, с соседством с гораздо более благополучным регионом – Белгородской областью. Чем же *привлекает* жителей области свой регион? «Красивой природой», «добрыми, душевными людьми», «перспективами для жизни». Помимо того, респонденты выделяли такие позитивные черты, как чистый воздух, благоприятный климат, географическое положение, соседство с Украиной, плодородие почв, невысокая заселенность, наличие исторических достопримечательностей, спокойный ритм жизни, тишина, уют, наличие церквей, красивая архитектура; были и такие, которые ответили: «Это моя Родина!» или «Просто люблю свой край!».

Что *не устраивает* население области в своем регионе? Это, как ни странно, «неприветливые люди», «здесь жизнь заглохла», «здесь не любят инициативу»... Респонденты отмечали также такие негативные черты региона, как нехватка рабочих мест и безработица, близость АЭС и Курской магнитной аномалии, грязь и мусор на улицах, высокие цены и низкая заработная плата, недостаточность возможностей для самореализации, невнимание к людям пенсионного возраста, а также отсутствие перспектив на будущее. Для улучшения жизни в регионе респондентами предлагалось (по убывающей) создавать новые рабочие места, навести порядок, бороться с коррупцией, улучшить медицинское обслуживание, усилить государственный контроль над экономикой, улучшать образование. Помимо предложенных вариантов ответов респонденты называли такие меры, как увеличение заработной платы, повышение пенсионных выплат, благоустройство населенных пунктов, строительство спортивных сооружений, активная реализация инновационных проектов, увеличение возможностей приобретения доступного жилья, решение проблем экологии, усиление внимания к молодежи, в частности, трудоустройство молодых специалистов, привлечение населения в сельскую местность, наконец, развитие ответственности руководителей и исполнителей.

Таблица 9

Чувства населения по отношению к своей области

	Процент
Я рад, что живу здесь	28,3
В целом я доволен, но многое не устраивает	38,3
Не испытываю особых чувств к своей области	16,1
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	9,6
Хотел бы уехать в другой регион России	4,4
Хотел бы вообще уехать из России	1,8
Затрудняюсь ответить	1,4
Отказ от ответа	0,1

Таблица 9 позволяет проявить общую оценку жителей региона в отношении к этому региону. Как видим, 66,6 % жителей области рады или в целом довольны тем, что живут в своем регионе. У остальных настроения различаются. Одни из них проявляют индифферентные чувства (16,1 %), другим не нравится здесь жить, однако они не намерены свой край покидать (9,6 %). Третьи готовы покинуть Курскую область и переехать в другой регион (4,4 %), четвертые проявляют готовность уехать из России (1,8 %). Как правило, такую мобильность проявляют молодые люди, имеющие высшее и незаконченное высшее образование. Как показывает практика, из курских вузов ежегодно студенты уезжают на лето за рубеж, часть из них назад в регион не возвращается. Известно также, что из многих районов Курской области еженедельно на работу в

Москву и Московскую область отправляются молодые трудоспособные мужчины, которые не могут найти себе достойно оплачиваемую работу в своем регионе.

Исследование позволяет сделать некоторые выводы о положении Курской области и оценке этого положения ее населением. Показатели социально-экономического и культурного развития области демонстрируют ее срединное положение как среди других субъектов Российской Федерации, так и в ЦФО. Современная стратегия развития области характеризуется как «догоняющая», не способная в значительной степени раскрыть потенциал социокультурного развития. Население Курской области в целом вполне адаптировалось к происходящим переменам, в большей степени полагается на себя и свои возможности, проявляет умеренный оптимизм в оценке своих перспектив.

Однако внешние экспертные оценки обращают внимание на следующее. Сегодня в России начался процесс размывания регионов Центральной полосы. Осуществляя стратегии проведения национальных проектов, центр, вместе с тем, не проявляет большой заинтересованности в стимулировании развития регионов России. Соответственно, в регионах необходимой становится выработка стратегий развития, ориентированных на собственные силы, инноватику и привлечение инвесторов. Следует отметить, что в области такая стратегия есть.

Так, в июне 2007 года в Министерстве регионального развития был рассмотрен проект Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года. Авторы обращают внимание на тот факт, что *уровень социально-экономического развития не отвечает наличному потенциалу*. Разработчики Стратегии выдвигают задачу перехода Курской области из категории «депрессивных фоновых регионов» (согласно типологии Минрегиона) в категорию «опорных старопромышленных регионов», а также передвижения из зоны «пониженный потенциал – умеренный риск» в зону «средний потенциал – умеренный риск» к 2015 году и в зону «средний потенциал – минимальный риск» к 2020 году [2].

В рамках Стратегии проявлены два сценария будущего развития Курской области. Первый, «инерционный сценарий», существенно не меняет статуса региона среди других регионов России и ЦФО, пролонгирует современные тенденции его развития. Второй – «Инновационно-прорывной сценарий» – нацелен на утверждение Курской области в качестве устойчиво развивающегося региона, занимающего достойное место в российской экономике, гарантирующего рациональное использование природно-ресурсного, человеческого и экономического потенциала.

Инновационно-прорывной сценарий Стратегии социально-экономического развития области выделяет три ключевых направления развития: 1) **«ресурсный регион»** – данное направление акцентирует внимание на принятии в качестве ведущих отраслей экономики электроэнергетики и черной металлургии; 2) **«индустриально-инновационный центр»** – это направление нацеливает на утверждение инновационного пути развития региона, в частности, на максимальную поддержку инновационных экономических проектов и развитие производств на основе высоких технологий; 3) **«возвращение региону агропромышленного статуса»** – данное направление рассматривает в качестве одной из ведущих отраслей экономической деятельности многоотраслевой агропромышленный комплекс, перед которым ставится задача существенно повысить удельный вес в ВРП Курской области, ориентировать производство на выпуск конкурентоспособной продукции, учитывающей внедрение инновационных технологий [2]. Следует отметить, что представленная стратегия в целом получила высокую оценку со стороны экспертов. Разделы и направления стратегии развития региона требуют внимательного и глубокого изучения. Остается лишь выразить надежду, что осуществление данной стратегии, корректируемое по мере ее реализации

внешним и внутренним контекстами развития региона, позволит значительно повысить статус Курской области как в ЦФО, так и в России в целом.

Литература

1. Источники: Доклады о развитии человеческого потенциала в РФ, 1999-2006 гг.
2. Курс на ресурс // Российская газета. Бизнес Черноземья. Курская область. – 2007. – 7 июня.
3. *Лапин Н.И.* Регион, его статус и функции в Российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8. – С. 25–34.
4. *Лапин Н.И.* Структура ценностей россиян: Всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – С.12.
5. Социально-экономическое положение Курской области в сравнении с регионами Центрального Федерального округа. 2006: Статистический сборник. – Курск, 2006. – С.6.
6. *Чистяков П.А.* Курская область в социальном атласе регионов [Электронный ресурс] <http://www.socpol.ru/print.asp?f=/atlas/portraits/kursk.shtml>

Г.С. Корепанов

**КОНКУРИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ***

Тюменская область является для страны стратегически важным, регионом. Эта область и входящие в неё автономные округа всегда были в зоне особого внимания высшего руководства, а многие фактически базирующиеся на её территории структуры («Газпром», «Роснефть», «Сургутнефтегаз», «Газпромнефть», ЛУКОЙЛ) являются крупнейшими национальными компаниями, положение которых прямым образом сказывается на положении страны и наоборот.

Таким образом, по степени связанности с ключевыми федеральными группами влияния Тюменский регион незначительно уступает Москве и Петербургу. Кстати, это доказывается и финансовыми результатами развития Тюменской области (см. табл. 1).

Таблица 1

Некоторые экономические показатели субъектов Российской Федерации

Субъект Федерации	Валовый региональный продукт (ВРП), млн. руб., поданным на 2003 г.	ВРП на душу населения, тыс. руб., по данным на 2003 г.	Налоговые поступления с территории региона в консолидированный бюджет Российской Федерации (в бюджеты всех уровней), тыс. руб./доля региона в России
Тюменская область (юг)	106 959,0	81,12	49 916 102 / 1,50
Ханты-Мансийский автономный	760 866,2	522,39	533 490 418 / 16,01
Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)	326 295,0	633,46	184 565 621 / 5,54
Москва	2 441 425,8	234,94	615 609 716 / 18,48
Санкт-Петербург	435 682,7	94,22	108 762 520 / 3,26

Источник: Официальные данные Министерства финансов РФ по налоговым поступлениям, контролируемым Федеральной налоговой службой, по состоянию на 1 января 2005 г.

* Настоящий доклад и статья подготовлены при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-03-00566а. «Социокультурный портрет региона (Тюменская область)».

Рис. 1. Географическое место Тюменской области в Российской Федерации

Географические и демографические характеристики Тюменской области проявлены на рис. 1 и в таблице 2.

Таблица 2

Основные географические и демографические характеристики Тюменского региона

Субъекты Российской Федерации	Административный центр	Площадь территории, тыс. кв. км	Численность населения, тыс. человек	Доля населения, проживающего в административном центре, %	Конкурентные центры
Тюменская область (юг)	г. Тюмень	161,8	1325	42,6	
Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО)	г. Ханты-Мансийск	523,1	1432,8	3,8	Сургут – 19,9 %; Нижневартовск – 16,7 %
Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)	г. Салехард	750,3	507	7,3	Новый Уренгой – 20,6 %; Ноябрьск - 20,3 %

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения – 2002. Часть I. Численность населения Тюменской области. Тюмень, 2004.

Вопрос о деятельности крупнейших представленных в области вертикально интегрированных компаний – это, в первую очередь, вопрос национальной и лишь во вторую – вопрос политики конкретных регионов. В этом смысле, несомненно, что,

несмотря на свою значимость, администрации данных территорий и их отношения с конкретными топ-менеджерами корпораций и конкретными госчиновниками отчасти имеют вторичное значение. Ключевые решения по стратегиям поведения в регионе крупнейших федеральных групп влияния принимаются в Москве и основных мировых финансовых и политических центрах. Местные менеджеры корпораций (даже самые авторитетные) почти не принимают самостоятельных политических решений и жестко ограничены рамками корпоративной политики.

Теперь перейдем собственно к предмету социологии и социокультурному портрету.

«Основные вопросы социологии», как их обозначил современный классик немецкой социологии Никлас Луман [1]: «Что происходит?» и «Что за этим стоит?». В контексте столь различных вопросов всегда трудно было сохранить «единство предмета» [1, с.27] социологии.

В итоге, социология стала приближаться к своему предмету двумя путями: с одной стороны – «позитивистски», с другой – «критически».

При этом, по остроумному замечанию Никласа Лумана, любая попытка выстроить на основании этого различия единую теорию общества приводила к парадоксу: и эта – позитивистская, и обратная – критическая – стороны предмета, представляемые и как «манифестированные» и как латентные структуры, должны были бы предстать «как одно и то же» [Там же].

Этот контекст позволяет показать, как могут функционировать теории общества, которые могли бы соответствовать и научным и общественным запросам.

Для ясности своей теоретической позиции приведу достаточно актуальный пример.

В феврале 2007 года в Тюменской областной думе состоялись открытые слушания по защите результатов исследования «Социологический портрет Тюменского региона». На подобного рода слушаниях в Тюменской областной думе присутствуют представители Тюменской областной Администрации, в частности – в этот раз был Сергей Михайлович Сарычев, заместитель Губернатора Тюменской области и официальный Представитель Губернатора Тюменской области в областной Думе. Он – кандидат социологических наук.

С содокладами по «Социологическому портрету Тюменского региона» выступали: депутат Тюменской областной думы, ректор Тюменского государственного университета, д.ф.н., профессор Г.Ф. Куцев и присутствующая здесь на нашей конференции заведующая социологической лабораторией ТюмГУ, д.с.н., профессор Г.Ф. Ромашкина. Результаты исследования, представленные профессорами Г.Ф. Куцевым и Г.Ф. Ромашкиной, вызвали далеко не однозначную реакцию.

По сути дела, в этой дискуссии столкнулись лоб в лоб два противоположных подхода, которые Никлас Луман обозначил как «критический» и как «позитивистский»¹, по сути дела представляющие две различные школы социологов. Дело в том, что, как это я понимаю, первая социологическая школа – это направление, которое можно обозначить как «социокультурное», указывающее на недостаточное внимание на социальный и культурный статусы и функции региона. Это направление представляет присутствующий здесь член-корр. РАН, д.ф.н., проф. Николай Иванович Лапин, который и придумал свою новую концепцию – социокультурный портрет региона.

Другую социологическую школу, которая сегодня доминирует во властных структурах, я бы обозначил как «прагматически-утилитарную», опирающуюся, в основном, на команды полевиков – «социологов в погонах», представляющих в Тюменской области филиалы ФОМа и ВЦИОМа, фактически монополюльно проводящих в

¹ «С самого начала своего академического пути социология приближалась к своему предмету двумя путями: позитивистски и критически» – Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим стоит?» ... С. 27.

области широкомасштабные социологические исследования. Конкурирующие различные социологические школы представляют власти и конкурирующие социальные контексты региональных субъектов.

При этом очень важно то, что действие, которое надо объяснить, структурно задано тем или иным различным социальным контекстом.

Более того, контекстуальные различия отражаются также и в том, как соотносятся общество и результаты исследований. Проблема здесь та же самая: в ответе на вопросы: «*Что происходит?*» и «*Что за этим стоит?*». Здесь также есть факты, представленные «сырыми данными», и есть «скрытый мир взаимосвязей», который «делается зримым только путем анализа данных».

Наконец, имеются ещё и локальные (территориальные) контексты социологических исследований, которые, в свою очередь, также требуют адекватной интерпретации «общественного значения фактов».

Таким образом, мы имеем целый спектр конкурирующих социальных контекстов региональных субъектов, подвергающихся социологическому исследованию по той или иной технологии и анализу определённого типа. Я бы сказал, что все эти контексты по-разному «переплетаются» в социокультурном портрете региона.

Как всё это представлено содержательно в Типовой методике социокультурного портрета региона?

Напомню, что содержательно социокультурный портрет любого региона по методике профессора Н.И. Лапина включает в себя семь разделов: 1. Регион как социокультурная территориальная общность. 2. Население, его этнокультурные, социальные особенности. 3. Уровень жизни и социальное самочувствие населения. 4. Культурный потенциал населения и его использование для инновационного развития региона. 5. Мотивация трудовой деятельности и экономическая активность. 6. Социальная стратификация и мобильность. 7. Государственное регулирование и самоорганизация в сфере социальной и культурной жизни региона. В качестве основы сравнительного анализа различных регионов задаётся измерение четырех составляющих социального самочувствия населения: степень их защищенности от главных опасностей; степень самостоятельности их жизнедеятельности; степень удовлетворенности своей жизнью в целом; степень оптимизма в оценке ими своего настоящего будущего.

По всем этим позициям социологи Тюменского государственного университета, при нашем активном содействии – содействии Тюменской областной Думы, провели в 2006 г. масштабный опрос во всех трёх субъектах региона: юга Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Опрошены 4016 человек (по схеме интервью, разработанного Н.И. Лапиным), а также 90 экспертов по анкете эксперта*.

Собран и систематизирован статистический материал, характеризующий развитие Тюменской области и определено то важное место, которое она фактически занимает в Российской Федерации. Опубликованы первые результаты Тюменского портрета [2; 3].

В своём выступлении я бы хотел особо остановиться на конкурирующих социальных и политических контекстах региональных субъектов, которые, как мне кажется, всё же не даёт методика профессора Н.И. Лапина.

Я считаю, что в этой методике должны быть описания действий («что происходит») и контексты этих действий («что за этим стоит») первых лиц – руководителей (лидеров) регионов.

* Полевые исследования в Тюменском регионе и анализ их результатов выполнены сотрудниками кафедры экономической социологии и социологической лаборатории ТюмГУ (зав. каф. экономической социологии, д.с.н., проф. В.В. Давыденко, зав. соц. лаб., д.с.н., проф. Г.Ф. Ромашкина и др.).

Полагаю, всем присутствующим на третьей Всероссийской научно-практической конференции «Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России» будет интересно узнать, как и почему Сергей Собянин – губернатор Тюменской области в период 2000-2005 гг. был назначен руководителем администрации президента Российской Федерации; как развивалась Тюменская область до выборов нового губернатора в 2000-м году, что происходит в ней теперь – после назначения в 2005-и году нового губернатора Владимира Якушева и главное – что ожидает Тюменскую область хотя бы в ближайшем будущем – до 2010 года? Некоторые ключевые проблемы в концентрированном виде можно представить.

К 2000 году, когда губернатором Тюменской области был ещё Леонид Рокецкий, отношения между администрациями Севера (двух автономных округов) и Юга области осложнились до предела. Лидеры ХМАО и ЯНАО искали кандидата, который смог бы победить на выборах тогдашнего первого тюменского губернатора Леонида Рокецкого. Их поддерживало большинство нефтяных компаний, работающих в регионе, исключая ТНК, которая делала ставку на Леонида Рокецкого, возглавлявшего тогда совет директоров этой компании. Леонид Рокецкий считался человеком «Альфа-групп» и руководителем её же нефтяной компании ТНК. К этому времени у Леонида Рокецкого обострились отношения с хозяевами нефтегазовых «северов» — ХМАО и Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). В то время как у «северян» Сергей Собянин имел репутацию человека хотя и «незаметного, не слишком публичного», но зато «надёжного». Не испытывавшие особого желания бросать свои территории главы ХМАО и ЯНАО Филипенко и Неёлов решили, что Собянин будет оптимальным кандидатом. К тому же у него сложились хорошие отношения с «нефтяными генералами». Так, доверенными лицами Сергея Собянина в то время стали генеральный директор «Сургутнефтегаза» Владимир Богданов, глава «Сургутгазпрома» Юрий Важенин, а также тогдашний депутат Госдумы, а ныне и.о. президента "Сибнефти" Александр Рязанов. Консолидированная поддержка северной нефтегазовой элиты и успешно проведенная избирательная кампания позволили Сергею Собянину одержать убедительную победу уже в первом туре выборов. И если в середине 1990-х, при губернаторе Леониде Рокецком, имели место даже открытые конфликты как между административными элитами области и округов, так и между корпоративными элитами, то с приходом нового губернатора Сергея Собянина отношения между Севером и Югом из конфликтного были переведены в конструктивный диалоговый режим – в том числе в рамках Совета губернаторов с участием глав всех трёх субъектов Федерации. При этом в Тюменской области, в отличие от других регионов, почти не пострадали интересы бизнес-структур, поддерживавшие проигравшего кандидата.

Политика отказа от жёстких конфликтов с региональной политической и экономической элитами привела к тому, что переутверждение Сергея Собянина в качестве губернатора Тюменской области в начале 2005 года по новому закону, предусматривающему отказ от прямых выборов глав регионов, прошло без особых проблем. Вопрос о доверии к себе как губернатору Сергей Собянин поставил перед президентом за год до истечения срока своих полномочий. Голосование в областной думе прошло триумфально: за – 24, против – 1.

Я хотел бы особо подчеркнуть успешность работы Сергея Собянина в качестве губернатора Тюменской области. Все те новации, которые президент В.В. Путин стал проводить в России, в том числе те, которые называют сейчас национальными проектами, так или иначе за два-три года до этого проходили «обкатку» в Тюменской области. А именно: это введение новой структуры местного самоуправления, переход на подушевое нормативное финансирование школ, медицинских учреждений – всё было осуществлено Сергеем Собяниным в регионе несколько лет назад, а монетизация

льгот прошла задолго до принятия соответствующего федерального закона. Многие элементы проводимых в Тюменской области преобразований, например одноканальное финансирование медицины или принцип «деньги за учеником», были использованы уже в современных путинских национальных проектах.

Тюменский регион вообще позиционировался как лидер по проведению реформ в сферах ЖКХ, здравоохранения, образования. Так, в ЖКХ была проведена работа по ликвидации посредников: электролинии, теплосети и трансформаторные станции были переданы энергетикам. Средства на оплату коммунальных услуг гражданам, имеющим право на льготы, стали начисляться на квартал вперёд на персонифицированные социальные счета. В итоге удалось повысить инвестиционную привлекательность ЖКХ, в которое из внебюджетных источников только в 2004 году было вложено 1 млрд. руб. В свой актив Тюменская областная администрация записала снижение аварийности в сфере ЖКХ. С 2005 года в Тюменской области стал реализовываться принцип одноканального финансирования медицинской помощи, оказываемой в рамках территориальной программы государственных гарантий. Медицинские организации финансируются за счёт средств обязательного медицинского страхования по всем статьям расходов, за исключением оплаты коммунальных расходов и капитального ремонта. Это позволило стабилизировать финансовое положение организаций здравоохранения, проводить единую тарифную политику в системе обязательного медицинского страхования, а также обеспечить рациональное использование кадровых и материально-технических ресурсов и повысить заработную плату работникам здравоохранения. В практику был введён лист учёта оказанных медицинских услуг по конечному результату. Заполняя этот лист, пациент давал оценку оказанным ему медицинским услугам. По итогам «оценочных» листов проводилась внутриведомственная экспертиза качественной медицинской помощи, оказываемой в том или ином учреждении. По словам Сергея Собянина, в Тюменской области каждый пациент сам выбирает себе ту поликлинику или больницу, которая ему нравится. Без подписи счёта пациентом страховая компания не принимает оплату.

В сфере образования в Тюменской области были ликвидированы шестидневная учебная неделя и учёба в две смены – за счёт ликвидации "региональных" предметов, которые составляли около 20 % нагрузки школьников. Школы Тюмени были переведены на нормативное финансирование, то есть деньги пошли конкретно за учеников и стали приходиться в школу, не исходя из сметы расходов и штата. Переведена на другую систему оплата труда и внутри школы. Так, учитель стал получать деньги от количества учащихся в классе. 18 % от дополнительного дохода учителя получили уже не за счёт бюджета, а за счёт оптимизации внутреннего расписания, уменьшения ненужных затрат. Средняя заработная плата педагогов в Тюменской области – от 6 до 10 тысяч рублей, работников здравоохранения – от 9 до 15 тысяч рублей в зависимости от его квалификации.

Сергей Собянин предложил также федеральному центру новые модели реализации социальных реформ, наиболее болезненных из всех реформ, но без серьёзных негативных социальных последствий, которые являются наиболее существенными рисками, объективно носящими политический характер. Возможно, что успехи Сергея Собянина в Тюменской области как одного из "локомотивов реформ" сыграли свою роль в назначении его руководителем администрации президента, а также и в назначении нового губернатора – 37-летнего Владимира Якушева, самого молодого главы региона в России, который был выдвинут по инициативе Сергея Собянина.

Важно подчеркнуть, что Сергей Собянин был одним из главных разработчиков административной реформы, связанной с разграничением полномочий между различными властными структурами (вместе с Дмитрием Козаком), в том числе и в рамках

так называемых «матрешечных» субъектов Федерации, к которым относится и Тюменская область. Согласно новому законодательству, Юг (Тюмень) получил право формирования консолидированного бюджета области, включая и автономные округа.

В итоге, всё это вызвало достаточно адекватное восприятие со стороны "северных" элит, которые помогли Сергею Собянину как прийти к руководству регионом, так и красиво уйти – на повышение.

Однако следует заметить, что всё это происходило достаточно непросто. В ситуации после выборов Сергей Собянин повёл себя весьма осторожно. В феврале-марте 2004 года он и губернатор ЯНАО Юрий Неёлов подписали протоколы о намерениях, согласно которым оба субъекта Федерации (юг области и ЯНАО) готовы вести переговоры как об экономической интеграции, так и об административно-политическом объединении. В свою очередь, администрация Тюменской области обещала сохранить в 2005 году всей действующие в ЯНАО северные льготы и надбавки.

Отношения же между югом области и ХМАО оказались значительно сложнее – руководство округа было настроено более жестко и не собиралось расставаться со своими правами. Немаловажны также и экономические ресурсы югорского региона, которые позволяли элите ХМАО считать, что если объединение и возможно, то под руководством скорее её округа, а не куда более бедного «аграрного» юга.

В этой ситуации Сергей Собянин не пошел на обострение противоречий, которые угрожали дестабилизацией политической ситуации в регионе. Он помнил опыт Рокецкого, которому политический конфликт стоил губернаторства. В результате в июле 2004 года был подписан компромиссный договор о разграничении полномочий между всеми тремя составляющими тюменской «матрешки». Округа по этому договору сохраняли свои полномочия, в их бюджетах оставались все доходы от налогов, которые собирались на их территории. Более того, область оставила ЯНАО и ХМАО доходы от федеральных налогов. Срок действия договора истекает 31 декабря 2010 года, причём документ может быть пролонгирован на пять лет: тем самым, элитам давалось понять, что в среднесрочной перспективе статус-кво в регионе сохранится. Таким образом, параметры договора в большей степени устраивали север. Однако и юг области тоже получил многое взамен.

Во-первых, в областной бюджет перешли «положенные» регионам 5 % НДПИ (эти проценты составили почти половину бюджета юга области).

Во-вторых, в областной бюджет перешёл налог на прибыль в размере 29,5 % для финансирования общеобластных программ, которым Сергей Собянин придавал особое значение. Речь шла о большой комплексной программе интеграции, которая стала «реализовываться в жизни». В рамках областного бюджета была создана специальная статья с достаточно большими финансовыми ресурсами, которые смогли обеспечить целую серию областных программ. Сергей Собянин получил возможность для того, чтобы постепенно увеличивать финансовое влияние на регионы. А пользоваться этим инструментом стал его преемник – Владимир Якушев, самый молодой глава региона в России.

Ранее Владимир Якушев работал в Запсибкомбанке, а на губернаторских выборах 2001 года был доверенным лицом Сергея Собянина (у банка сложились непростые отношения со структурами, близкими к Рокецкому). Преемником Сергея Собянина стал «северянин», что устроило элиты автономных округов. Владимир Якушев продолжил политическую линию прежнего губернатора. Таким образом, в управлении Тюменской областью стал проводиться принцип преемственности и компромисса.

В Тюменской области имеется и другое конструктивное согласие – между местными корпоративными (преимущественно нефтегазовыми) и административными элитами. В общерегиональном масштабе данный регион в широком его понимании (то

есть Тюмень с нефтегазовыми округами) явно отличается повышенной управляемостью избирательного процесса. Более того, тюменская и «окружные» элиты весьма позитивно восприняли приход в Кремль их представителя – Сергея Собянина.

В целом же Тюменская область, несомненно, является самым сложным для анализа из всех сложносоставных субъектов Российской Федерации. Это объясняется и её экономической значимостью для страны в целом, и огромной неравномерно заселенной и освоенной территорией с массой локальных групп интересов, и крайней закрытостью как большинства местных политических элит, так и подразделений работающих в регионе корпораций. Главная уникальность тюменской «матрешки» состоит в том, что, во-первых, в неё входят одновременно три субъекта Российской Федерации, а во-вторых (что отличает ее от других аналогичных регионов), автономии по экономическому потенциалу превосходят «материнскую» Тюмень, чьи ресурсы и полномочия ограничены южным ареалом. На территории "большой" области (с автономными округами) добывается более 67 % нефти и 91 % естественного газа от общей добычи в стране. Основные запасы углеводородов сосредоточены в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, но в последние годы и на юге Тюменской области появился новый нефтедобывающий район.

Тем не менее, южная часть области и по структуре экономики, и по составу населения, и по образу жизни более похожа на своих соседей по лесостепному Зауралью, чем на входящие в неё округа, поэтому вопрос отношений с округами для области всегда был вопросом экономического благополучия как её населения, так и её руководства.

В заключение я хотел бы сказать об институциональных возможностях губернаторов территорий влиять на корпорации. Они резко снизились из-за реформ 2000-2004 годов, когда были введены принципы «двух ключей» в недропользовании и новая схема избрания глав регионов. В самом уязвимом положении находится администрация Ямало-Ненецкого АО, практически монозависимая от позиций одной структуры – «Газпрома». Являвшиеся в течение определенного времени основами её социально-экономического и политического благосостояния так называемые «независимые газопроизводители» (НоваТЭК, Итера, Нортгаз) в 2006-2007 годах были фактически возвращены под контроль «Газпрома».

Представленные на севере Тюменской области нефтяные компании играют сегодня существенно менее важную для экономики округа роль и также находятся в настоящее время под государственным контролем (это «Роснефть» и «Газпромнефть»). Частный же «ЛУКОЙЛ» только начинает работать в округе и объемы его присутствия в ЯНАО крайне невелики. Компания ТНК-ВР также в целом представлена в ЯНАО незначительно.

Несколько более благополучно положение администрации ХМАО за счет более полицентричной экономической картины. Представленность в округе целого ряда крупных нефтегазовых компаний (ЛУКОЙЛ, ТНК-ВР, «Сургутнефтегаз», «Роснефть», «Газпромнефть», «Газпром», «Транснефть», «Русснефть», «Сибур») дает администрации округа определенные возможности для лавирования между ними. В этом смысле руководство Тюменской области, с одной стороны, всегда было в большей степени "хозяином" своей территории (особенно сельских районов), с другой – традиционно прямо зависело от экономического «дележа» с ними округов, и использовало свои политические связи в центре преимущественно для лоббирования своих интересов в отношениях с богатыми округами. Главными представленными в Тюменской области корпорациями являются «Транснефть» и «Газпром», менее значима роль ТНК-ВР и «Сибура».

Взаимоотношения в «тюменском треугольнике» всегда создавали возможность для сложных интриг и политического торга, обеспечивающих лояльность элит всех трёх регионов федеральному центру. Контроль за региональными элитами для федерального центра имел как экономическое, так и политическое значение. Все три региона всегда считались электоральным оплотом федеральной власти.

В 2004 г. был заключен Договор между органами государственной власти юга Тюменской области, ХМАО и ЯНАО, целью которого стало обеспечение экономического развития и социального благополучия населения Тюменской области и автономных округов. Особое место в формировании единого экономического пространства занимает областная целевая программа "Сотрудничество", разработанная и реализуемая совместно с автономными округами с целью дальнейшего развития интеграционных процессов. Договор был заключен на пять лет, и, несомненно, с окончанием срока его действия в 2010 году проблему взаимоотношений Тюменской области и входящих в неё ЯНАО и ХМАО предстоит вновь решать.

Каков мой прогноз на будущее?

То, каким будет формат дальнейших взаимоотношений составляющих Тюменскую область территорий, определяют, в том числе, отношения депутатов трех Дум.

Несомненно, что экономическое благополучие Тюменской области во многом и далее будет определяться теми налоговыми поступлениями от добычи нефти на ее территории, которые она сегодня имеет; политическое благополучие – бесконфликтными отношениями высших элит; наконец, социально-экономическое благополучие жителей региона, его местного и приезжего населения – оптимальным сочетанием эффективных действий элиты в сферах региональной политики и региональной экономики.

Литература

1. Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим стоит?» Две социологии и теория общества / Современная немецкая социология: 1990-е годы / Под ред. В.В. Козловского, Э. Ланге, Х. Харбаха. – СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002. – С. 27 – 50.
2. Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». Редколлегия: В.А. Давыденко, В.В. Мельник, Г.Ф. Ромашкина. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – Ч. 1, 2.
3. Социологический портрет Тюменского региона / Авт. колл.: Л.А. Беляева, Г.С. Корепанов, Г.Ф. Куцев, Н.И. Лапин и др. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2007.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В РОССИИ И В РЕГИОНАХ*

Довольно длительный период, который прошла страна с начала 90-х годов прошлого века, когда началось активное реформирование экономики и смена институциональной системы общества, привел к глобальным изменениям в материальной дифференциации и социальной стратификации общества, и связанным с ними симптомам культурного шока. Появившиеся и укоренившиеся новые формы собственности и институциональные практики привели к рождению качественно нового для современной России имущественного и социального расслоения, новых организационных и трудовых отношений.

Период реформ характеризуется не линейным протеканием процессов, а спадами и подъемами, вызываемыми различными обстоятельствами, результатом стало резкое материальное и социальное расслоение населения в беспрецедентно короткий период времени и изменение социальных статусов, ролей, социального самочувствия отдельных групп и слоев общества.

Сегодня, спустя 15 лет, общество уже структурировано по разным материальным и социальным слоям, каждый из которых приобретает свое лицо, вступает в мобильные связи с соседними слоями, обеспечивая (зачастую ограниченную) социальную мобильность общества. За этот период произошли такие институциональные изменения в отношениях собственности, которые вызвали сокращение роли государства в экономике, в поддержке социальных отраслей и социальной обеспеченности неработающих членов общества.

Российские социологи отозвались на возникшие социальные изменения эмпирическими исследованиями разного уровня обобщения и с использованием разных методологических подходов. Довольно много проектов посвящено отдельным социальным группам и слоям общества, но лишь ограниченный круг специалистов изучает строение общества в целом, используя при этом эмпирический материал [4; 10; 13; 14].

Вместе с тем, социологи недостаточно исследуют проблемы материального расслоения российского общества, которые больше изучаются экономистами, социогеографами, при этом собственно социологический материал используется этими специалистами только факультативно [6].

В данной статье будут реализованы два подхода к изучению строения общества – по материальному уровню и по социальной стратификации, которая не идентична материальному расслоению. При этом привлекаются такие источники эмпирических данных, как репрезентативный социологический опрос населения России, проводимый ЦИСИ ИФ РАН, опрос населения Тюменского региона по Типовой методике составления социокультурного портрета региона [12] и данные официальной статистики. Эти и некоторые другие аспекты социокультурного портрета Тюменского региона, рассмотренные в общероссийском контексте, представлены в статье авторов методики портрета и социологов из Тюмени [4].

* Доклад подготовлен в Институте философии РАН в рамках проекта «Единство и дифференциация социокультурного пространства России». Проект выполняется при поддержке РГНФ (грант № 05-03-03075а).

Материальное расслоение в современной России

Современное состояние российского общества характеризуется несколькими видами социального неравенства, среди которых *материальное неравенство* представляется, на первый взгляд, наиболее очевидным и доминирующим по своей значимости. Оно действительно очень важно, но оно не столь очевидно и прозрачно, как может показаться на первый взгляд. Материальное неравенство может описываться в различных показателях: по уровню дохода, финансовому капиталу, по наличию собственности – производственной и непроизводственной, в том числе жилья и земли, товаров длительного пользования, предметов роскоши и т.д., а также характеризоваться субъективными показателями. В нашей методике самим респондентам предлагалось оценить свою жизнь по нескольким параметрам. Разумеется, это субъективное восприятие своей жизни, тем не менее многомерность оценок, заложенных в бланке интервью, позволяет приблизиться к некоторым обобщенным и достаточно достоверным результатам, на которые можно ориентироваться в оценках социальных результатов реформ для населения страны в целом и для отдельных групп.

Преимущества социологических опросов по этой проблеме состоят в том, что никто лучше самого человека не может оценить свой уровень жизни, исходя из социальных сравнений, обстоятельств своей жизни, представлений и ориентаций. Убеждает в достоверности полученных результатов и то, что данные всех пяти опросов в рамках мониторинга вполне сопоставимы между собой и аналитически объяснимы, т.е. не происходит «шараханья» из крайности в крайность, а наблюдается вполне адекватное и инертное восприятие тех или иных проблем, которые не относятся к разряду чрезвычайных событий.

В статье, опубликованной во второй части сборника выступлений на Тюменской конференции, довольно подробно были проанализированы проблемы материального расслоения населения России. В их числе проблемы бедности, когда социальные характеристики бедных ясно говорят о том, что самостоятельно преодолеть свое критическое положение эти люди не могут, и это порождает социальную эксклюзию и наследственную бедность в этих семьях. Рассмотрено существование значительной по численности группы респондентов, у которых жизнь довольно стабильна, но оказалось, что это стабильность бедности и необеспеченности, выход из которых может быть связан, с одной стороны, с помощью государства этим слоям, а с другой – в более динамичном развитии экономики, в частности малого и среднего предпринимательства [1].

В этой статье я остановлюсь преимущественно на проблемах структуры материального неравенства и социальной стратификации и соотнесения этих структур.

Динамика материального расслоения в 1990 – 2006 гг.

В начале мониторинга, в 1990 г., самооценки уровня жизни были очень низкими. Половина населения считала, что стала жить хуже, чем в прошлом году. Затем последовало некоторое улучшение ситуации в 1994 г., но затем вновь в 1998 г. провал позитивных и в меньшей степени стабильных оценок (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменилась ли жизнь Вас и Вашей семьи по сравнению с прошлым годом? (% от числа опрошенных)

	1990	1994	1998	2002	2006
<i>Стали жить лучше</i>	14	21	15	25	31
Ничего не изменилось	31	36	33	48	51
Стали жить хуже	50	42	49	25	14
Затрудняюсь ответить, отказ от ответа	5	1	3	2	5

Причем исследование было проведено до финансово-экономического кризиса 1998 г., но уровень инфляции, невыплаты зарплат накануне него были столь высоки, что реальные доходы семей значительно снизились. В 1998 г. опять, как в 1990 г., половина населения отметила, что стала жить хуже по сравнению с прошлым годом. Россияне с большим трудом приспосабливались к тем новым условиям существования, которые предлагались элитой. Этим настроениям соответствует и высокий уровень незащищенности от бедности в 1998 г. (77 % опрошенных эту опасность считали основной).

Перелом фиксируется в исследовании 2002 г., когда резко, в 2 раза, снизилась доля отметивших ухудшение жизни и значительно возросло число людей, указавших на улучшение своей жизни по сравнению с прошлым годом. В 2006 г. эта тенденция подтверждает свою устойчивость: улучшение жизни фиксируют уже 31 %, а ухудшение – только 14 %. Половина респондентов отмечает стабильность своего материального положения.

Во Всероссийском мониторинге ЦИСИ на протяжении 1994–2006 гг. (в 1990 г. этот вопрос в интервью отсутствовал) замерялись самооценки материального положения населения. Региональные данные по Тюменской области относятся к 2006 г. (см. табл. 2).

В первое десятилетие реформ в России обращает на себя внимание 1998 г., когда резко выросла группа, отнесенная нами к «нищим» – самому бедному слою: почти четверть населения идентифицировала себя с таким уровнем жизни. Сюда переместились многие представители трех последующих, более обеспеченных слоев. В 1998 г. произошла своего рода массовизация бедности в самых крайних проявлениях. Особенно интенсивно вымывался 4-ый слой лиц, названных в таблице «обеспеченными». К этому году оказались исчерпаны ресурсы, которые были накоплены населением за социалистический период. Кроме того, появилась более трезвая оценка характера перемен, произошла своего рода «расколдованность» от тех обещаний, которые давались реформаторами в первые годы реформ. И именно к 1998 г. был сформирован слой состоятельных граждан – около 11 % населения России отмечали, что имеют достаточные доходы для безбедной жизни (5-й и 6-й слои).

Позже, в 2002 г. и особенно в 2006 г., отмечается переломом в тенденциях материального расслоения и социального благополучия населения. Теперь уже не убедительно звучит широко распространенное мнение, что основной характеристикой современного общества является расслоение на большинство бедных и меньшинство богатых. Процессы дифференциации в последние годы более сложные по своей направленности. Наблюдаются две новые положительные тенденции – уменьшение численности бедных и рост доли обеспеченных граждан. В условиях легитимации неравенства и усиления дифференцирующих практик эти положительные тенденции могут быть объяснены только все более развивающейся в обществе адаптацией к переменам и выходом на авансцену экономики новых поколений. Они прошли социализацию в годы реформ, привержены ценностям достижения и индивидуализма, для них сформированная в России своеобразная рыночная среда является естественной, а занятость во многих секторах частного сектора престижной и экономически выгодной¹.

¹ Известно, что помимо заработной платы многие работники частного сектора получают доходы в виде премий, бонусов, страховых и т.п. Если даже не учитывать эту часть доходов, а опираться только на данные статистики, то видно, что в 2004 г. заработная плата, превышающая 5 800 руб., была начислена 44% работников частных предприятий и только 30 % – государственных и муниципальных. (См. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. М., 2005. С. 155.)

Самооценка материального уровня населения России и Тюменской области
(% от числа опрошенных)

	Россия				Тюменская область	Материальные слои
	1994	1998	2002	2006	2006	
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	6,9	24,2	13	11	9	«нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31,0	29,0	23	22	13	«бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28,9	20,5	30	21	16	«необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22,4	14,4	22	29	31	«обеспеченные»
5. Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	6,7	9,5	11	9	25	«зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	1,1	1,4	1	2	5	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3,0	1,2	—	6	2	
Всего	100	100	100	100	100	

Материальное положение жителей Тюменского региона по самооценкам и по объективным показателям значительно лучше, чем в среднем по России. Численность самых бедных («нищие» и «бедные» в табл. 1) меньше на 11 %, доля необеспеченных меньше на 5 %. Зато благополучные в материальном отношении жители составляют большинство – 61 %, тогда как в среднем по России их доля не дотягивает до половины (40 %).

Те характеристики уровня жизни, которые были заложены в шкале, а также социальное самочувствие представителей материальных слоев дают основание разделить в настоящее время население России, в том числе и Тюменского региона, на четыре слоя и наглядно увидеть различия (см. рис. 1). Нижний слой составляют «нищие» и «бедные» (см. табл. 2) – те, кто находится в очень тяжелом материальном положении. Опросы показывают, что это слой с очень низкими показателями социального самочувствия и минимальными ресурсами развития. Слой «необеспеченных» занимает промежуточное положение и отличается от первого слоя немного более позитивным социальным самоощущением; слой «обеспеченных» – те, кто уже достиг приемлемого уровня жизни, численно в последние годы очень быстро растет. Самый верхний слой объединяет наиболее успешных («зажиточные» и «богатые»). В целом по России этот слой количественно стабилен с 1998 г., когда он был сформирован. Сравнение данных 2006 г. по России в целом и по Тюменскому региону четко демонстрирует более высокий уровень жизни населения области.

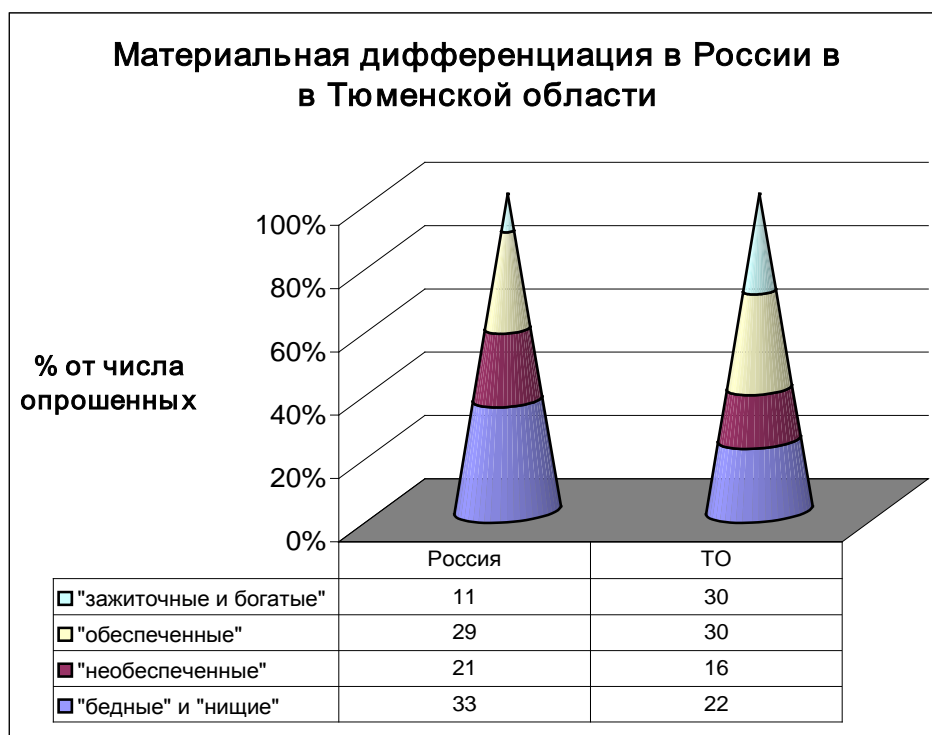

Рис. 1.

И вообще в дифференциации материального положения населения Тюменского региона общества наблюдаются существенные отличия от процессов, происходящих в России в целом. В России восходящая мобильность локализована преимущественно в средней и нижней частях имущественной пирамиды, а верхний слой устойчив, закрыт для проникновения, сохраняет значительную социальную дистанцию со всеми другими имущественными слоями и концентрирует в своих руках все большую долю материальных ресурсов. В Тюменской области более активно расширяется слой богатых и зажиточных, слой обеспеченных совпадает по численности с общероссийскими данными, а слой необеспеченных и бедных значительно тоньше. Одновременно в Тюменской области существуют значительные отличия в материальной дифференциации населения по субъектам федерации (см. табл. 3).

Таблица 3

Самооценка материального положения населения Тюменской области. 2006 г.

Материальное положение	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО	
Денег не хватает на повседневные затраты	10,1	10,3	8,0	Нищие
На повседневные затраты уходит вся зарплата	14,7	14,2	14,4	Бедные
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднит	18,5	15,8	15,0	Необесп.
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов надо брать в долг	32,0	28,7	29,7	Обеспеч.
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры	20,7	26,2	26,9	Зажит.
Практически ни в чем себе не отказываем	3,3	4,9	6,0	Богатые
Не знаю, отказ от ответа	0,6	0	0,1	

В двух северных округах – ХМАО и ЯНАО – зажиточных и богатых по самооценке соответственно в 1,7 и 1,4 раза больше, чем на юге области, а также ниже доля плохо обеспеченных жителей.

Обратим внимание на слой зажиточных и богатых в России и в Тюменском регионе. В целом по России он стабилен в последние 8 лет, его представители чувствуют себя очень комфортно в стране, не опасаются за свое будущее и успешно аккумулируют материальные средства в своих руках. В Тюменском регионе этот слой имеет сходные с общероссийскими социальными характеристиками, но он в 3 раза шире, чем в среднем по России. И это является отличительной особенностью Тюменской области. Разумеется, в этом слое есть своя элитная прослойка, которая значительно богаче, чем остальные представители этого слоя.

Если воспользоваться определяемым в статистике коэффициентом фондов¹, то можно увидеть, что у 10 % верхнего имущественного слоя продолжается концентрация доходов. В 2000–2005 гг. коэффициент фондов по России повысился с 13,9 до 14,8 раз, и это произошло несмотря на усилия по увеличению доходов бедных слоев населения. Коэффициент Джини² за этот же период увеличился с 0,397 до 0,405 [9; 11]. В Тюменском регионе коэффициент фондов в 2002 г. составлял 20,3 раз (в том числе в ХМАО – 18,7 в ЯНАО – 18,2), уступая только Москве (51,0 раз); коэффициент Джини – 0,448 [8] (в том числе в ХМАО – 0,437, в ЯНАО – 0,434). Данные по Тюменскому региону подтверждают общую тенденцию: при большей развитости и динамизме региона и более высоком среднем уровне доходов населения, в регионе растет экономическая дифференциации, и наоборот, – там, где не развивается экономика и застой в деловой жизни и бизнесе, там и доходы распределяются более равномерно. Здесь действует уравнительное распределение, в том числе за счет социальных трансфертов, рыночные факторы расслоения действуют более сглажено [2].

Материальный уровень жизни тесно связан с отраслевой структурой занятости в регионе, а в регионах, подобных Тюменскому, – и с северными коэффициентами и другими выплатами в районах с тяжелыми условиями труда и жизни. Кроме того, действуют и другие факторы: например, в Тюменской области один из самых низких показателей по скрытой зарплате, включаемых статистическими органами в статью «другие доходы». В 2002 г. они были оценены только в 15,6 % всех доходов, тогда как по России в целом – 26,6 % (а в Москве, например, – 43,1 %) [8].

Кроме того, Тюменская область отличается соотношением численности пенсионеров и работающих. Если в целом по России на одного пенсионера приходится 1,7 работающих (а в отдельных регионах и того меньше), то в Тюменском регионе 3,03, в том числе в ХМАО – 4,1, в ЯНАО – 4,53 работающих [8, С.133,134]. Такое соотношение положительно влияет на средний уровень жизни в регионе, измеряемый и по статистическим данным, и по субъективным оценкам населения.

Впрочем, сравнивая доходы по абсолютным цифрам, нужно иметь в виду разную стоимость жизни в регионах Тюменской области, как и по России в целом. Немного скорректировать эти сравнения можно при сопоставлении среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума в регионах. В 2002 г. это

¹ Коэффициент фондов характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов/зарботной платы 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами/зарботной платой.

² Коэффициент Джини характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы/зарботная плата.

соотношение составляло 531,3 % в ХМАО и 531,3 % в ЯНАО [8, С.149], что также значительно превосходит средние показатели по России.

Динамичное развитие экономики Тюменского региона определяет его высокое место в общероссийском рейтинге по среднедушевым денежным доходам населения (3-е место после Москвы и Чукотского АО), среднедушевым денежным расходам (2-е место после Москвы) и первое место по среднемесячной начисленной заработной плате.

Но по другим показателям материального благосостояния и материального расслоения: среднему размеру назначенных пенсий, соотношению средней пенсии и средней заработной платы, обеспеченности жильем, доле ветхого и аварийного жилого фонда и другим, которые предполагается отразить в социокультурном портрете, – Тюменская область уступает многим регионам России. Таким образом, социокультурный портрет каждого региона России должен отражать специфику материального расслоения населения, проанализированную по нескольким показателям. Эти показатели вместе с такими, как качество и доступность медицинской помощи, развитость системы общего и специального образования, социальной и транспортной инфраструктуры и т.д., отражают качество жизни в регионе, его привлекательность как места постоянного жительства.

Когда в большинстве регионов будет подготовлен свой социокультурный портрет, возможна будет их типологизация по уровню и качеству жизни, а также структуре материального расслоения.

Социальная стратификация российского общества

При всей остроте материальной дифференциации населения не менее значима, а в долгосрочном и глубинном смысле и более важна *социальная стратификация общества*, которая образуется не только по материальному уровню жизни, но и по месту индивида в *социальном пространстве*, которое определяется не только материальными критериями.

Социальное пространство, по П. Бурдьё, состоит из реального положения (позиции) в нем индивида и его представления о своем положении (диспозиции), в соответствии с которым он организует и преобразует это пространство. Социальное пространство объединяет множество полей, в каждом из которых индивид занимает определенную позицию. Для идентификации места индивида или группы в социальной стратификации важнейшими полями являются социально-политическое, социально-экономическое и социокультурное. Эти поля взаимно пересекаются и на них проецируется место индивида или группы в социальной иерархии.

Для каждого поля можно определить группу критериев, которые его репрезентируют. Это позволяет установить связь концептуального аппарата эмпирического исследования с его методическим инструментарием [3]. Так, *социально-политическое поле* могут характеризовать: а) обладание властью, б) выполнение управленческих функций в государственной, политической и экономической сферах и т.д.; *социально-экономическое поле* представляют: а) владение собственностью, в том числе производственной, б) управление собственностью, в) доходы, г) отраслевая занятость по секторам (первичный, вторичный, третичный), д) профессиональная деятельность, е) территория проживания и т.д.; *социокультурное поле*: а) уровень образования, б) квалификация, в) самоидентификация, г) потребности, д) интересы, е) ценности, ж) престиж, з) образ, стиль жизни и др. Для целей нашего анализа были выбраны три критерия: руководство людьми, материальный уровень жизни и уровень образования, которые репрезентируют социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное поля соответственно. Комплексная многомерная классификация позволяет построить иерархическую структуру общества, которая не идентична материальной диффе-

ренциации. Влияние всех трех признаков – материального уровня жизни, власти и образования – в разной степени подвижно, особенно в эпоху перемен.

Хорошие возможности для изучения стратификации общества, рассматриваемого как социальное пространство для деятельности индивидов и групп, открываются при использовании кластерного анализа. Именно этот подход и был нами применен в представляемом исследовании.

Все критерии были представлены в анкете в виде шкал. Так, наличие властных функций фиксировалось в ходе ответа на вопрос: имеете ли Вы на работе подчиненных? При этом отмечалось число подчиненных¹. Для оценки уровня материального благосостояния применялась шестиуровневая шкала, по которой респонденты распределялись от самого низкого уровня – «нищих» до самого верхнего – «богатых»². В фиксации уровня образования, который является свидетельством наличия профессиональной и культурной подготовки, или, по П. Бурдье, символического капитала, использовалась стандартная шкала³.

При изучении стратификации российского общества существуют две наиболее трудные проблемы. Одна из них методическая – определение минимума признаков, по которым проводится анализ, и выявлением реального веса каждого из признаков в дифференциации общества. Поэтому в эмпирическом исследовании приходится идти во многом экспериментальным путем, подбирая такое сочетание показателей, которое необходимо и достаточно для отражения этих процессов.

Вторая трудность связана с тем, что адекватное представление о социальной дифференциации всего общества можно получить только на больших выборках, подобных всероссийским микропереписям населения. Эмпирический материал, которым, как правило, располагают сегодня социологи, не позволяет анализировать проблему расслоения общества как целого, поскольку верхние слои (элита и субэлита, крупные собственники) и подлинны низы (нищие, бродяги, лица без регистрации) остаются вне досягаемости интервьюеров в подобных исследованиях.

Тем не менее, основная часть общества может быть исследована и на ограниченных по объему, но репрезентативных по основным показателям – пол, возраст, образование, тип поселения – выборках. Таким требованиям отвечает Всероссийский мониторинг, которой проводится ЦИСИ Института философии РАН, и эти же требования необходимо предъявлять региональным выборкам.

Для выделения социальных слоев была использована многомерная классификация по трем изменяющимся критериям. Вся совокупность респондентов была разделена на группы, внутри которых респонденты имели близкие характеристики, не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого. Это позволило получить кластеры – социальные слои, составляющие иерархическую структуру общества.

Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество выделенных кластеров должно равняться пяти. Во-первых, это обеспечивает достаточную дифференциацию массива и различие кластеров по характеристикам попавших в них респондентов, во-вторых, наполняемость кластеров: в самом меньшем из них в 2002 г. оказалось 6 % , а в 2006 г. 8 % опрошенных. Дальнейшее увеличение числа

¹ (1) – нет, не имею; (2) – менее 5 человек; (3) – 5–10 человек; (4) – 11–50 человек; (5) 51–100 человек; (6) – более 100 человек.

² Характеристики материального уровня жизни позволили распределить респондентов по следующим группам: (1) – «нищие»; (2) – бедные; (3) – необеспеченные; (4) – обеспеченные; (5) – зажиточные; (6) – богатые.

³ (1) незаконченное среднее, (2) среднее, (3) среднее специальное и незаконченное высшее и (4) высшее образование.

кластеров привело бы к неоправданному уменьшению их наполняемости. По характеристикам респондентов в выделенных кластерах можно заключить, что мы имеем дело с социальными слоями, различающимися между собой иерархическим местом в социальной системе, пространственной локализацией, другими объективными характеристиками, а также отношением к проводимым в стране реформам, ценностными установками, интересами.

Особенностью сформированных в результате кластерного анализа слоев является наличие центра, который отражает доминирующие черты каждого кластера. Наряду с этим в каждом из них имеется периферия, где эти черты представлены в ослабленном виде и в разных сочетаниях. Выделенные в 2002 г. кластерные центры были заданы и в анализе 2006 г., что позволяет сравнить данные по годам и увидеть, как население дифференцируется по кластерам-слоям в соответствии с заданными критериями.

Кластерный анализ в 2006 г. выполнен методом К-средних (K-Means), полученных при обработке данных исследования 2002 г. Для обеспечения сопоставимости результатов запрещались итерации, что исключало смещение заданных начальных центров. В таблице 4 приведены доминантные признаки выделенных кластеров (слоев) и их объем в 2006 г.

Таблица 4

Кластеры-социальные слои. 2006 г.
(% от опрошенных)

КРИТЕРИИ	1.ВЫСОКО-СТАТУСНЫЕ 11 %	2.ЭКСПЕРТЫ 20 %	3.РЕАЛИСТЫ 39 %	4. БЕДНЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ 8 %	5. НИЗКО-СТАТУСНЫЕ 23 %
Кластерные центры					
<i>Власть</i>	5–10 подчиненных	нет подчиненных	нет подчиненных	11 и более подчиненных	нет подчиненных
<i>Материальный уровень жизни</i>	зажиточные	обеспеченные	обеспеченные	бедные	бедные
<i>Образование</i>	высшее	высшее	среднее специальное	среднее специальное	среднее

Первый кластер количественно небольшой (11 %), но в его центре признаки обладания властными ресурсами (с числом подчиненных 5–10 человек) и символическим капиталом в виде высшего образования (законченного и незаконченного). Для этого кластера характерен и довольно высокий уровень дохода, позволяющий входить в группу зажиточных. Можно констатировать, что это высокостатусная группа населения.

Второй кластер представлен в своем центре такими признаками, которые говорят о довольно сильных социальных позициях входящих в него людей, поскольку они располагают высшим образованием и уровнем дохода, по которому их можно причислить к обеспеченным. Но у этого слоя нет властного ресурса, которым располагает первый слой, что, очевидно, сказывается на уровне дохода, который ниже, чем у первого слоя. Наполняемость этого слоя составляет 20 % от числа опрошенных. Можно назвать этот слой «эксперты».

Третий кластер, объединяющий 39 % опрошенных, близок ко второму по двум признакам: отсутствию подчиненных и уровню доходов, но в его центре располагаются

респонденты, у которых не самый высокий уровень образования – только среднее специальное. Это кластер «реалистов» – в его центре те, кто, очевидно, обладает способностями адаптации к рынку, его члены достигли неплохих материальных результатов, входя в группу обеспеченных.

Четвертый кластер в том виде, в каком он возник в 2006 г., в 2002 г. не был обнаружен. Кластер очень небольшой – всего 8 %, но отражает наличие в обществе таких руководителей, которые, по их мнению, влечат жалкое материальное существование – на уровне бедных, имеют при этом высшее образование и имеют под своим руководством менее 5 подчиненных. В кластер «бедные руководители» попали руководители из дошкольных учреждений, те, кто выполняет функции младшего медицинского и обслуживающего персонала в санитарных службах, строители-бригадиры, руководители воинских подразделений, низовых органов власти, управленцы в сельском хозяйстве и т.д. Этот кластер сохранился преимущественно на государственных предприятиях, частично на акционерных, в его составе большинство составляют женщины (62,2 %). Можно назвать этот кластер «бедные руководители».

Пятый кластер имеет в центре людей без властного ресурса, бедных и со средним общим образованием. Это группа плохо вписавшихся в рыночную экономику людей, не имеющих достаточных социальных ресурсов. Объем пятого кластера 23 %. Можно назвать этот кластер «низкостатусные», они находились на нижней ступени социальной лестницы и в социалистический период.

Таким образом, социальная стратификация современного российского общества по трем выделенным критериям графически выглядит следующим образом (рис. 2).

Рис. 2

Интересно сравнить, как изменилось с 2002 по 2006 г. наполнение одинаковых кластеров. Таких кластеров оказалось 4 (см. табл.5).

Таблица 5

Социальная стратификация российского общества. 2002, 2006 гг.
(% от числа опрошенных)

Кластеры-слои	2002 г.	2006 г.
1. Высокостатусные	6	11
2. Эксперты	20	20
3. Реалисты	38	39
4. Бедные руководители	—	8
Новые бедные	11	—
5. Низкостатусные	25	23

Численно вырос (на 5 %) верхний кластер – «высокостатусных». Устойчивы слои «экспертов» (20 %), «реалистов» (38–39 %) и «низкостатусных» (25–23 %). Можно отметить довольно высокую устойчивость социальной стратификации российского общества в анализируемые годы.

Кластерный анализ социальной стратификации населения региона целесообразно проводить только в том случае, если выборка строго соответствует составу населения по полу, возрасту, образованию, типу поселения. Только в этом случае можно получить достоверные результаты, которые действительно будут характеризовать социальное расслоение населения региона. При этом могут образовываться кластеры, которые будут отличаться от общероссийских слоев. Это самое интересное, что требует специального анализа региональных особенностей.

Анализ объективных признаков кластеров – социальных слоев показывает, что мужчины составляют большинство (63 %) в группе «высокостатусных». Наши данные вновь подтвердили, что властные функции в российском обществе – удел прежде всего мужчин. Мужчины составляют большинство и среди «реалистов», очевидно в силу того, что на 70 % этот кластер образуют рабочие. Женщин большинство среди «экспертов» и «бедных руководителей».

Анализ возрастного состава кластеров показал, что среди высокостатусных самая большая группа 25–34-летних – 31%. Сходные данные были получены ВЦИОМом в 2007 г. – было выяснено, что пик доходов приходится на возрастную группу 30–35 летних [7]. Среди «экспертов» самая внушительная группа 35–44 летних, а вот реалисты значительно старше – самая крупная группа у них 45–54 года.

То, что выделенные социальные слои не тождественны материальным слоям, хорошо видно, если сопоставить возрастной состав слоя «бедных», выделенных по материальному уровню жизни и группу «низкостатусных» (табл. 6).

Таблица 6

Возраст материального слоя «бедные» и социального слоя «низкостатусные». Россия 2006 г. (%)

Возраст (лет)	Материальный слой «бедные»	Социальный слой «низкостатусные»
До 24	5	8
25–34	10	23
35–44	15	31
45–54	15	26
55+	55	12
Итого	100	100

Если «бедные» относятся преимущественно к старшей возрастной группе, то «низкостатусные» больше сконцентрированы в рабочих возрастах. Это значит, что в этих возрастных группах до трети людей обладают низким социальным потенциалом, не позволяющим нормально вписываться в современную экономику и достичь более высокого социального статуса.

Нужен новый экономический курс и социальная политика, которые увеличивали бы базу роста активных слоев общества за счет развития инновационных производств, расширения сектора услуг, науки и образования. В этом случае потребуются перекавалификация и обучение новым востребованным профессиям, что может изменить жизненную ситуацию для части «низкостатусных», особенно в молодых и средних возрастах. Актуально также пространственное расширение зон экономического развития, их распространение на малые города и сельские населенные пункты, где сегодня, как правило, нет возможностей для реализации профессиональных амбиций молодежи, да и не только молодежи. Поэтому отток населения из этих мест не прекращается, а сами они все больше архаизируются, а население маргинализируется.

Анализ по типам собственности, где работают представители кластеров, показывает, что работа в государственном секторе преобладает у «экспертов» и «бедных руководителей» (см. табл.7). Частная собственность стала местом приложения труда примерно в равной степени для всех слоев, но владельцами частных предприятий являются преимущественно «высокостатусные» – каждый пятый из них работает на своем собственном предприятии. На акционерных предприятиях меньше используют труд «экспертов» и «бедных руководителей». Такое распределение кластеров, видимо, отражает отраслевую структуру предприятий разных типов собственности, тенденции развития систем оплаты труда в государственных, акционерных и частных предприятиях.

Таблица 7

**К какому типу относится предприятие (организация),
где Вы работаете на основной работе?
(% от числа опрошенных)**

Место основной работы	«Высокостатусные»	«Эксперты»	«Реалисты»	«Бедные руководители»	«Низкостатусные»
Гос. предприятие	24,3	40,7	26,3	55,6	33,1
Акционерное предприятие	31,4	22,8	35,0	20,0	33
Собственное предприятие	20,0	6,5	0,4	4,4	1,5
Частное предприятие	22,0	26,0	30,5	15,6	27,1
Кол. хоз-во на селе	–	–	0,4	4,4	4,5
Фермерское, хоз-во, ЛПХ, ИТД	–	1,6	4,9	–	3,8
Отказ от ответа, затруднились ответить	1,4	2,4	2,4	–	–
Итого	100	100	100	100	100

Таким образом, объективные характеристики выделенных кластеров показывают, что эти социальные слои размещены в пространстве существующего в обществе социального неравенства, что позволяет говорить о социальной дистанции между ними и анализировать их как различные социальные слои. Этот вывод подтверждается социальными характеристиками этих слоев, выраженных в оценках социального самочувствия, своей собственной жизни и тех общественных явлений, которые связаны с трансформациями последних 15 лет.

Так, существенно различаются оценки респондентами собственной жизни. Эти оценки фиксировались по ряду показателей: 1) как оценивают они свое материальное положение по сравнению с прошлым годом; 2) какие оценки дают своей жизни в следующем году; 3) насколько они удовлетворены своей жизнью в целом. Было сделано предположение, что с повышением места слоя в социальной иерархии положительные оценки будут возрастать. Это предположение оказалось справедливым (рис. 3). Исключение составляет только слой «реалистов», которые оценили свою жизнь по сравнению с прошлым годом даже выше, чем «эксперты» – 46 % отметили, что стали жить лучше, чем в прошлом году. Но, как настоящие реалисты, они очень осторожно оценивают следующий год – только 32 % надеются на улучшение своей жизни. Самые плохие оценки своей жизни дают «низкостатусные» – по всем показателям у них самые низкие позитивные оценки, в том числе только 35 % в этом кластере удовлетворены своей жизнью в целом.

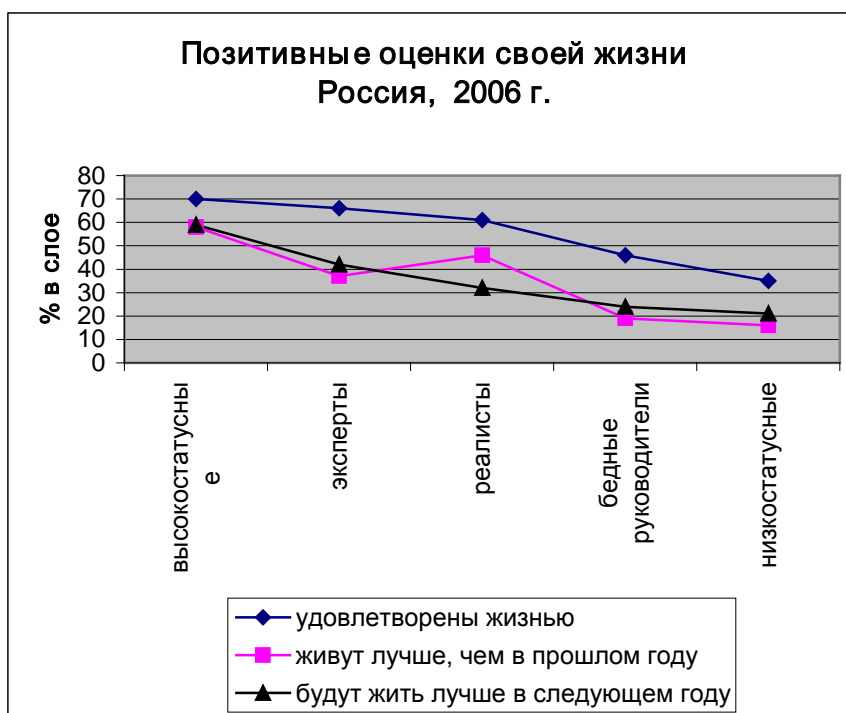

Рис. 3

Отношение социальных кластеров-слоев к общественным переменам можно рассмотреть на примере их отношения к рыночной экономике. Для этого был построен сводный индекс по трем вопросам. Сначала респондентам было предложено ответить на прямой вопрос: «Как Вы считаете, надо ли было начинать экономические реформы или не надо?». Далее последовали два уточняющих вопроса: «Что бы Вы лично предпочли: плановую экономику, которая была в стране раньше, или рыночную, которая складывается сейчас?» и «Какая из двух ситуаций Вам кажется лучше: когда товаров

много, но не каждый может купить их из-за высоких цен, или когда цены низкие, но товаров часто не хватает?». Предполагалось, что ответы на эти вопросы будут зависеть от места в социальной иерархии, которое отражает уровень адаптации и успешности при рыночных преобразованиях. Индекс рассчитывался как сумма ответов сторонников рынка, деленная на 3. Были получены следующие значения индекса (см. рис. 4).

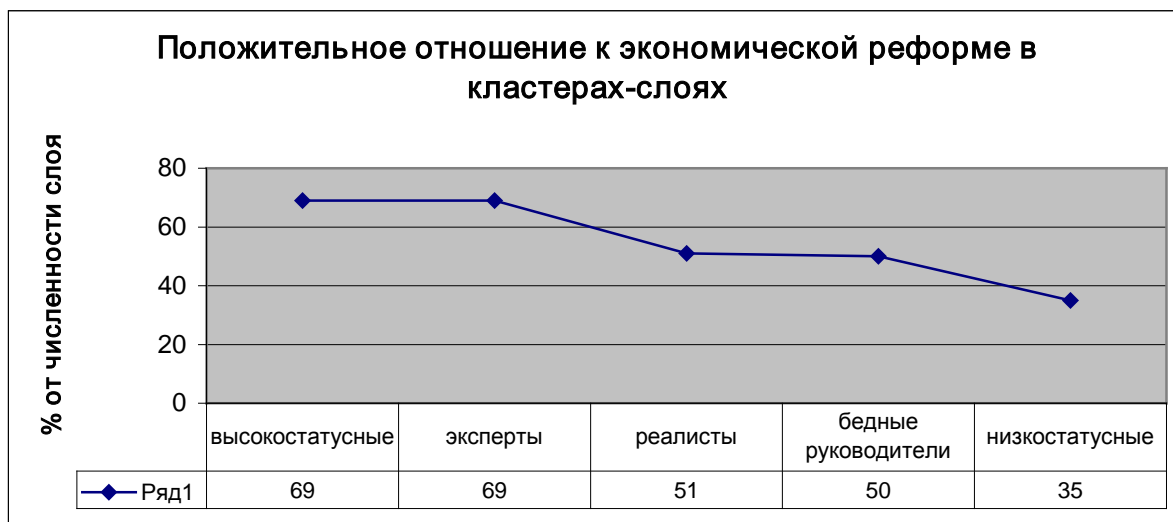

Рис. 4

При довольно большой численности сторонников рыночной экономики в среднем по массиву опрошенных (53 %), в слоях, занимающих две верхние позиции в иерархии - у «высокостатусных» и «экспертов», такого мнения придерживаются почти 70 % и только каждый третий среди «старых бедных». Просматривается зависимость положительного отношения к рыночной экономике от продвижения по ступеням социальной иерархии. Довольно симптоматично, что рыночная реформа практически одинаково положительно принимается и высокостатусными и экспертами – это два наиболее активных слоя, получивших в результате реформ как очевидные выгоды материального характера, так и большие возможности реализовать свои способности и знания, продвинувшись к стандартам западного среднего класса по потреблению и стилю жизни.

Как индикатор рыночной ориентации в исследовании был использован вопрос об отношении к собственности на сельскохозяйственную землю. Оказалось, что только у высокостатусных каждый четвертый респондент считает, что эти земли должны принадлежать любому владельцу, все остальные слои отдали большую часть своих голосов коллективному собственнику или в лице государства, или колхозов, совхозов, а также тем, кто землю обрабатывает. Обратим внимание на «экспертов», которые в этом вопросе далеко отстают от «высокостатусных» – среди них только 7 % считают, что эта земля может быть в собственности у любого человека. Таким образом, у «высокостатусных» сложилось особое отношение к земле как объекту собственности, может быть в силу того, что среди них довольно велика доля (20 %) владельцев частных предприятий.

Трудовые мотивации рассматриваемых слоев также имеют определенные различия. Условно назовем одну часть трудовых мотиваций «рыночные», имея в виду, что рыночная экономика дает возможность зарабатывать больше тем, кто активно и напряженно работает. Другую часть мотиваций, предполагающих твердый, но небольшой заработок и больше свободного времени, назовем условно «нерыночные». Так, у достигших хорошего социального положения «высокостатусных» рыночные мотива-

ции в 6 раз превышают «нерыночные», у «экспертов» – в 4,1 раза, в «реалистов» – в 2,4 раза, у «бедных руководителей» – в 4,4, у «низкостатусных» – только в 2 раза. Обратим внимание на «бедных руководителей», явно неудовлетворенных тем, что они не могут серьезно повлиять на свой заработок, поскольку 56 % из них заняты в государственном секторе экономики. Это значительно больше, чем заняты здесь другие социальные слои.

Таким образом, субъективные социальные характеристики выделенных кластеров позволяют рассматривать их как социальные слои, обладающие сходными компонентами сознания, и это с большей вероятностью свидетельствует о различиях статусных позиций этих слоев в обществе.

Анализ показал, что при изменчивости структуры материального расслоения социальная стратификация российского общества приобретает определенную устойчивость. За 15 лет преобразований смогли сформироваться слои успешных акторов, которые адаптировались к особенностям современного российского общества, действуют в соответствии с выработанной ими системой установок и инструментальных ценностей. Они образуют слои, занимающие верхние позиции в системе материального расслоения и социальной стратификации, создают базу для формирования массового среднего класса. Но возможности расширения этих слоев и сокращения низших слоев уже исчерпаны при сохранении тех тенденций развития, которые доминировали в прошедшие годы.

Литература

1. *Беляева Л.А.* Проблемы социальной стратификации и трудовая мотивация населения (общероссийский контекст) // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». Ч. 2. – Тюмень, 2006. – С. 42–61.
2. *Беляева Л.А.* Региональная и поселенческая разнородность уровня жизни населения России // Мир России. – 2006. – № 2. – С. 50.
3. *Беляева Л.А.* Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // СОЦИС. – 2005. – №12. – С. 57–64.
4. *Беляева Л.А., Корепанов Г.С., Куцев Г.Ф., Латин Н.И.* Тюменский регион в общероссийском контексте // Мир России (в печати).
5. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества. – М.: Дело, 2002.
6. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М., 2005.
7. *Переходный возраст* // РБК daily. – 2007 г. – 1 июня.
8. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003 г.* – М., 2003. – С. 144, 145.
9. *Российский статистический ежегодник. 2006.* – Офиц. изд. – М., 2006. – С. 188.
10. *Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс.* – М.: Наука, 2004.
11. *Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004 г.* – С. 166.
12. *Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы.* – М.: ИФ РАН, 2006.
13. *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // СОЦИС. – 2006. – № 9. – С. 28–40.
14. *Шкаратан О.И., Ильин В.И.* Социальная стратификация России и Восточной Европы: Сравнительный анализ. – М., 2006.

**СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН:
ВСЕРОССИЙСКИЙ МОНИТОРИНГ И ПОРТРЕТ РЕГИОНА ***

Цель настоящей статьи: кратко сообщить о пятой волне всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян» (2006 г.) и тревожном диагнозе по ее результатам, а главное – охарактеризовать структуру ценностей населения по данным этого мониторинга (на основе 44-х ценностных суждений) и обосновать правомерность сопоставления с нею той структуры ценностей, возможность получения которой предусмотрена в типовой методике социокультурного портрета региона (на основе 14 ценностных суждений). А также обратить внимание на методологические и методические особенности такого сопоставления, привести совокупность общероссийских данных, которые могут служить ориентирами при анализе данных ценностного блока в социокультурных портретах регионов.

1. Тревожный общероссийский диагноз

В 2006 г. осуществлена 5-я волна всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня», который с 1990 г. проводит Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН¹.

Основным методическим инструментом мониторинга служит стандартизованное комплексное интервью. Оно включает свыше 100 вопросов, которые сгруппированы в пять тематических блоков: социально-политический контекст жизни (1), базовые ценности (2), важнейшие интересы (3) и нормы (4) социокультурных страт, биографические данные (5). Обеспечена сопоставимость с данными мониторинга, полученными в 1990–2002 гг. В 2006 г. добавлены вопросы о социокультурной ситуации в регионах; благодаря этому около 40 % вопросов мониторинга воспроизводят типовую методику «Социокультурный портрет региона», которая реализуется в 16 субъектах РФ [3]. Это позволяет сопоставлять общероссийские и региональные данные. Первый опыт такого сопоставления представлен в нашей совместной публикации с коллегами из Тюмени [4; 5].

Анализ данных всероссийского мониторинга о процессах, совершившихся в российском обществе в 1990–2006 гг., особенно после 2000 г., приводит к двум **выводам стратегического характера**.

Во-первых, в последние годы, стабилизируясь, российское общество обретает жесткость структур. В нем закрепляются как позитивные, так и негативные результаты, происходит **консервация социальных контрастов**. Одновременно наблюдается **асимметричный рост** жизненно важных структур и процессов.

Во-вторых, в условиях быстро изменяющихся внутренних и внешних условий **обостряется потребность в становлении современных качеств** российского общества как гибкой, сетевой и потому устойчивой системы. Необходима ориентация

* Доклад подготовлен в русле темы «Единство и дифференциация социокультурного пространства России», разрабатываемой в Институте философии РАН, при поддержке РГНФ (грант № 05-03-03075а).

¹ Подробнее о 5-й волне мониторинга и ее результатах см.: Лапин Н.И. Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. М., 2007. № 6; Беляева Л.А. // Социс, 2007, в печати. Полевое исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ. Репрезентативная выборка включила районы и населенные пункты в 36 субъектах РФ из всех 7 федеральных округов. На ее основе получены 1200 полуторачасовых интервью от респондентов старше 18 лет. Интервью проводилось в доверительной обстановке, по месту жительства респондентов (на дому). Вероятность статистической ошибки – не более 3 %. Выборку и опрос осуществил Институт сравнительных социальных исследований (директор В.Г. Андреев).

государственных органов управления, общественных организаций на такие качества социального порядка, которые позволяют хорошо жить всем гражданам России.

Следовательно, мы получили **тревожный диагноз состояния российского общества в 2006 году**: Российское общество стабилизируется, закрепляются его социальные контрасты, происходит асимметричный рост его структур; необходим интенсивный поиск путей, способов выращивания современных его качеств как гибкой, сетевой структуры.

Из этого диагноза следуют две задачи: 1) глубже понять факторы и тенденции, которые обуславливают структурные контрасты и асимметрию динамики российского общества; 2) выявить способы развития в нем горизонтальных, сетевых взаимосвязей.

Учитывая задачи подготовки социокультурных портретов регионов, в данном докладе акцент сделан на факторах культуры, в особенности на структуре и динамике базовых ценностей населения России и ее регионов.

2. Функциональная структура ценностей, воспроизводство ее слоев

Одна из фундаментальных характеристик человека заключается в его *потребности и способности оценивать* качества других людей и предметов окружающего мира. Эта способность реализуется благодаря совокупности ценностей, которые усваивает и использует каждый человек. Среди них выделяются *базовые ценности* – обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм поведения людей. Ценности-цели называются терминальными, а ценности-средства – инструментальными.

Ценности сопряжены с совокупностью потребностей и интересов членов общества. Интересы людей, вырастая из их потребностей, обычно сосредоточиваются на дефицитных ресурсах и выражаются в борьбе за эти ресурсы, конфликтах между индивидами и социальными группами. Напротив, основная функция ценностей, как и культуры в целом, состоит в формировании консенсуса в обществе. Наряду с языком, они образуют ядро культуры, предпосылку и основу взаимопонимания и взаимодействия между людьми, членами общества. Вместе с тем, столкновения предпочитаемых и отрицаемых ценностей, относящихся к различным культурным их типам, также могут сопровождаться социокультурными конфликтами.

В **общероссийском мониторинге** и в **типовой методике региона ценности** измеряются с помощью **суждений**, каждое из которых содержит конкретный аспект той или иной ценности. Чтобы повысить надежность получаемых результатов, в мониторинге для каждой ценности измеряются два-три ее аспекта (иногда больше); в итоге, для измерения 14 ценностей используются 44 суждения. Точнее – 22 их пары; в каждой паре суждения сконструированы как альтернативные по смыслу, но без негативных оттенков (как положительные) [2]. Данные о ценностях, получаемые на основе 44-х суждений, будем называть комплексными.

Данные о степени согласия/несогласия респондентов с этими суждениями, получены с помощью 11-балльной шкалы. Мы приняли такую дифференциацию значений баллов: баллы 1–3 означают «совершенно не согласен», баллы 9–11 означают «полностью согласен»; баллы 4–8 означают ту или иную степень неопределенности, частично-го согласия/несогласия. В зависимости от целей и задач, могут использоваться различные варианты градации шкалы, перевода ее в 5-балльную, 3-х-балльную и др.

Уже в 1990 г. была поставлена цель: выявить функциональную структуру базовых ценностей в отношении общества, их социетально-функциональную структуру (далее, для краткости, функциональную). Для достижения этой цели мы ограничились измерением уровня *полного согласия* респондентов с соответствующими ценностными суждениями (баллы 9-11 шкалы), уровня их поддержки (в процентах от ответивших).

Интервалы между слоями ценностей мы не задавали априорно, а получали эмпирически: они, как правило, больше интервалов между ценностями *внутри* слоя. В течение всех пяти опросов мы получаем в целом сходную, *воспроизводящуюся структуру функциональных слоев ценностей*: 1) верхний слой – ядро, интегрирующее большинство населения; 2) интегрирующий резерв; 3) оппонирующий дифференциал; 4) нижний слой – конфликтотенная периферия [5]. Назовем эту функциональную структуру ценностей *исходной* (см. приложение 1).

При разработке типовой методики социокультурного портрета региона возникла непростая задача: учитывая лимитированность ресурсов для полевых исследований, необходимо было ограничиться одним суждением для каждой из 14 ценностей, т.е. использовать из 44-х только *14 суждений* (см. приложение 2). В них наиболее четко выражено содержание изучаемых ценностей. Это стало предпосылкой сопоставимости ценностных блоков мониторинга и портрета. Но одноаспектность используемых суждений несколько огрубляет, *редуцирует* содержание ценностей, повышает или понижает степень согласия или отрицания респондентами этого содержания. Данные о ценностях, полученные на основе 14 суждений, будем называть редуцированными.

Редуцированные результаты будут отличаться от комплексных. Вместе с тем, желательно, чтобы *редуцированная структура* ценностей Портрета (на основе 14 суждений) достаточно соответствовала комплексной структуре ценностей мониторинга (на основе 44 суждений). Их соответствие мы измеряем долей ценностей (в процентах), находящихся в одинаковых функциональных слоях обеих структур. Выделим пять уровней соответствия: очень низкий (менее 20 %), низкий (20–39 %), средний (40–59 %), выше среднего (60–80 %), высокий (свыше 80 %). Проценты удобнее выразить в виде *коэффициентов соответствия*: низкий Кс – менее 0,2; Кс ниже среднего = 0,2–0,39; средний Кс = 0,4–0,59; Кс выше среднего = 0,6–0,8; высокий Кс = выше 0,8.

Требуется получить максимально возможное соответствие двух структур: комплексной и редуцированной. Чтобы выяснить, какой способ позволяет лучше решить эту задачу, мы сопоставили результаты, получаемые на основе пяти волн мониторинга по 44-м и по 14 суждениям, но подсчитываемые различными методами (средняя, мода, медиана) и при разных размерах шкалы (11-балльная, 5-балльная, 3-х-балльная). Оказалось, что наиболее устойчивое соответствие структур ценностей достигается при измерении результатов с помощью *средних величин*, полученных после преобразования 11-балльной шкалы в 5-балльную (использовалась техника преобразования 11-балльной шкалы в 5-балльную, представленная в табл. 1).

В результате мы получили *два варианта* усредненной функциональной структуры ценностей населения России и ее динамики с 1990 по 2006 год: комплексный и редуцированный (см. приложение 3). Поскольку средние величины учитывают не только согласие с ценностными суждениями, но также несогласие с ними и промежуточное или нейтральное отношение к ним, тем самым мы получили и обобщенные картины воспроизводства функциональной структуры ценностей и ее динамики.

Таблица 1

Преобразование 11-балльной шкалы в 5-балльную

Значения	Совершенно не согласен				Полностью согласен
Баллы 11-балльной шкалы	1 – 3	4	5 – 7	8	9 – 11
Баллы 5-балльной шкалы	1	2	3	4	5

Естественно, они отличаются от исходной структуры, фиксирующей только поддержку ценностей. Тем не менее, в комплексной усредненной структуре 49 позиций из 70 (14 ценностей x 5 волн опросов) соответствуют исходной структуре, т.е. мы

получили Кс выше среднего (0,7). В 2006 г. такое соответствие имеется по 11 позициям из 14, т.е. получен высокий Кс = 0,79; из своих слоев в соседние переместились три ценности: инициативность, традиция, жизнь человека.

Таким образом, устойчиво *воспроизводятся* четыре функциональных слоя базовых ценностей:

1) *Интегрирующее ядро* ценностей: поддержка свыше 4,0 баллов из 5; ценности ядра консолидирует свыше 60 % населения. Это ядро образуют две терминальные ценности: общечеловеческая ценность *порядка* и традиционная ценность *семьи*.

2) Ниже ядра пульсирует *интегрирующий резерв*: он включает ценности, которые имеют поддержку 3,5 – 4,0 балла; ценности резерва консолидируют 45–60 % населения, т.е. поддерживаются по большей части абсолютным большинством (50–60 %), а отчасти – относительным (45–50 %), но и в этом случае, если оставить в стороне не определившихся, доля населения, поддерживающего эти ценности, существенно больше доли отрицающих их. Состав резерва варьирует от 5 до 7 ценностей. Неизменными в этом слое остаются: общечеловеческие *работа* и *общительность*, современные *независимость* и *инициативность* (поднялись с 6-7-го на 4-5-е места), а также *свобода*, ранг которой снизился в 2006 г. до 9-го (замыкает резерв).

3) Третий слой ценностей – *оппонирующий дифференциал* – включает ценности, которые имеют поддержку 2,81–3,49 балла; доля поддерживающих ценности этого слоя (30–44,9 %) примерно такая же, как и доля отрицающих. К 2006 г. в нем совмещаются: традиционная *жертвенность*, современная *жизнь* и общечеловеческая *нравственность*.

4) *Конфликтотенная периферия* включает ценности, которые имеют поддержку 2,8 балла и менее; доля поддерживающих ценности этого слоя (менее 25 %) меньше доли отрицающих, т.е. это – **отрицаемые ценности**, конфликтующие с ценностями большинства. Этот слой устойчиво включает в себя общечеловеческую *властность* и традиционалистскую *своевольность* (или вседозволенность как псевдосвободу)¹.

Теперь посмотрим на *редуцированную структуру* ценностей, полученную по тем же средним данным мониторинга, также по 5-балльной шкале, но лишь *на основе 14 суждений* (приложение 4). Как и ожидалось, вследствие более четкой связи отобранных суждений с основным содержанием ценностей интенсивность их поддержки несколько выше, чем по 44-м суждениям; в 2006 г. эта разница составила 0,4 балла. Учитывая это, мы повысили границы трех функциональных слоев на 0,4–0,6 балла. В итоге мы получили значительное *сходство* редуцированной структуры ценностей с комплексной их структурой: соответствуют 52 позиций из 70 (Кс выше среднего = 0,74). Заметим, что, по результатам пятой волны мониторинга (2006 г.), взаимно соответствующие позиции имеют 11 ценностей из 14 (Кс = 0,79). Отклоняются лишь две ценности: значительно выше поддерживается жизнь человека, но ниже оказывается поддержка благополучия.

3. Сопоставление функциональных слоев ценностей населения России и Тюменского региона

Мы подошли к самому интригующему пункту анализа: в какой степени функциональная структура ценностей населения регионов соответствует общероссийской

¹ Напомним: интервалы между слоями, как правило, больше интервалов между ценностями внутри одного слоя: 1) интервал между соседними ценностями **ядра** находится в диапазоне 0,04 - 0,08, а между соседними ценностями данного и следующего слоя = 0,3 – 0,48; 2) интервал между соседними ценностями **резерва** = 0,00 – 0,2, а между ценностями данного и соседних слоев = 0,03 - 0,31; 3) интервал между соседними ценностями **дифференциала** = 0,01 – 0,19, а между ценностями данного и соседних слоев = 0,03 – 0,62; 4) интервал между соседними ценностями **периферии** = 0,08 – 0,58, а между ценностями данного и предыдущего слоя = 0,11 – 0,62.

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

структуре? Полученные в 2006 году результаты измерения ценностей населения Тюменского региона таковы (см. табл. 2): при сравнении с редуцированной общероссийской структурой (14 суждений) соответствуют 9 из 14 ценностей тюменцев ($K_c = 0,64$), при сравнении с комплексной ее структурой - 10 из 14 ($K_c = 0,71$). Как видим, уровень соответствия оказался выше среднего

Однако существенны и различия. При сравнении с редуцированной структурой они проявились в отношении пяти ценностей: жизнь человека, порядок, благополучие, инициативность, жертвенность. Ценность жизни, в глазах тюменского населения, почти на 0,3 балла выше общероссийской оценки, благодаря чему она неожиданно переместилась из интегрирующего резерва в ядро. Напротив, столь же неожиданно ценность порядка опустилась из ядра в резерв. Здесь же оказалась и ценность благополучия, которая поднялась из дифференциала. А инициативность и жертвенность опустились из резерва в дифференциал. Похожие отличия структуры ценностей тюменчан наблюдаются и при сравнении с комплексной общероссийской структурой; кроме одного: как и у всех россиян, благополучие находится в интегрирующем резерве.

Таблица 2

Функциональная структура ценностей населения России и Тюменского региона
(44 и 14 ценностных суждений, 5-балльная шкала, средние баллы, 2006 г.)

Россия в целом			Тюменский регион					
Комплексная структура (44 суждения)			Редуцированная структура (14 суждений)					
R	Ценности	Баллы	R	Ценности	Баллы	R	Ценности	Баллы
Ядро (свыше 4,0)			Интегрирующее ядро (свыше 4,6)					
1	Порядок	4,32	1-2	Порядок	4,69	1	Семья	4,65
2	Семья	4,24	1-2	Семья	4,69	2	Жизнь человека	4,63
Резерв (3,5-4,0)			Интегрирующий резерв (3,91-4,6)					
3	Работа	3,97	3	Общительность	4,51	3	Порядок	4,58
4	Независимость	3,92	4	Жизнь человека	4,37	4	Общительность	4,5
5	Инициативность	3,83	5	Традиция	4,34	5	Благополучие	4,33
6-7	Общительность	3,78	6	Свобода	4,25	6	Свобода	4,3
6-7	Традиция	3,78	7	Независимость	4,14	7	Независимость	4,27
8	Благополучие	3,6	8	Работа	4,08	8	Работа	4,23
9	Свобода	3,54	9	Инициативность	4,0	9	Традиция	4,07
			10	Жертвенность	3,99			
Оппонир. дифференциал (2,81-3,49)			Оппонирующий дифференциал (2,81-3,9)					
10	Жертвенность	3,28	11	Благополучие	3,68	10	Инициативность	3,88
11	Нравственность	3,18	12	Нравственность	3,66	11	Нравственность	3,75
12	Жизнь человека	3,01				12	Жертвенность	3,55
Конфликтотенная периферия (2,8 и меньше)								
13	Властность	2,8	13	Властность	2,24	13	Своевольность	2,59
14	Своевольность	2,22	14	Своевольность	2,06	14	Властность	2,51
Средняя поддержка ценностных суждений (в баллах)								
3,53			3,90				3,97	

Функциональная структура ценностей трех субъектов Тюменского региона очень хорошо соответствует общей его структуре: на юге ТО $K_c = 0,95$, а в обоих автономных округах $K_c = 1,0$. Лишь на юге Тюменской области ценность порядка, как

и во всей России, сохраняется в интегрирующем ядре, а ценность традиции, напротив, опустилась в оппонирующий дифференциал (см. табл. 3).

Таким образом, четыре слоя базовых ценностей существуют как на общероссийском, так и на тюменском региональном и субрегиональном уровнях. На всех уровнях интегрирующее ядро включает ценность семьи. Однако вторая составляющая ядра различна: на общероссийском уровне это - порядок, а на региональном - жизнь человека; это особенно характерно для ХМАО и ЯНАО (на юге ТО порядок и жизнь делят второе-третье места). Нижний слой конфликтогенной периферии на всех уровнях - от общероссийского до субрегионального - включает две отрицаемые ценности: своевольность и властность.

Таблица 3

Функциональная структура ценностей населения Тюменского региона,
(14 суждений, 5-балльная шкала, средние баллы, 2006 г.)

Тюменский регион		Юг ТО		ХМАО		ЯНАО	
R	Ценности Баллы	R	Ценности Баллы	R	Ценности Баллы	R	Ценности Баллы
Интегрирующее ядро (свыше 4,61)							
1	Семья 4,65	1	Семья 4,63	1	Семья 4,67	1	Семья 4,66
2	Жизнь 4,63	2-3	Порядок 4,62	2	Жизнь 4,65	2	Жизнь 4,63
		2-3	Жизнь 4,62				
Интегрирующий резерв (3,91-4,6)							
3	Порядок 4,58	4	Общитель-ть 4,50	3	Порядок 4,56	3	Порядок 4,56
4	Общительность 4,50	5-6	Благопол-чие 4,27	4	Общитель-ть 4,52	4	Общитель-ть 4,48
5	Благополучие 4,33	5-6	Свобода 4,27	5	Благопол-чие 4,34	5	Благопол-чие 4,42
6	Свобода 4,30	7	Независим-сть 4,25	6	Свобода 4,30	6	Свобода 4,36
7	Независимость 4,27	8	Работа 4,23	7	Независим-сть 4,29	7	Независим-сть 4,27
8	Работа 4,23			8	Работа 4,28	8	Работа 4,19
9	Традиция 4,07			9	Традиция 4,19	9	Традиция 4,11
Оппонирующий дифференциал (2,81-3,9)							
10	Инициат-ность 3,88	9	Традиция 3,97	10	Инициат-сть 3,88	10	Инициат-сть 3,88
11	Нравственность 3,75	10	Инициат-сть 3,78	11	Нравств-сть 3,62	11	Нравств-сть 3,84
12	Жертвенность 3,55	11	Нравств-сть 3,62	12	Жертвен-сть 3,64	12	Жертвен-сть 3,66
		12	Жертвен-сть 3,42				
Конфликтогенная периферия (2,8 и меньше)							
13	Своевольность 2,59	13	Своевольн-ть 2,57	13	Своевольн-ть 2,60	13	Своевольн-ть 2,62
14	Властность 2,51	14	Властность 2,47	14	Властность 2,53	14	Властность 2,58
Средняя поддержка ценностных суждений (в баллах)							
	3,97		3,94		4,00		4,02

Существенные различия наблюдаются в иерархии ценностей интегрирующего резерва и оппонирующего дифференциала. Как уже отмечено, ценность благополучия поднялась с 11-го ранга по России в целом до 5-го ранга в Тюменском регионе и его субрегионах. Напротив, ценность традиции опустилась с 5-го общероссийского ранга до 9-го в Тюменском регионе и во всех его субрегионах. Это свидетельствует о более модернизированной структуре ценностей населения Тюменского региона по сравнению с общероссийской. Вопреки ожиданиям, различия между субъектами данного региона, в том числе между югом Тюменской области и автономными округами, оказались мало существенными. Можно отметить одно неожиданное отличие: ценность *традиции*, имея всюду один и тот же ранг (9-й), в промышленно более развитых автономных

округах и в регионе в целом входит в интегрирующий резерв, а на аграрном юге области оказывается в оппозирующем дифференциале.

В целом мы можем заключить: способы измерения ценностей, используемые в мониторинге и в Типовой методике портрета региона, позволяют сопоставлять общероссийскую и региональные структуры базовых ценностей. Обратимся к анализу социокультурных смыслов эволюции структуры ценностей россиян.

4. Социокультурные смыслы эволюции ценностей населения России

Как и в советское время, базовые ценности населения современной России существуют и эволюционируют в духовном пространстве, которое представляет собой не столько структурированное общественное мнение, сколько диффузное *массовое сознание*. Уже в «эпоху Брежнева» начался драматичный «сдвиг по фазе» структуры базовых ценностей населения. Как показал современный, вторичный анализ исследований общественного мнения, проведенных в советском обществе, фактическое снятие с повестки дня исторической задачи построения «нового общества» «лишило миллионы людей понимания того, во имя чего теперь следовало жить, ради достижения каких целей, в каких формах»; стал повышаться удельный вес «традиционных общечеловеческих ценностей в ущерб так называемым «социалистическим» [1].

В постсоветской России эволюция базовых ценностей населения ускорилась – уже достаточно свободно, без идеологического диктата с чьей-либо стороны. Об этом свидетельствуют результаты мониторинга «Ценности и интересы россиян». Какие же можно выделить социокультурные смыслы, тренды в этой эволюции? Кратко охарактеризуем три ее аспекта, опираясь на показатели усредненной ее динамики (см. приложение 3).

Во-первых, как мы уже видели, 14 базовых ценностей, которые изучаются в мониторинге, структурированы на 4 социетально-функциональных слоя. Влияние различных компонентов этих слоев меняется по-разному. Четыре ценности, которые образуют интегрирующее ядро (порядок, семья) и конфликтогенную периферию (властность, своевольность), обнаруживают высокую *устойчивость* своего состава и влияния. Находясь на полюсах функциональной структуры, они демонстрируют взаимную закрытость для перехода ценностей из одного полюса структуры в другой.

Напротив, 10 ценностей промежуточных слоев – интегрирующего резерва и оппозирующего дифференциала – проявляют высокую *подвижность*: существенно меняют положение в своем слое, а нередко переходят из одного слоя в другой. Заметен рост поддержки таких ценностей как независимость и благополучие человека. А ценности нравственности и жертвенности снизили свой статус. Половина ценностей промежуточных слоев демонстрирует волнообразные тренды; это работа, общительность, инициативность, свобода, традиция. Лишь ценность жизни человека обнаруживает меньшие колебания, относительную устойчивость.

Во-вторых, 14 изучаемых ценностей поровну делятся на терминальные и инструментальные. Наряду с этим, они, *в-третьих*, представляют три культурных типа: традиционные, общечеловеческие, современные (модернистские, либеральные). Сочетание второго и третьего аспектов представлено в табл. 4 (кроме того, в косых скобках обозначены виды потребностей, с которыми сопряжены изучаемые ценности: *вит* – витальные, *инт* – интеракционные, *соц* – социализационные, *см* – смысложизненные).

Культурные типы изучаемых базовых ценностей россиян

	Традиционные	Общечеловеческие	Современные
Терминальные	Традиция /см/ Семья /вит, см/	Порядок /инт/ Благополучие /вит/ Работа /вит, см/	Жизнь человека /вит, см/ Свобода /инт, см/
Инструментальные	Жертвенность /вит, см/ Своевольность /см/	Общительность /инт/ Нравственность /инт, соц, см/ Властность /инт/	Независимость /соц/ Инициативность /соц/

Результаты всероссийского мониторинга показали, что на постсоветском этапе в сознании россиян сформировалось динамичное **совмещение трех культурно различных типов ценностей**. Такое совмещение представляет собой результат спонтанной эволюции массового сознания россиян под влиянием политической и социально-экономической трансформации общества. В ней можно выделить три этапа: 1) рационализация, модернизация структуры ценностного сознания россиян (1990-1996 гг.); 2) частичный возврат этой структуры к советскому прошлому, ретрадиционализация (1996-1999 гг.); 3) стабилизация своеобразного баланса культурно различных типов ценностей, современное их «примирение», или взаимная толерантность (с 2000 г. по настоящее время).

При этом среди высших, терминальных ценностей преобладают традиционные и общечеловеческие, а среди более прагматичных, инструментальных ценностей – современные. Но в целом в структуре базовых ценностей постепенно растет влияние современных и общечеловеческих компонент; обе эти типа ценностей эволюционируют, переплетаясь друг с другом и постепенно отдаляясь от ценностей традиционного типа (см. рис. 1). Такое совмещение чревато конфликтами, которые действительно возникают и временами обостряются.

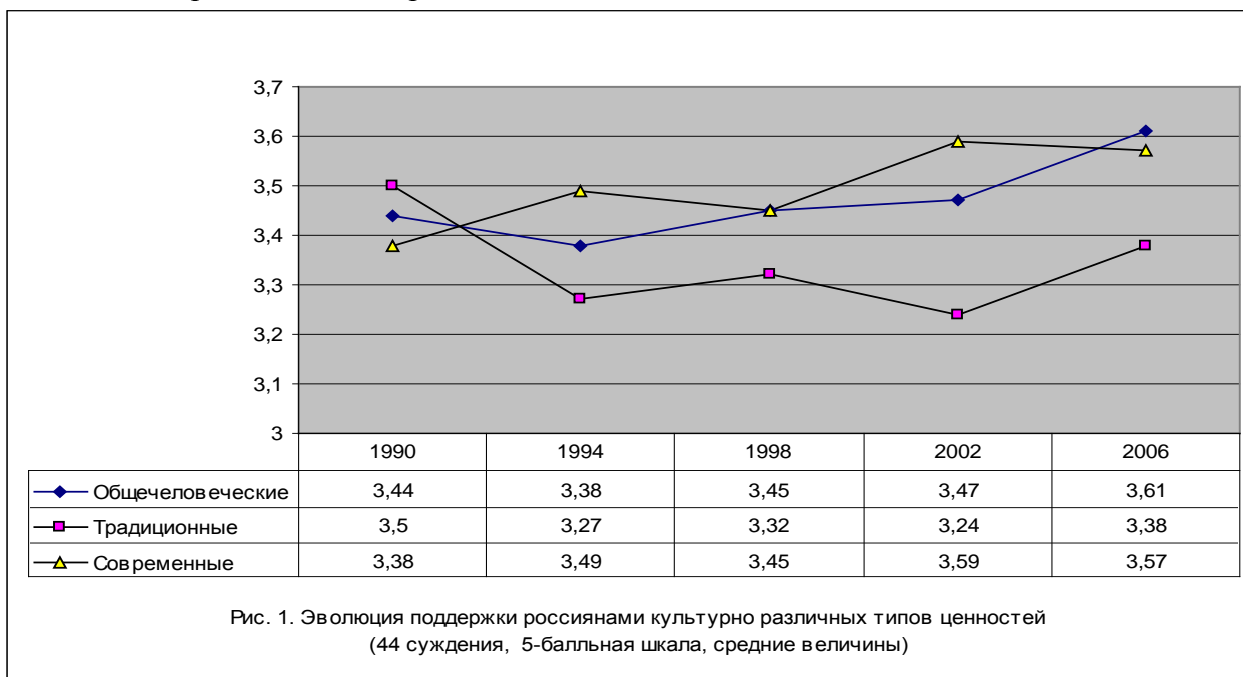

Рис. 1. Эволюция поддержки россиянами культурно различных типов ценностей (44 суждения, 5-балльная шкала, средние величины)

Вместе с тем, опрос 2006 г. показал значительное снижение доли крайних, максимальных поддержек и отрицаний ценностных суждений респондентами. Посмотрим на динамику медианных значений поддержки (согласия/несогласия) всех 44-х ценностных суждений по 5-балльной шкале (табл. 5). С 1990 по 2002 гг. росло число медиан, характеризующих суждения, по которым половина ответов имеют альтернативный характер (1 или 5 баллов), и уменьшалось число не альтернативных ответов (2, 3, 4 балла). Но к 2006 г. их соотношение резко изменилось в пользу не альтернативных ответов: 24–20 вместо 36–8 в 2002 г.

Таблица 5

Динамика количества медианных значений альтернативных и неальтернативных ответов респондентов (1990-2006 гг.)

Характер медианных значений	1990	1994	1998	2002	2006
Альтернативные (1 или 5 баллов)	20	26	32	36	24
Не альтернативные (2, 3, 4 балла)	24	18	12	8	20
Средний уровень медианных значений	3,73	3,72	3,87	3,97	3,99

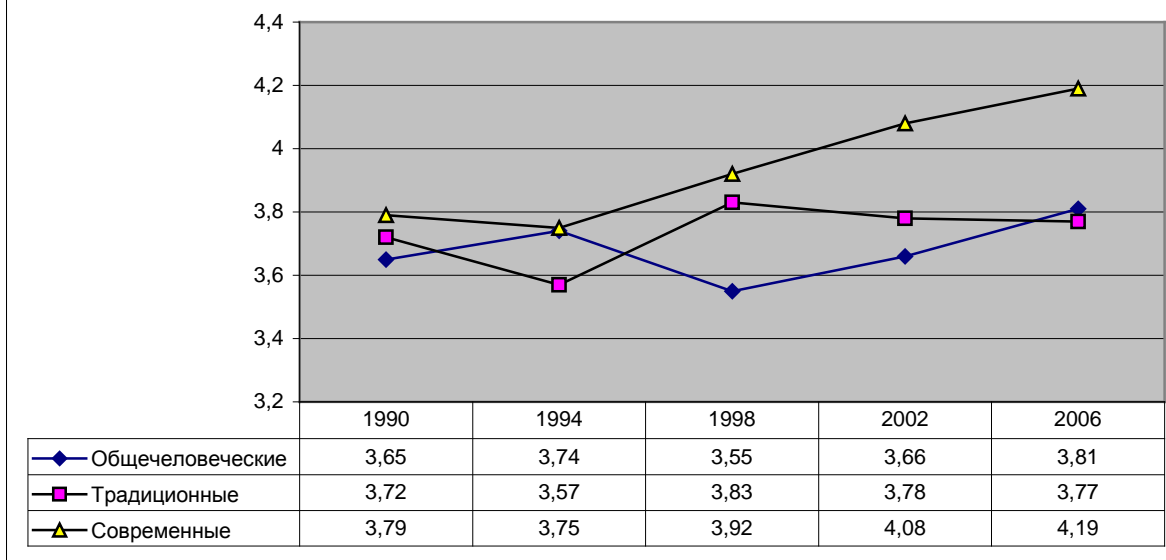
Этот феномен нуждается в тщательном анализе, возможны различные его интерпретации. Первая из них: предположить, что нарастает усталость россиян от противостояния ценностей. Но возможно и иное объяснение: *повышается толерантность населения в отношении к иным, не разделяемым ценностям. Так или иначе, в российском обществе происходит стабилизация баланса культурно различных типов ценностей.*

Такое объяснение обнаруживает, что снижение уровня ценностного противостояния, толерантное взаимодействие с людьми, придерживающимися иных ценностей, более комфортно для оптимистичного самочувствия людей, чем нарастание этого противостояния или ценностное безразличие. Повышение толерантности соответствует и общей тенденции балансируемого совмещения различных типов ценностей, взаимного их «примирения», которое можно оценивать как исторически значимое для дальнейшего развития России.

Сопоставляя эволюцию поддержки ценностей, полученной на основе 14 суждений (см. рис. 2), с эволюцией поддержки ценностей на основе 44-х суждений (см. рис. 1), нетрудно заметить структурное сходство результатов.

В обоих случаях наблюдаются: а) параллелизм эволюции трех типов ценностей; б) постепенное возрастание поддержки современных ценностей; в) постепенное отставание поддержки традиционных ценностей. Но тренд эволюции общечеловеческих ценностей отчасти поменялся местами с трендом традиционных ценностей. Это свидетельствует об известных границах обоснованных сопоставлений на столь разных наборах ценностных суждений (44 и 14).

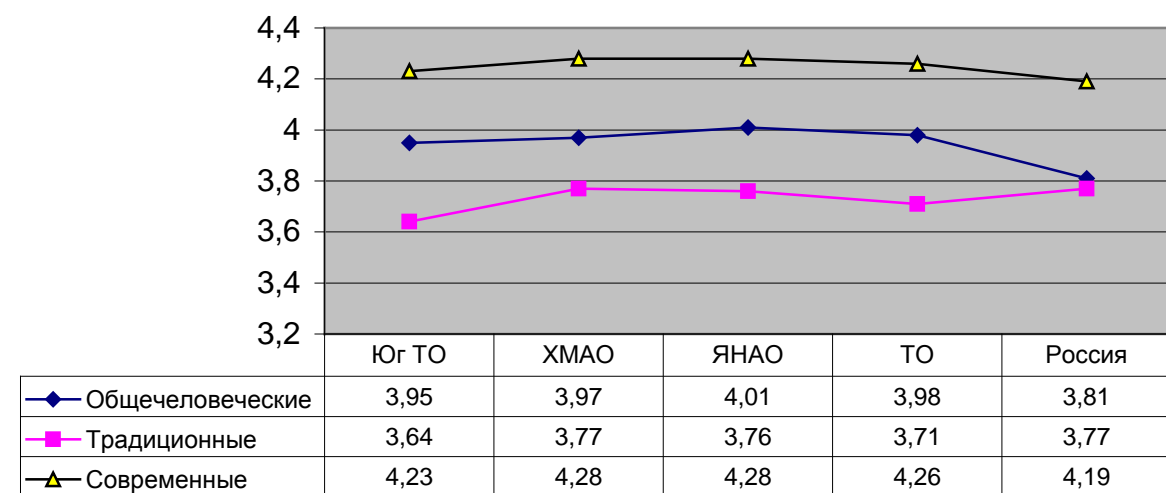
Рис. 2. Эволюция поддержки россиянами культурно различных типов ценностей (14 суждений, 5-балльная шкала, средние величины)

Конечно, есть и различия в ранговых позициях ряда ценностей, подчас значительные. В целом доля структурных изменений (перемещений ценностей из одного структурного слоя в другой) оказалась в интервале 14–35 %. Эти отличия нуждаются в дальнейшем анализе. Возможно, потребуются некоторые изменения в составе 14 суждений.

Опираясь на рассмотренные выше данные (табл. 2 и 3), посмотрим, как население Тюменского региона поддерживает культурно различные типы ценностей и сопоставим эту поддержку с общероссийской (см. рис. 3).

Рис. 3. Поддержка культурно различных типов ценностей населением Тюменского региона и России, 2006 г. (14 суждений, 5-балльная шкала, средние величины)

Как и население России в целом, жители Тюменского региона одновременно поддерживают все три культурно различных типа ценностей. При этом они, как и большинство россиян, наиболее активно поддерживают современные ценности и меньше всего – ценности традиционные; в интервале между ними находится поддержка общечеловеческих ценностей. В отличие от общероссийских данных (ср. рис. 2), в Тюменском регионе не растет поддержка традиционных ценностей за счет общечеловеческих, нет тенденции сближения уровня их поддержки. Вновь констатируем большое сходство ценностного пространства трех субъектов региона, особенно близки друг другу жители автономных округов; аграрный юг области несколько менее активен в поддержке всех трех типов ценностей, особенно традиционных, – причины этого требуют дополнительного анализа.

Конкретизируем представленную картину, дополнив ее базовой дифференциацией ценностей на терминальные и инструментальные (см. табл. 6). Прежде всего, подтверждается общепринятое теоретическое положение: терминальные ценности пользуются большей поддержкой населения по сравнению с инструментальными. В Тюменском регионе средняя поддержка первого типа превышает поддержку второго примерно на 0,8 балла, или на 16 %, что весьма существенно.

Далее, подтверждается отмеченный выше общероссийский факт: среди инструментальных ценностей (ценностей-средств) заметно преимущество современных ценностей над традиционными. Этот аксиолого-прагматический факт в значительной мере объясняет достаточно быструю адаптацию большинства россиян к резко изменившимся условиям жизни. В Тюменском регионе данный факт получил повсеместное распространение: в каждом субъекте региона названное преимущество весьма внушительно и составляет около 1,0 балла (20 %), превышая общероссийское.

Таблица 6

Дифференциация культурных типов ценностей населения Тюменского региона и России на терминальные и инструментальные (2006 г.)

Базовые типы	Культурные типы	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО	ТО	Россия
Терминальные	Общечеловеческие	4,37	4,39	4,39	4,38	4,25
	Традиционные	4,3	4,43	4,38	4,36	4,51
	Современные	4,44	4,48	4,49	4,46	4,31
	Средняя	4,37	4,43	4,42	4,4	4,32
Инструментальные	Общечеловеческие	3,53	3,56	3,63	3,59	3,41
	Традиционные	2,99	3,12	3,14	3,07	3,11
	Современные	4,01	4,08	4,07	4,07	4,07
	Средняя	3,51	3,59	3,61	3,58	3,53

Впечатляет еще одно, самое существенное отличие ценностного пространства региона. Общероссийские данные устойчиво фиксируют: среди терминальных ценностей (обобщенных дальних целей) сохраняется некоторое преимущество традиционных ценностей над современными (около 0,2 балла). В Тюменском регионе, напротив, выявлено преимущество современных терминальных ценностей над традиционными (около 0,1 балла). Оно обеспечивается в особенности за счет существенно большей поддержки (по сравнению с общероссийской – на 0,3 балла) ценности *жизни человека*. Это результат высокого уровня согласия тюменцев с бескомпромиссным суждением: «Самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека

жизни ни при каких обстоятельствах». Подчеркнутая мною норма, содержащаяся в данном суждении, смущает немалую часть респондентов и побуждает их снизить балл, выбираемый на шкале согласия/несогласия с данным суждением. Тюменцев это меньше смущает. В функциональной структуре ценностей населения региона *жизнь* заняла свое место рядом с семьей, в составе *интегрирующего ядра* – факт небывалый, и оттеснила ценность порядка в интегрирующий резерв.

В целом, на наш взгляд, проведенный анализ свидетельствует об обоснованности сопоставлений структуры ценностей в регионах (с помощью 14 ценностных суждений) с общероссийской структурой: как в функциональном, так и в культурно-типологическом ее аспектах. Это позволяет приступить к решению более конкретных задач изучения общероссийских и региональных ценностей: выявлению и сопоставлению *ценностных позиций* – элементарных и обобщенных; их *субъектов* – гендерных и возрастных групп, социально-профессиональных и социокультурных групп; *взаимосвязей* между ценностями, ценностными позициями и поведением соответствующих субъектов. Открывается новое, широкое поле исследований проблем эволюции структуры *социокультурного пространства* России и ее регионов, его единства и дифференциации – вертикальной и горизонтальной [7].

Литература

1. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Жизнь вторая. Эпоха Брежнев. Ч. 2. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 858–859.
2. Лапин Н.И. Пути России. – М., ИФРАН, 2000. – Приложение 2.
3. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Под ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006.
4. Социологический портрет Тюменского региона. Авт. колл.: Л.А. Беляева, Г.С. Корепанов, Г.Ф. Куцев, Н.И. Лапин; при участии: В.А.Давыденко, Г.Ф.Ромашкиной и др. – Тюмень: Тюменская областная Дума, 2007.
5. Тюменский регион в общероссийском контексте (Л.А.Беляева, Г.С.Корепанов, Г.Ф.Куцев, Н.И.Лапин; при участии: В.А.Давыденко, Г.Ф. Ромашкиной и др. // Мир России (в печати).
6. Титаренко Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. – Мн.: БГУ, 2004. – С. 39–59.
7. См. цикл статей по проекту, реализуемому в Институте философии РАН: Лапин Н.И. Статус регионов России, разбалансированность их социокультурных функций; Беляева Л.А. Региональная разнородность уровня жизни населения; Балагушкин Е.Г., Шохин В.К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском пространстве (Мир России. – 2006. – № 2).

Приложения

Приложения 1, 3 и 4 содержат общероссийские данные, которые могут служить **ориентиром** при сопоставлении с локальными данными ценностного блока в социокультурных портретах регионов (см. подраздел 4.1 типовой методики).

Приложение 1.

Исходная структура и динамика ценностей населения России: 1990-2006 гг.
(44 суждения, 11-балльная шкала, % определенно согласных: баллы 9-11)

Июль 1990, n = 973	Март 1994, n = 1062	Июнь 1998, n = 1100	Июнь 2002, n = 1030	Июнь 2006, n = 1200
R Ценности %	R Ценности %	R Ценности %	R Ценности %	R Ценности %
Интегрирующее ядро (свыше 60 %)				
1 Семья 69,4	1 Семья 76,1	1 Семья 76,2	1 Семья 77,2	1 Семья 70,6
2 Порядок 65,3	2 Порядок 74,8	3 Порядок 69,4	2 Порядок 69,8	2 Порядок 65,2
	3 Общительность 67,7	3 Общительность 62,2	3 Общительность 67,0	
Интегрирующий резерв (45,0 – 60,0 %)				
3 Общительность 57,3	4 Свобода 56,1	4 Работа 56,4	4 Свобода 56,7	3 Общительность 54,6
4 Работа 49,0	5 Работа 53,3	5 Свобода 48,8	5 Работа 56,7	4 Независимость 51,5
5 Нравственность 48,3	6 Независимость 49,8	6 Независимость 48,7	6 Независимость 55,8	5 Работа 51,0
6 Свобода 46,1	7 Нравственность 46,7	7 Жизнь 47,5	7 Нравственность 49,7	6 Жизнь 49,0
7.Жизнь 45,8		8 Нравственность 47,0	8 Жизнь 48,4	7 Свобода 46,3
			9 Инициативность 48,2	8 Благополучие 45,8
			10 Благополучие 47,7	
Оппонирующий дифференциал (30,0 – 44,9 %)				
8 Жертвенность 43,5	8 Жизнь 44,1	9 Благополучие 44,8	11 Традиция 44,9	9 Традиция 44,5
9.Традиция 41,0	9 Инициативность 40,0	10 Традиция 44,1	12 Жертвенность 40,5	10 Нравственность 42,7
10 Независимость 40,0	10 Традиция 37,1	11 Инициативность 39,1		11 Инициативность 42,2
11 Инициативность 35,9	11 Жертвенность 34,5	12 Жертвенность 38,8		12 Жертвенность 35,3
12. Благополучие 30,0	12 Благополучие 33,2			
Конфликтогенная периферия (менее 30,0 %)				
13 Своевольность 23,3	13 Своевольность 24,7	13 Своевольность 21,7	13 Своевольность 24,3	13 Своевольность 19,9
14 Властность 17,4	14 Властность 22,3	14 Властность 17,1	14 Властность 20,6	14 Властность 18,7
Интенсивность поддержки ценностей. Общие тенденции				
42,8	46,3	45,5	49,3	45,5
<i>Рационализация, модернизация</i>	<i>Частичная ретрадиционализация</i>	<i>Стабилизация баланса культурно различных типов ценностей</i>		

Типовая методика «Социокультурный портрет региона».

ЦЕННОСТНЫЙ БЛОК (вопросы № 38.1 – 38.14).

14 ценностных суждений и соответствующие ценности

Вопрос № 38. Ценностные суждения	Ценности
1. В любых условиях красота делает человека лучше и чище	Нравственность
2. Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии	Благополучие
3. Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека	Своевольность
4. Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл	Свобода
5. Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни	Работа
6. Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	Порядок
7. В жизни главное внимание нужно уделить тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	Общительность
8. Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	Семья
9. Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям	Независимость
10. Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	Властность
11. Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя	Жертвенность
12. Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Инициативность
13. Самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах	Жизнь человека
14. Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям	Традиция

Комплексная структура и динамика ценностей населения России: 1990-2006 гг.
(44 суждения, 5-балльная шкала, средние баллы)

Июль 1990, n = 973	Март 1994, n = 1062	Июнь 1998, n = 1100	Июнь 2002, n = 1030	Июнь 2006, n = 1200
R Ценности Баллы	R Ценности Баллы	R Ценности Баллы	R Ценности Баллы	R Ценности Баллы
Интегрирующее ядро (свыше 4,0)				
1 Порядок 4,3	1 Порядок 4,32	1 Порядок 4,35	1 Порядок 4,35	1 Порядок 4,32
2 Семья 4,23	2 Семья 4,28	3 Семья 4,29	2 Семья 4,3	2 Семья 4,24
Интегрирующий резерв (3,5 – 4,0)				
3 Работа 3,75	3 Общительность 3,98	3 Работа 3,9	3 Общительность 3,98	3 Работа 3,97
4 Общительность 3,71	4 Независимость 3,83	4 Независимость 3,7	4-6 Работа 3,84	4 Независимость 3,92
5 Жертвенность 3,57	5 Работа 3,79	5 Общительность 3,69	4-6 Независимость 3,84	5 Инициативность 3,83
6 Инициативность 3,56	6 Свобода 3,72	6-7 Инициативность 3,64	4-6 Инициативность 3,84	6-7 Общительность 3,78
7 Независимость 3,55	7 Инициативность 3,57	6-7 Традиция 3,64	7 Свобода 3,76	6-7 Традиция 3,78
8 Свобода 3,53		8 Свобода 3,53	8 Традиция 3,44	8 Благополучие 3,6
				9 Свобода 3,54
Оппонирующий дифференциал (2,81 – 3,49)				
9.Традиция 3,49	8 Традиция 3,34	9 Благополучие 3,22	9 Благополучие 3,2	10 Жертвенность 3,28
10 Нравственность 3,37	9 Нравственность 3,17	10 Жертвенность 3,21	10 Нравственность 3,11	11 Нравственность 3,18
11. Жизнь 2,89	10 Жертвенность 3,13	11 Нравственность 3,15	11 Жертвенность 3,1	12 Жизнь 3,01
12. Благополучие 2,84	11 Благополучие 3,0	12 Жизнь 2,94	12 Жизнь 2,94	
	12 Жизнь 2,86			
Конфликтотенная периферия (2,8 и менее)				
13 Своевольность 2,73	13 Властность 2,62	14 Властность 2,4	14 Властность 2,32	13 Властность 2,8
14 Властность 2,65	14 Своевольность 2,33	13 Своевольность 2,15	13 Своевольность 2,11	14 Своевольность 2,22
Интенсивность поддержки ценностей. Общие тенденции				
3,44	3,42	3,4	3,43	3,53
<i>Рационализация, модернизация</i>	<i>Частичная ретрадиционализация</i>		<i>Стабилизация баланса культурно различных типов ценностей</i>	

Приложение 4.

Редуцированная структура и динамика ценностей населения России: 1990-2006 гг.
(14 суждений, 5-балльная шкала, средние баллы)

Июль 1990, n = 973	Март 1994, n = 1062	Июнь 1998, n = 1100	Июнь 2002, n = 1030	Июнь 2006, n = 1200
R Ценности Баллы	R Ценности Баллы	R Ценности Баллы	R Ценности Баллы	R Ценности Баллы
Интегрирующее ядро (свыше 4,6)				
1 Порядок 4,67	1 Порядок 4,74	1 Семья 4,82	1 Семья 4,73	1-2 Семья 4,69
2 Семья 4,62	2 Семья 4,73	3 Порядок 4,76	2 Порядок 4,68	1-2 Порядок 4,69
	3 Общительность 4,65			
Интегрирующий резерв (3,91 – 4,6)				
3 Общительность 4,56	4 Свобода 4,32	3 Традиция 4,16	3 Общительность 4,53	3 Общительность 4,51
4 Работа 4,33	5 Работа 4,29	4 Жертвенность 4,15	4 Свобода 4,29	4 Жизнь человека 4,37
5 Жертвенность 4,24	6 Жертвенность 3,96	5 Свобода 4,14	5 Работа 4,12	5 Традиция 4,34
6 Свобода 4,21		6 Работа 4,0	6 Традиция 4,12	6 Свобода 4,25
7 Нравственность 4,0			7 Независимость 4,09	7 Независимость 4,14
			8 Жертвенность 4,07	8 Работа 4,08
			9 Инициативность 4,0	9 Инициативность 4,0
			10 Жизнь человека 3,93	10 Жертвенность 3,99
Оппонирующий дифференциал (2,81 – 3,9)				
8 Инициативность 3,9	7 Жизнь человека 3,77	7 Жизнь человека 3,9	11 Нравственность 3,46	11 Благополучие 3,68
9 Жизнь человека 3,62	8 Нравственность 3,6	8 Инициативность 3,86	12 Благополучие 3,3	12 Нравственность 3,66
10 Традиция 3,54	9 Независимость 3,54	9 Общительность 3,81		
11 Независимость 3,42	10 Традиция 3,46	10 Независимость 3,78		
12 Благополучие 2,81	11 Инициативность 3,39	11 Нравственность 3,65		
	12 Благополучие 2,93	12 Благополучие 3,4		
Конфликтогенная периферия (2,8 и меньше)				
13 Своевольность 2,49	13 Властность 2,23	13 Своевольность 2,21	13 Своевольность 2,23	13 Властность 2,24
14 Властность 2,20	14 Своевольность 2,14	14 Властность 1,97	14 Властность 1,86	14 Своевольность 2,06
Интенсивность поддержки ценностей. Общие тенденции				
3,22	3,7	3,37	3,81	3,9
<i>Рационализация, модернизация</i>	<i>Частичная ретрадиционализация</i>		<i>Стабилизация баланса культурно различных типов ценностей</i>	

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛЫХ СТОЛОВ

**ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА***

Для оценки качества жизни населения региона существует множество методик. Методика интегральной оценки качества жизни начинается с выбора отдельных компонентов и определение их значимости. В международных и национальных оценках наиболее полный перечень компонентов качества жизни включает в себя следующие блоки:

- 1) доходы населения;
- 2) бедность и неравенство;
- 3) безработица и использование рабочей силы;
- 4) динамика демографических процессов;
- 5) образование;
- 6) здоровье, продовольствие и питание;
- 7) населенные пункты, инфраструктура, связь;
- 8) политическая и социальная стабильность (безопасность);
- 9) культура, семейные ценности;
- 10) ресурсы и состояние природной среды;
- 11) политические и гражданские институты (демократия и участие).

В связи с тем, что в России отсутствует система регулярных и репрезентативных для всех регионов исследований качества жизни населения, необходимых для получения субъективных оценок, единственно возможным методом оценки качества жизни является статистический (объективный) подход, который основан на использовании регулярно собираемых и доступных данных. Исходя из этого, на сегодняшний день оценки п.9 (культура, семейные ценности) и п.11 (демократия и участие) не предоставляется возможным осуществить.

В данной работе для сравнительной оценки качества жизни населения Смоленской области и соседних с ней регионов используется методика Н.В. Зубаревич [1]. В качестве компонентов исследуемого понятия автор предлагает следующие блоки, включающие в себя определенные показатели:

- 1) доходы населения – отношение душевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму;
- 2) неравенство – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума;
- 3) занятость – уровень занятости;
- 4) здоровье населения определяется на основе двух показателей, которые берутся как равнозначные: ожидаемая продолжительность жизни и коэффициент младенческой смертности;
- 5) образование – число учащихся профессиональных учебных заведений всех видов на 10 тыс. населения.
- 6) базовые услуги определяются четырьмя равнозначными показателями: обеспеченность врачами на 10 тыс. населения; обеспеченность жильем; доля жилого фонда, оборудованного канализацией; обеспеченность телефонами на 1000 населения;
- 7) безопасность жизни – число убийств на 100 тыс. населения.

К сожалению, в данной методике отсутствуют индикаторы, отражающие экологическую безопасность. Н.В. Зубаревич объясняет это невозможностью отражения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке администрации Смоленской области и РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социологический портрет Смоленской области» проект № 06-03-58302а/Ц.

всего комплекса проблем окружающей среды существующими статистическими показателями. По ее мнению показатель выбросов в атмосферу от стационарных источников загрязнения (в расчете на душу населения) искажает оценку воздействия, так как в густонаселенных районах она занижается, а в слабозаселенных – завышается. Однако, по-нашему мнению, для Центрального федерального округа, субъекты которого имеют примерно одинаковую плотность населения (за исключением Москвы), данный показатель можно использовать для оценки экологической безопасности регионов.

Предложенная система компонентов качества жизни в какой-то мере позволяет решить проблему «весов». Каждый из блоков принимается равнозначным для оценки качества жизни, но внутри блока число индикаторов может быть различным.

Для интегрирования показателей используется метод линейного масштабирования, применяемый при расчете ИРЧП. В основе его лежит определение референтных точек (максимальных и минимальных значений индикаторов), что показывает реальное расположение показателя каждого конкретного региона между ними. Расчет производится по формуле:

$$\text{Индекс} = \frac{X_i - X_{i \min}}{X_{i \max} - X_{i \min}} \quad (1),$$

где X_i , $X_{i \min}$, $X_{i \max}$ – соответственно фактическое, минимальное и максимальное значения показателя.

Для обратных показателей используется процедура вычитания из единицы значения нормированного индикатора, рассчитанного по методу линейного масштабирования, позволяющая правильно ориентировать индекс без изменений его положения между референтными точками:

$$\text{Индекс} = 1 - \left(\frac{X_i - X_{i \min}}{X_{i \max} - X_{i \min}} \right) \quad (2).$$

В данной методике проблемой является выбор референтных точек. Для долевых показателей границы очевидны: 0 % и 100 %. Но для показателей, не имеющих «потолка», единственным способом определения референтных точек являются экспертные оценки. Наиболее известным примером являются максимальные и минимальные значения ожидаемой продолжительности жизни (соответственно 85 и 25 лет) в индексе развития человеческого потенциала. Они выбирались на основе демографических наблюдений за длительный промежуток времени и с учетом ожидаемых изменений в будущем. В качестве референтных точек для младенческой смертности взяты самые низкие значения по странам (5 промилле) и близкие к среднемировым (50 промилле). Для обеспеченности жильем за максимум был взят среднеевропейский уровень 30 кв. м на человека. Максимальное значение численности учащихся в профессиональных учебных заведениях определено исходя из доли населения в возрасте 15 – 24 года во всей численности населения страны (16 %). Для других показателей, не имеющих «потолка», выбор проводился методом многократных расчетов и анализа полученных данных. Выбранные референтные точки представлены в таблице 1.

Референтные точки и полярные значения индикаторов

Индикаторы	Референтные точки	
	max	min
1. Отношение душевых денежных доходов к прожиточному минимуму, раз	7,0	0
2. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, % (обратный показатель)	100	0
3. Уровень занятости, %	100	0
4. Ожидаемая продолжительность жизни, лет	85	25
5. Младенческая смертность на 1000 рождений (обратный показатель)	50	5
6. Число учащихся профессиональных учебных заведений всех видов на 10 тыс. населения	1600	0
7. Обеспеченность врачами на 10 тыс. населения	100	0
8. Обеспеченность жильем, кв. м на чел.	30	0
9. Доля жилого фонда, оборудованного канализацией, %	100	0
10. Число телефонов на 1000 населения	600	0
12) Число убийств на 100 тыс. населения (обратный показатель)	100	0

Исходя из вышесказанного, расчет полного индекса качества жизни, определяется по формуле:

$$\text{Полный индекс (ПИКЖ)} = \frac{A + B + C + \left(\frac{D + E}{2}\right) + F + \left(\frac{G + H + I + J}{4}\right) + K}{7} \quad (3),$$

где А – индекс отношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму,
 В – индекс доли населения с доходами ниже прожиточного минимума,
 С – индекс уровня занятости населения,
 D – индекс ожидаемой продолжительности жизни,
 E – индекс младенческой смертности,
 F – индекс числа учащихся в профессиональных учебных заведениях,
 G – индекс обеспеченности врачами,
 H – индекс обеспеченности жильем,
 I – индекс обеспеченности канализацией,
 J – индекс обеспеченности телефонами,
 K – индекс числа убийств.

Как и в индексе развития человеческого потенциала, регионы со значением полного индекса ниже 0,5 имеют низкий уровень качества жизни, 0,5–0,8 – средний уровень, 0,8 и больше – высокий уровень качества жизни.

Данная методика позволяет осуществлять оценку динамики качества жизни в стране и регионе за ряд лет, а главное, проводить межрегиональные сравнения этой динамики, а также выявить слабые места социального развития того или иного региона. Проведенная нами оценка качества жизни населения в Центральном Федеральном округе за период с 1998 г. по 2005 г. позволяет сделать следующие выводы.

С 1998 г. по 2000 г. в целом по стране, а также во всех субъектах ЦФО наблюдалось снижение полного индекса качества жизни, что объясняется последствиями

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

экономического кризиса 1998 г. Даже в Москве в 2000 г. этот индекс восстановился только на уровне 1998 г. (см. табл. 2). В эти годы из субъектов округа только столица имела высокий уровень качества жизни ($>0,8$). В лидирующей группе (с индексом $>0,62$) находились Белгородская (0,637), Воронежская (0,631) и Липецкая (0,623) области, которые имели высокие показатели по главным в эти годы индикаторам – доходам, уровню занятости, ожидаемой продолжительности жизни. Все остальные регионы, за исключением Ярославской области имели индекс ниже среднероссийского и составляли группу срединных регионов округа. В группу регионов с низким качеством жизни входили Тверская (0,57), Ивановская (0,579) и Костромская (0,583) области, имеющие отставания по всем основным индикаторам.

Таблица 2

Динамика полного индекса качества жизни в субъектах ЦФО за 1998 – 2005 гг.

СУБЪЕКТ РФ	1998	2000	2003	2005
РФ	0,6100	0,6106	0,6537	
Белгородская обл.	0,6371	0,6285	0,6661	0,6940
Брянская обл.	0,5836	0,5630	0,6278	0,6522
Владимирская обл.	0,5876	0,5592	0,6174	0,6228
Воронежская обл.	0,6311	0,6035	0,6517	0,6872
Ивановская обл.	0,5796	0,5246	0,5795	0,6081
Калужская обл.	0,5964	0,5637	0,6257	0,6619
Костромская обл.	0,5832	0,5773	0,6067	0,6384
Курская обл.	0,6017	0,5748	0,6336	0,6718
Липецкая обл.	0,6228	0,6117	0,6624	0,6847
Московская обл.	0,6058	0,5912	0,6243	0,6492
Орловская обл.	0,6091	0,5947	0,6460	0,6649
Рязанская обл.	0,6013	0,5677	0,6313	0,6645
Смоленская обл.	0,5959	0,5901	0,6404	0,6687
Тамбовская обл.	0,5980	0,5733	0,6459	0,6698
Тверская обл.	0,5702	0,5387	0,5894	0,6433
Тульская обл.	0,5959	0,5732	0,6397	0,6531
Ярославская обл.	0,6170	0,6151	0,6671	0,6927
г. Москва	0,8113	0,8241	0,8430	0,8807

С 2001 г. в стране наблюдается рост этого индекса, а, следовательно, и рост качества жизни. Эта же тенденция характерна и для всех территорий ЦФО. Все субъекты округа в 2005 г. имели уровень качества жизни выше среднероссийского в 1998 г. В 2005 г. максимальный рост ПИКЖ был характерен для Тверской области (+13 % от уровня 1998 г.), которая из аутсайдеров перешла в конец группы срединных регионов благодаря улучшению индекса доходов. Рост ПИКЖ на 12 % от уровня 1998 г. наблюдался также в Ярославской, Смоленской и Тамбовской областях. Таким образом, в 2005 г. группу лидеров по ЦФО образовали Москва (0,88), Белгородская (0,694), Ярославская (0,693), Воронежская (0,687) и Липецкая (0,685) области. Аутсайдеры – области с большими проблемами развития социальной сферы, низкими доходами населения и низкими показателями уровня здоровья – Ивановская (0,608), Владимирская (0,623) и Костромская (0,638).

Данная методика имеет некоторые недостатки. Одним из них является использование только объективных показателей качества жизни (на основе статистических данных). Сложность пространственных социальных трансформаций требует синтеза

разных методов изучения социального развития регионов, поэтому для достоверной картины качества жизни населения необходимо также применение социологических опросов, которые дадут основу для субъективной оценки исследуемого явления.

Литература

1. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Макроэкономический анализ неравномерности экономического и социального развития регионов на 2003 год. Отчет по государственному контракту на выполнение научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы, № 26.21.9/57 от 04.03.2003 г., – М., 2003.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004. – М.: Росстат, 2004.
4. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006. – М.: Росстат, 2006.

К.И. Богомазов

РАСШИРЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА. ПРОЕКТ РЕЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ ДЛЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Важнейшей предпосылкой для расширения инструментария социологического портрета региона в проекте для Омской области послужила выбранная исследовательской группой сетевая технология для сбора и обработки данных. Причины такого выбора, преимущества и недостатки технологии подробно обсуждались на конференции в Тюменском государственном университете осенью 2006 года. Опыт использования сетевых технологий позволил очертить границу целесообразного их использования и назвать важнейшие факторы, определяющие выбор:

- Глубина и оперативность обработки (особенно, если необходима обработка по предварительным результатам в процессе ввода данных, в.т.ч. для верификации и выявления систематических ошибок)
- Объём выборки
- Наличие географически удалённых «очагов» ввода и/или обработки данных
- Необходимость тесной координации в рамках общей методики

Принимая во внимание, что исследование в рамках типовой методики социологического портрета региона оправдывает использование сетевых технологий для сбора и обработки данных, нами был сделан соответствующий выбор. Этот выбор сразу предопределил и программный инструментарий исследования: центром данных должна была стать не закрытая база данных в формате SPSS/PC, а открытая реляционная СУБД, обладающая возможностями интеграции с сетевыми технологиями (доступ к сбору и обработке данных через Internet). Таким образом, программный инструментарий Омского проекта включает в себя Web-сервер и реляционную СУБД. С точки зрения и минимизации расходов и, главное, обеспечения лицензионной безопасности проекта при публикации его результатов, были выбраны решения на базе лицензий GPL (т.н. open source - открытое программное обеспечение, доступное не только для свободного использования, но и для модификации).

В рамках подготовки проекта на базе уже имеющихся технических и программных средств автором при содействии Г.З.Ефимовой, В.А.Давыденко, Н.В.Латовой, Ю.В.Латова, В.В.Мельника, Г.М.Чердынцева был организован сайт с адресом

WWW.SocRegion.OmEco.Ru, где ещё до начала Омского проекта были представлены некоторые материалы о конференции по опыту апробации типовой методики в 2006 г. В настоящее время сайт содержит базу данных об участниках конференции, которую каждый из участников может изменять и дополнять по своему усмотрению, электронную конференцию, средства для обмена электронными документами, библиотеку фотографий о конференции в Тюмени, где сайт впервые и был анонсирован.

Таким образом, при использовании нового инструментария (реляционной СУБД, поддерживающей работу с мультимедийными объектами (фотографии, географические карты, видео, звук и др.)) возникли предпосылки для расширения информационной базы социологического портрета региона.

Но ещё более значимой при принятии решения оказалась потенциальная востребованность исследователями новых возможностей. Автор типовой методики член-корреспондент РАН Николай Иванович Лапин указал, что в рамках целей общей программы следует «... обеспечить комплексность, проблемно-аналитический характер и наглядность социокультурных портретов регионов России, которые были бы востребованы административными, деловыми, политическими структурами, средствами массовой информации, учреждениями образования, широкими слоями населения региона и всей страны»[1].

Избранная при реализации Омского проекта сетевая технология отвечает в первую очередь задачам самого широкого подключения к проекту всех заинтересованных лиц, т.к. предполагает непосредственную публикацию результатов в сети Internet. С другой стороны, из обозначенной выше цели вытекает и обоснование использования мультимедийных объектов в рамках проекта (это связано не только с обеспечением наглядности, но и для привлечения внимания к проекту, обеспечения альтернативных форм представления информации для более широкой аудитории).

Незатронутой в рамках конференции 2006 года оказалась тема реляционной модели данных в целях обеспечения комплексности портретов регионов России. Хотелось бы более подробно представить Омский проект с этой точки зрения для возможного использования нашего подхода в других регионах. Во-первых, для обоснования выборки (характеристик её объёма и структуры) служит анализ статистических данных, но при традиционном подходе он не отражается в базе данных исследователей. Конечно, обобщение статистических данных интерпретируется в отчёте, но не в самих анкетах. Между тем именно реляционная модель данных предполагает "расширение" информации в анкетах за счёт дополнительных сведений, известных о месте проживания респондента, месте его работы и др.

Например, вопрос о субъективном восприятии респондентом различных характеристик качества жизни, в т.ч. о состоянии экологии, должен быть дополнен переменными, характеризующими такое состояние по результатам статистических наблюдений, оценкам экспертов и другими материалами. Как их включить в единый банк данных?

Сама методика предполагает идентификацию изучаемых объектов и их характеристик (областей, национальностей, языков, конфессий и т.п.). Значит, в рамках реляционной модели данных необходимо создать справочники всех объектов и классифицированных характеристик, которые должны оказаться независимыми от самих анкет, их использующих. Это позволит расширить справочники дополнительными характеристиками других исследований (не только статистических, но и фокус-групп и др.). Рассмотрим характерный пример:

Таблица 1

Пример сопоставимых характеристик различных исследований

ИСТОЧНИК ДАННЫХ (ИССЛЕДОВАНИЕ, СПРАВОЧНИК)	ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА ИЛИ ЗАГОЛОВОК ДАННЫХ ПО ИСТОЧНИКУ	ССЫЛКА НА СПРАВОЧНИК
Анкета для основной выборки	Вопрос для интервьюера: Населённый пункт	Населённый пункт
	Вопрос для респондента: Как Вы считаете, чистый ли воздух в Вашем городе (селе), или он сильно загрязнен?	
Исследование фокус-группы (представители администрации)	Район	Район
	Оценка экологического состояния в районе	
Результат независимой экспертизы	Населённый пункт	Населённый пункт
	Оценка	
Справочник населённых пунктов	Наименование	
	Район	Район
	<другие характеристики>	
Справочник районов	Наименование	
	<другие характеристики>	

В реляционной модели основная анкета автоматически получит все атрибуты связанных с ней непосредственно или опосредованно (через "промежуточные" общие справочники) характеристик:

Таблица 2

Пример объединения источников данных сопоставимых характеристик

ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА ИЛИ ЗАГОЛОВОК ДАННЫХ	ИСТОЧНИК ДАННЫХ (ИССЛЕДОВАНИЕ, СПРАВОЧНИК)
Населённый пункт	Анкета для основной выборки
Мнение респондента: Как Вы считаете, чистый ли воздух в Вашем городе (селе), или он сильно загрязнен?	Анкета для основной выборки
Обобщённая оценка мнения, проживающих в данном населённом пункте	Анкета для основной выборки - в данном случае используется как справочник с обобщённой характеристикой выборки
Обобщённая оценка экологического состояния в районе, выработанная исследованием фокус-группы	Исследование фокус-группы (представители администрации)
Результат независимой экспертизы оценки экологического состояния населённого пункта	Результат независимой экспертизы
<другие значимые характеристики населённого пункта, важные для оценки экологического состояния>	Справочник населённых пунктов
<другие значимые характеристики района, включающего в себя данный населённый пункт, важные для оценки экологического состояния>	Справочник районов

Особое внимание хотелось бы обратить на преимущество реляционной модели (в сравнении с традиционным представлением анкет), заключающееся в том, что обобщённый результат исследования (в нашем примере по таблице 2 – обобщённые оценки респондентов основного исследования и фокус-группы администрации) сам становится частью справочника, что позволяет «прикрепить» результаты социологиче-

ского исследования к данным статистических наблюдений, формируя комплексный портрет региона.

Важно отметить, что набор характеристик может динамически расширяться в реляционной модели, при этом автоматически будут дополняться новыми характеристиками и «старые» исследования, т.е. речь всегда будет идти об актуализации «старых» данных при воздействии «новых». А каждое новое исследование будет получать всё более растущий «запас» уже наработанных оценок и характеристик (для сравнения и/или дополнения).

Характеризуя информацию, которую нужно привлечь в социокультурный портрет региона (особенно принимая во внимание задачи становления мониторинга и построения социокультурного атласа страны), необходимо указать на важнейшие измерения, которые пока, на наш взгляд, не отражены в типовой методике:

- 1) дата и время регистрации данных (например, время начала и завершения интервьюирования респондента, дата актуальности статданных и т.п.);
- 2) ГИС-информация (точное указание места регистрации данных);
- 3) мультимедийные объекты, иллюстрирующие время, место наблюдения и (в отдельных случаях) единицу наблюдения.

Первое предложение достаточно прозрачно. Включение данных о дате и времени позволит создавать общий банк данных различных КСИ (не обязательно лонгитюдных) с возможностью их сопоставления и взаимодополнения, как это было показано на иллюстрации в таблице 2. Но пример в таблице 2 мог бы быть расширен, если принять во внимание наличие различных оценок по времени их регистрации.

Второе предложение (ГИС) необходимо прокомментировать подробнее. Географические информационные системы (ГИС или ИГС (когда речь идёт о преимущественно информационной составляющей)) становятся всё более востребованным инструментом в государственном и муниципальном управлении, позволяют на базе сведений о местоположении объектов определять целый ряд взаимосвязанных по общности географического положения характеристик. Ряд отраслей народного хозяйства не могут не развивать ГИС (транспорт, связь, службы экстренного реагирования (МЧС, скорая помощь) и др. Растёт популярность ГИС и у населения, что порождает целый ряд потребительских товаров, сочетающих в себе справочники и карты. Следовательно, уже сейчас к результатам КСИ в рамках типовой методики социокультурного портрета региона можно было бы «добавить» справочники из различных ГИС. Принимая во внимание то, что сами ГИС основываются на реляционной модели данных, можно было бы «экспортировать» результаты КСИ в ГИС для, например, государственного и муниципального управления. В проект социокультурного портрета Омской области предлагаю включить в состав инструментария технические средства, необходимые для регистрации ГИС-информации. Сейчас регистрация таких сведений доступна в системах ГЛОНАСС и GPS. К сожалению, пока рынок бытовой электроники гораздо лучше представлен для GPS, а не для отечественной ГЛОНАСС. Поэтому, предлагаю использовать именно GPS-датчики (таковые на рынке представлены как в виде специализированных узкофункциональных устройств, так и в составе универсальных технических средств (сотовые телефоны и коммуникаторы, карманные и ультракомпактные компьютеры, ноутбуки)). С учётом интеграции ГИС с мультимедийной информацией (о которой будет сказано ниже), предлагаю использовать именно конвергентные устройства, позволяющие подключаясь к Internet и регистрировать анкеты с использованием сетевых технологий и сразу передавать мультимедийную и ГИС-информацию. К таким устройствам можно отнести все те телефоны и коммуникаторы, которые обладают

GPS-датчиком, подключением к Internet (чаще всего, GPRS) и регистраторами мультимедийных объектов (диктофоном, камерой).

Третье предложение нуждается не столько в характеристике содержания, сколько в проработке технологии как сбора, так и использования мультимедийных данных. Уже сейчас мы получили первый опыт включения в базу данных и последующего использования мультимедийных объектов: фотографии, диктофонные записи на сайте WWW.SocRegion.OmEco.Ru. Но для популяризации социокультурных портретов регионов и организации обратной связи с населением, необходимо не только создать единое информационное пространство для исследователей, но и сделать его открытым. Сейчас сайт предполагает работу только авторизованных пользователей – только им доступны все мультимедийные объекты. Следует, сохраняя авторизованный доступ (для некоторых объектов, для исправлений информации и т.п.) организовать возможности для публикации мультимедийных объектов без ограничений – создать публичную версию сайта. И среди других мультимедийных объектов, иллюстрирующих место и время исследования (например, фотографии известных памятников, архитектурных ансамблей, ландшафта, природных образований) размещать результаты КСИ, связывая их с картами и максимально расширяя информационный охват за счёт использования реляционной модели данных.

Литература

1. Социокультурный портрет региона: типовая программа и методика // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». – М.: ИФРАН, 2006. – С. 14.

А.И. Винокуров

МЕРОПРИЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В ОПИСАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА *

Основная стратегия административной реформы в Российской Федерации на втором этапе – это совершенствование системы управления государственной политикой, повышение качества и доступности услуг, продолжение реформирования госслужбы, использование передовых информационных и бюджетных технологий, распространение преобразований на региональный и муниципальный уровни. В настоящее время в регионах России выстраивается новая модель государственно-административного управления, в которой смыслом и назначением деятельности органов власти становится оказание публичных услуг населению.

Основными элементами модели государственно-административного управления станут элементы социального и экономического управления, перевода деятельности персонала администраций в режим прозрачной или «отзывчивой бюрократии». Одной из приоритетных задач развития государственного управления в стране становится внедрение досудебного обжалования решений и действий государственных органов и должностных лиц.

Начиная с 2006 г. в Смоленской области реализуется проект пилотного внедрения механизмов досудебного обжалования в органах исполнительной власти. Аналогичные проекты в 2006 году разрабатывались в Чувашской Республике, Иркутской области, Ханты-Мансийском Автономном округе.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Смоленской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социологический портрет Смоленской области», проект №06-03-03-58302 а/Ц.

По итогам первого этапа пилотного внедрения проекта нами разработан Административный регламент исполнения Контрольным Управлением Аппарата Администрации Смоленской области государственной функции по обеспечению реализации права граждан и организаций на досудебное обжалование действия (бездействия) и решения органов исполнительной власти Смоленской области и их должностных лиц.

Особенностями разработанного регламента является положение о праве граждан на альтернативные процедуры рассмотрения жалобы. Согласно регламенту каждый обратившийся на личный приём гражданин вправе реализовать своё право на разрешение его жалобы путём переговоров, посредничества и консультирования.

В ходе работы над проектом в 2006 году был разработан пакет тестов для отбора и процедура тестирования сотрудников, отбираемых для работы с регламентом. Проведено обучение сотрудников Контрольного Управления Аппарата Администрации Смоленской области, осуществляющих внедрение проекта.

Разработаны методические рекомендации по применению технологических переговоров, посредничества в разрешении административных споров и проведения консультативных бесед; составлен перечень показателей измерения производительности труда персонала отдела Контрольного Управления Аппарата Администрации Смоленской области, реализующего внедрение регламента. Кроме этого разработано положение об отделе и должностных регламентах сотрудников.

С июля 2007г. начинается апробация Административного регламента в Контрольном Управлении Аппарата Администрации Смоленской области. Цель апробации – создание организационной структуры (комиссии) по досудебному обжалованию в Администрации Смоленской области.

В зарубежной практике судопроизводства с помощью альтернативных методов разрешения споров происходит отсеивание тех гражданских дел, которые в действительности не нуждаются в полном судебном разбирательстве. Для рассмотрения этих дел применяются различные досудебные примирительные и упрощённые процедуры. Альтернативные методы разрешения споров всё больше получают признание в государственной защите прав человека.

Федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2007–2011 гг.» предусмотрено, что внедрение примирительных процедур, внесудебных и досудебных способов урегулирования споров будет способствовать снижению нагрузки на судей, повышению качества правосудия. Проект ФЗ «О примирительной процедуре с участием посредника (медиации)» 15 марта 2007г. был рассмотрен Комитетом Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. В истории России известен опыт деятельности совестных судов. Они были введены в ходе губернской реформы Екатерины II в 1775 г. Совестный суд мог руководствоваться не только законами, но и естественной справедливостью.

В связи с реализацией административной реформы на Смоленщине мы включили в анкету следующие дополнительные вопросы.

1. Знаете ли Вы о том, что на Смоленщине реализуется административная реформа, конечная цель которой улучшение качества жизни смолян?

Варианты ответов: да, знаю; нет, не знаю; затрудняюсь ответить; отказ на ответ.

2. На сколько процентов по шкале оценок Вы удовлетворены качеством и доступностью услуг населению, оказывающихся органами исполнительной власти. Обведите кружком цифру в соответствующей клеточке таблицы. Качество и доступность в процентах предоставлены в виде таблицы от 5 % до 100 %.

3. Если Вы занимаетесь предпринимательством, то оцените уровень Вашей удовлетворённости от невмешательства (или излишней регламентации Вашей деятельности) государства в Вашу деятельность.

Варианты ответов: высокий, средний, низкий, затрудняюсь ответить, отказ от ответа.

4. Знаете ли вы о том, что конфликт, споры с представителями власти (администрацией) можно разрешить (урегулировать) досудебными методами?

Варианты ответов: да, знаю; нет, не знаю; затрудняюсь ответить; отказ от ответа.

Первые результаты, полученные нами в исследовании, оказались востребованными, поскольку администрация Смоленской области в экстренном порядке стала разрабатывать целевую программу демографического развития Смоленской области.

Таким образом, реализация мероприятия административной реформы, применение альтернативных способов и процедур разрешения конфликтов в условиях исполнения Административного регламента по досудебному обжалованию станет средством не только упорядочения статуса субъектов права, оперативного моделирования и менеджмента региональных конфликтов, а также практическим результатом проведенных исследований социокультурной жизни Смоленской области.

Н.В. Власова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ» В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Образование в начале XXI века стало мощной социокультурной силой, определяющей стратегию развития страны на десятилетия вперед. Сегодня связь между современным, качественным образованием и перспективой построения гражданского общества, эффективной экономики и безопасного государства очевидна. Для страны, которая ориентируется на инновационный путь развития, жизненно важно дать системе образования стимул к движению вперед – это и есть первоочередная задача приоритетного национального проекта «Образование».

Сейчас все меньше остается скептиков, вопрошающих: «Зачем нужен масштабный национальный проект в образовании?». Для многих связь между современным, качественным образованием и перспективой построения гражданского общества, эффективной экономики и безопасного государства очевидна. Для страны, которая ориентируется на инновационный путь развития, жизненно важно дать системе образования стимул к движению вперед – это и есть первоочередная задача приоритетного национального проекта «Образование». О необходимости реформ в российской системе образования говорится уже давно, и приоритетный национальный проект «Образование» позволил сделать первые шаги в этом направлении.

Отставание уровня отечественного образования от потребностей времени, низкий уровень технической оснащённости учебных заведений, существенный разрыв в уровне подготовки столичных и региональных специалистов — вот далеко не полный перечень проблем, на решение которых направлен приоритетный национальный проект «Образование».

В рамках реализации приоритетного национального проекта планируется решить задачи:

- Обеспечение доступа учащихся образовательных учреждений через сеть Интернет к современным информационным образовательным ресурсам (ИОР), созданным за счет средств федерального бюджета в результате реализации федеральных целевых

программ, в том числе федеральным образовательным порталам, электронным образовательным ресурсам, сетевым лабораторным практикумам, депозитариям и др.

- Повышение уровня образования учащихся и качество подготовки выпускников образовательных учреждений.
- Внедрение современных образовательных программ и технологий в учебный процесс (развитие интерактивных форм обучения, использование мультимедийных технологий и обучающих программ).
- Возможность для поэтапного перехода к новому уровню образования на основе информационных технологий [1].

В рамках приоритетного национального проекта планируется довести количество образовательных учреждений, подключаемых к сети Интернет, до 100 %. Субъекты Российской Федерации обеспечивают образовательные учреждения своего региона автоматизированными рабочими местами. В 2007 году планируется поставка компьютерного оборудования в образовательные учреждения Российской Федерации, в результате чего значительно сократится «цифровой разрыв» между наиболее и наименее оснащенными учебными заведениями различных регионов России [2]. В этом плане, например, по итогам первого полугодия 2007 года 624 школы (99,8 %) Ульяновской области получили доступ в сеть Интернет в рамках приоритетного национального проекта «Образование». (Об этом информирует департамент образования региона).

По кабельной технологии были подключены 607 образовательных учреждений, среди них 568 общеобразовательных школ, 32 интерната и семь вечерних школ. С использованием спутниковых технологий подключение получили 17 образовательных учреждений: 14 общеобразовательных школ и три вечерних, расположенных в учреждениях уголовно-исправительной системы.

В 2007 году на создание локальных сетей направлено 864,4 тыс. руб. Как сообщает департамент образования области, на сегодняшний день в школах региона функционируют 292 компьютерных класса и 4766 компьютеров. В среднем, это один персональный компьютер на 26,9 учащихся. В школах Ульяновской области создано 180 сайтов, у 372 общеобразовательных учреждений созданы адреса электронной почты.

Благодаря активизации работы в рамках национального проекта «Образование» в образовательных учреждениях региона количество компьютерных классов увеличилось на 21 единицу, а компьютерной техники – на 316 единиц. По данным департамента образования области, на данный момент в регионе отсутствуют школы, не имеющие компьютерную технику.

Также речь идет об оснащении современной техникой, о возможных спутниковых каналах, которые будут дешевле, если они станут массовыми – вот те минимальные меры, которые предполагается предпринять в рамках реализации национального проекта «Образование». Сейчас стоит вопрос об обновлении компьютерного парка, а для этого надо создавать свою электронную промышленность, которая позволит дешевле оснащать школы. И сейчас удобный момент, в который можно было бы для решения этих проблем использовать деньги, выделяемые на социальные программы, потому что это стимулировало бы развитие ИТ и промышленности, связанной с ИТ.

Благодаря тому, что 2006 год объявлен губернатором Ульяновской области годом молодежи, из республиканского бюджета на реализацию молодежной политики дополнительно выделено 22 млн. руб. Это можно рассматривать как софинансирование национального проекта «Образование» – средства пойдут на поддержку молодых лидеров и творческой молодежи, развитие студенческого и ученического самоуправления [3]. Среди направлений в рамках реализации проекта можно отметить следующие:

поощрение школьников – отличников учебы, получивших в рамках областного праздника «День отличника» премии губернатора, выделено 800 тыс. руб. 3 миллиона рублей затрачено на проведение губернаторских каникул для одаренных детей с организацией их отдыха в дневных оздоровительных лагерях; оснащение школ учебно-наглядными пособиями и оборудованием - также получит финансовую поддержку из областного бюджета. Кроме того, из областного бюджета выделены 9 млн. руб. на приобретение 17 школьных автобусов. Еще около 10 миллионов в 2006 году на эти цели выделил федеральный центр и 6,6 миллионов предусмотрено в областном бюджете и т.д.

Об итогах начального этапа проекта, перспективах его развития и мерах, которые необходимо предпринять для его успешной реализации можно узнать из материалов областного социологического исследования [4].

Положение дел в российской и ульяновской системах образования оценены опрошенными достаточно позитивно (таблица 1). Характерно, что на это мнение не влияет вовлеченность респондента в данную сферу ни в качестве работника, ни в качестве человека, чьи дети (внуки, другие близкие родственники) обучаются на данный момент в школе.

Таблица 1

Оценка ситуации в сфере школьного образования (%)

	РОССИЯ	УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	В ЦЕЛОМ ПО СТРАНЕ ПО ДАНЫМ ФОМ*
<i>На Ваш взгляд, как сегодня обстоят дела в сфере школьного образования в целом по стране? А в Ульяновской области?</i>			
Хорошо	9	9	12
Удовлетворительно	51	49	35
Плохо	25	30	31
Затрудняюсь ответить	15	13	22

*Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 3-4 июня 2006 г.. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %.

38 % опрошенных слышали от работников образования те или иные отзывы о переменах, которые происходят в данной сфере в связи с реализацией национального проекта, причем 10 % – только положительные, 9 % – только отрицательные, и еще 19% – как положительные, так и отрицательные отзывы. Не слышали никаких отзывов 55%.

Осведомленность граждан об основных направлениях НП, оценка их важности и эффективности реализации представлены в таблице 2.

Отметим следующее. Наиболее широко озвученным, эффективно реализуемым и одним из самых важных направлений проекта население сочло *поощрение лучших учителей*. Несколько меньшие показатели имеет направление, предполагающее *выплату дополнительных вознаграждений классным руководителям*. Наиболее важными признаны *поддержка талантливой молодежи и оснащение школ пособиями и оборудованием* (а вот реализуется это направление, согласно оценкам, неэффективно). Наименее известный, неэффективный и ненужный аспект реформы в оценках населения – это *перевод школ на самостоятельную финансово-хозяйственную деятельность*.

НП «Образование»: информированность об отдельных направлениях, оценка эффективности их реализации, оценка важности основных направлений (%)

	Информированность о направлениях проекта	Оценка эффективности реализации				Оценка важности направления
		Эффективно	Затр. отв.	Не эффективно	Индекс эффективности*	
Поощрение лучших учителей	53	49	34	17	+33	32
Развитие технической основы современных информационных образовательных технологий, включая подключение школ к сети Интернет	43	51	31	19	+32	34
Выплата дополнительного ежемесячного денежного вознаграждения классным руководителям	37	45	38	17	+28	18
Поддержка талантливой молодежи	36	43	35	22	+22	39
Оснащение школ учебно-наглядными пособиями и оборудованием	34	37	33	30	+6	39
Стимулирование общеобразовательных учреждений, активно внедряющих инновационные образовательные программы	25	38	35	27	+11	24
Приобретение школьных автобусов	25	40	33	27	+13	10
Перевод школ на самостоятельную финансово-хозяйственную деятельность	24	27	36	38	-11	5
Никакие	13					3
Затрудняюсь ответить	13					13

* Индекс эффективности рассчитан как разность оценок «эффективно» и «не эффективно»

Ответы респондентов на открытый вопрос о положительных и отрицательных моментах реализации НП «Образование» показывают: некоторая часть информации, которую они имеют, в действительности не имеет к НП прямого отношения: опрошенные говорили о повышении базовой зарплаты учителя, о коммерциализации образования, об изменениях в образовательных программах и т.д. (таблицы 3, 4).

Тем не менее, именно ответы на открытый вопрос дополняют картину общественного мнения и позволяют сделать следующий вывод: в представлениях населения НП «Образование» нацелен, прежде всего, на повышение жизненного уровня педагогов и улучшение материальной базы школ.

«Какие отрицательные моменты реализации национального проекта «Образование» Вы можете назвать (с которыми столкнулись сами или слышали от других людей)?»

Группы высказываний	Число ответов
Проблемы, связанные с материальной составляющей образования (во всех аспектах):	184 (12%)
<i>Увеличение т.н. «поборов» (покупка учебников за счет родителей, взносы на ремонт школ и т.п.)</i>	34
<i>Увеличение числа платных образов. услуг, тенденция к всеобщему платному образованию</i>	33
<i>Недостаточное финансирование всех школ в целом, неравномерная финансовая поддержка школ</i>	32
<i>Отрицательные последствия перевода школ на самостоятельную финансово-хозяйственную деятельность</i>	30
<i>Недостаточное увеличение заработной платы, материальных вознаграждений для учителей</i>	29
<i>Взяточничество в сфере образования, коррумпированность образовательных структур</i>	13
<i>Повышение заработной платы и пособий не всем работникам образовательной сферы</i>	11
<i>Недостаточное поощрение талантливой молодежи</i>	2
Проблемы качества образования:	57 (4 %)
<i>Плохое качество образования, преподавания, незаинтересованность учителей, недостаточное внимание к личности ребёнка</i>	35
<i>Непосильная школьная нагрузка, непродуманность школьной программы</i>	11
<i>Отсутствие внешк. воспитания (полное отсутствие или дороговизна секций, кружков и т.д.)</i>	8
<i>Нехватка квалифицированных педагогических кадров (особенно в селах)</i>	3
Проблемы в управлении проектом:	44 (3 %)
<i>Отсутствие видимых результатов реализации данных направлений национального проекта, недостаточная эффект. работы органов власти, медленное внедрение проекта</i>	24
<i>В целом критикуется программа проекта, его бесполезность, неконкретная мотивировка выражения недовольства</i>	12
<i>Увеличение бюрократии, различного рода формализма, сопутствующего реализации проекта</i>	5
<i>Направленность проекта только на школьное образование (т.е. без внимания дошкольное и послешкольное образование)</i>	3
<i>Прочее (введение школьной формы, профильные классы, нет детей в сельских школах и т.д.)</i>	13
Нет отрицательных моментов	72 (5 %)
Затрудняюсь ответить	1146 (77 %)

«Какие положительные моменты реализации национального проекта "Образование" Вы можете назвать (с которыми столкнулись сами или слышали от других людей)?»

Группы высказываний	Число ответов
Плюсы, связанные с материальной составляющей образования (во всех аспектах):	155 (10 %)
<i>Увеличение заработной платы работникам образования (все денежные вознаграждения за классное руководство, все надбавки)</i>	43
<i>Компьютеризация школ, введение новых информ. технологий, в т.ч. подключение к Интернету</i>	29
<i>Поощрение лучших учителей</i>	21
<i>Оснащение школ новым оборудованием</i>	21
<i>Поддержка талантливой молодежи</i>	8
<i>Увеличение финансирования школ</i>	7
<i>Наличие бесплатного образования, увеличение числа бюджетных мест в ВУЗах</i>	7
<i>Социальные стипендии, помощь малоимущим</i>	2
<i>Перевод школ на самостоятельную финансово-хозяйственную деятельность</i>	6
<i>Приобретение школьных автобусов</i>	6
<i>Введение новых образовательных программ, увеличение числа конкурсов, грантов и т.д.</i>	5
Общие позитивные последствия: заметны положительные сдвиги по названным направлениям	31 (2 %)
Плюсы, связанные с качеством образования:	23 (1,5 %)
<i>Улучшение качества образования (также увеличение числа квалифицированных кадров, улучшение работы учителей в целом)</i>	18
<i>Создание профильных школ и классов</i>	3
<i>Создание конкурентной среды в сфере школьного образования как стимул для развития</i>	2
Никакие	83 (6 %)
Затрудняюсь ответить	1220 (82 %)

Мнение о деятельности властей в рамках реализации НП «Образование» смещается от скорее положительного при оценке федеральных органов до слабо отрицательного при оценке муниципальных властей (таблица 5).

Таблица 5

Оценка деятельности власти по реализации НП «Образование», в %

	Федеральная власть	Региональная власть	Муниципальная власть
<i>Как Вы оцениваете деятельность федеральной, региональной и местной власти по реализации национального проекта «Образование»?»</i>			
Положительно	28	21	18
Нейтрально	30	31	28
Отрицательно	13	16	22
Затрудняюсь ответить	30	32	32
Индекс*	+15	+5	-4

* - индекс рассчитан как разность положительных и отрицательных оценок

Позволим себе предположить, что общий относительно благоприятный настрой в отношении как нынешнего состояния сферы образования, так и НП «Образование» в различных его аспектах определяется тем, что проблемы данной сферы (при их безусловном наличии) не слишком актуализированы в общественном мнении жителей области. Проблему доступности качественного общего образования население уже традиционно связывает с материальными возможностями семьи, необходимость оснащения школ современным оборудованием не вызывает сомнений, а уровень жизни учителя стал притчей во языцех.

Повторимся: складывается впечатление, что в НП «Образование» население выделило для себя две ключевые составляющие – это поддержка учителей (причем как повсеместная, вроде доплат, так и на соревновательной основе) и оснащение школ (начиная с технического переоборудования и выделения школьных автобусов и заканчивая конкурсами и грантами).

Однако следует выделить проблемы, которые мешают достижению обозначенных перспектив. Одна из них – сокращение количества школ. Система среднего образования в Ульяновской области представлена 627 образовательными учреждениями. Из них: 403 средних, 123 основных, 101 начальное. Болезненной проблемой, особенно для малокомплектных сельских школ, является сокращение количества учебных заведений. В позапрошлом учебном году действовали 668 школ, 41 из них в течение двух лет были закрыты или реорганизованы.

Повышению качества образования препятствуют как сокращение общего количества учителей (при этом уходят, особенно после достижения пенсионного возраста, люди с большим педагогическим и жизненным опытом; молодые учителя не всегда способны сразу же полноценно заменить их), так и недостаточные условия оплаты учительского труда, способствующие оттоку молодых, талантливых, энергичных людей в другие сферы деятельности, мешающие педагогу целиком и полностью сосредоточиться на любимой работе.

Таким образом, модернизация системы образования в Ульяновской области, несмотря на ряд положительных тенденций, в целом осуществляется с трудом. Проблемой остается недостаточное финансирование, особенно при выделении средств из регионального и муниципальных бюджетов. До 90 % субвенций, выделяемых из федерального бюджета, расходуется в школах на выплату заработной платы учителям и на непосредственную реализацию учебного процесса. А на что осуществлять ремонт зданий, чинить крыши, полы, трубы, закупать школьную мебель, обеспечивать противопожарную безопасность? Многие школы испытывают серьезные трудности именно здесь. В большом количестве учебных заведений для решения проблем, копившихся годами, необходимо увеличение текущего финансирования в несколько раз. Несомненно, региону и муниципалитетам следует обратить внимание на сложившуюся ситуацию и значительно увеличить софинансирование по нацпроекту «Образование». Положительный эффект должна дать и системно организованная работа по привлечению производственных и предпринимательских структур к решению проблем системы образования [5].

Примечания

1. *Юрий Петров*, заместитель начальника Управления программ развития в сфере образования Федерального агентства по образованию.
2. *Сергей Колесников*, заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы.
3. *Тамара Девяткина*, министр образования и социального развития Ульяновской области.
4. Исследование проводил Центр социологических исследований при Правительстве Ульяновской области в октябре-ноябре 2006 г.
5. Источники: <http://www.rost.ru>; <http://edu.of.ru/profil/news.asp>; <http://ulpressa.ru>

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ***

Опыт реализации социальной политики в Чувашской Республике представляет значительный интерес в связи с тем, что этот регион, не обладая сырьевыми ресурсами, в течение ряда лет удерживает лидирующие позиции среди субъектов Российской Федерации по приоритетным направлениям социально-экономического развития. Как отметил Президент страны В.В.Путин в ходе визита в Чувашскую Республику в феврале 2004 г., опыт организации работы в Чувашии является примером для подражания и внедрения в других регионах страны, служит хорошим поводом для того, чтобы вносить коррективы в политику на федеральном уровне [1]. За Чувашской Республикой прочно закрепился имидж новаторского региона, и впечатляющие успехи в ее социально-экономическом развитии подчеркивают также и зарубежные организации, активно поддерживающие модернизационные проекты в стране. По оценке директора и постоянного представителя Всемирного банка в России К.Георгиевой, «Чувашия является моделью для других российских регионов с точки зрения определения стратегических приоритетов и достижения реальных успехов при реализации комплексных программ развития экономики и улучшения благосостояния региона» [2].

Реформаторские проекты и программы обустройства региона не ограничиваются только экономическими показателями, они разрабатываются в качестве комплексной стратегии общественного развития Чувашии как социума. Критериями успешного развития республики стали формирование благоприятных условий жизнедеятельности населения, повышение качества жизни людей, обеспечение интеграции региона в духовно-культурное, экономическое пространство страны и мирового сообщества. Важность реализации этих ориентиров подчеркивается усугублением экономической дифференциации субъектов Российской Федерации, когда они по величине производства валового регионального продукта на душу населения различаются почти в 100 раз.

Ведущим фактором повышения качества жизни населения в Чувашии стало формирование современной общественной инфраструктуры. Учитывая важное социально-бытовое значение обеспечения населения дешевой и удобной в использовании газовой тепловой энергией, в республике форсировали строительство газопроводов-отводов и газораспределительных сетей, притом задолго до принятия общероссийских программ по газификации населенных пунктов. В 1994 г., когда уровень газификации жилья составлял 41 % (в том числе в сельской местности – около 5 %), в Чувашии была поставлена задача доведения природного газа до каждого населенного пункта, заключены соответствующие договоры с РАО «Газпром» и в течение 10 лет более тысячи населенных пунктов были обеспечены природным газом, уровень газификации жилья в сельской местности возрос почти в 7 раз. К началу 2007 г. Чувашия в числе первых трех субъектов Российской Федерации обеспечила подачу природного газа во все населенные пункты республики, газифицировав 120,8 тыс. домов и квартир. К 1,1 тыс. км газопроводов, имевшимся в 1990 г., построено дополнительно 11 тыс. км газовых сетей. Население своими денежными средствами участвовало в мероприятиях по газификации, и этому активно способствовало внедрение в 2003 г. механизма банковского кредитования на льготных условиях со сроком погашения кредита в течение 5 лет и субсидированием процентных ставок банка сверх шести процентов из республиканского бюджета [3].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-03-22304а/В)

Газификация и увеличение энерговооруженности региона не только облегчили социально-бытовую обустроенность населения, но и стимулировали бурный рост строительства жилья. За 1994 – 2005 гг. было введено в эксплуатацию более 6 млн. кв.м домов и квартир, обеспеченность населения жильем в среднем на 1 чел. повысилась с 15,8 кв. м в 1991 г. до 20,1 кв. м на конец 2004 г. Такие темпы вывели Чувашию в число лидеров в жилищном строительстве страны. В 2006 г. ввод нового жилья на одного жителя составил 0,66 кв.м, что вдвое превышает среднероссийский показатель и уступает лишь Московской области. (В 1990 г. по строительству жилья на одного жителя Чувашия занимала 38 место в России) [4]. Чувашская Республика наравне с Санкт-Петербургом, Московской областью и Екатеринбургом вошла в четверку пилотных регионов России по осуществлению приоритетного национального проекта «Доступное жилье». Новаторские подходы в реализации социальных проектов привлекли внимание международных организаций, и они решились выступить в качестве инвесторов. Так, в 2004 г. открылись прямые кредитные линии из Венгерской Республики на жилищное строительство в Чувашии, благодаря которым в г. Новочебоксарск развернулось возведение «венгерского квартала». По оценке федерального Министра промышленности и энергетики В.Христенко, этот социальный проект имеет огромное значение не только для республики, но и в целом для России: «он является первым проектом в жилищном строительстве, для реализации которого в регион привлекаются кредитные линии иностранных коммерческих банков без гарантий Российской Федерации»[5]. Себестоимость жилья и цена квартир, построенных по этому проекту, будет ниже существующих в регионе предложений на рынке жилья.

Крупные вложения в жилищное строительство позволяют переходить к системному подходу в градостроительстве, строить не точечно отдельные дома, а целые микрорайоны. Так, в районе старых и ветхих зданий «Богданка» разворачивается строительство 2 млн. кв. м жилья на 100 тыс. жителей, будут возведены здесь и детские сады на 4 тыс. мест, школы на 13 тыс. учащихся, парковые зоны, автомагистраль и транспортная развязка. А на побережье Волги, между городами Чебоксары и Новочебоксарск, совместно с ОАО «Внешторгбанк» начато осуществление программы «Новый город». По разработкам немецких проектировщиков здесь строятся малоэтажные и индивидуальные жилые дома общим объемом 1 млн. кв. м. Стоимость жилья складывается ниже, чем в столице республики – Чебоксарах, и поэтому действующие на территории организации «Волготрансгаз», «Газпрома» и других предприимчивых коллективов уже заявили о намерении приобрести по 10 и более коттеджей.

Все градостроительные программы рассчитаны на использование разных, в том числе льготных систем продаж и кредитования, которые позволяют сделать новое жилье доступным для широкого круга семей. Для содействия населению в приобретении жилья активно используется система ипотечного кредитования. На это выделяются средства бюджета под льготный процент (6 % годовых) сроком до 15 лет. В 2002 г. началась реализация программы обеспечения жильем молодых семей путем субсидирования процентных ставок по коммерческим кредитам банков.

Важным фактором жизнеобеспечения населения являются дороги – своего рода «кровеносная система» народнохозяйственного комплекса страны. По территории Чувашской Республики проходит одна из главных федеральных автомагистралей, соединяющая Москву с Южным Уралом и Сибирью. Связь с другими регионами России осуществляется также посредством железнодорожного, водного и авиационного транспорта. По плотности автомобильных дорог с твердым покрытием Чувашия занимает 4 место в Российской Федерации (259 км/тыс. км²). К 2006 году протяженность автодорог общего пользования составила 4869 км, из них 325 – дороги федерального значения; 97,4 % дорог Чувашии имеют твердое покрытие, что обеспечивает их

надежность. За период 1995 – 2006 гг. в республике построено, реконструировано и отремонтировано более 2,6 тыс. км автодорог и 50 мостов. В том числе в 2002 г. построен участок дороги, соединивший федеральные дороги «Вятка» и «Волга» и обеспечивший курсирование транспортных потоков в обход городов Чебоксары и Новочебоксарск. В 2005 г. завершено строительство транспортной развязки по типу «клеверный лист» между Чебоксарами и Новочебоксарском на головном участке федеральной автодороги «Вятка». В 2006 г. начато осуществление уникального для российской действительности проекта стоимостью 9 млрд. руб. по строительству в течение 2-х лет 1100 км дорог, которые обеспечат транспортную доступность ко всем населенным пунктам Чувашии. По этому проекту из 500 деревень, оставшихся к 2006 г. необеспеченными выходом на магистрали, 32 населенных пункта открылись миру благодаря дорогам с твердым покрытием.

На основных железнодорожных станциях республики – гг. Чебоксары, Канаш, Шумерля в течение последних пяти лет реконструированы и построены железнодорожные вокзалы, создаются новые грузовые терминалы. Возрождается функционирование аэропорта в г. Чебоксары, в котором разворачивается кардинальная модернизация, создание пассажирского и грузового терминала нового поколения. Реки Волга и Сура связывают Чувашию с международной сетью водных путей, по Волге открывается путь судам до Астрахани, Ростова-на-Дону и Каспийскому, Азовскому, Черному морям. Завершение строительства гидроузла Чебоксарский ГЭС позволит создать единые глубоководные пути с гарантированной глубиной судового хода.

В социальном самочувствии населения важное место занимают организация услуг связи и возможности приобщения к единому информационному пространству страны. Чувашия является одним из пилотных регионов Российской Федерации по ряду направлений введенной в 2001 г. федеральной программы «Электронная Россия», прообразом которой, по признанию Министра регионального развития Российской Федерации В.А.Яковлева, стала программа «Электронная Чувашия», действовавшая уже в 1999 г. [6].

Примечания

1. Визит Президента Российской Федерации В.В.Путина в Чувашскую Республику 5 февраля 2004 года. – Чебоксары, 2004, с.8.
2. Дорожить временем, служить людям. – Чебоксары, 2007, с.33.
3. Российская газета. 2005, 23 июня.
4. Российская газета. 2007, 25 апреля.
5. Советская Чувашия. 2004, 14 октября.
6. Российская газета, 2005, 23 июня.

В.А. Давыденко, А.Н. Тарасова

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА*

В «Социокультурном портрете региона» изучению неформальных практик как социального института уделяется достаточно большое внимание. Это связано с тем, что, согласно гипотезе член-корреспондента РАН Н.И. Лапина [4], в обществе началась институционализация системы нового социального порядка, которая развивается скорее стихийно, чем планомерно и сознательно, по своим законам, которые пока наукой не выяснены. Зафиксировано лишь преобладание неформальных практик в её развитии.

Современное общество России – это устойчивая система неформальных практик как внутри, так и вне институтов и субъектов этих практик. Люди и организации действуют в социокультурном, экономическом и политическом пространстве России, используя и легальные, и теневые методы, то есть, опираясь как на официальные нормы, так и на неофициальные – «понятия».

При всей кажущейся тривиальности вопрос о неформальных практиках далеко не столь простой, поскольку «очевидность» многих принятых и на первый взгляд кажущихся понятными рассуждений «о правах и понятиях» рассыпается при переходе от обыденных представлений к научным, от эмпирических категорий – к аналитическим.

1. Неформальные «практики» как исследовательская проблема

Если говорить о категории «практика» в самом широком, философском контексте, то нельзя не признать, что выделенное ещё К. Марксом это понятие стало центральным для одного из направлений марксизма, известного как «деятельностная» школа. Вся история создаётся благодаря сложному взаимовлиянию человеческих действий и структурных условий, ограничивающие эти действия, (классовое деление, способ производства, другие ограничения, созданные предыдущими поколениями). В итоге деятельностный потенциал субъектов постепенно обогащается, и структуры подвергаются постепенному развитию. Как писал Пётр Штомпка, «практические действия осуществляются в обстоятельствах, унаследованных от более ранней фазы. Но конечной причинной силой, приводящей всю эту сложную последовательность в движение, является человек, наделенный способностью к преобразованию и самопреобразованию» [7]. Подобная взаимная глубокая связь человеческих действий и структурных условий и выражается фундаментальной категорией «практика».

Деятельностная концепция практики провозглашает активную роль социального субъекта (масс, классов, социальных движений, лидеров и т.д.), влияющего на ход истории, тем самым отрицая любые фаталистические и финалистические положения, равно как и механистические модели. В основе деятельностной концепции практики лежат определенные фундаментальные предположения, согласно которым историческому процессу имманентно присущи определенные качества и регулярность, он обладает внутренней логикой, смыслом и направлением.

Спускаясь с высоты философских определений концепции практики на уровень самых повседневных жизненных забот и действий, обнаруживаем, что в «повседневной практике» люди создают, воссоздают и преобразуют своё собственное общество и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 06-03-00566а «Социокультурный портрет региона (Тюменская область)»; № 05-03-03368а «Неформальные практики на рынке труда (на примере юга Тюменской области)»).

самих себя точно так же, как в повседневной речи они производят, воспроизводят и изменяют свой язык. В итоге возникает концепция многообразных «реальных практик», или «массовых практик», «формирующих реальную жизнь российского общества» [3]. Если исходить из того, что социальные изменения есть совокупный, исторически аккумулированный результат того, что делают члены общества по своим частным причинам и в эгоистических интересах, то следствием такой посылки будет понятие непреднамеренных, скрытых последствий таких действий.

Так возникает образ спонтанных, или «неформальных», изменений, производимых индивидами, в противовес преднамеренного, планируемого изменения. Поскольку объём спонтанной, неформальной, или «распылённой повседневной активности индивидуальных деятелей» (Пётр Штомпка) достаточно большой по сравнению с объёмом действий акторов, представляющих административные или управленческие позиции, то тогда эти неформальные практики в общем объёме социальных изменений могут становиться решающими.

Таким образом, мы выходим на проблему движущих сил социальных изменений, которые находят своё окончательное воплощение в коллективных субъектах действия. Причём «одни действуют "сверху", давая указания, – это правительства, законодательные и административные органы, корпорации и т.д. Другие действуют "снизу", постепенно производя изменения, – это ассоциации, группы давления, лобби, социальные движения» [7].

Поэтому при определении проблемы неформальных практик следует, прежде всего, отличать исследовательскую позицию от позиции административной или управленческой.

Исследовательская позиция фиксирует факты широкой распространённости неформальных практик. На микроуровне неформальные практики предстают не просто естественным механизмом функционирования экономики, но способом решения многих проблем, связанных с несовершенством формальных правил. Наличие неформальных и полуформальных городских рынков, например, позволяет малообеспеченным слоям населения покупать товары первой необходимости по низким ценам. При этом издержки подобной торговли никого не пугают: люди сознательно идут на риск приобретения некачественной продукции ради возможности получить ценовую выгоду. В сфере неформальных трудовых отношений ситуация всех устраивает: работодатели избегают излишних затрат, связанных с налогами и социальным обеспечением работников, неформально занятые получают более высокие «чёрные» зарплаты и «моральное оправдание» работать не в полную силу, обычно не задумываясь о соблюдении трудовой дисциплины. При этом никто не испытывает особого недовольства, что, например, продемонстрировало равнодушие трудящихся к принятию нового трудового кодекса, основных положений которого практически не знают ни работники, ни работодатели. Подавляющее большинство россиян слабо осведомлены о формально-правовых нормах, призванных регулировать их трудовое поведение.

Бюрократия, чиновники получают свои «комиссионные с оборота», стремятся увеличить их размер и усилить свой контроль по всем направлениям общественной жизни. Но свои обязательства по обслуживанию экономических и иных клиентов они, как правило, выполняют, хотя к проблемам населения по-прежнему остается равнодушной. Контроль за выполнением законов поставлен плохо. Значительная часть реализующих его чиновников коррумпирована, а результаты действительно нелицеприятных проверок (в частности, выполняемых Счетной палатой РФ), даже будучи опубликованы, ложатся на полку и не влекут за собой мер пресечения. Не поэтому ли В.В. Путин посоветовал Счетной палате РФ сделать свою деятельность менее открытой, чтобы излишне не волновать народ? [3] Противоправное поведение чиновников,

произвольное толкование и избирательное использование ими законов и подзаконных норм – важнейший источник неправового поведения всех остальных общественных групп. Требуя от «простых россиян» соблюдения формально-правовых норм, бюрократы и чиновники всех уровней цинично транслируют им образцы собственного неправового поведения. Закрепилось стереотипное представление о том, что любые действия власти ведут к ухудшению жизни; на это общество реагирует по-своему: либо не обращает внимания, либо борется, применяя весь арсенал неправовых средств, включая неформальные формы выживания.

Мотивы участия граждан в формировании практик, параллельных официальным и их замещающих, понятны: это желание избежать уплаты налогов, уйти от ненужной огласки, застраховать себя на случай возможной конфискации имущества. Привычны «двойная бухгалтерия», резкий разрыв между официальной идеологией преобразований, их широковещательным пропагандистским обеспечением и истинными намерениями инициаторов заявленных перемен. В политической сфере подобные неформальные тенденции проявляются в государственной монополизации СМИ, неискренности и закрытости власти по отношению к обществу, использовании технологий манипулирования общественным мнением. В экономике – в появлении институтов «крыши», приватизации сферы организованного насилия, возникновении устойчивых механизмов неправового взаимодействия чиновников с бизнесменами. В юридической сфере – в зависимости органов правосудия от исполнительной власти, избирательном применении закона, ненаказуемости крупной экономической и уголовной преступности, общем падении авторитета закона.

Сам факт чрезвычайно широкой распространенности, например, неформальных рынков в экономиках постсоциалистических стран, как и малая результативность запретительных мер по отношению к неформальной торговле, говорят о высокой функциональности данного феномена и его положительном восприятии населением.

2. Функциональность неформальных практик

Обыденное сознание не может не признавать расхождения между официально вмененной деятельностью формальных институтов и теми реальными неформальными практиками, которыми сплошь и рядом замещаются установленные властями «правила игры». Большая часть наших сограждан, не исключая и нас самих, были участниками мнимых и притворных сделок.

Исследуя взаимодействия акторов, функционирующих на различных уровнях общественной вертикали, отмечается повсеместное распространение неформальных практик и нелегальных или неправовых отношений. Неформальные и теневые практики активно реализуются не только в экономике, где они первоначально возникли, но и в политике, социальной сфере и даже в культуре. В работах самых различных научных направлений отмечается, что серьезные отклонения повседневных практик от формально-правовых норм характерны для всей истории России, особенно для ее советского периода.

Это качество унаследовано и современной Россией, важнейшие социальные практики которой повсеместно и принципиально расходятся с правовыми нормами. Больше того, во многих сферах жизни неправоновые практики активно вытесняют правовые, фактически приобретая институциональный характер. В политической сфере это проявляется в неискренности и закрытости власти, её стремлении к монополизации СМИ, в использовании политическими силами неправовых технологий манипулирования электоратом. В экономике сложились устойчивые неправоновые отношения между чиновниками и бизнесменами, базирующиеся на различных формах коррупции. В

юридической сфере люди постоянно сталкиваются с избирательным применением законов, нежеланием власти бороться с коррупцией и организованной преступностью, общим падением авторитета закона.

Социальные практики не могут выйти за рамки сформировавшихся культурных форм. В данном контексте культура понимается в антропологическом смысле, развиваемом член-корр. РАН Н.И. Лапиным, – как совокупность способов и результатов деятельности народа, как синтез его интеллектуальных, материальных и духовных достижений. Именно культура воспроизводит адекватные себе политический строй, социальные отношения, экономику, систему права. Социокультурное пространство обладает необычайной институциональной силой.

Рассматривая различные дискурсы о неформальных практиках сегодня, следует признать, что доминирует среди них дискурс *административный*.

Попадая в российскую социокультурную среду, большая часть формальных институтов прорастает неформальными отношениями, подвергается своего рода мутациям – перерождениям и в итоге становится неспособной служить общезначимыми правилами игры.

Если брать неформальные практики в экономике, то самое распространенное и конвенциональное определение «неформальной экономики» как деятельности, которая не отражена в официальной отчетности, является «управленчески ориентированным». С точки зрения государственного управления, проблематизация неформальной экономики связана с двумя вопросами: во-первых, это невозможность ведения статистического учета реальных масштабов экономики; во-вторых, это проблема налогообложения (из-за того, что значительная часть экономических интеракций в сфере, именуемой «неформальной экономикой», находится в тени, государственный бюджет недополучает значительные суммы).

Эффективность общественных институтов во многом зависит от взаимного соответствия, во-первых, формальных и неформальных норм, во-вторых, норм и реальных практик. В здоровых обществах и в нормальных условиях государственные законы и нормы воспринимаются большинством граждан как справедливые и реализуются в массовых социальных практиках. Время от времени под влиянием разных факторов эти практики отклоняются от установленных норм. В таких случаях государство принимает меры к восстановлению равновесия либо путем ужесточения институционального контроля, либо с помощью коррекции формально-правовых норм в сторону их сближения с культурными представлениями или требованиями населения. В трансформирующихся же обществах длительное ослабление институциональных систем нередко приводит к стабилизации отклонения социальных практик от действующих формальных норм, приобретению ими устойчиво неправового характера. Изменяя реальные практики, акторы тем самым в конечном счете способствуют преобразованию социальных институтов. А так как в России трансакционные издержки *неформального* решения проблем существенно ниже, чем следования *формальным* нормам, то значительно чаще избирается путь обойти формальные правила с помощью сговора с чиновниками.

Что касается институтов власти, то создание ими параллельных официальным и их замещающих практик имеет похожие причины, в основе которых лежит частный интерес: если государственная структура переродилась и обслуживает группировку или отдельное лицо, скажем своего руководителя либо местного олигарха (решения арбитражных судов, например, используются для легитимизации и фиксации договоренностей, достигнутых дельцами).

В качестве предварительного вывода следует отметить, что – как это ни покажется парадоксальным – для лиц, которые фигурируют в качестве акторов неформальных практик, неформальные отношения в тех или иных сферах по тем или иным причинам

«удобны». Так, для работников, принадлежащих тем или иным сферам неформальной занятости, они привычны, руководителям предприятий малого и среднего бизнеса неформальные экономические практики позволяют находить возможности для получения неподконтрольного «черного нала», чиновникам – компенсировать относительно низкие зарплаты, политикам неформальные практики необходимы для проведения предвыборных кампаний. Этот список можно продолжить.

Возникает тогда естественный вопрос: кого же тогда не устраивают неформальные практики?

Само население часто не рефлектирует, в какой именно форме – формальной или неформальной – происходят реальные экономические действия. Представления граждан и государства о том, что формально, а что нет, что законно, а что противозаконно, порой сильно различаются и не воспринимаемы «простым населением» как значимые на уровне повседневных практик.

Возникает предположение, что неформальные практики – это проблема государства и государственного управления. Можно допустить, что неформальные практики – это проблема прежде всего министерства финансов, заинтересованного в наиболее полном поступлении налогов в государственную казну, а также проблема политической элиты, которая использует обвинения друг друга в неправовых экономических действиях в своих политических играх. Для людей самых разных статусов, представляющих различные социальные группы и вовлеченных в различного рода неформальные отношения, и неформальная экономика и многие другие сферы неформальности представляются вполне естественными; а те или иные факты неформальности сами по себе достаточно редко вызывают ощущение дискомфорта.

Широкая распространенность неформальных практик заставляет поставить вопрос о том, что же действительно является общепринятыми нормами экономического поведения, а постоянное и систематическое несоответствие реальных, неформальных правил экономических взаимодействий нормативным, формальным ставит под сомнение «естественность» формального порядка, принимаемого за норму.

Нормативное понимание проблемы неформальных практик вступает в противоречие с реальной картиной, которую мы получаем как из социологических исследований, так и из собственного повседневного опыта. В конечном счёте такие неформальные практики становятся частью новых общественных институтов, обуславливая их перерождение или «мутацию». Постоянное воспроизведение неформальных феноменов свидетельствует, во-первых, об их системном характере; во-вторых, о том, что в их основе лежит соответствующий социальный механизм, изучение которого должно иметь практическое и теоретическое значение.

Но как эмпирически точно «ухватить», как измерить эти процессы?

Эта методологическая проблема остается до сих пор не совсем ясной. В данном исследовании представлены эмпирические подходы изучения феномена неформальности в «Социокультурном портрете» на примере неформальной занятости.

3. Эмпирические подходы изучения феномена неформальности в «Социокультурном портрете» на примере неформальной занятости Тюменской области

Господство неформальных отношений между работниками и работодателями смягчало издержки переходного процесса, снижая одновременно его темпы. Роль неформальной занятости неоднозначна. С одной стороны, неформальная занятость ведет к таким явлениям, как деформация трудовых отношений, возможность нарушения трудовых прав, недополучение государством социальных и налоговых платежей. С другой стороны, неформально занятые демонстрируют большую активность на рынке

труда, что способствует включению населения в рыночные отношения. В настоящее время неформальная занятость стала восприниматься как норма трудовых отношений.

Удивительное долготерпение российского населения к ухудшению его материального положения, включая массовые практики задержки заработной платы, не могло не привлечь внимания учёных. Именно доступ населения к неучтенным, «неформальным» доходам – одно из объяснений феномена «живучести россиян».

Общего определения того, что следует понимать под неформальной экономической деятельностью и неформальной занятостью до сих пор не существует. Не выработано и общего взгляда на причины этого явления. Многообразие позиций обусловлено, как правило, различиями в характере решаемых авторами теоретических и прикладных задач, а также в методологии и методике исследования. В методологическом отношении в исследованиях неформальной занятости различаются экономический, социологический, кибернетический, правовой и другие подходы.

Институциональный уровень анализа ставит в центр социально-экономические институты неформальной занятости – саму систему формальных и неформальных правил поведения, санкционный механизм, закономерности их развития. Развивается и междисциплинарный комплексный подход. В отечественной науке понятия неформальная экономика и неформальная занятость были приняты как базовое обозначение хозяйственной деятельности, разворачивающейся за пределами действующих юридических норм – вне регистрации и фискального учета.

В последние годы сфера «теневых» отношений в России расширилась. «Теневое» поведение наблюдается в сфере политики, образовании, медицине, культуре, науке, превращаясь в итоге в системный фактор социальной реальности.

Р. Рывкина жёстко констатировала: «тот сектор экономики, который принято назвать "неформальным", охватывает целый комплекс социальных сфер экономики – от труда и занятости до экономики домашних хозяйств. Все это позволяет считать, что российское общество начала XXI в. в немалой мере является теневой социально-экономической системой» [5].

Понятия «неформальная экономическая деятельность», «неформальная занятость» интуитивно понятны практически всем – как и тем респондентам, которые отвечали на этот вопрос. При проведении социологического исследования «Социокультурный портрет региона» респондентам задавался вопрос: «Как часто Вы работаете без трудового договора?». Анкетный опрос проведен среди жителей Тюменской области в июне-ноябре 2006 года. Всего было опрошено 4000 человек. Выборка юга Тюменской области составила 1500 человек, из них 78,7 % городского и 21,3 % сельского населения, в эту выборку попало население Тюмени, Тобольска, Ишима и Заводоуковска и 7 сельских населенных пунктов. В ХМАО было опрошено 1460 человек, из них 80,3 % городского и 19,7 % сельского населения. В ЯНАО было опрошено 1040 человек, из них 12,9 % сельского населения и 87,1 % городского населения. В том числе: мужчин – 46,5 %, женщин – 53,5 %; респондентов 18–19 лет – 5,2 %, 20–24 лет – 12,9 %, 25–29 лет – 11,9 %, 30–34 – 11,2 %, 35–39 лет – 10,2 %, 40–44 – 12,3 %, 45–49 – 12,0 %, 50–54 лет – 9,2 %, 55–59 – 5,4 %, 60 и старше – 9,9 %. Выборка полностью репрезентирует население Тюменской области, ошибка по одному признаку составляет менее 3 % по каждому субъекту Федерации Тюменской области и около 1 % – по всей Тюменской области.

В рамках конкретного социологического исследования «неформальная занятость» была определена нами по самой простой схеме – как занятость, осуществляемая без официального оформления трудовых отношений. На основании опроса респондентов по представленной выше выборке нами были получены следующие результаты: практически не работают без трудового договора 72,6 %, работают иногда – 17,4 %,

часто – 4,8 %, постоянно – 4,2 %. Для сравнения, по данным нашего исследования 2004 года, не имели опыта неформальной занятости 56,4 % опрошенных жителей Тюмени, соответственно, хотя бы изредка работали без официального оформления 43,6 %.

Постоянно работали без трудового договора 3 % опрошенных, 7,5 % также делали это довольно часто. Остальные имели опыт неформальной занятости лишь изредка. Таким образом, в 2006 г. регулярно работали без оформления 9 % респондентов, в то время как по исследованию 2004 года – 11 %. Респонденты отмечали, что продолжается участие в неформальной занятости, как правило, на условиях временной или дополнительной занятости, отмечается небольшое сокращение числа регулярно работающих без трудового договора. Вместе с тем, говорить о наличии тенденции сокращения неформальной занятости еще рано. Небольшое сокращение неформальной занятости в выборке 2006-го года по сравнению с выборкой 2004 г. может быть следствием того, что в выборку исследования 2006 года попало меньше работающих на частных предприятиях. Для сравнения: в 2004 году 37,1 % респондентов работали на частном предприятии, в 2006 году около 20 % опрошенных отметили, что они работают на частном предприятии или ООО, предприятии, находящемся в личной собственности, а также занимаются индивидуальной трудовой деятельностью. А ведь известно, что именно в этих сферах наиболее распространена неформальная занятость.

Распространение неформальной занятости по типам собственности представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Неформальная занятость по типам собственности
(% ответивших – по строке)**

(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)

	Практически не работают без трудового договора	Иногда работают без трудового договора	Регулярно работают без трудового договора	Всего
Государственное, муниципальное предприятие	78,2	15,1	6,8	100,0
Акционерное предприятие с участием государства	76,4	14,4	9,2	100,0
Акционерное предприятие без государственного участия	74,1	18,8	7,1	100,0
Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	64,8	23,1	12,0	100,0
Частное предприятие или ООО (не Ваша собственность)	70,0	18,8	11,2	100,0
Колхоз, совхоз, с/х кооператив	56,3	31,3	12,5	100,0
Крестьянское, фермерское хозяйство	57,1	28,6	14,3	100,0
Личное подсобное хозяйство	71,4	14,3	14,3	100,0
Индивидуальная трудовая деятельность	53,8	26,2	20,0	100,0
Другое	85,7	14,3	0,0	100,0
Не имею постоянной работы	64,5	20,6	14,9	100,0
Всего по Тюменской области	73,9	17,2	8,9	100,0

Как видим, «регулярно работают без трудового договора» обычно люди, относящие себя к «индивидуалам» (индивидуальная трудовая деятельность) – 20 %; не

имеющие постоянной работы – 14,9 %; имеющие личное подсобное хозяйство – 14,3 %; имеющие крестьянское, фермерское хозяйство – 14,3 %; работающие в колхозе, совхозе, с/х кооперативе – 12,5 %; имеющие предприятие, фирму в личной собственности – 12,0 %; работающие на частном предприятии или ООО (не в собственности) – 11,2 %; не имеющие постоянной работы – 14,9 %. На наш взгляд, приведённые здесь цифры неформальной занятости довольно внушительные. Согласно представлениям государственников, неоформленный наём – это сплошное бедствие для работника: нет гарантий, нет формальных прав, нет основания для судебных разбирательств.

Однако среди тех, чья занятость не оформлена официально (устный наём), около 20 % отметили: «мне самому это выгодно, работодатель здесь ни при чем», и около 40 % считают, что это выгодно и работодателю, и работнику. И хотя все без исключения считают, что потерь от несоблюдения законов в сфере труда больше, чем приобретений, однако знающие неправовую ситуацию по собственному опыту (занятые по устной договоренности) оценивают баланс приобретений и потерь оптимистичнее, чем работники законопослушных секторов (бюджетники и промышленные рабочие).

Рассмотрим полученные данные о неформальной занятости в разрезе округов. Среди опрошенных по ХМАО, ЯНАО и Югу Тюменской области соответственно 70,6, 75,1 и 73,3 % опрошенных указали, что «практически не работают без трудовых договоров». О том, что «работают иногда» (в такой же последовательности), сообщили 19,9, 16,0 и 15,6 процентов опрошенных.

«Часто работают» в данных субъектах Федерации 5,0, 5,4 и 4,1 % опрошенных. Наконец, работают «постоянно» – 4,5, 3,5 и 4,1 %.

Можно отметить, что существенных региональных различий в неформальной занятости нет.

Интересно, что доля регулярно работающих без трудового договора (постоянно и часто работающие) на севере чуть выше, чем по югу области (9,5 % сравнить с 8,4 % на юге области). Общий уровень активности населения в неформальной занятости, в структуре типов собственности, примерно равен в ее распределении по отраслям.

Респонденты справедливо отмечали, что трудовая деятельность, осуществляемая без заключения трудовых договоров, является по сути незаконной и влечет за собой множество негативных социальных, экономических, и правовых последствий, однако шли на эту «незаконную» деятельность, так как в ином случае для них ситуация складывалась бы ещё хуже – на уровне элементарного выживания.

Рассмотрим данные опроса по этой проблеме, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Неформальная занятость по сферам деятельности

(% ответивших – по строке)

(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)

	Работают без трудового договора			Всего
	Практически не работают	Иногда	Регулярно	
Юг Тюменской области				
Всего по югу Тюменской области	74,3	16,6	9,1	100,0
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	73,9	18,2	7,6	100,0
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	82,3	13,4	4,4	100,0
Руководители госпредприятий, акционерных обществ	76,5	18,0	5,5	100,0

	Работают без трудового договора			Всего
	Практически не работают	Иногда	Регулярно	
Юг Тюменской области (продолжение)				
Предприниматели	64,0	25,2	10,8	100,0
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	88,9	7,5	3,6	100,0
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы (гуманитарная интеллигенция)	77,2	14,7	8,1	100,0
Работники сферы быта и услуг	62,9	14,3	22,9	100,0
Работники торговли	60,4	24,4	15,2	100,0
Военнослужащие, работники правоохранительных органов	83,7	9,1	7,2	100,0
Студенты, учащиеся	53,5	29,5	17,0	100,0
Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	69,2	15,4	15,4	100,0
Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	74,5	22,7	2,8	100,0
Пенсионеры (не сельские жители)	77,3	14,2	8,5	100,0
Не работал и не учился, не был пенсионером	25,7	17,9	56,5	100,0
Другое	76,7	10,0	13,4	100,0
ХМАО				
Всего по ХМАО	70,6	19,9	9,5	100,0
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	61,6	23,6	14,8	100,0
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	77,1	17,9	5,1	100,0
Руководители госпредприятий, акционерных обществ	80,0	10,0	10,0	100,0
Предприниматели	66,7	21,7	11,7	100,0
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	78,7	15,6	5,8	100,0
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы (гуманитарн	81,4	16,2	2,4	100,0
Работники сферы быта и услуг	68,3	20,7	10,9	100,0
Работники торговли	71,9	21,9	6,3	100,0
Военнослужащие, работники правоохранительных органов	69,2	11,5	19,2	100,0
Студенты, учащиеся	52,9	29,4	17,7	100,0
Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	0,0	50,0	50,0	100,0
Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	75,0	25,0	0,0	100,0
Пенсионеры (не сельские жители)	74,3	21,4	4,3	100,0
Не работал и не учился, не был пенсионером	71,4	28,6	0,0	100,0
Другое	58,8	17,6	23,5	100,0

	Работают без трудового договора			Всего
	Практически не работают	Иногда	Регулярно	
ЯНАО				
Всего по ЯНАО	75,1	16,0	8,9	100,0
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	66,0	26,4	7,6	100,0
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	83,6	11,5	4,8	100,0
Руководители госпредприятий, акционерных обществ	95,0	5,0	0,0	100,0
Предприниматели	58,5	24,4	17,1	100,0
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	81,0	14,3	4,8	100,0
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы (гуманитарн	82,5	10,9	6,5	100,0
Работники сферы быта и услуг	65,5	20,7	13,7	100,0
Работники торговли	72,9	10,4	16,7	100,0
Военнослужащие, работники правоохранительных органов	81,8	9,1	9,1	100,0
Студенты, учащиеся	73,2	18,3	8,6	100,0
Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	66,7	33,3	0,0	100,0
Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	70,0	10,0	20,0	100,0
Пенсионеры (не сельские жители)	80,4	13,0	6,5	100,0
Не работал и не учился, не был пенсионером	80,0	10,0	10,0	100,0
Другое	51,4	17,1	31,4	100,0

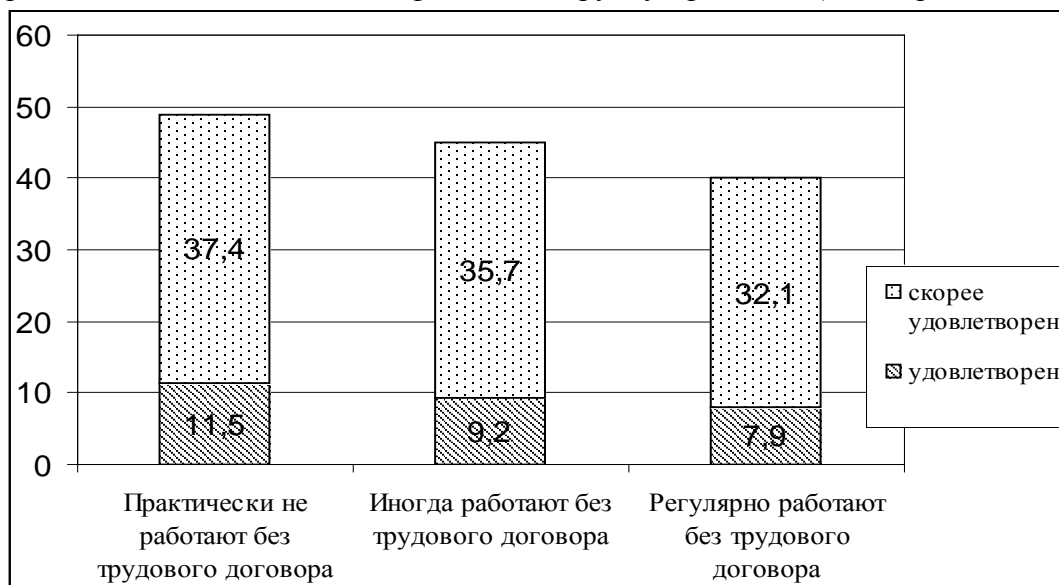
В отраслевом разрезе можно выделить профессиональные группы, для которых практически не свойственна неформальная занятость. В их состав входят руководители предприятий различной формы собственности, ИТР, госслужащие и средний управленческий персонал, преподаватели, работники культуры, врачи, юристы; военнослужащие и работники правоохранительных органов. Вместе с тем, по округам в отраслевых группах существует определенное своеобразие.

Итак, неформальная занятость в экономике Тюменской области является некоей определённой константой, вместе с тем в некоторых отраслях неформальная занятость распространены шире, чем в других. Так, по максимальным значениям ответов «часто» и «постоянно» в ХМАО неформальная занятость свойственна (в % к числу опрошенных): военнослужащим (19,2 %), рабочим в промышленности и пр. (14,8 %), предпринимателям (11,7 %). Для ЯНАО: сельским жителям, пенсионерам (20,0 %), предпринимателям (17,1 %), работникам торговли (16,7 %), работникам сферы быта (13,7 %). Для Юга Тюменской области: работники сферы быта (22,9 %), студентам, учащимся (17,0 %), работникам торговли (15,2 %), предпринимателям (10,8 %).

Для оценки *социального самочувствия* неформально занятого населения была использована методика, предложенная Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой [6].

Степень удовлетворенности своей жизнью имеет интегрирующий характер для выяснения социального самочувствия людей. Ее коэффициент (*Кудж*) получается в виде процентов положительных ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?».

На рисунке 1 наглядно представлена удовлетворенность жизнью для трех групп: тех, кто практически не работает без трудового договора, тех, кто работает иногда, и тех, кто работает регулярно, т.е. занятых неформально. Удовлетворенность жизнью неформально занятых ниже, чем официально трудоустроенных (40 % против 49 %).

(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)

Рис. 1. Удовлетворенность жизнью

Итак, отчетливо видно, что удовлетворенность жизнью неформально занятых ниже, чем официально трудоустроенных, причем закономерность явно прослеживается: чем чаще человек оказывается неформально занятым, тем ниже его удовлетворенность жизнью. Полученный результат в общем-то вполне закономерен и, думаем, в особых комментариях не нуждается.

Еще одной составляющей социального самочувствия является степень социального оптимизма человека при самооценке своего (и своей семьи) настоящего и будущего (см. данные таблицы 3).

Таблица 3

Показатели социального оптимизма, в %
(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)

	Практически не работают без трудового договора	Иногда работают без трудового договора	Регулярно работают без трудового договора
1. Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?			
ЛУЧШЕ	45,7	43,5	41,4
ХУЖЕ	10,7	14,6	14,5
2. Как Вы думаете, в ближайшем году Вы будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?			
ЛУЧШЕ	34,5	37,4	37,4
ХУЖЕ	5,3	5,5	6,6
3. Насколько Вы уверены или неуверенны в своем будущем?			
УВЕРЕНЫ	39,8	38,0	31,4
НЕ УВЕРЕНЫ	25,8	24,8	28,8
<i>Конт</i>	0,26	0,24	0,20

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

Прежде всего, стоит отметить, что степень социального оптимизма по всем трем группам больше нуля, а, следовательно, положительное восприятие будущего преобладает (даже у неформально занятых). Причем этот показатель несколько выше, чем по России в целом. Так, например, по данным Л.А. Беляевой, по России в целом в 2002 году уровень оптимизма был – 0,068 [2].

Учитывая, что на степень оптимизма влияет множество различных факторов (политических, экономических, социальных), а не только наличие или отсутствие трудового договора, то следует подчеркнуть очень важный момент, связанный с тем, что значение коэффициента оптимизма у неформально занятых и официально трудоустроенных различается незначительно. Почему так получилось – это тема особого разговора.

Вместе с тем даже это небольшое расхождение в 0,06 говорит о том, что регулярно работающие без трудового договора не только в меньшей степени удовлетворены своей настоящей жизнью, но и с большим сомнением, неуверенностью смотрят в будущее.

Рассмотрим, как такого рода неуверенность в будущем соотносится с оценкой собственной незащищенности (см. табл. 4).

Таблица 4

**Самооценки незащищенности от острых проблем-опасностей,
сумма % от ответивших «пожалуй, незащищен», «скорее незащищен», 2006 г.
(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)**

Проблемы-опасности	Практически не работают без трудового договора	Иногда работают без трудового договора	Регулярно работают без трудового договора
От преступности	60,5	60,9	57,1
От бедности	55,5	55,8	51,4
От экологической угрозы	50,4	48,3	44,3
От произвола чиновников	56,0	53,8	56,4
От произвола правоохранительных органов	46,5	49,5	47,7
От одиночества и заброшенности	39,8	42,1	40,9
От притеснений из-за Вашего возраста или пола	26,2	29,5	28,8
От преследований за политические убеждения	17,4	19,2	21,3
От ущемления из-за Вашей национальности	9,6	11,3	16,6
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	8,3	10,9	12,5
Средние	37,02	38,13	37,70

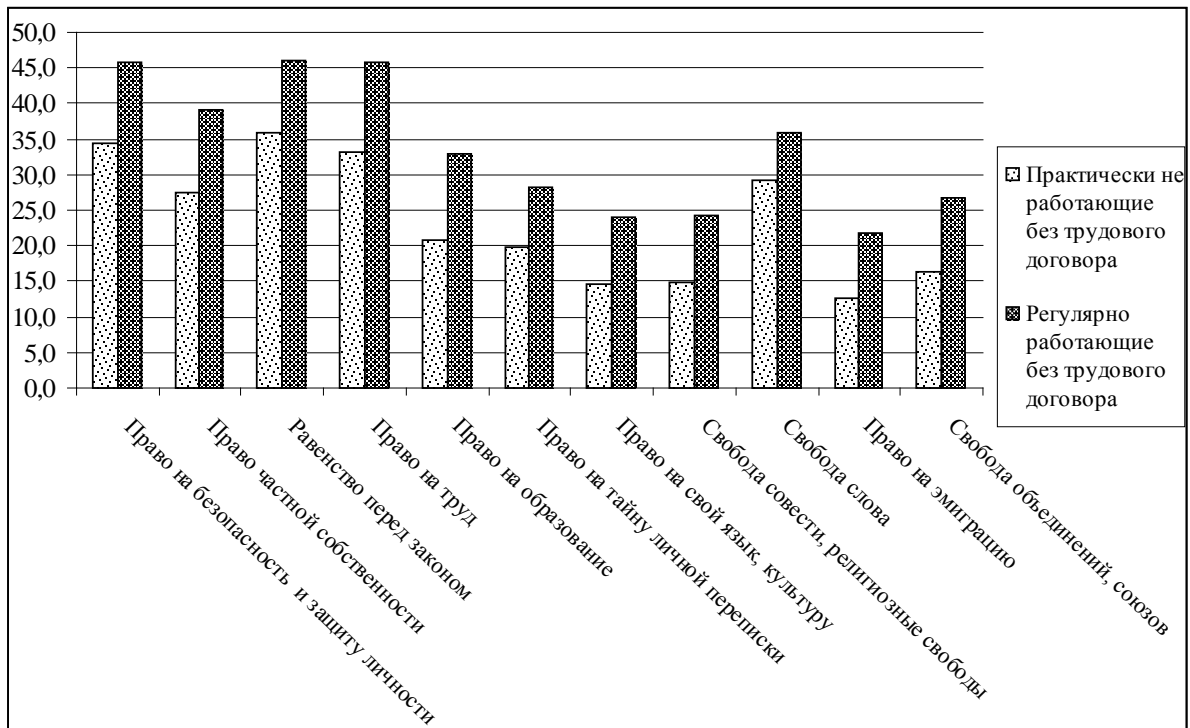
Изначально предполагалось, что неформально занятые чувствуют большую незащищенность по сравнению с официально трудоустроенными. Однако эта гипотеза не подтвердилась.

Средняя оценка незащищенности разных групп по опыту неформальной занятости примерно одинакова: около 37–38 % опрошенных отметили свою незащищенность от различных опасностей. Следует отметить, что средние значения коэффициента незащищенности для Тюменского региона почти вдвое ниже средних значений по России, в первую очередь это касается степени незащищенности притеснений за религиозные и политические убеждения. Жители Тюменского региона более остро ощущают опасности, связанные с защитой прав личности от преступности, экологической угрозы, произвола правоохранительных органов, от одиночества и заброшенности.

Несмотря на близость средних оценок незащищенности, обращает на себя внимание тот факт, что по трём самым опасным проблемам (преступность, бедность, экологическая угроза) незащищенность официально трудоустроенных оказалась выше, чем у неформально занятых. Этот *парадоксальный вывод* требует своего дальнейшего осмысления.

Уже два десятилетия самой острой проблемой для населения страны остается незащищенность перед *преступностью*. Для Тюменской области эта опасность также оказывается самой актуальной. Более низкая самооценка незащищенности от преступности неформально занятых может объясняться большей включенностью этих неформально занятых работников в теневые отношения, наличием связей с криминальными структурами: как говорится, то, что хорошо знакомо, пугает меньше.

Если рассмотреть проблему нарушаемости прав неформально занятых и официально трудоустроенных, то оказалось, что интенсивность и успешность защиты у неформально занятых несколько выше, чем у официально трудоустроенных (см. рис. 2–3). При проведении исследования в 2004 году выдвигалась гипотеза о том, что неформально занятые более активны на рынке. Похоже, что полученные данные это подтверждают.

(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)

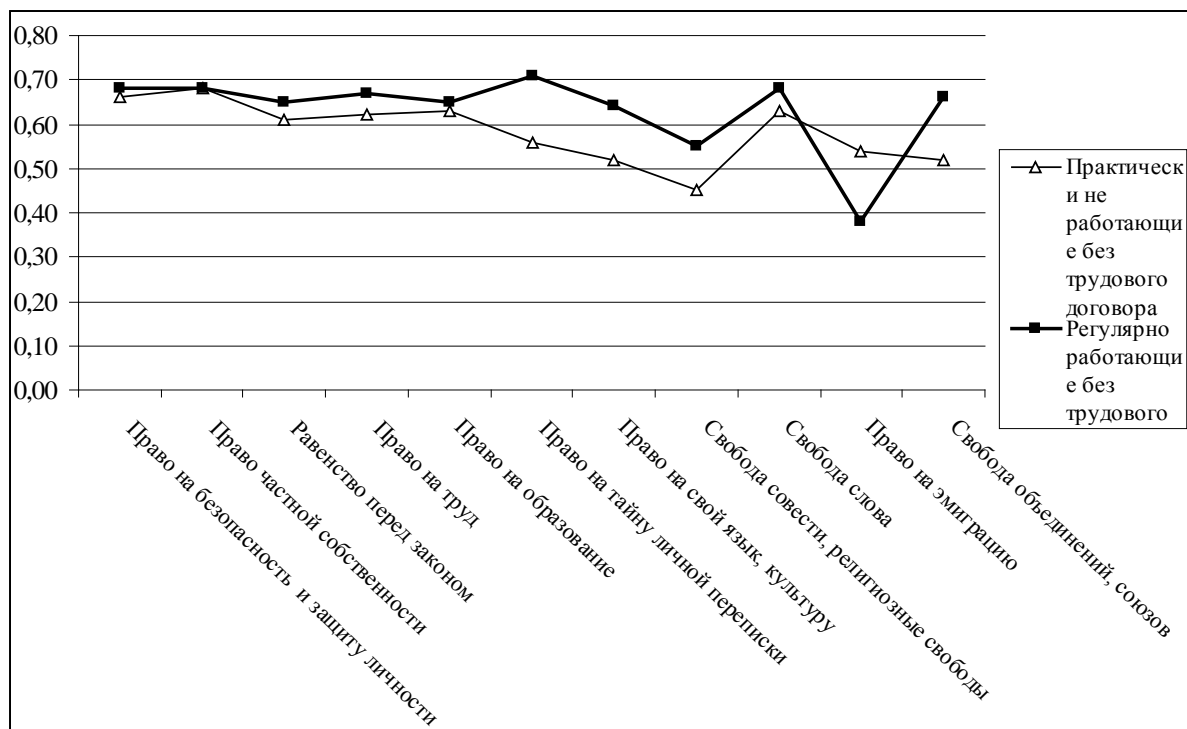
Рис. 2. Нарушаемость прав и свобод неформально занятых и официально трудоустроенных

С учетом более частого нарушения прав и свобод неформалы вынуждены бороться за них. Поэтому более высокий показатель интенсивности защиты объясним: на кого чаще нападают, тот чаще и обороняется. Исключение составляет право на миграцию – интенсивность его защиты минимальна.

Вероятно, более активная жизненная позиция неформально занятых, необходимость бороться за свои права ведут к накоплению, во-первых, самого опыта отстаивания своих прав, во-вторых, нужных связей, контактов, то есть социального капитала.

Все это, скорее всего, способствует тому, что успешность защиты своих прав и свобод у неформально занятых выше, чем у официально трудоустроенных в среднем на 10 процентных пункта.

Зачастую для защиты своих прав им приходится пользоваться опять же неформальными способами. Так, на вопрос «Как часто Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции?» только 37 % неформально занятых ответили, что они не сталкивались лично с такими фактами (для сравнения: 53 % официально трудоустроенных), изредка сталкивались 34 % (соответственно 31 %), часто – 9 % (соответственно 6 %), остальные затруднились с ответом. По этим показателям наблюдается максимально значимая, но слабая зависимость.

(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)

Рис. 3. Интенсивность защиты неформально занятых и официально трудоустроенных

Естественно, более низкая защищенность неформально занятых оборачивается несколько большей готовностью принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека).

Так, среди официально трудоустроенных выразили принять участие в акциях протеста 44,5 %, а среди регулярно работающих без трудового договора – 48,3 %. Согласно ответам респондентов, уровень активного протестного движения достаточно высок. Коэффициент корреляции между этими показателями хоть и очень слабый (-0,058), но максимально значимый (Sig.=0,001).

Что касается аспектов включенности опрошенных в социальные сети, зависимости от других, то ответы на вопрос №19 «Социокультурного портрета региона» («Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих, от близких родственников и др.?» – см. данные табл. 5) свидетельствуют о преимущественной ориентации респондентов на собственные силы, на свои социальные связи или на помощь руководителей, властей.

Таким образом, у регулярно работающих без трудового договора прослеживается ориентация на социальные связи: они чаще отмечали, что улучшение их жизни зависит

от близких родственников, друзей, земляков. Это еще раз подтверждает то, что они активнее используют свою социальную сеть. Неформально занятые больше зависят от прихоти работодателя, ведь устный наём «лидирует» по многим видам нарушений трудовых прав.

Таблица 5

От кого зависит улучшение Вашей жизни
(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)

	Практически не работают без трудового договора		Регулярно работают без трудового договора	
	Зависит	Не зависит	Зависит	Не зависит
От Вас самих	88,3	5,5	82,2	7,1
От близких родственников	51,3	31,9	54,8	26,9
От друзей, земляков	26,8	58,0	31,7	39,8
От начальника по работе	60,1	23,1	49,8	26,7
От районной, городской властей	51,7	24,1	50,9	23,7
От областной власти	47,4	26,1	46,7	28,9
От общероссийской власти	54,1	23,0	47,8	27,8
Ксам	0,397		0,353	

По данным социологического исследования С.Ю. Барсуковой [1], при неформальной занятости режим труда и техника безопасности не соответствуют принятым нормам в полтора раза чаще, чем при официальной. Необходимость работать, будучи больным, встречается среди устно нанятых почти вдвое чаще, чем среди официально принятых. При неформальной занятости почти в два раза более распространена ситуация, когда работник или вообще не имеет оплачиваемого отпуска, или оплата частичная. Отсутствуют также отчисления в пенсионный фонд, гарантированные пособия по уходу за ребенком и т.д.

Однако, несмотря на все это, работающие без трудового договора отмечают, что улучшение их жизни зависит от начальника по работе значительно реже, чем официально трудоустроенные. Вероятно потому, что последние в большей степени дорожат своей работой (и гарантированными правами), чем неформально занятые.

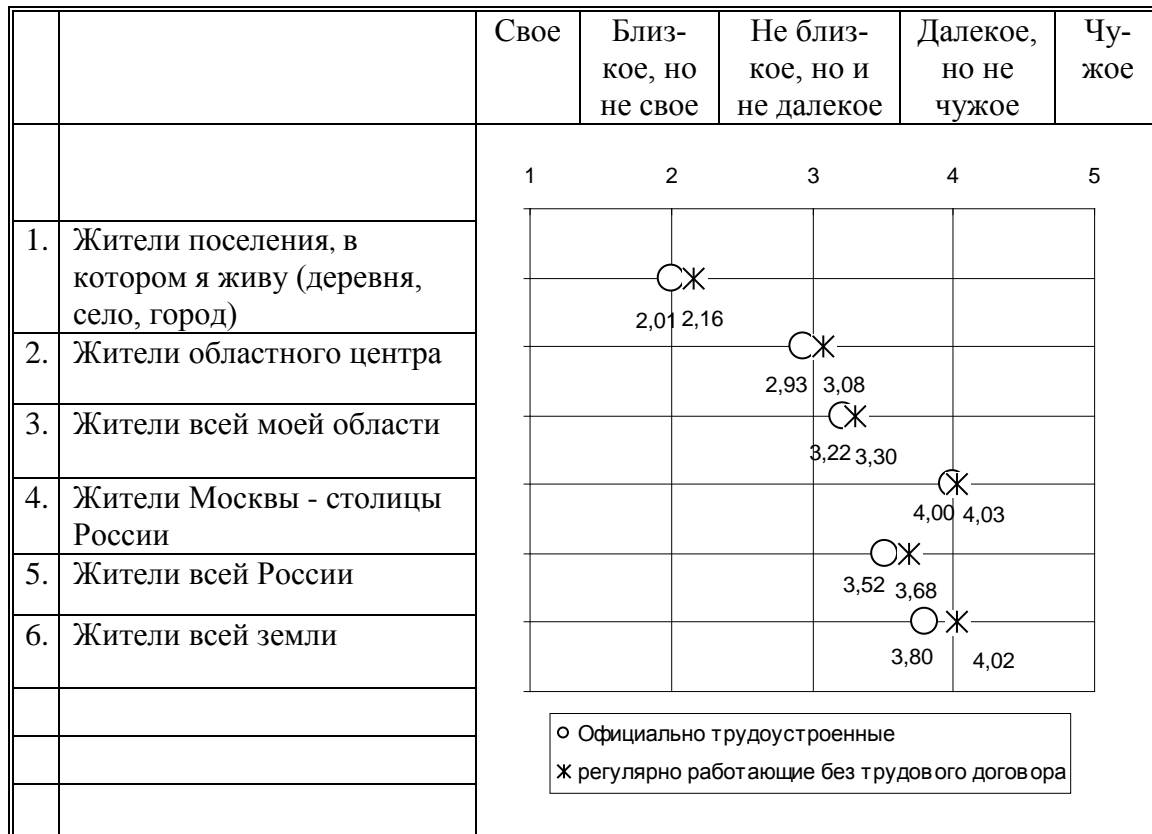
Зависимость улучшения жизни от властей оценивается группами с разным опытом неформальной занятости примерно одинаково, у неформально занятых она лишь чуть ниже. Высокая нарушаемость прав неформально занятых и низкое доверие к официальным институтам по обеспечению этих прав объясняют, почему неформалы реже связывают улучшение жизни с деятельностью городских, областных или общероссийских властей.

В анкете «Социокультурного портрета» имелся вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность с такими людьми, как жители поселения, в котором живете, жители областного центра и др.?» (всего 6 утверждений). Для анализа была использована оценка средней. Полученный результат наглядно представлен на рисунке 4.

Несмотря на отмеченную ориентацию на социальные связи, неформально занятые по шкале «свое» – «чужое» в среднем дали оценки ближе к «чужое» по сравнению с официально трудоустроенными. Значит ли это, что вывод о большей включенности неформалов в социальную сеть ошибочен? Думаем, что нет. Работающие без трудового договора не воспринимают жителей поселения, в котором они живут, или всей области как нечто однородное, целое, близкое для себя. Для них есть близкие люди (друзья,

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

соседи, единоверцы и т.п.), на которых они могут надеяться, которые могут оказать им помощь, остальные – чужие.

(n=4000 по Тюменской области, опрос в июле-ноябре 2006 г.)
Рис. 4. Средние оценки близости или отдаленности

Также нами рассматривалась такая актуальная тема: среди каких людей встречаются наибольшее взаимопонимание. Традиционно большая доля опрошенных его находят в семье. Но если среди тех, кто практически не работает без трудового договора, доля ответивших таким образом составила 63 %, то среди неформально занятых – только 51 %.

Если вспомнить, что неформальная занятость мало распространена среди женатых/замужних, эта разница становится вполне понятной и закономерной.

Естественно, что доля тех, кто находит взаимопонимание на работе среди работающих без трудового договора меньше – 3,6 % (среди официально трудоустроенных – 5,7 %). В компании друзей находят взаимопонимание 22,3 % (среди официально трудоустроенных – 19,7 %), среди соседей – 2,9 % (1,4 %), в кругу единоверцев – 2,6 % (1,4 %). Среди неформально занятых высока доля тех, кто вообще затруднился с ответом, – 13,3 % (6,3 % среди официально трудоустроенных).

Таким образом, можно сделать эмпирический вывод о том, что неформально занятые чаще используют такой ресурс, как социальный капитал.

Индекс ориентации на социальные связи у неформально занятых 0,198 (>0), в то время как у официально трудоустроенных он составляет всего лишь -0,118 (<0). Именно поэтому у неформально занятых люди более дифференцированы на «своих» и «чужих», где своих небольшая группа, остальные чужие. Именно поэтому средние оценки смещаются к полюсу «чужое». Причем в эту социальную сеть доверия работодатели, как правило, не включаются.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 6.
2. Беляева Л.А. Уровень жизни и социальное расслоение населения в социокультурном портрете региона // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006. – С. 216.
3. Заславская Т.И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? – Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 12.
4. Лапин Н.И. Началась институционализация нового социального порядка – какого? // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Интерцентр, 2003. – С. 369–371.
5. Рывкина Р. Российское общество как теневая социально-экономическая система // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 4. – С. 44–51.
6. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006. – С. 328.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 244.

Н.В. Дергунова

БЕДНОСТЬ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Российское общество с середины 80-х годов XX века вступило в полосу радикальных реформ, до 1991 года – в рамках социализма (перестройка), с 1992 года – в сторону формирования рыночной экономики, открытой, демократической политической системы. В рамках переходного периода обществу и государству предстояло решить ряд задач, и прежде всего такие как:

- модернизация и структурная перестройка экономики;
- раскрепощение личности, создание условий для эффективного проявления частного и коллективного интереса людей;
- эффективное государственное управление переходными процессами: определение проигрывающих слоев, компенсационных мер, этапов модернизации и их временных рамок;
- осуществление гибкой социальной политики как фактора, во-первых, социально-политической стабилизации общества, во-вторых, формирования и наращивания социального капитала общества и возможностей вертикальной и горизонтальной социальной мобильности.

Вопреки ожиданиям, переход к рынку сопровождался глубочайшим спадом производства, демодернизацией экономики (гибель целых отраслей: кораблестроения, самолетостроения и т.д.) и резким снижением доходов населения. В странах бывшего СССР доходы за первые 3–4 года самостоятельности упали более чем на 50 %. И до сих пор, несмотря на рост экономики, Россия по производству ВВП не вышла на уровень 1990 года.

Модернизация общества всегда осуществляется за чей-то счет. Теоретически возможны были два «крайних» варианта «сжатия» потока доходов: первый вариант – весь груз переходных процессов в экономике ложится на плечи тех, кто лишается работы. Реальные доходы занятых, то есть имеющих работу, не падают, но происходит резкое сокращение занятости. Восточная Германия после объединения пошла по такому пути: безработица первоначально достигла 35 % трудоспособного населения.

Россия пошла по второму пути: сохранение максимально возможной занятости, но при низкой заработной плате. Официальная безработица в середине 90-х была 4 %, а заработная плата упала на 60–70 %. Выбранный путь привел к возникновению ряда социальных проблем. К их числу относятся:

1. возникновение социального слоя «новые бедные». Это люди, имеющие образование, профессию, работу, но с заработной платой близкой к прожиточному минимуму.
2. обесценивание трудовых доходов. Если за труд мало платят, то зачем честно работать? Как следствие – рост коррупции, преступности.
3. возрастание социальной нагрузки на государство: значительное количество нуждающихся россиян в социальных дотациях.
4. усиление социально-психологического давления на личность:
 - противоречие социального статуса и реальных доходов;
 - изменение социально-экономических стандартов качества жизни, которое вызвало острое чувство депривации у значительной части населения, особенно молодежи;
 - резкое расслоение населения на бедных и богатых, сопровождающееся отсутствием как культуры бедности, так и культуры богатства. Децильный коэффициент в России официально равен 15, по подсчетам независимых экономистов, разница в доходах 10 % бедных и 10 % богатых доходит до 20–25 раз.

Политически данные процессы осложняются нарастанием недовольства населения. Еще со времени Великой французской революции отмечено, что революционные настроения масс растут не в период спада, а в периоды подъема экономики, когда доходы богатых растут несоизмеримо быстрее, чем доходы бедных (А.Токвиль).

Для сравнения, бедность в США определяется минимальной оплатой труда в 6 долларов за час. За месяц в рублевом эквиваленте это составит около 25 тыс.руб. Низшая черта бедности по данным ООН 2 доллара в день, то есть за месяц около 1500 руб. Для Восточной Европы ООН определило черту бедности в 4 доллара в день на человека, то есть около 3000 руб. в месяц. В России минимальная оплата труда в 2007 году составила 1100 руб.

Как воспринимает население в Ульяновской области проблемы бедности?

Основная часть населения адаптировалась к нынешнему состоянию экономики, но, прежде всего, за счет существенного снижения потребностей, избрав «стратегию выживания» вместо «стратегии развития». Степень удовлетворенности населения своей жизнью по данным опроса (апрель 2007 г.) – 51 %; этот результат не должен никого успокаивать. Данная удовлетворенность скорее демонстрирует состояние неустойчивого равновесия, отсутствие дальнейшего ухудшения, остановку спада и наметившийся экономический рост. По данным опросов, проводимых ежегодно с 2002 по 2006 гг. Центром социологических исследований при Правительстве Ульяновской области, третья часть населения Ульяновской области еле-еле сводит концы с концами: 6,9 % респондентов ответило, что им «не хватает денег даже на еду», еще 26,4 % респондентов считает, что им «хватает денег только на еду».

Более 50 % респондентов кроме еды время от времени могут покупать лишь самое необходимое. Таким образом, более 80 % населения, так или иначе, нуждается в социальной поддержке государства. И большого оптимизма в отношении будущего население региона пока не испытывает.

Оценка собственного дохода респондентами позволяет с определенной степенью условности выявить долю опрошенного населения, находящегося за чертой бедности. Это показатель социальной бедности, установленный на основе экспертных оценок. К бедным можно отнести первую группу (6,9 %) респондентов, оценивших свой уровень жизни высказыванием «Мне не хватает денег даже на еду» и респондентов второй группы (26,4 %), которые используют свой доход только на покупку продуктов питания. Доля малообеспеченного населения в общей выборке составила, таким образом, 31,3 %. Это люди, которые в силу различных индивидуальных особенностей (возраст, уровень образования, сформировавшийся менталитет) не сумели приспособиться к рыночным преобразованиям. Многочисленность данной группы является свидетельством неблагоприятной демографической ситуации в Ульяновской области, оттока перспективных кадров в другие регионы страны.

Драматичность ситуации состоит в том, что в этой группе оказались люди преимущественно пенсионного возраста и молодежь. Бедность молодежи не принесет обществу ничего, кроме падения качества будущих поколений и снижения основных характеристик человеческого потенциала России в целом и Ульяновской области в частности.

Прожиточный минимум в условиях повышения жилищно-коммунальных платежей и оплаты транспортных услуг является границей не просто бедности, а нищеты. Отсюда неизбежное недопотребление продуктов питания в семьях с минимальными доходами. Бедность, как правило, порождает бедность. Низкий уровень материального обеспечения ведет к ухудшению здоровья, деградации, депрофессионализации и в конечном счете – к деградации человека. Адаптация к новым условиям требует наличия желания и значительных усилий не только людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, но и государства.

Основная доля респондентов относится к третьей группе (51 %). Данную группу составляют в основном люди трудоспособного возраста, имеющие высшее или среднее специальное образование. Это социально активная часть населения. Их ведущим доходом является заработная плата по основному месту работы. По характеру оценки ими собственного дохода можно судить о том, что уровень дохода представителей данной группы сопоставим со средним уровнем заработной платы в регионе и не превышает двух прожиточных минимумов. Столь низкий доход является следствием крайнего занижения доли оплаты труда в структуре издержек ульяновских предприятий. В то же время подъем экономики региона попросту невозможен без обеспечения роста потребительского спроса со стороны представителей третьей группы респондентов. Но повышение покупательной способности населения возможно не путем субсидирования продуктов питания, а только через увеличение реальных доходов.

Немаловажным обстоятельством, позволяющим повысить уровень оплаты труда в регионе, является возрождение профсоюзного движения, которое на фоне сокращающейся безработицы способно сегодня в немалой степени нейтрализовать стремления предпринимательского класса и дирекции предприятий перекладывать на плечи лиц наемного труда тяготы экономического кризиса.

По мнению населения, за последние два года обстановка в области в целом стабилизируется, наметились определенные положительные тенденции. Более чем в два раза возросло количество респондентов, считающих, что жить стало легче.

Таблица 1

Изменение положения дел в населенном пункте (%)

	Октябрь 2004 г. *	Ноябрь 2005 г.	Декабрь 2006 г.
<i>Как изменилась жизнь у Вас в городе (посёлке, селе) за последний год?</i>			
Стало жить полегче	9	16	21
Жизнь в общем не изменилась	33	48	45
Жить стало труднее	55	32	29
Затрудняюсь ответить	4	4	5

* «Рейтинг кандидатов на пост губернатора Ульяновской области». Метод проведения – стандартизированное интервью. Время проведения – октябрь 2004 г. Общий объем выборки 1979 чел.

Анализ данных показывает: уровень социальной адаптации напрямую зависит от возраста респондентов, их образовательного статуса и уровня доходов: более старшие возрастные группы отмечают изменения в жизни города (посёлка, села) в худшую сторону, а респонденты до 40 лет считают, что жить стало легче; опрошенные с высшим образованием более оптимистичны, чем респонденты со средним и средним специальным образованием. Жить стало труднее прежде всего людям с доходом ниже прожиточного минимума.

Достаточно высоким остается количество людей, чей доход ниже прожиточного минимума. Самооценка людей своего уровня дохода существенно не совпадает с государственными данными статистики.

Таблица 2

«Оцените размер ежемесячного дохода на члена Вашей семьи по отношению к всероссийскому прожиточному минимуму (2653 руб.)» (%)

	Ноябрь 2005 г.	Декабрь 2006 г.
Ниже 2653 руб.	50,2	40
Выше 2653 руб.	45,2	53
Затрудняюсь ответить	4,7	7

При описании полученных результатов исследования, будет проведён сравнительный анализ некоторых параметров с данными социологического исследования ноября 2005 г.*

Однако уровень среднемесячного дохода на члена семьи за последние годы увеличился. Половина респондентов оценивают материальное положение своей семьи как *удовлетворительное*. Оценка населением экономического положения области и страны в целом ниже, по сравнению с оценкой положения дел в семье.

* Социологическое исследование «Отношение жителей Ульяновской области к политическим партиям». Время проведения: 05.11.-24.11.05 г. Метод: стандартизированное интервью. Выборка 1986 чел. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 2,2%.

Таблица 3

Оценка положения дел в семье, области, стране по 5-тибалльной шкале (%)

	СЕМЬЯ	ОБЛАСТЬ		РОССИЯ
		2005	2006	
Отличное	2	1	1	1
Хорошее	18	4	7	10
Удовлетворительное	55	36	33	39
Неудовлетворительное	19	35	33	23
Очень плохое	5	19	14	6
Затрудняюсь ответить	2	6	14	21
среднее значение показателя	2,92	2,29	2,39	2,72

Таким образом, средний балл оценок по 5-ти бальной шкале составил соответственно **2,92** (семья), **2,39** (область) и **2,72** (страна). Есть значимые различия в ответах на данный вопрос отдельных социально-демографических групп респондентов. В частности, мужчины склонны лучше оценивать материальное положение своей семьи, чем женщины. Молодёжь до 30 лет оценивает экономическое положение семьи, города и страны как отличное и хорошее, мнения группы 30–39-летних разделились на полярно противоположные (отличное и очень плохое), средние оценки преобладают в группе 40–49 лет, мнение старших возрастных групп неоднозначно. Кроме того, более высокие оценки положению дел в семье, области и стране дают люди с более высоким уровнем дохода. Треть опрошенных оценивают экономическое положение своего района как аналогичное положению дел в других районах. За прошедший год субъективная оценка респондентами ситуации в своём районе несколько улучшилась.

Таблица 4

Оценка экономического положения района (города) в сравнении с другими районами г. Ульяновска (Ульяновской области) (%)

	Ноябрь 2005 г.	Декабрь 2006 г.
Лучше	13	16
Так же	31	33
Хуже	39	31
Затрудняюсь ответить	18	20

Несмотря на некоторую положительную динамику, две трети опрошенных (68 %) поддерживают мнение о своей области как об аутсайдере среди поволжских регионов (в 2005 году это мнение разделяли три четверти опрошенных).

Таблица 5

Оценка экономического положения Ульяновской области в сравнении с соседними регионами (%)

	Ноябрь 2005 г.	Декабрь 2006 г.
Лучше	3	5
Так же	8	13
Хуже	77	68
Затрудняюсь ответить	12	14

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

Проблемное поле жителей области достаточно обширно. В ходе опроса респонденты выбирали из предложенного перечня (двенадцать проблемных сфер) проблемы, стоящие наиболее остро.

Сравнительный анализ с результатами исследования, проведенного в ноябре 2005 года, показывает, что **рейтинг актуальности социально-экономических проблем населения за прошедший год практически не изменился**. Исключением являются проблемы со здоровьем, которые переместились с 7-го на 4-е место в рейтинге проблем. Однако **острота (или распространенность) практически всех обозначенных проблем несколько снизилась**.

Таблица 6

Проблемы города (поселка, села) по оценкам респондентов (%)

	Ноябрь 2005 г.		Декабрь 2006 г.	
	Ранг	%	Ранг	%
Низкие доходы, плохое материальное положение семьи	1	63	1	55
Проблемы, связанные с работой, занятостью	3	49	2	42
Проблемы, связанные со своим бизнесом	12	9	10	5
Проблемы, связанные со здоровьем	7	30	3	33
Жилищные проблемы	4	38	5	27
Коммунальные проблемы	2	50	2	42
Незащищенность от преступности	4	38	4	29
Незащищенность от произвола властей	8	25	7	21
Проблемы детей	9	23	7	21
Проблемы проведения свободного времени	10	17	8	13
Проблемы молодежи	6	31	6	22
Личные проблемы	11	11	9	12
Другие (укажите, какие именно)		3		4
Затрудняюсь ответить		2		3

Далее для оценки работы региональной власти респондентам были предложены 10 различных направлений работы губернатора и Правительства области с просьбой указать, какие из них реализуются наиболее успешно, а какие требуют особого внимания.

Направления работы губернатора и Правительства области

	Наиболее успешные				Требующие внимания			
	Ноябрь 2005 г.		Декабрь 2006 г.		Ноябрь 2005 г.		Декабрь 2006 г.	
	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%
Социальная поддержка малоимущих слоёв населения	2	13	3	15	1	52	1	49
Поддержка предпринимательства	6	8	9	8	8	17	8	15
Поддержка сельского хозяйства	5	9	4	11	2	51	1	49
Реформирование ЖКХ	3	10	8	9	3	46	3	42
Привлечение инвестиций в область	3	10	2	17	5	25	5	26
Благоустройство города и области	1	50	1	37	7	19	6	23
Социальная поддержка молодёжи	6	8	4	11	4	35	4	36
Взаимодействие области с федеральной властью	6	8	4	11	9	13	9	10
Развитие туризма	10	2	11	2	10	4	11	4
Улучшение работы чиновников в органах власти	9	6	10	6	6	22	7	22
Реализация национальных проектов		–	7	10		–	9	10
Другое		0		1		5		4
Ничего		22		22		1		1
Затрудняюсь ответить		14		16		5		8

Анализируя оценку населением данных направлений в динамике за прошедший год, отметим, что **уменьшилось число респондентов, отметивших успешность работы губернатора и Правительства области по благоустройству, и увеличилось – по оценке эффективности привлечения инвестиций в область.** Важно, что 10 % респондентов отметили успешность работы по новому направлению – *реализации национальных проектов*. Что касается направлений, требующих внимания губернатора в первую очередь, то здесь, как и год назад, лидирующие позиции занимают *социальная поддержка малоимущих слоёв населения, молодёжи, поддержка сельского хозяйства и реформирование ЖКХ*. В целом, сравнение позиций «являются успешными» и «требуют внимания» выявляет, как и год назад, некоторое несовпадение оценок ульяновцами должного (необходимых действий, первоочередных задач, неотложных мер) и успешно претворяемого в жизнь (принимаемых решений, реализуемых действий).

Соответственно и объявленные Президентом России национальные проекты воспринимаются противоречиво. С одной стороны, вызывают определенные надежды на улучшение, с другой стороны высказываются пессимистические прогнозы, что деньги будут разворованы (40 %), результаты будут минимальны (более 36 %). Большинство респондентов восприняло национальные проекты позитивно, но не в экономическом плане, а как элемент социальной политики, социальной защиты: во-первых, как фактор снижения социальной напряженности (33,7 %); во-вторых, как фактор компенсации роста цен и тарифов (10 %); 18,8 % увидели в национальных проектах всего лишь пиар-акцию Президента.

Наиболее важным для себя в семейно-личностном плане респонденты назвали проект «Здоровье», в общегосударственном плане и для Ульяновского региона – проект «Развитие АПК», для одного региона – проект «Доступное жилье».

В декабре 2005 года под эгидой Института социологии РАН было проведено исследование проблем молодежи бедных регионов: Пензенская и Ульяновская области и Республика Мордовия (1500 респондентов в возрасте 16-30 лет). По данным опроса, 31,3 % респондентов имеют среднедушевой доход семьи менее 2000 руб. 28,4 % имеют доход до 3000 руб., а 23,5 % – 3001–5000 руб., лишь 16,9 % – 5001 руб. и более. Данные исследования показывают, что в провинции сформировалась «застойная бедность», треть молодых людей живут в семьях, имеющих доход ниже 3000 руб., что не способствует вертикальной социальной мобильности молодежи.

Были получены данные (см. табл. 1) об основных направлениях расходов. Основные статьи расходов молодежи: питание – 85,3 %, транспортные расходы – 40,9 %, коммунальные платежи – 47,5 %, приобретение одежды – 57,2 %.

Таблица 8

Основные направления расходов респондентов (%)

1	Питание	85,3
2	Приобретение одежды	57,2
3	Коммунальные платежи	47,5
4	Транспортные расходы	40,9
5	Расходы на рестораны, бары	12,9
6	Медобслуживание, лекарства	9,4
7	Культурно-досуговые расходы	5,3

В современной России экономить, отказывать себе в тех или иных потребительских и социальных благах приходится многим. Однако самые бедные зачастую вынуждены экономить на самых необходимых, жизненно важных расходах (питании, одежде, расходах на лечение, затратах на воспитание и обучение детей), а от некоторых предметов, услуг и видов деятельности зачастую полностью отказываются (платные услуги, полноценный отдых, досуг). Исследование зафиксировало довольно высокий процент семей с низким уровнем дохода, именно бедные и потенциально бедные оказываются в той группе людей, у которых нет ресурсов для повышения своей квалификации в системе подготовки и переподготовки кадров, так как зачастую полученное образование не обеспечивает достойный уровень и качество жизни. С другой стороны, бедность порождает бедность и она передается по наследству, когда невозможно получить современное образование, а следовательно, невозможно получить престижную и более высокооплачиваемую работу.

Литература

1. Албегова И.М., Емцов Р.Г., Холопов А.В. Государственная экономическая политика. – М., 1998.
2. Основные аспекты регионального политического процесса: Ульяновская область. 2002–2006 гг.: ежегодник. – Ульяновск: Центр социологических исследований, 2006.
3. Токвиль А. Старый порядок и революция. Пер. с франц. – М.: Моск. филос. фонд, 1997.

Л.А. Дремова, О.В. Покрамович

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Каждый исторический период времени имеет свои измерения, свои горизонты предвидения, свою высоту инновационных волн, меняющих лицо общества. Существуют периоды плавного, эволюционного развития, вялотекущего времени, когда будущее предопределено сложившимися в прошлом тенденциями, его очертания представляются довольно четко, горизонт предвидения и стратегических действий недалек, а инновационный поток напоминает скорее зыбь в период штиля или небольших волнений. Но наступает эпоха шторма и радикальных перемен, когда будущее затягивает завеса неопределенности, очертания окружающего мира становятся зыбкими, инновационные перемены приобретают характер девятого вала или цунами, сметающего устаревшее на своем пути.

Возникает мысль о многоликости инноваций, что действительно подтверждается многими факторами. Само по себе понятие инновации (нововведения) расшифровывается довольно просто: это внесение в разнообразные виды человеческой деятельности новых элементов (видов, способов), повышающих результативность этой деятельности. Однако при кажущейся простоте это понятие многогранно.

Рассматривая один элемент «источники и инициаторы инноваций» из целой плеяды их многогранности, мы можем отметить следующее. В современную эпоху основными инициаторами инноваций могут быть:

- представители ученого мира, открывшие новые закономерности развития природы, общества, техники и предложившие эффективные способы использования этих закономерностей;
- изобретатели, сумевшие предложить новшества, не имеющие аналогов в мире, подавших заявку на патент;
- предприниматели, менеджеры, банкиры, инвесторы, вырабатывающие новые формы организации производства, хозяйственной деятельности и управления, а также хозяйствующие субъекты, вкладывающие капитал в осуществление инноваций;
- люди творческих профессий, вносящие вклад в обновление духовной сферы; ученые, выдвигающие новые гипотезы, концепции, теории, делающие новые открытия;
- политические и государственные деятели, создающие новые политические партии, формы политической борьбы, государственные образования, правовые нормы, формы государственных отношений.

За последние 30 лет доля нематериальных активов в структуре активов ведущих международных корпораций возросла до 70 %, причем даже в таких традиционных секторах, как тяжелое машиностроение и коммунальное хозяйство, вклад нематериальных активов достигает 30 %. Качество человеческого капитала становится главным фактором развития экономики развитых стран и регионов. В последующие 20 лет наиболее высокие темпы роста прогнозируются в высокотехнологичных секторах, включая: информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии.

Настоящим отметим, что нет ни одной сферы деятельности, где изобретательный человеческий ум не стремился бы повысить ее эффективность с помощью инноваций.

В настоящей работе мы хотели бы представить характер и особенности процесса инновационного развития в Курской области. Так, Администрацией Курской области проводится ежегодный областной конкурс «Инновация года», участниками которого стали хозяйствующие субъекты как крупного, так и малого и среднего бизнеса. По итогам работы 2006 года победителями вышеназванного проекта из двадцати участников одиннадцать (55 %) – стали представители малого и среднего бизнеса.

Одним из крупнейших представленных проектов является разработка на тему «Система видео-наблюдения за объектами различных назначений с доставкой видеoinформации на удаленные и информационные центры», заявленная в названном конкурсе ЗАО «Конверсия - XXI век», проект ООО НПП «ЭМСи», представивший на конкурс работу «Создание производства скоростной купольной телевизионной камеры кругового обзора с двухкоординатным позиционным приводом», ООО «Технология», где разработана оригинальная технология производства свинцово-кислотных аккумуляторов различного назначения: тяговых, стационарных, стартерных, а также малогабаритных герметизированных аккумуляторов и т.д.

Следует отметить, что особенно заметным стало снижение времени разработки продукции и услуг в информационно-коммуникационных отраслях, а также отраслях ТЭК. Таким образом, структурные сдвиги в экономике в пользу новых отраслей также содействуют сокращению в целом жизненного цикла современных технологий.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что центральной задачей государственной инновационной политики на ближайшую перспективу является формирование эффективного инновационного механизма, сочетающего *максимум инициативы агентов рынка с действенной государственной поддержкой инноваций*. Лишь на этой основе может быть осуществлен переход к инновационному типу развития экономики, повышена конкурентоспособность отечественной продукции, включая продукцию, выпускаемую малыми и средними предприятиями Курской области.

За прошедшие пять лет в малом предпринимательстве Курской области произошли позитивные изменения, способствующие созданию рабочих мест, открытию значимых для области новых производств, что снижает остроту явлений, обусловленных сложной производственной и социальной ситуацией (скрытая безработица, неполный рабочий день во многих отраслях и сферах экономики, высвобождение работников на многих крупных предприятиях).

По предварительным данным, по состоянию на 1 января 2007 г. в области действует 4,4 тыс. малых предприятий, численность занятых на которых составляет 37 тыс. чел. (рис.1). В 2006 г. оборот малых предприятий по всем видам экономической деятельности составил 32 млрд. руб. (103 % к уровню 2005 г.).

Постепенно «центр тяжести» развития малого предпринимательства перемещается в сферу производства. Количество малых предприятий, занятых в промышленности, возросло с 337 в 2001 году до 606 в 2005 году.

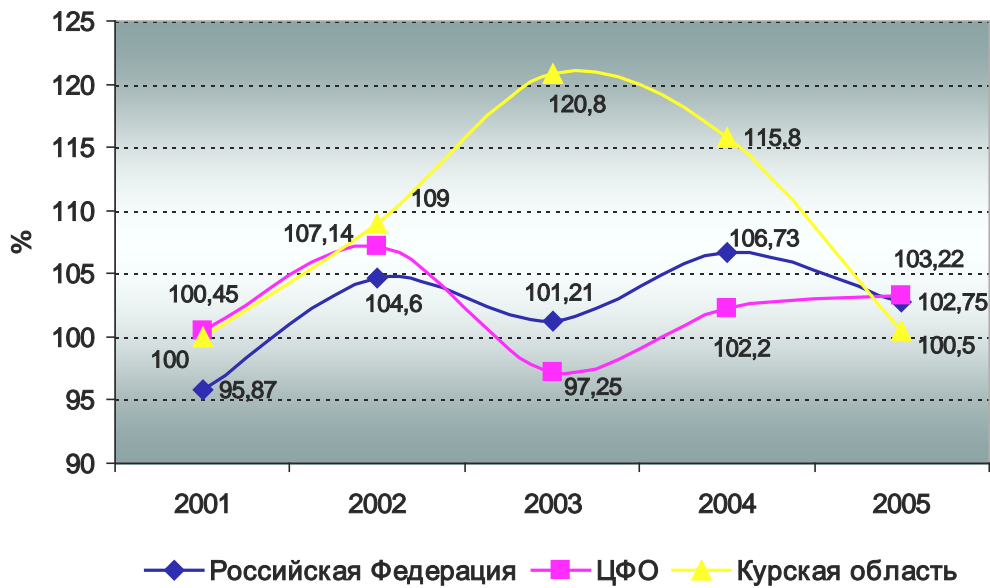

Рис.1. Динамика темпов роста числа малых предприятий

Аналогичная картина складывается в строительстве и стройиндустрии, где число малых предприятий составляет 619 против 327 в 2001 году. Значительное развитие в регионе получили торговля и общественное питание (53,1 % от общего объема произведенной продукции (работ, услуг)), строительство (15,2 %), промышленность (10,1 %), сельское и лесное хозяйство (7,1 %). Силами малого бизнеса практически в полном объеме оказываются услуги по ремонту и индивидуальному пошиву обуви (95,3 %), ремонту и изготовлению мебели (84,6 %), фотоуслуги (79,9 %), услуги парикмахерских (75,6 %).

Определенную нишу занимает малый бизнес в перерабатывающей отрасли. Субъектами малого предпринимательства осуществляется туристический бизнес, оказываются услуги правового характера (рис. 2.).

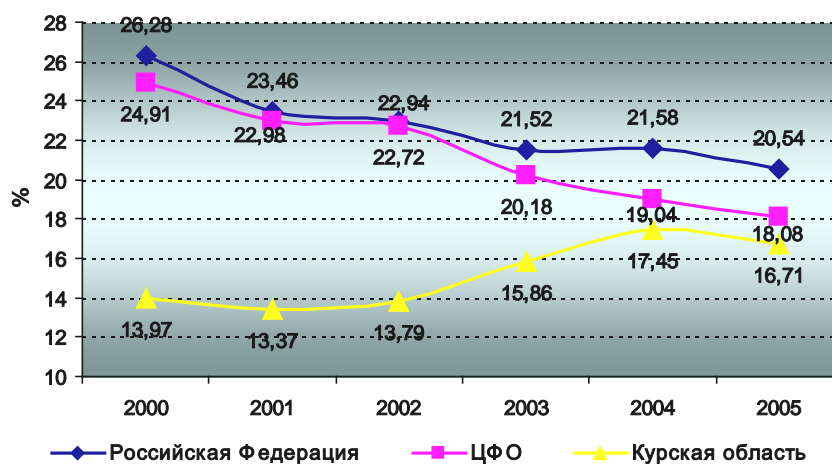

Рис. 2. Динамика удельного веса числа малых предприятий в общей величине предприятий и организаций

Немаловажную роль в развитии инновационных процессов в малом бизнесе играет недостаток собственных средств, трудности получения кредита, отсутствие должной государственной поддержки, иных экономических стимулов и пр. Можно предположить, что улучшения в области инновационной деятельности в малом бизнесе станет реальным только с укреплением финансового положения самих хозяйствующих субъектов и улучшением инвестиционного климата как в России в целом, так и в Курской области.

В связи с изложенным рассмотрим объем инвестирования в основной капитал малых предприятий субъектов Российской Федерации, входящих в Центральный Федеральный округ (таблица 1).

В целом по России темпы роста вложения инвестиций в основной капитал хозяйствующих субъектов малого бизнеса за период деятельности с 2000 по 2005 гг. включительно выросли в 4,04 раза, а в Центральном Федеральном Округе (ЦФО) данный показатель вырос в 3,03 раза и составил 24,6 % от инвестиций в основной капитал малых предприятий в целом по РФ.

В разрезе субъектов самый высокий показатель за анализируемый период имеют Орловская область, где доля инвестиций в основной капитал выросла с 10,5 млн.руб. в 2000 г. до 296,7 млн.руб. в 2005 г., что составило прирост в 286,2 млн.руб. (28,2 раза); Курская область в 2000 г. – 32,3 млн.руб., в 2005 г. – 633,3 млн.руб., прирост составил 601 млн.руб. (19,6 раза). Здесь следует отметить, что основная доля инвестиций приходится на 2003-2005 гг., что составило в сумме 1724,7 млн. руб., тогда как за предыдущие три года 2000-2002 гг. инвестировано всего лишь на сумму 167,7 млн. руб.

Такие показатели говорят о том, что в Курской области создана и совершенствуется законодательная база, обеспечивающая гарантии имущественных прав и защиту инвестиций. В этом успели убедиться солидные инвесторы, как отечественные, так и зарубежные, вложившие немалые финансовые средства в развитие сельскохозяйственных и промышленных предприятий, в создание совместных производств, в том числе и в сфере малого и среднего бизнеса.

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ (миллионов рублей)						
	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Российская Федерация	29774.3	43464.6	51002.3	67301.6	99231.3	120469.1
Центральный федеральный округ	9768.9	16621.1	15262.1	17573.1	22764.0	29666.2
Курская область	32.3	96.0	39.4	316.5	774.9	633.3
Белгородская область	71.6	102.2	73.8	146.9	534.0	918.6
Брянская область	56.0	73.6	126.6	135.7	154.7	393.1
Владимирская область	563.3	263.1	586.8	758.7	689.6	807.8
Воронежская область	264.0	348.9	629.4	1200.4	1597.0	2081.5
Ивановская	314.6	296.6	407.6	790.2	767.7	1474.9
Калужская	105.9	335.0	370.5	929.1	1367.0	1694.7
Костромская область	29.6	28.4	17.3	32.8	76.2	115.6
Липецкая область	132.5	169.5	530.3	614.1	1339.4	2276.2
г. Москва	1976.9	11079.8	9845.5	8543.2	6293.9	9056.1
Московская область	2469.5	2769.4	1130.8	2568.2	6798.7	6806.8
Орловская область	10.5	76.0	31.5	33.9	31.0	296.7
Рязанская область	2880.0	46.3	133.2	138.4	265.1	367.5
Смоленская область	47.7	120.9	240.5	118.4	191.3	201.7
Тамбовская область	75.6	94.8	354.3	330.0	500.1	1021.7
Тверская область	441.5	372.9	389.9	514.1	759.8	889.7
Тульская область	177.5	175.2	174.3	190.1	296.5	278.9
Ярославская область	119.7	172.6	180.3	212.6	327.2	351.6

Источник: Сводный статистический сборник Курской области. 2006: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2006. С. 446.

В пятерку лидеров по темпам увеличения инвестиций в основной капитал малого бизнеса в ЦФО вошли также такие субъекты, как Липецкая область, где увеличение с 2000 до 2005 г.г. в целом составило 2143,7 млн.руб. (17,2 раза), Калужская область – 1588,8 млн.руб. (16 раз), Тамбовская область - 946,1 млн.руб. (13,5 раза).

Возможен вопрос: «А где же показатели г. Москвы и Московской области?». Конечно же, данные субъекты РФ развиваются достаточно стабильно и темпы роста рассматриваемого в данной статье показателя с 2000 по 2005 гг. увеличились на сумму в 7079,2 млн. руб. (4,6 раза), в Московской области соответственно на сумму 4337,3 млн. руб. (2,75 раза). Доля инвестиций в малом бизнесе вышеназванных субъектов в РФ составила 13,2 %, а в ЦФО – 53,5 %, т.е. более половины всех вложений.

Отметим, что стартовая база развития инновационного процесса как в России, так и в Курской области в настоящее время оценена как достаточно низкая, но позволяющая добиться конкурентоспособности в нескольких макротехнологиях мирового уровня при определенных условиях разработки системы организационно-экономических механизмов, которые способствовали бы ускорению развития инновационного процесса.

Российским предприятиям предстоит длительный и трудный путь выхода на инновационный путь развития. Ввиду недостаточности финансовых ресурсов в целом по промышленности тратится только 1,6 % всех затрат на инновационный процесс.

Руководители предприятий, где осуществляется инновационная деятельность, делают вывод о том, что именно это способствует освоению новой продукции, повышает конкурентоспособность предприятия на рынке и ведет к росту прибыли. Однако, именно конкурентоспособность способствует росту продаж и прибыли, но в отдаленной перспективе. Это обстоятельство и затрудняет весь инновационный процесс.

Сегодня центральной задачей государственной инновационной политики на ближайшую перспективу является формирование эффективного инновационного механизма, сочетающего максимум инициативы агентов рынка с действенной государственной поддержкой инноваций, активизации инновационной деятельности российских компаний за счет формирования институтов инновационной среды, инновационного потенциала системы управления предприятием.

Основными особенностями для инновационного процесса развития малого предпринимательства в Курской области являются следующие инструментарии, необходимость исполнения которых существует в настоящее время:

- внедрение наукоемких производств, в котором обновление продукции происходит за счет внедрения новых технологий;
- произвести оценку интеллектуальной собственности хозяйствующих субъектов малого бизнеса Курской области, как нематериальных активов, включающих патенты на изобретение и полезные модели, конструкторско-технологические ноу-хау и приобретенные на них лицензии;
- создание инновационной инфраструктуры, ядром которой станут инновационные и инжиниринговые центры, технопарки, кластеры;
- совершенствование инвестиционного и инновационного законодательства;
- организация работы по содействию частным компаниям в реализации инвестиционных проектов;
- создание условий для развития высокотехнологичных производств (региональной инновационной системы);
- инвестиции в создание (модернизацию) хозяйствующих субъектов малого бизнеса, производящих товары и услуги.

Вывод в этой ситуации один, и он подтвержден практикой, - в регионе необходимо создание технопарковых структур, научно-технологических кластеров. В этом случае риски распределяются в системе, а убытки частично должны компенсироваться государством и региональной Администрацией.

Литература

1. Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Росстат. - М., 2006.
2. Сводный статистический сборник Курской области. 2006: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2006.
3. «Инвестиционные проекты. Инновационные проекты. Инвестиционные площадки». 2006 / Администрация Курской области совместно с ООО «РЕГИОН-ПРЕСС». – Курск, 2006.
4. Эпохальные инновации XXI века / Ю.В.Яковец; Междунар. Ин-т П.Сорокина-Н.Кондратьева. - М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2004.
5. www.innovbusiness.ru
6. www.fbid.ru
7. www.strf.ru

Н.В. Дулина, В.В. Токарев

ИЗ ОПЫТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ РЕГИОНА

Превращение социологии в «инструмент власти» – то есть в инструмент, которым пользуется власть для того, чтобы получить ответы на важные для себя (а иногда – и для общества в целом) вопросы, связано, в первую очередь, с проведением предвыборных исследований. К счастью, доказательства эффективности (практической полезности) прикладной социологии оказались столь убедительны, что сегодня многие управленческие решения принимаются на основе (или, по крайней мере, с учетом) результатов прикладных социологических исследований. Социологов не может не радовать тот факт, что необходимость социологического обоснования управленческих решений во многих случаях закрепляется законодательными или нормативными актами (например, проведение мониторинга уровня жизни граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей; порядок информирования граждан и юридических лиц о градостроительной деятельности, и др.). При этом, длительное сотрудничество дает свои не только практические, но и научные результаты. Проиллюстрируем возможности социологического сопровождения деятельности администрации Дзержинского района г. Волгограда на примере проведения пяти волн мониторинга, выполненных в 1999 – 2002 гг. Информация о сходствах и различиях выполненных проектов представлена в табл. 1. Всего в рамках сотрудничества с администрацией района было выполнено более десяти волн.

Проведение совместной обработки массива данных, полученных в пяти турах мониторинга, позволило выделить и описать закономерности, которые в рамках каждого из туров мониторинга либо не проявлялись (вследствие относительно небольшого объема выборки), либо были недостаточно значимы. Наиболее четкие зависимости выявлены между признаками «пол», «возраст» (детерминирующие признаки) и «уровень образования», «семейное положение», «наличие и количество детей», «род занятий» и «сфера деятельности» (зависимые признаки). Иллюстрацией полученных зависимостей являются диаграммы, представленные на рис. 1–7. Диаграммы построены по перевзвешенным данным с применением метода аппроксимации скользящим средним.

Графики, представленные на рис. 1, позволяют провести детальный анализ распределения населения административного района Волгограда по полу и возраст-

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

ту. Для удобства интерпретации доли различных возрастных групп в населении пересчитаны в абсолютные значения (количество человек^{*}).

Таблица 1

Сходства и различия между турами мониторинга социальной ситуации Дзержинского района

Признак	Проект «Дзержинский-1», апрель 1999 г.	Проект «Дзержинский-2», сентябрь 1999 г.	Проект «Дзержинский-3», сентябрь 2000 г.	Проект «Дзержинский-4», июнь 2001 г.	Проект «Дзержинский-5», декабрь 2002 г.
Рабочее название проекта	«Социальная ситуация в Дзержинском районе»	«Социально-политические проблемы Дзержинского района»	«Социальная инфраструктура Дзержинского района»	«Деятельность Дзержинской районной администрации в общественном мнении»	«Социально-политическая ситуация в Дзержинском районе»
Тип исследования	Разведывательное исследование	Аналитическое описательное исследование	Аналитическое описательное исследование	Аналитическое описательное исследование	Аналитическое описательное исследование
Объект исследования	Взрослое (в возрасте 18 лет и старше) население Дзержинского района	Взрослое (в возрасте 18 лет и старше) население Дзержинского района	Взрослое (в возрасте 18 лет и старше) население Дзержинского района	Взрослое социально активное население Дзержинского района, проживающие на территориях, входящих в зону доставки газеты «Историческое шоссе»	Взрослое (в возрасте 18 лет и старше) население Дзержинского района
Цель исследования	Получение информации о социальной ситуации в районе, необходимой для обоснованного принятия управленческих решений районной администрацией	Анализ предвыборной ситуации в районе; анализ динамики изменения общественного мнения по вопросам, связанным с социальной ситуацией в районе	Анализ динамики общественного мнения по вопросам, связанным с социальной ситуацией в районе, оценка существующей социальной инфраструктуры и ее восприятия жителями района	Оценка восприятия жителями Дзержинского района деятельности районной администрации и ее Главы С. А. Симонова	Получение информации о динамике изменения социально-политической ситуации в районе, необходимой для обоснованного принятия управленческих решений районной администрацией

Продолжение таблицы 1

^{*} В качестве базы для расчета абсолютного числа жителей (в тысячах человек) использовались данные избирательной комиссии Волгоградской области о числе избирателей, проживающих в данном районе. По данным на март 2000 г. (выборы Президента РФ) в списках избирателей числилось 132922 человека.

ПРИЗНАК	ПРОЕКТ «ДЗЕРЖИНСКИЙ-1», АПРЕЛЬ 1999 Г.	ПРОЕКТ «ДЗЕРЖИНСКИЙ-2», СЕНТЯБРЬ 1999 Г.	ПРОЕКТ «ДЗЕРЖИНСКИЙ-3», СЕНТЯБРЬ 2000 Г.	ПРОЕКТ «ДЗЕРЖИНСКИЙ-4», ИЮНЬ 2001 Г.	ПРОЕКТ «ДЗЕРЖИНСКИЙ-5», ДЕКАБРЬ 2002 Г.
Тип выборки	Адресная систематическая стратифицированная	Квотно-маршрутная; квоты по полу, возрасту, территории проживания	Комбинированная: квотно-маршрутная (основная выборка) и адресная (дополнительная выборка)	Адресная систематическая	Квотно-маршрутная; квоты по полу, возрасту и образованию
Расчетный объем выборки	600 человек (4 избирательных округа по 150 человек)	600 человек (4 избирательных округа по 150 человек)	750 человек (основная выборка: 4 избирательных округа по 150 человек; дополнительная выборка - 150 человек)	400 человек, проживающих на территории избирательных участков, входящих в зону доставки газеты «Историческое шоссе»	600 человек, отобранных по полу, возрасту, образованию, территории проживания
Контроль репрезентативности	По признакам «пол», «возраст», «территория проживания»	По признакам «пол», «возраст», «активность участия в выборах», «территория проживания»	По признакам «пол», «возраст», «активность участия в выборах», «обращения в администрацию»	По признакам «пол», «возраст», «территория проживания»	По признакам «пол», «возраст», «образование»
Метод сбора социальной информации	Формализованное интервью	Формализованное интервью	Формализованное интервью	Формализованное интервью	Формализованное интервью
Перевзвешивание данных	По признакам «пол» и «участие во вторых ротационных выборах в Волгоградскую областную Думу»	По признакам «участие во вторых ротационных выборах в Волгоградскую областную Думу» и «номер избирательного округа»	Только для основной выборки по признакам «обращения в районную администрацию в течение последнего года» и «участие в выборах Президента РФ»	По признакам «пол» и «возраст»	По признакам «пол», «возраст» и «образование»

На графиках легко заметить «пик количества» для возрастов 60–65 лет и «провалы» для возрастов 56–58 и 67–69 лет. «Пик» объясняется увеличением рождаемости в относительно благополучный предвоенный период (1936–1941 гг.), а «провалы» – снижением рождаемости (а возможно, и более высокой смертностью младенцев) в период Великой Отечественной войны (для людей в возрасте 55 – 58 лет) и голодные 1932 – 1934 гг.

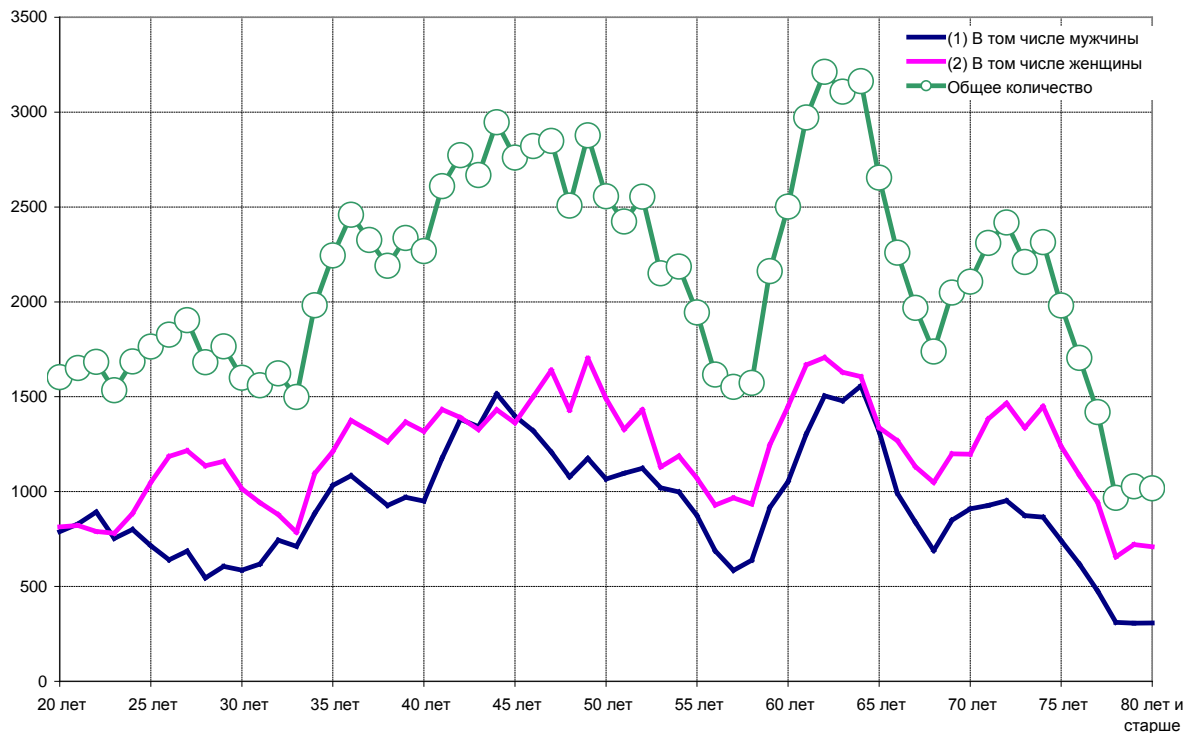

Рис. 1. Распределение населения района по возрасту (по результатам пяти туров мониторинга)

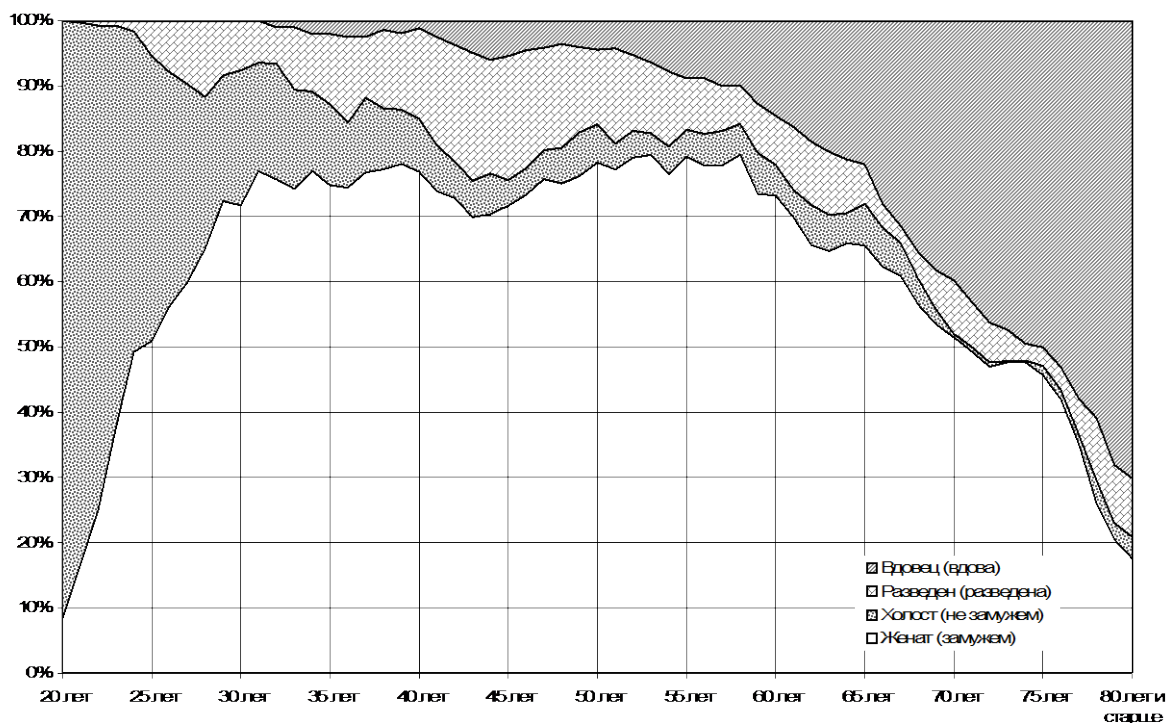

Рис. 2. Распределение респондентов по семейному положению в зависимости от возраста (по результатам пяти туров мониторинга)

Диаграмма, представленная на рис. 2, позволяет понять, как зависит от возраста семейное положение жителей района. Легко заметить, что в возрасте 20 – 30 лет доля людей,

состоящих в браке, практически линейно возрастает от 10 % до 70 %, в возрасте 30 – 60 лет – колеблется в пределах 70 % – 77 % и снижается после 60 лет за счет возрастания количества вдов (вдовцов).

Было бы естественным ожидать значительных различий в закономерностях изменения семейного положения, характерных для мужчин и для женщин. Диаграммы, представленные на рис. 3–4, позволяют подтвердить это предположение. Наиболее характерные различия в полученных распределениях проявляются в следующем:

1. Мужчины в среднем более поздно, чем женщины, вступают в первый брак. Так, доля холостых мужчин равномерно уменьшается вплоть до 38 лет (этот возраст можно считать «реперной точкой», после него вероятность вступления мужчин в первый брак значительно снижается). Для женщин имеется две подобных «реперных точки»: первая – в возрасте 29 лет (доля незамужних женщин стабилизируется на уровне 10 % – 14 %), вторая – в возрасте 42 года («вторая волна первых браков») доля незамужних стабилизируется на уровне 5 % – 6 %.

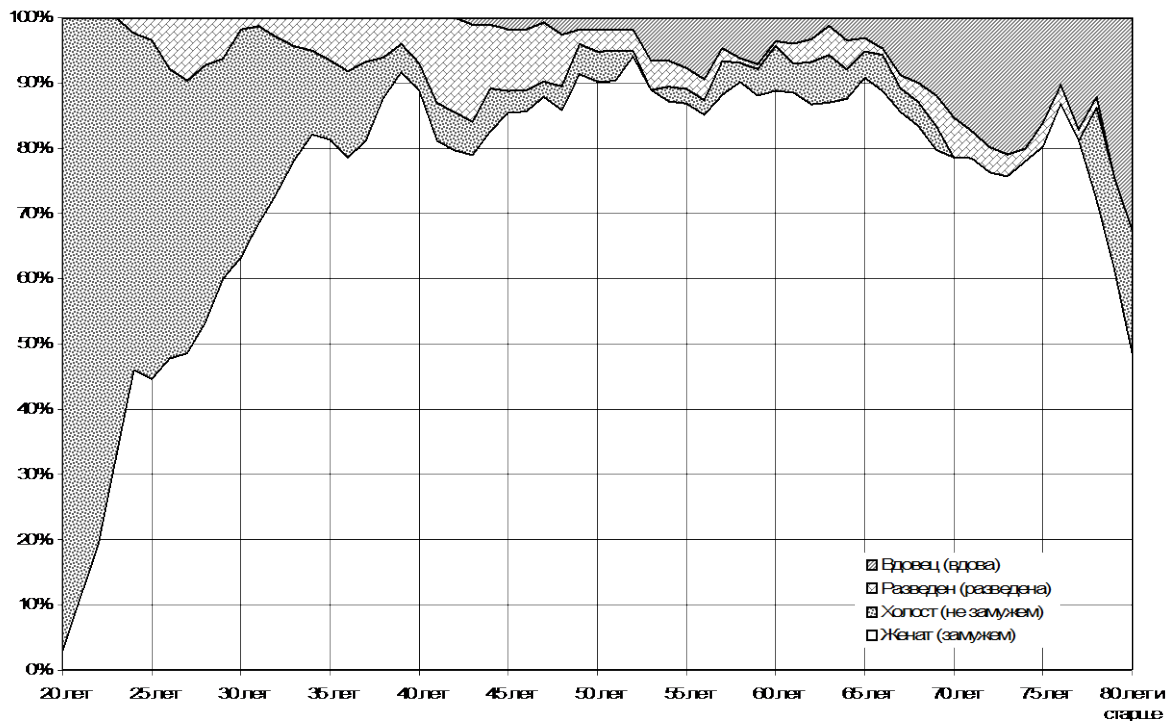

Рис. 3. Распределение респондентов–мужчин по семейному положению в зависимости от возраста (по результатам пяти туров мониторинга)

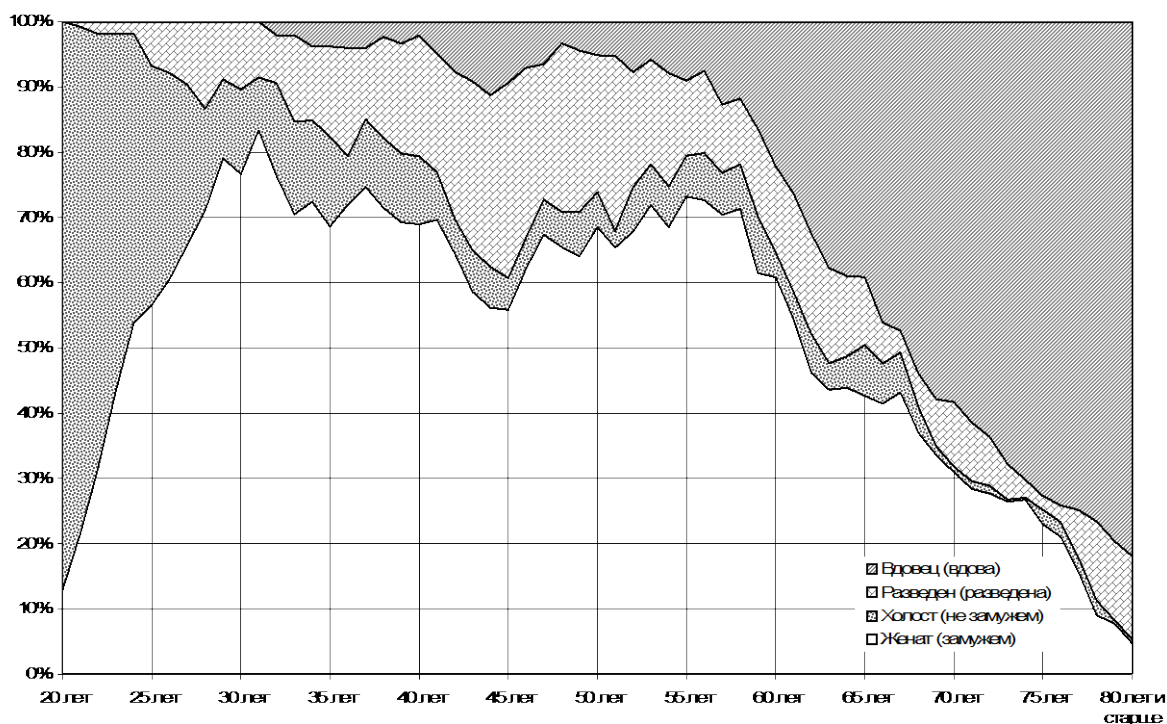

Рис. 4. Распределение респондентов–женщин по семейному положению в зависимости от возраста (по результатам пяти туров мониторинга)

2. Закономерности, близкие к периодическим, наблюдаются в распределении доли людей, находящихся в разводе, в зависимости от возраста респондентов. В целом можно выделить три «пика разводов». Первый пик разводов приходится на возраст 27 – 28 лет (доля мужчин, находящихся в разводе, достигает 10 %, доля разведенных женщин – 13 %). После первого развода практически все мужчины и основная часть женщин в течение 2 – 3 лет вступают в повторный брак (в возрасте 30 – 31 год доля разведенных мужчин сокращается до 1 % – 3 %). Второй (менее выраженный) «пик разводов» приходится на 36 лет: доля разведенных мужчин возрастает до 8 %, женщин – до 17 %. И, наконец, наиболее выраженный пик приходится на возраст 43 – 45 лет. Доля разведенных мужчин в этом возрасте достигает 15 %, доля разведенных женщин – 30 %. Третий пик характеризуется еще одной важной особенностью – практически все мужчины, которые разводятся в этом возрасте, достаточно быстро вступают в повторный брак с женщинами моложе себя, как правило, тоже находящимися в разводе (после второго «пика разводов») или вступающими в первый брак. Женщины, оставшиеся в одиночестве после третьего «пика разводов», практически не имеют шансов быстро вступить в повторный брак – доля женщин, находящихся в разводе, практически не сокращается с увеличением возраста.

Официальная статистика подтверждает выявленную закономерность. Правда, статистические данные, которыми мы располагаем, отражают ситуацию в области в целом (см. табл. 2 [2, С.14]), но справедливости ради, надо заметить, что Волгоград вносит существенный «вклад» в эту статистику, а именно более 40 % всех разводов, зарегистрированных в 2002 году, приходится на областной центр.

Разводы по возрасту разводящихся в 2002 году, чел.

Возрастные группы, лет	Женщины	Мужчины
Всего расторгнуто браков	15624	15624
в том числе в возрасте:		
до 18 лет	8	1
18 – 24	2280	1032
25 – 39	7774	8245
40 – 49	3392	3832
50 – 59	1358	1492
60 лет и старше	796	1003
не указали	16	19
Из общего числа расторгнувших брак имели детей до 18 лет	10683	10683

3. Доля мужчин, состоящих в браке, в возрастном диапазоне от 35 до 70 лет колеблется незначительно (колебания – около 12 %) и находится на уровне 80 % – 90 %. «Пики женитьб» (наиболее высокие доли женатых мужчин в возрастных категориях) приходятся на возраст 38 и 52 года. «Пики замужеств»* (для женщин) приходятся на возраст 30 – 32 года и 55 лет. В целом доля замужних женщин не превышает 82 %, а в период третьего «пика разводов» – снижается до 56 %. Доля замужних женщин начинает значительно сокращаться после 57 лет за счет увеличения доли женщин, потерявших супругов.

4. Доля вдов (вдовцов) в целом увеличивается с увеличением возраста, однако и для мужчин, и для женщин характерно наличие одного «пика вдовства». Для женщин этот пик приходится на возраст в 44 – 45 лет и совпадает с третьим пиком разводов. Среди женщин этого возраста доля вдов составляет 11 %. Для мужчин «пик вдовства» приходится на 55 – 56 лет. В дальнейшем доля вдов (вдовцов) несколько снижается (для женщин, вероятно, за счет вступления в новый брак, для мужчин – за счет высокой смертности людей, потерявших супруга).

Графики, приведенные на рис. 5, позволяют оценить различия между ответами женщин и мужчин на вопрос о наличии детей. Легко заметить, что в возрасте от 22 до 32 лет доля женщин, имеющих детей, значительно превышает долю мужчин; в возрасте до 22 лет и от 32 до 37 лет мужчины лишь немного «отстают» от женщин, а в возрасте старше 37 лет распределения ответов практически совпадают. Абсолютное большинство женщин и лишь 30 % мужчин становятся родителями в возрасте до 25 лет. Для мужчин наиболее «типичный» возраст рождения первого ребенка – 26 – 31 год (46 % мужчин становятся отцами в этом возрасте).

Общая диаграмма, иллюстрирующая зависимость количества детей от возраста респондентов, представлена на рис. 6. Диаграмма позволяет увидеть, что второй

* Термины «пики женитьб» и «пики замужеств» не вполне корректны. Речь идет о временном повышении в демографических категориях доли женатых (замужних) людей. Так, например, убывание доли замужних женщин после второго «пика замужеств» сопровождается увеличением числа вдов, то есть связано не с уменьшением числа браков, а с увеличением числа смертей супругов.

ребенок в большинстве случаев появляется у матерей в возрасте 26 – 30 лет и отцов в возрасте 32 – 36 лет. Люди, имеющие трех и более детей (возможно, в составе разных семей), встречаются среди респондентов лишь в 8 % случаев, причем доля таких людей заметно увеличивается в возрастных категориях старше 45 лет.

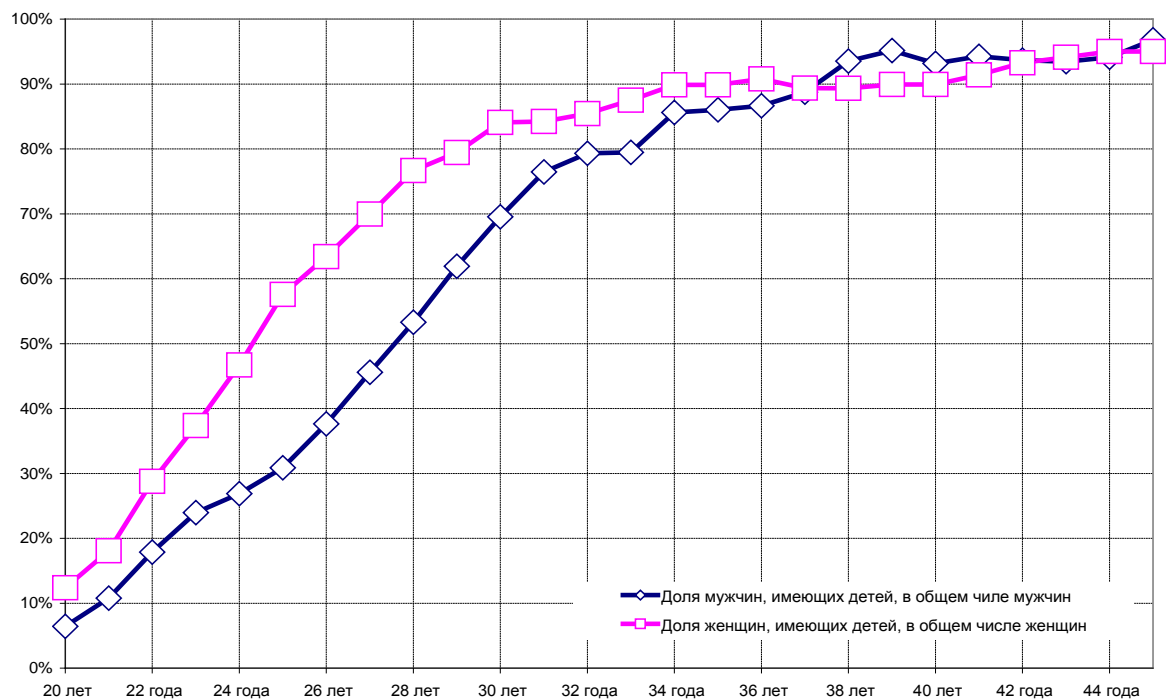

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о наличии детей

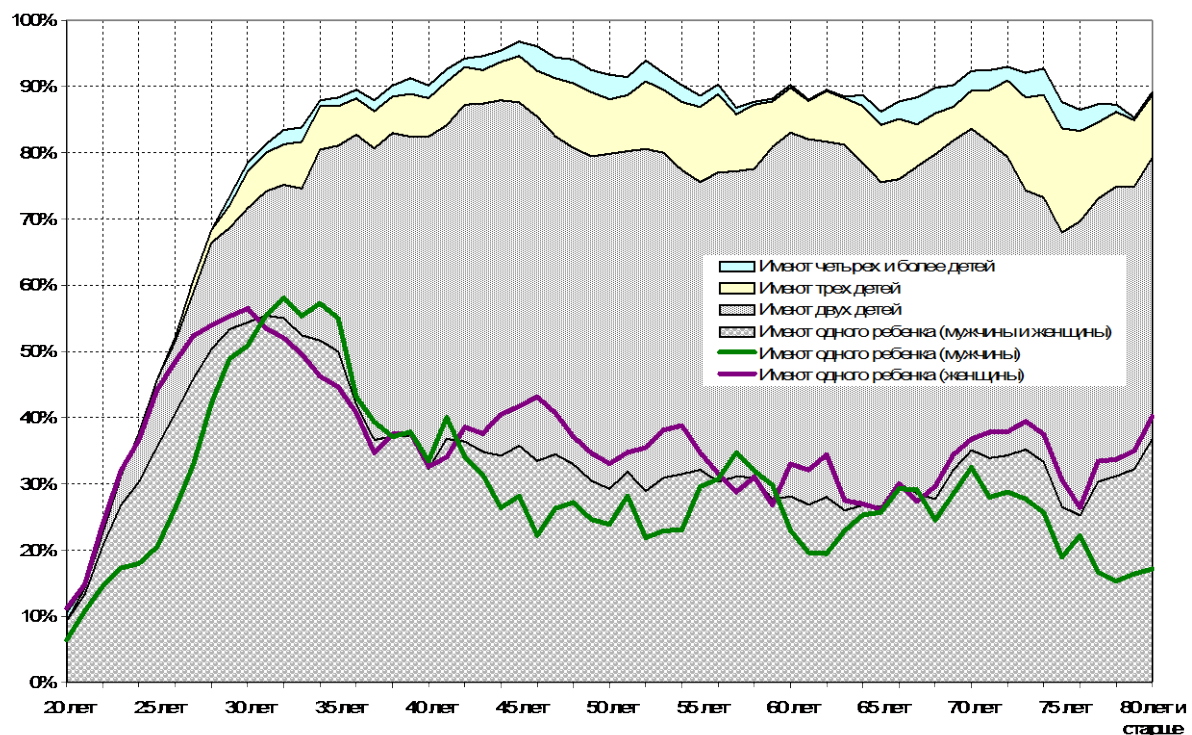

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос о количестве детей

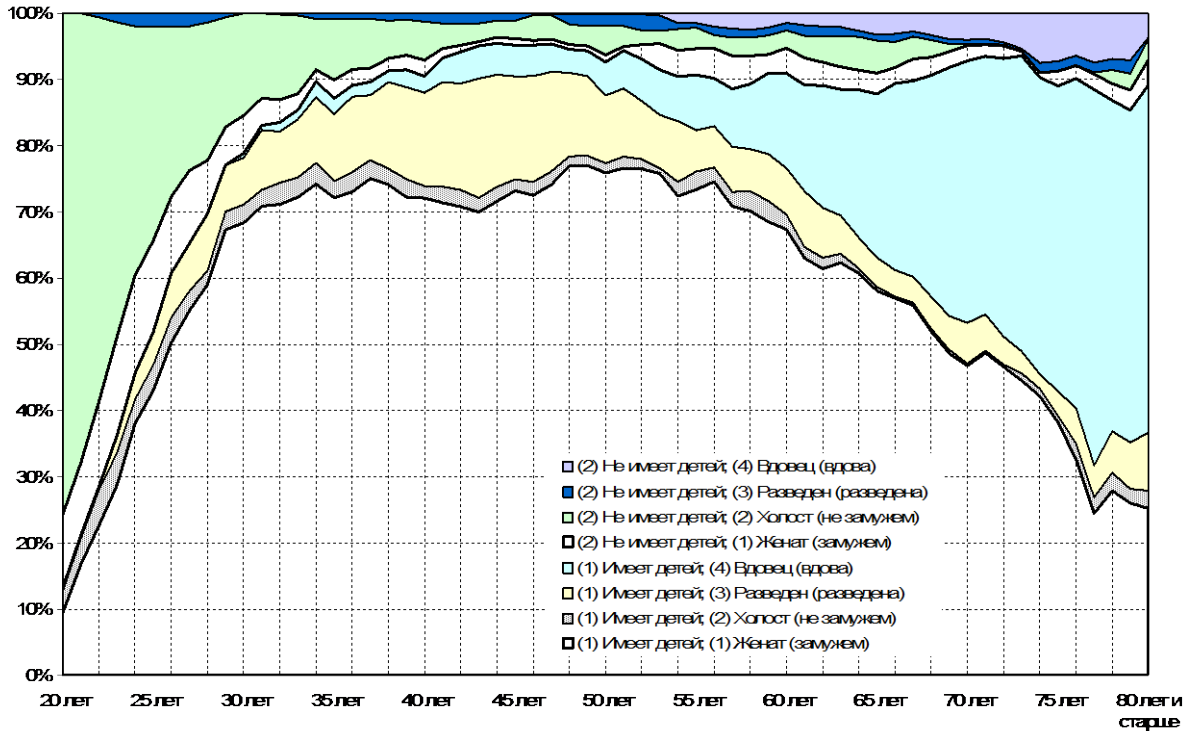

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопросы о наличии детей и семейном положении в зависимости от возраста

Взаимосвязь между признаками «семейное положение» и «наличие и количество детей» является очевидной: абсолютное большинство тех, кто имеет детей, состоит или состояли в браке, женатые (замужние) люди чаще, чем не состоящие в браке, имеют двух и более детей. На рис. 7 приведена диаграмма, иллюстрирующая влияние признаков «возраст» и «семейное положение» на наличие детей. Очевидно, что среди жителей от 26 до 70 лет абсолютное большинство составляют люди, состоящие в браке и имеющие детей; среди мужчин и женщин в возрасте до 23 лет преобладают люди, не имеющие детей и не вступавшие в брак. Среди жителей старше 70 лет абсолютное большинство составляют вдовы (вдовцы), имеющие, по крайней мере, одного сына или дочь.

На данных одного исследования мы показали, что возможность использования «общего массива» результатов мониторинга, включающего более 2500 наблюдений, позволяет применить более тонкие методы анализа полученных данных и выделить закономерности, которые в «типовых» проектах, как правило, ускользают от внимания исследователя. Так, среди таких «моментов» – значительные различия, характеризующие «семейный статус» мужчин и женщин. Эти различия проявляются как в закономерностях вступления в брак, так и в закономерностях, характеризующих изменение в зависимости от возраста доли разведенных и вдовых респондентов.

Проведенный анализ данных, полученных на пяти турах мониторинга, позволяет сделать вывод, что социологическое сопровождение деятельности администраций различного уровня власти способен обеспечить:

1. Отслеживание, анализ и прогнозирование наиболее важных характеристик социального воспроизводства, таких как рождаемость, продолжительность жизни, здоровье, уровень занятости, качество жизни, социально-психологических пока-

зателей состояния населения, потенциал социальной сферы; показателей отдельных наиболее острых, требующих решения социальных проблем.

2. Проверку альтернативных гипотез развития потенциала социальной сферы, социальной инфраструктуры города, социальной поддержки отдельных слоев населения.
3. Выявление ожиданий и предпочтений населения города в социальной сфере.

Социологическое сопровождение способствует принятию грамотных (а зачастую, просто правильных) управленческих решений не только с учетом текущего состояния социальной системы (социального объекта), но и возможных тенденций ее развития в будущем. «Управлять – значит не только воздействовать на систему в том виде, в каком она функционирует в настоящее время, но и выявлять тенденции ее движения, развития, предвидеть альтернативы и с учетом этого осуществлять управляющее воздействие в данное время. Недаром считают, управлять, значит, предвидеть. Предвидеть, прежде всего, то, к каким социальным последствиям приведет программа, реформа, план, как они отразятся на положении человека, в какой мере отвечают его интересам и потребностям» [1, С. 35]. Если по информации, полученной с помощью мониторинга, государственные и/или общественные органы, призванные оказывать воздействие на ход соответствующих социальных процессов, принимают управленческие решения, нацеленные на какое-то изменение этих процессов (в соответствии с целями и интересами конкретной управляющей системы), то целесообразно в последующие, очередные волны мониторинга включать показатели, позволяющие обеспечить обратную связь для этой управленческой деятельности. Имеется в виду необходимость получения информации о реакции тех, на кого было направлено управленческое решение, чьи интересы оно затрагивает. Наличие такой обратной связи позволяет корректировать управленческие действия в процессе управления социальным развитием. Таким способом через обратную связь оперативно оценивается эффективность принимаемых решений.

Литература

1. *Афанасьев, В. Г.* Социальная информация и управление обществом / В. Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1975.
2. *Женщины и мужчины Волгоградской области // Волгоградский государственный областной комитет государственной статистики.* – Волгоград, 2003.

Н.В. Дулина, В.В. Токарев

МЕТОДИКА КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНОГО ГОРОДА

Проведение прикладного социологического исследования, инициированного властными органами, – скорее, исключение, чем правило, в работе социологов. Однако проект «Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия (компонент «Качество жизни населения»)», выполненный специалистами Центра «Аналитик» и Социологической исследовательской группы ВолгГТУ, относится к ряду именно таких исследований. Оно стало одним из этапов в масштабной программе разработки концепции устойчивого развития регионального центра. Методологическая основа, принципы, которые закладывались в программу этого исследования в процессе его проектирования, использованные методы сбора, обработки и анализа социальной информации в последующем неоднократно использовались при проведении прикладных исследований на уровне региона. В данной связи считаем целесообразным показать общую схему проведенного исследования.

Цель и задачи исследования. Проект «Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия» (компонент «Качество жизни населения») относится к классу прикладных аналитических количественных исследований. Методологической основой исследования явилась экوانтропоцентрическая парадигма социального познания и социального управления, включающая методологию прогнозного социального проектирования [3; 4].

В качестве основной цели данного проекта рассматривалось получение социальной информации, отражающей субъективное восприятия жителями Волгограда экономической, социальной и экологической ситуации в Волгограде в целом и отдельных районах города. Особое внимание в ходе исследования обращалось, с одной стороны, на взаимодействие между органами власти, социальной инфраструктурой города и населением, а, с другой стороны, анализу ситуации города в «триединстве» экономических, экологических и социальных процессов. Такой подход основан на общих принципах теории устойчивого развития [10], в рамках которого целеположение общества производится в терминах экологической целостности, экономической эффективности и социальной справедливости.

В соответствии с поставленной целью, при разработке программы исследования в качестве основных рассматривались следующие задачи.

- Определить, каким образом жители Волгограда оценивают общую социально–экономическую ситуацию в своем районе (по сравнению с другими районами Волгограда, Волгоградом, Волгоградской областью и на фоне общих условий жизни в России).
- Определить, каким образом жителями города оценивается общая экологическая обстановка в Волгограде в целом, в отдельных районах города, в месте своего проживания. Выделить характер влияния экологической обстановки в месте проживания (ее субъективного восприятия жителями) на состояние здоровья жителей.
- Выделить общие представления жителей о Волгограде как о городе. Провести оценку рациональных и эмоциональных аспектов отношения жителей к Волгограду. Выделить зависимость между миграционной мобильностью различных категорий жителей и их отношением к социально–экономической и экологической ситуации в Волгограде.

- Оценить уровень и причины удовлетворенности (неудовлетворенности) жителей предоставляемыми медицинскими, образовательными, иными социальными услугами.
- Определить уровень информированности жителей о разработке Стратегического плана развития Волгограда. Выделить наиболее острые, по мнению жителей Волгограда, проблемы, характерные как для всего города, так и для отдельных районов.

Кроме того, обращалось внимание на определение «объективных» (насколько это возможно в рамках социологического исследования) показателей качества жизни населения – уровня материального благосостояния, структуры бюджета доходов и расходов семей, особенностей потребительской активности различных групп горожан. Основное внимание при выполнении проекта обращалось на сравнительный анализ особенностей общественного мнения в разрезе различных районов Волгограда, а также выделение социально–демографических признаков, определяющих различия в поведении (восприятии) волгоградцами спектра экономических, экологических, социальных проблем города.

Объект и предмет исследования. В качестве объекта исследования рассматривалось взрослое (в возрасте старше 18-ти лет) население города Волгограда. В качестве основного предмета исследования рассматривались следующие субъективные и объективные аспекты положения жителей Волгограда в социальной реальности.

- Социальное самочувствие различных социально–демографических групп населения. Оценка жителями своих жизненных перспектив, экономического и финансового положения своей семьи. При анализе социального самочувствия использовалась методика, изложенная в работе [8].
- Образ и уровень жизни населения Волгограда – уровень доходов, структура расходов населения. Удовлетворенность развитием социальной инфраструктуры – предоставляемыми медицинскими, образовательными, иными социальными услугами (см. рис. 8). Причины удовлетворенности (неудовлетворенности) предоставляемыми социальными услугами.
- Оценка жителями города социально–экономической ситуации в своем районе (по сравнению с другими районами Волгограда, Волгоградом, Волгоградской областью и на фоне общих условий жизни в России). Восприятие жителями Волгограда общего спектра социально–экономических проблем, являющихся наиболее острыми как для всего города, так и для отдельных районов.
- Оценка жителями города общей экологической обстановки в Волгограде в целом, в отдельных районах города, в месте своего проживания. Субъективное восприятие жителями влияния экологической обстановки в месте проживания на состояние здоровья.
- Восприятие и оценка жителями города социальной и экономической ситуации в Волгограде и отдельных районах. Динамика изменения экономической и социальной ситуации на различных уровнях (район, город, область, Россия).
- Структура и специфика рациональных и эмоциональных компонентов восприятия образа Волгограда в сознании горожан.
- Уровень информированности жителей о разработке Стратегического плана развития Волгограда. Представления населения об основных целях разработки и реализации Стратегического плана.

Методы, выборка и процедура исследования. Основным методом – личное формализованное интервью. Опрос производился по месту жительства респондентов. В проекте была использована стратифицированная квотно–маршрутная выборка. Расчетный объем выборки был принят в размере 1600 респондентов (по 200 в каждом из 8 районов города). Квотирование производилось по полу, возрасту, образованию и району проживания.

Сбор первичной социальной информации проводился в два этапа («нулевым циклом» явилось пилотажное исследование, в ходе которого было получено 120 интервью). Первая волна исследования была проведена в декабре 2001 г. (собрано 445 документов). Вторая волна проекта проводилась в апреле-мае 2002 года. Во время второй волны было получено 1155 интервью. Всего по итогам полевого этапа исследования к машинной обработке было отобрано 1719 документов (с учетом пилотажного исследования). Для такого объема выборочной совокупности максимальная статистическая погрешность выборки при доверительном уровне 0,95 равна 2,4 %. При обработке полученных результатов производилось перевзвешивание данных по признаку «район проживания».

Система гипотез исследования. Как известно, любое научное (по крайней мере, – любое эмпирическое) исследование направлено на проверку некоторой системы гипотез, сформированной на этапе разработки его программы. Мы проверяли следующую систему гипотез.

- Гипотеза о существовании значимой статистической связи между характером восприятия жителями города социально–экономического положения своей семьи и восприятием общей социально–экономической и экологической ситуации в Волгограде. При повышении объективных и субъективных показателей «собственного благосостояния» повышается оценка «состояния общей ситуации» в городе.
- Гипотеза о существовании значимых различий между оценками социально–экономической и экологической ситуации различного уровня (в целом по России, в области, в городе, в районе), характерные для жителей различных районов Волгограда.
- Гипотеза о влиянии миграционной мобильности жителей на восприятие ситуации в городе. Категории жителей, для которых характерны высокие показатели миграционной мобильности, более низко оценивают экономическую, экологическую, социальную ситуацию в городе.
- Гипотеза о существовании общих для большинства жителей города характеристик рационального и эмоционального восприятия Волгограда как места жительства. На общее восприятие Волгограда, как места проживания, влияют социально–демографические характеристики респондентов и место их проживания.
- Гипотеза о существовании значимой статистической связи между уровнем социальной активности, демографическими характеристиками и социально–экономическим положением жителей города.

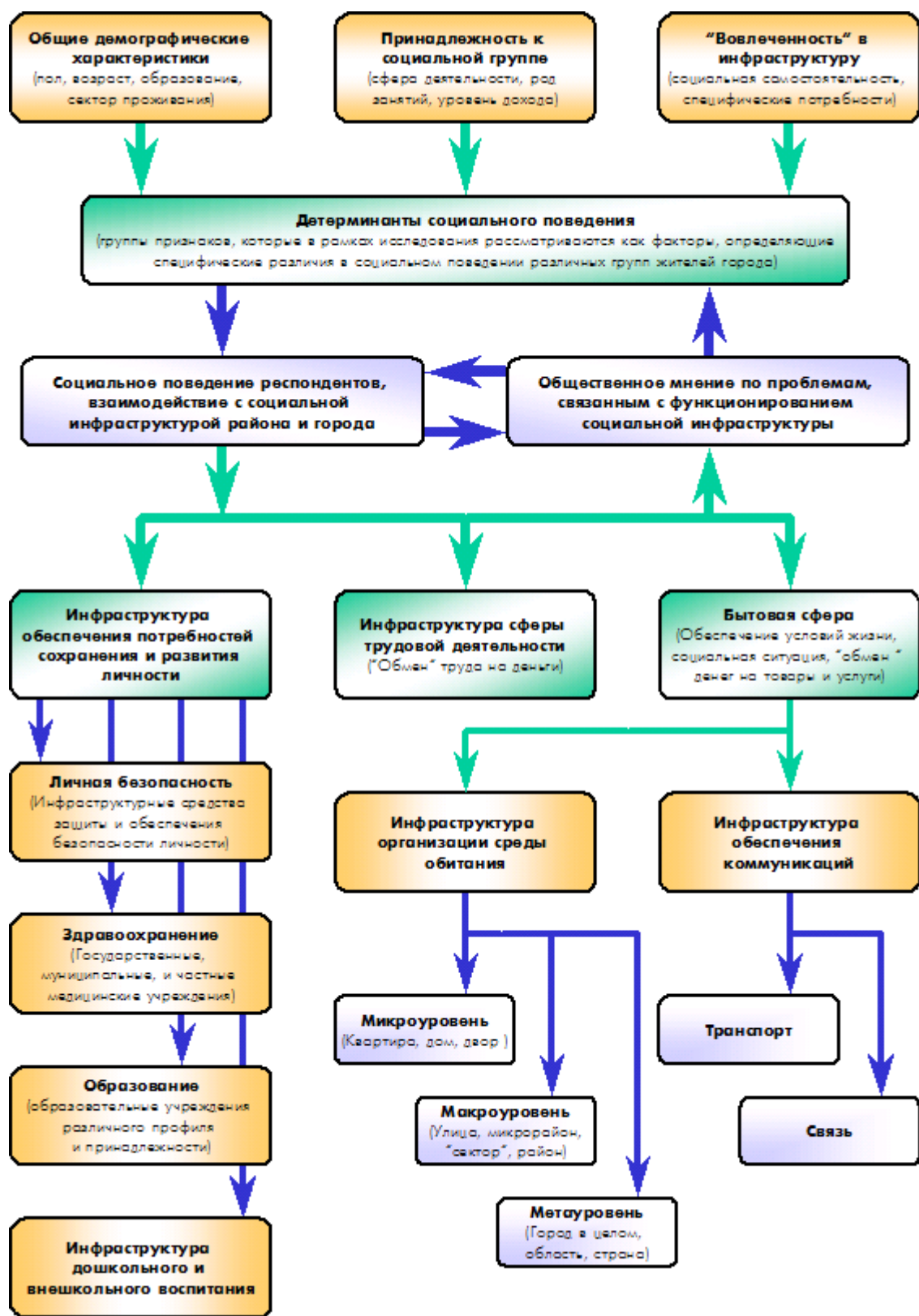

Рис. 8. Схема, иллюстрирующая принятую в исследовании модель понятия «Социальная инфраструктура»

Результаты исследования позволили подтвердить высказанные гипотезы и количественно описать характер выделенных зависимостей.

Методы обработки данных. Точность, практическая применимость и полнота результатов исследования в значительной степени определяется теми методами, которые были использованы при обработке полученного массива данных. При работе над отчетом по завершеному проекту широко использовались следующие методы.

- Методы анализа частотных распределений и таблиц сопряженности. Эта группа методов традиционно широко используется в большинстве прикладных исследований. Особенность завершеного проекта заключается в том, что при обработке большинства признаков, измеренных в шкалах отношений, в качестве основных статистик свертки рассматривались медианные и процентильные меры центральной тенденции.
- Методы теории статистического вывода. Применялись при проведении сравнительного анализа социально-экономической и экологической ситуации в различных районах города, а также при анализе особенностей социального восприятия и поведения, характерных для различных социально-демографических групп.
- Методы факторного и кластерного анализа. Применялись при анализе спектров проблем, актуальных для различных социально-демографических групп в населении города, при характеристике структуры доходов и расходов волгоградских семей, при описании факторов, определяющих характер оценки социально-экономической и экологической ситуации в городе.
- Методы анализа соответствий. Применялись при определении приоритетных, по мнению жителей, целей Стратегического плана развития Волгограда.

Кроме того, при описании структуры доходов и расходов населения использовался ряд процедур и показателей, применяемых в экономическом анализе.

Основные результаты. Полностью результаты исследования представлены в аналитическом отчете [9], отдельные фрагменты представлены в ряде публикаций [7, 6, 5 и др.]. Полагаем, что в данном материале имеет смысл привести ряд выводов, сделанных по результатам исследования и посвященных общей характеристике того, каким образом волгоградцы воспринимали экономическую, социальную и экологическую ситуацию, сложившуюся в городе, регионе, стране на момент исследования.

- По мнению большинства жителей города, условия жизни людей в Волгограде такие же (33 %) или хуже (30 %) в сравнении с условиями жизни в других регионах России. В ряду «Россия – область – город - район» ниже всего оценивается жителями Волгограда экономическая ситуация в области. Экономическая ситуация в городе и районе, по их мнению, не хуже, чем экономическая ситуация в России. Такое восприятие текущей ситуации в экономике характерно для всех возрастных категорий жителей Волгограда, однако, по мере увеличения возраста, увеличивается и число отрицательных оценок.
- Наиболее высоко оценивается жителями Волгограда динамика экономической ситуации в России – изменения к лучшему отмечают 38 % опрошенных. Доли горожан, положительно оценивающих изменения, произошедшие в экономике области, города и района, существенно меньше – 19 %, 25 % и 24 %, соответственно.
- Более других склонны к положительным оценкам изменений, происходящих в экономической сфере, жители Центрального района. Жители Краснооктябрьского, Дзержинского, Ворошиловского и Советского районов также считают, что экономическая ситуация в районе меняется скорее к лучшему. Жители Красноармейского, Кировского и Тракторозаводского районов, напротив, оценивают изменения экономической ситуации в районе как изменения в худшую сторону.

- Социальная ситуация на всех уровнях оценивается волгоградцами как удовлетворительная. Распределение оценок социальной ситуации близко на всех уровнях к нормальному распределению. Это позволяет говорить о том, что в этой сфере отсутствуют «общие раздражители», доминантные факторы, смещающие оценки к минимальному или максимальному значению шкалы.
- Состояние социальной и экономической ситуации оценивается населением фактически как единое целое: если жители района высоко оценивают экономическую ситуацию, то примерно такие же оценки они выставляют и ситуации социальной. Исключение составляет лишь население Тракторозаводского района, оценивающее социальную ситуацию в районе заметно выше экономической. Наиболее высокие значения средних оценок социальной и экономической ситуаций отмечаются в Красноармейском, Центральном и Ворошиловском районах.
- Экологическая ситуация в Волгоградской области оценивается жителями выше, чем ситуация в России, в России – выше, чем в Волгограде, а в целом жители города относятся к экологической обстановке в своем районе более оптимистично, чем к экологической обстановке в остальных районах города.
- Основной причиной экологических проблем в городе жители Волгограда считают выбросы промышленных предприятий (по их мнению, вклад выбросов промышленных предприятий в общее загрязнение окружающей среды равен 48 %). Более половины всех жителей города (52 %) считают, что проблема загрязнения воздуха (атмосферы) – самая важная из экологических проблем Волгограда. На втором месте по значимости находится проблема вредного воздействия промышленных предприятий на окружающую среду, на третьем – проблема утилизации бытовых отходов.
- Около 40 % волгоградцев считают, что экологическая ситуация за последний год в стране, области, городе и районе не изменилась. Из всех способов решения экологических проблем более всего волгоградцы поддерживают ужесточение контроля за соблюдением экологического законодательства и увеличение штрафов за его нарушение (22 % ответов), а также применение современных очистных сооружений и технологий (21 %) и полномасштабное финансирование из бюджетов различных уровней программ, направленных на решение экологических проблем города (20 %).
- Положительное отношение к состоянию экологии в районе характерно для населения центральных районов города; по мере удаления от центра и приближения к «окраинным», «промышленным» районам города острота экологических проблем повышается. Наиболее благополучна экологическая ситуация в Ворошиловском районе, наименее благополучна – в Тракторозаводском, Красноармейском и Кировском.

Полагаем, что активное и своевременное информирование жителей о проводящихся в городе работах, учет их мнений, предложений, наиболее острых проблем, является необходимым условием разработки документов, отвечающих потребностям волгоградцев и определяющих основные приоритеты в перспективном, сбалансированном развитии любого города.

Литература

3. Дридзе, Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики / Т. М. Дридзе // Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В. А. Ядова. – М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – С. 222 – 240.
4. Дридзе, Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1.

5. Дулина, Н. В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования / Н. В. Дулина / Под общ. ред. проф. З. Т. Голенковой / Волгогр. гос. техн. ун-т. – Волгоградское научное издательство, 2006.
6. Дулина, Н. В. Современный российский город: теория, методология и практика исследования / Н. В. Дулина, Н. В. Кузнецова, С. О. Лебедева, В. В. Токарев. – Волгоград, 2004.
7. Жизненное пространство крупного города в восприятии его жителей: методология и методы социологического анализа / Н. В. Дулина, Ю. В. Кравченко, В. В. Мойсов, Е. И. Ткаченко, В. В. Токарев, А. В. Шмельков. – Волгоград, 2004.
8. Козырева, П. М. Динамика социального самочувствия россиян / П. М. Козырева, С. Б. Герасимова, И. П. Киселева, А. Э. Низамова // Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В. А. Ядова. – М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – С. 243 – 256.
9. Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия (Компонент «Качество жизни населения»): Аналитический отчет о результатах прикладного социологического исследования / В. В. Токарев, Н. В. Дулина, В. В. Мойсов. – Волгоград, 2002.
10. Повестка дня на XXI век. Принята конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3 – 14 июня 1992 г. (см.: <http://www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21/>).

Г.З. Ефимова

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Экономический рост и конкурентоспособность государств и отдельных регионов, качество жизни населения во многом определяется инновационным потенциалом населения. От него же зависит и эффективность научной и инновационной деятельности в регионе. Например, С.Г. Кара-Мурза утверждает, что общества, в котором практически отсутствует инновационная активность, не может быть в принципе. «Инновационная активность пронизывает жизнь <...> каждого человека, это его биологическое свойство» [1].

Существует множество толкований понятия *инновационный потенциал населения* (ИПН). Согласно одному из наиболее близких по содержанию к цели основного эмпирического исследования, ИПН – это «способность к восприятию новой информации, приращению профессиональных знаний, выдвижению новых конкурентоспособных идей, нахождению решений нестандартных задач и новых способов решения стандартных задач» [2, с. 97].

Рассмотрим ИПН юга Тюменской области, опираясь на результаты социологического исследования «Социокультурный портрет региона (Тюменская область)». В его рамках проведен экспертный опрос (50 человек) и массовый опрос населения. Выборка массового опроса по югу Тюменской области составила 1766 человек. В качестве генеральной совокупности принимается население старше 18 лет. Ошибка выборки (по формуле Паниотто) составляет менее 2,5 %.

Согласно предположению Й. Шумпетера [3], соотношение инноваторов и консерваторов, или инновационно активного и инновационно пассивного населения, определяется как 1 : 9. Данные социологического исследования подтверждают эту теорию. Так, на вопрос об участии за последние пять лет в создании (внедрении) новшеств дали ответ 98 % опрошенных. Среди респондентов ответивших на данный вопрос, указали себя в качестве организаторов инноваций 9 % опрошенных, наравне с другими в создании или внедрении новшеств участвовали 19 %, не участвовали в них вовсе – 62 %, затруднились ответить 11 %. Из рисунка 1 видно, что уровень инноваци-

* Работа выполнена при поддержке фонда РФНФ, грант № 06-03-00566а.

онной активности в регионе соответствует теории Й. Шумпетера. На долю организаторов инноваций (активных инноваторов) приходится около 10 % населения, а на долю участвующих наравне с другими и исполнителей (пассивных инноваторов) – 17 % населения. Остальных можно причислить к группе потенциальных инноваторов.

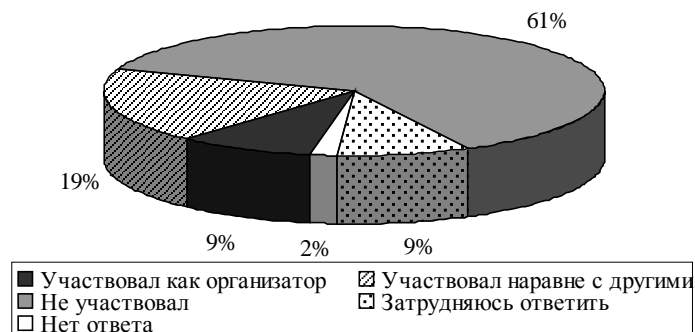

Рис. 1. Распределение населения по уровню инновационной активности (в %)

Наши выводы также совпадают с мнением Т.И. Заславской. Она считает, что соотношение инновационно или консервативно настроенных россиян составляет примерно 3:5 при двоих не имеющих определенного мнения [4, с. 131]. При этом речь идет не об инноваторах, т.е. организаторах инноваций как таковых, а об «инновационно настроенных». Следовательно, в эту категорию включены организаторы инноваций и респонденты, участвующие в инновационных процессах наравне с другими. Результаты исследования свидетельствуют о соотношении инноваторов и консерваторов как 3:6 при одном затруднившемся ответить.

Рассмотрим, как организаторы инноваций описывают реакцию внешней среды на проявление с их стороны инновационной активности. Так, больше половины (59 %) организаторов инноваций встречали поддержку, каждый четвертый (24 %) столкнулся с безразличием со стороны окружающих, а 15 % отметили явное противодействие. Указанные критерии коррелируют между собой довольно сильно (по Спирману $r=0,731$), при высоком уровне значимости. Также сильная зависимость выявлена при применении метода хи-квадрат (количественная разница распределений). Из этого можно сделать следующие *выводы*. *Во-первых*, инноваторы чаще встречаются с реакцией внешней среды на свои действия, чем те, кто не проявляет свой инновационный потенциал столь активно. *Во-вторых*, окружающая среда достаточно дружелюбна к инноваторам; ощущается востребованность новшеств, которые они предлагают, однако следует отметить довольно высокую, на наш взгляд, долю противодействий. Их оказывает, та часть населения, которая придерживается консервативных взглядов, враждебных к инновациям.

При оценке результатов исследования мы обнаружили, что в роли активных, думающих инноваторов, выступающих в роли организаторов, незначительно преобладают мужчины, в то время как в роли исполнителей несколько (на 5–10 %) больше женщин. Разумеется, гендерный фактор не может являться определяющим. Преобладание мужчин в роли организаторов инноваций, на наш взгляд, может объясняться общественными стереотипами. Так, на основании материалов, которые поступают на конкурсы по патентованию и лицензированию, «женщины-изобретатели составляют лишь около 7 % от общего количества авторов» [5, с. 137]. К тому же типичный организатор инноваций – это предприниматель, имеющий в подчинении более 100 человек. Не удивительно, что это мужчина. Уровень признания женщин в качестве крупных руководителей и, как следствие, уровень их возможностей проявить свой инновационный потенциал, пока что не столь высок. Обращая внимание на корреля-

цию между указанными признаками, можно утверждать, что она не значима (по Спирману $r=0,053$).

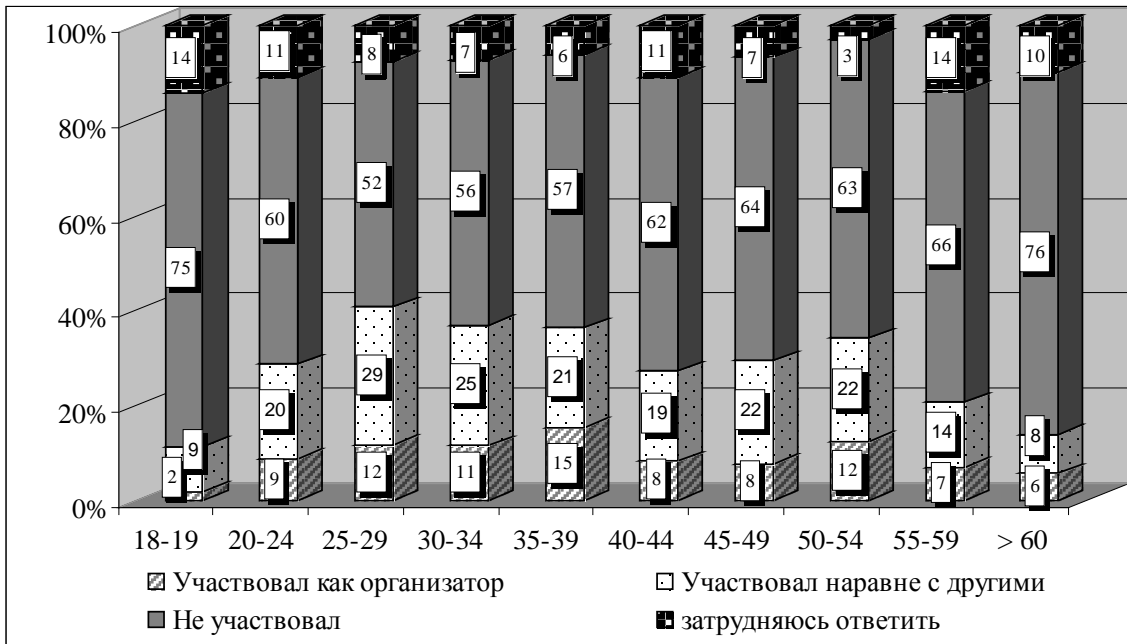

Рис. 2. Зависимость инновационной активности от возраста респондента (в %)

Уровень инновационной активности прямо пропорционален возрасту респондента – чем он старше, тем больше вероятность наличия «новаторского духа» (если исключить пенсионный и предпенсионный возраст). Этот факт никак нельзя отнести к позитивным, он указывает на недостаточную «инновационность» поведения молодых, наиболее активных членов общества. Из рисунка 2 видно, что наибольшая инновационная активность населения отмечается в возрасте 25–29 лет (наравне с другими участвуют 29 %, в качестве организаторов – 12 %).

К 35–39 годам накопленный человеком инновационный потенциал позволяет перейти от роли исполнителя «чужих» идей к роли организатора и координатора инновационных процессов. Далее инновационная активность заметно угасает.

С целью простоты восприятия объединим десять возрастных групп в четыре, согласно основным этапам трудовой деятельности населения: учеба и окончание обучения (младше 24 лет), карьерный рост (25–39), активная трудовая деятельность (40–54), выход на пенсию (старше 55). Из таблицы 1 видно распределение инноваторов по возрастным группам.

Таблица 1

Частота участия в создании и/или внедрении нового в зависимости от возраста (юг Тюменской области)
(% ответивших, по строке)

УЧАСТИЕ В ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ	ВОЗРАСТ				ВСЕГО
	младше 24	25-39	40-54	старше 55	
Участвовал как организатор	13,9	40,5	32,3	13,3	100
Участвовал наравне с другими	16,5	39,0	34,2	10,2	100
Не участвовал	19,7	25,4	31,5	23,3	100
Затрудняюсь ответить	26,3	23,7	25,0	25,0	100
Всего	19,2	29,2	31,5	20,0	100

В возрастной группе от 25 до 39 лет количество инноваторов возрастает примерно на 25 %, по сравнению с возрастной группой младше 24 лет. Это существенный рост, особенно если сравнить с респондентами возрастной группы 35–49 лет. Можно зафиксировать, что происходит «отток» инноваторов в среднем на 6 % к 40–54 годам. Почти 20 % людей старше 60 лет отходят от активной реализации своего инновационного потенциала.

Это говорит о том, что существенный скачок интереса к инновациям ощущается у молодежи, в то время как в более старшем возрасте прирост новых инноваторов не столь существенен.

Следующим существенным критерием роста инновационного потенциала является *тип поселения*.

Зависимость ИПН от типа поселения определяется в основном имеющейся инфраструктурой, которая сопутствует развитию ИПН и росту инновационной активности населения. Многие эксперты отмечали, что в деревнях «не развернуться» и что там «не нуждаются в инновациях».

В подтверждение этих слов остановимся на указанных респондентами положительных и отрицательных сторонах региона. Жители деревень значительно чаще отмечают негативные черты. Так, согласились с утверждением, что «здесь много возможностей для инициативных людей», только 11 %, в то время как по общей выборке эта цифра значительно выше (23 %); с утверждением «это регион, перспективный для жизни», согласились 28 % и 48 % опрошенных соответственно; с утверждением о том, что «здесь жизнь заглохла» – 21 % и 13 %.

В целом респонденты отмечают достаточно высокий уровень инновационного потенциала Тюменского региона. Положительный ответ на вопрос о том, что регион перспективен для жизни, дали 48 % от общей выборки. Отметили, что в регионе много возможностей для инициативных людей, 23,4 % респондентов. Красивую природу в качестве преимущества региона указали 50,6 % респондентов, доброту и душевность людей – 20 %.

Негативные черты региона, например, такие, как неприветливость людей, застой жизни и игнорирование инициативы, отметили 16 %, 13 % и 11 % соответственно.

Из рисунка 3 видно, что на юге Тюменской области наибольшее количество организаторов инноваций проживают в крупных городах (более 500 тысяч жителей) (92 респондента, или 58 %), в средних городах (от 100 до 500 тысяч жителей) (24 и 15 % соответственно), деревнях (селах) – 21 (13 %). На малые города (до 100 тысяч жителей) и рабочие поселки приходится 20 (13 %) и 1 (менее 1 %) соответственно.

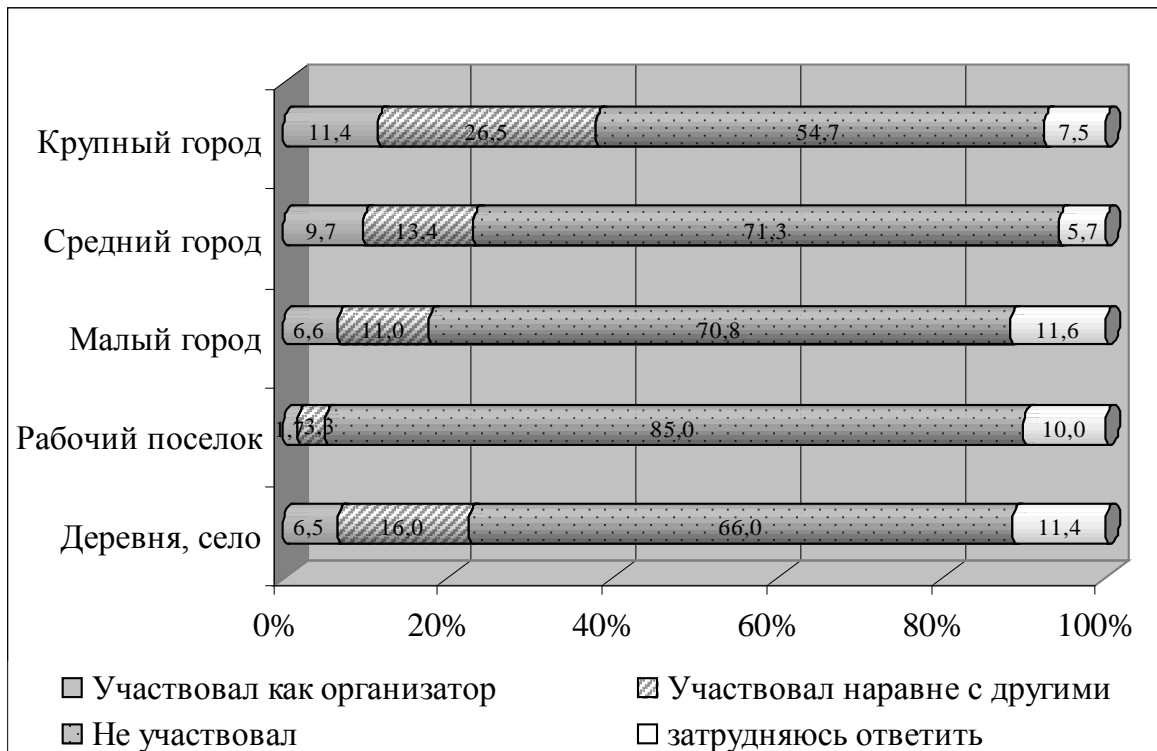

Рис. 3. Распределение инновационной активности населения в зависимости от типа поселения

Следует признать, что инновация – это во многом городской феномен. Исторически считается, что творчество имеет тенденцию возникать не в отдаленных сельских районах, а в плотно населенных городах. Отметим особую культурную среду больших городов. Примерами такой среды могут служить также конгломераты компаний высоких технологий или виртуальные сети производителей программного обеспечения, дизайнеров, производителей и поставщиков услуг по Интернету. Обмен идеями так же важен для инноваций, как и сеть производства.

Так, в городе Тюмени, согласно статистическим данным, проживает более 90 % инноваторов юга области. Ожидается, что существенное их увеличение произойдет после реализации проекта технико-внедренческого парка (технопарка).

Основной вопрос, на который был сделан акцент в ходе экспертных интервью, касался характеристики уровня инновационного потенциала населения юга Тюменской области. Обратим внимание только на содержательные характеристики ответов. Все респонденты определили инновационный потенциал населения как высокий. Различались лишь формулировки ответов. Больше половины экспертов сделали акцент на том, что именно технопарк сыграет положительную роль в росте ИПН.

Наибольшее число опрошенных, характеризуя **материальное положение** (свое и своей семьи), отмечают, что для них затруднительно только приобретение дорогостоящих предметов, а в целом денег хватает (33 %). Среди организаторов инноваций происходит смещение. Наиболее популярный ответ: «Денег хватает почти на все, но затруднено приобретение квартиры» (35 %). Это связано в основном с более высоким уровнем образования инноваторов и с тем, что большинство инноваторов – руководители высокого ранга.

Пункт, характеризующий самый высокий уровень материального состояния, организаторы инноваций отмечали в три раза чаще общего по выборке и в шесть раз чаще инноваторов, участвовавших в создании чего-либо нового наравне с другими.

Из рисунка 4 видно, что среди инноваторов к категории «богатых» отнесли себя 11 % респондентов, в то время как в среднем по выборке – 4 %, а в среднем по России показатель равняется 0,9 % [6, С. 7].

Признают, что «в нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах», 1285 (32 %) респондентов. Чуть менее половины (48 %) опрошенных считают, что «по сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже». Вариант ответа «В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах», указали 269 (7 %) опрошенных. Затруднились с ответом 541 (14 %), а не ответили на вопрос 15 человек, что составляет менее одного процента.

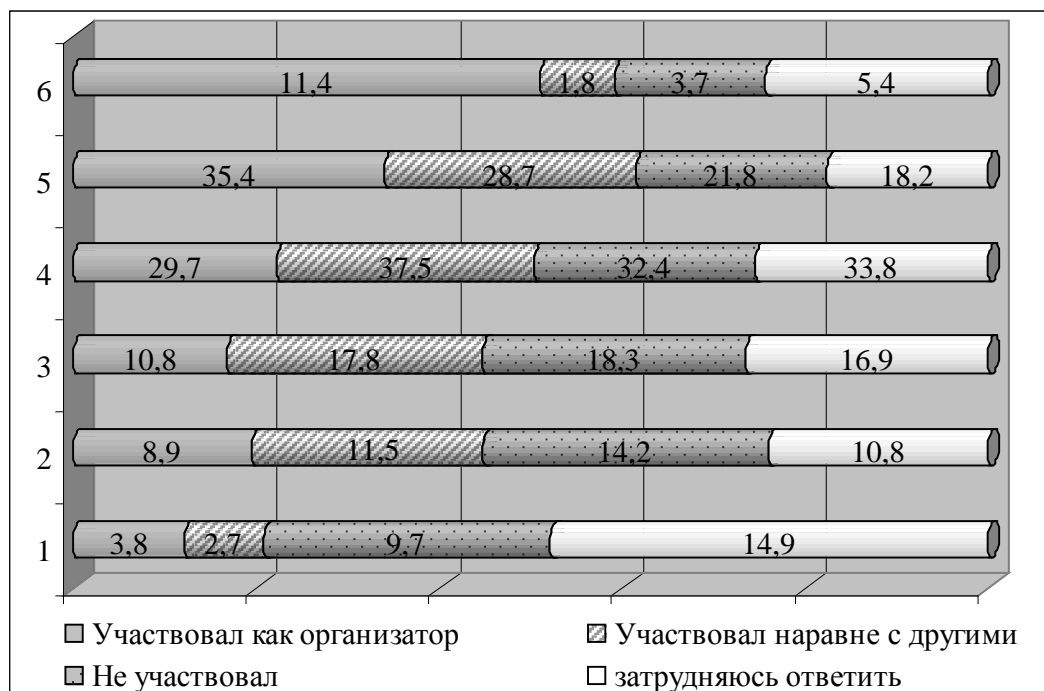

Рис. 4. Материальное положение в зависимости от инновационной активности

На оси ординат: 1 – денег не хватает на повседневные затраты («нищие»); 2 – на повседневные затраты уходит вся зарплата («бедные»); 3 – на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна («необеспеченные»); 4 – в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нет денег («обеспеченные»); 5 – почти на все хватает, но приобретение квартиры затруднительно («зажиточные»); 6 – почти ни в чем себе не отказываем («богатые»).

Наиболее высока инновационная активность респондентов с высшим и послевузовским образованием. Между показателями образования и инновационной активности выявлена значимая, но очень слабая корреляция, из чего можно сделать вывод о том, что чем выше уровень образования респондента, тем выше его инновационный потенциал.

Рассмотрим связь социального статуса респондента и инновационной активности. На своей основной работе подчиненных не имеют 70 % респондентов. Штатом менее 5 человек управляют 13 %, от 5 до 10 человек – 9 %, от 11 до 50 – 6 %, от 51 до 100 – 1 % и более 100 человек находится под руководством 1 % опрошенных. Выделив из общего количества опрошенных инновационно активных респондентов, видим, что среди них в четыре раза больше руководителей, имеющих на основной работе более 100 подчиненных (5 %), в то время как доля инноваторов не имеющих подчиненных вовсе, сократилась вдвое, составив 33 %.

Следовательно, инновационная активность является сопутствующим элементом высокого социального статуса. Каждый второй из руководителей, в чьем подчинении находится более 50 человек, – активные инноваторы, в то время как в других группах – каждый шестой.

Ценностные ориентиры инноваторов в целом близки к общим по выборке. Проанализируем отношения к ценностям организаторов инноваций, сравнив их с прочими группами: исполнителями инноваций; не участвующими в инновациях, а также с общими показателями по выборке.

Анализ начнем с того, что сразу приведем ценности, по которым мнения инноваторов существенно отличаются от прочих категорий респондентов, а также от среднего по выборке.

Итак, инноваторы на 15 % чаще, по сравнению с общим значением по выборке, признают значимость инициативы, предприимчивости, поиска нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве. Это еще раз подтверждает тот факт, что новаторское начало в этой категории респондентов развито значительно сильнее, чем среди не участвовавших в инновациях. Консерваторов не согласных с приведенным высказыванием в два раза больше, чем инноваторов, а именно – 20 %.

На 8 % чаще инноваторы отрицают утверждение, что личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами. Большинство (82 %) согласны с этим утверждением, но каждый десятый не доверяет правоохранительным органам защиту собственной жизни и безопасности. Среди не принимавших участия в инновациях таковых только 5 %. Это частные предприниматели, руководители фирм и др., больше доверяющие частной охране.

На 5 % чаще организаторы инноваций соглашались с утверждением «я стал таким, какой я есть, благодаря собственным усилиям». Из этого можно сделать вывод, что инновационно активные люди обладают более выраженным внутренним локусом контроля, т.е. не склонны к фатализму и опираются в жизни и работе исключительно на свои возможности и способности, не обвиняя в проблемах судьбу.

Преобладание внутреннего локуса контроля инноваторов подтверждает выражение «человеку на роду написано жить в богатстве или бедности». Среди инноваторов не согласились с ним 66 %, в то время как не участвовавшие в инновациях отрицают указанное выражение в 49 % случаев. Здесь стоит отметить, что инноваторы отвечают на вопрос более четко, реже отмечают позицию «не знаю» и практически не уклоняются от ответа. Это характерно не только для данного вопроса, но и для исследования в целом.

Организаторы инноваций чаще соглашались с утверждением, что «нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя». Показатель отличается на 5 %, в пользу активных инноваторов. К остальным общечеловеческим ценностям отношение инноваторов и общей совокупности респондентов различается не столь существенно.

Таким образом, судя по ценностным ориентирам, у инноваторов существуют явные предпочтения. Чаще прочих категорий инноваторы соглашались с утверждениями: «Главное – инициатива, предприимчивость, поиск нового, даже если оказываешься в меньшинстве»; «Любой человек может стать богатым, если этого захочет». И отрицали, что: «человеку на роду написано жить в богатстве или бедности»; «самое ценное на свете – это человеческая жизнь, и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах»; «главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям»; «главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии».

Перейдем к поведенческому аспекту личности инноватора. Инноваторы в большинстве своем желают много зарабатывать, без гарантий на будущее (35 %), вести

собственное дело (инновационный стиль мышления) желают 29 %. В то время как большинство населения юга Тюменской области, при ответе на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать», отмечают, что выбрали бы «небольшой, но стабильный заработок и уверенность в завтрашнем дне» (38 %). Желают «иметь небольшой, но твердый заработок, но больше свободного времени» 3 %, мечтают «иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» 5 % респондентов.

Итак, инноваторы более активно идут на риск, чем остальная часть населения. Подавляющему большинству респондентов присущ консервативный стиль мышления.

Такие технические устройства и средства коммуникации, как мобильный телефон, компьютер и возможность выхода в сеть Интернет, могут быть проанализированы с двух точек зрения. *Во-первых*, они опосредованно способствуют накоплению инновационного потенциала. Например, Интернет может помочь получить необходимые знания, но только при выходе на соответствующий сайт. *Во-вторых*, эти устройства являются не столько средствами накопления ИПН, сколько средствами инновационной активности. Тем не менее эти переменные не следует упускать из внимания, т.к. они являются важными, но не определяющими.

По данным исследования, соотношение имеющих и не имеющих мобильный телефон среди активных инноваторов составляет 9:1 (в среднем по выборке 8:2); компьютер – 9:1 (7:3); выход в Интернет – 8:2 (5:5).

Сделаем некоторые выводы. К *наиболее существенным факторам* ИПН относятся *образование*. Чем выше его уровень, тем выше инновационный потенциал человека и тем более активно он проявляет себя в жизни. Однако здесь необходимо учитывать тип мотивации человека. К *существенным факторам*, влияющим на проявление инновационной активности, относятся разделяемые человеком *ценности* и убеждения; количество человек, находящихся в подчинении у респондента на основной работе.

Последствием инновационной активности является повышение активности личности к участию в информационном обмене, коммуникабельность и стремление всегда быть в курсе дел, опосредованная чтением центральных и местных газет, просмотром соответствующих телепередач, использованием сети Интернет и мобильной связи, компьютера.

На ИПН оказывает положительное влияние наличие инфраструктуры, о чем свидетельствует преобладающее количество инноваторов в крупных городах.

Следующим фактором является улучшение качества жизни и материального положения респондента и его семьи, внутренний локус контроля. Впрочем, улучшение качества жизни является скорее следствием высокой инновационной активности, нежели ее причиной. Зажиточность, напротив, провоцирует консервативность взглядов. Национальность не является критерием, определяющим уровень инновационного потенциала. От этого показателя он, как известно, не зависит. Хотя обратное утверждали представители расово-антропологического направления в социологии. Также к малозначимым показателям, характеризующим влияние на инновационный потенциал населения, относятся религия, приверженцем которой себя считает респондент, и уровень религиозности.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать её наука [Электронный ресурс] // www.kara-murza.ru/books/ideolog/ideolog39.htm
2. Управление персоналом: Энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 1998.

3. *Малинецкий Г.Г.* Инновационный вызов России [Электронный ресурс]// www.smi-svoi.ru/content/?fl=574&sn=1253
4. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004.
5. *Андреева Н.* Когда финансы поют романсы / Н. Андреева // Наука, техника, технологии Тюменского региона. – 2006. – № 2. – С. 35–37.
6. Аналитический доклад «Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России» / Под ред. Н.И. Лапина [Электронный ресурс] http://www.hse.ru/science/yassin/an_report_201102.pdf

А.И. Ковальчук

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Социологическое исследование, проведенное в 2006 году по методике «Социокультурный портрет региона», разработанной Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой, позволяет проанализировать профессиональную стратификацию населения Тюменской области. Полученные данные отражают изменения, произошедшие в регионе с 1990 г., в частности социально-профессиональную мобильность населения, профессиональный состав различных слоев общества.

Основатель концепции социальной мобильности и стратификации общества П.Сорокин выделял социальное пространство, состоящее из трех подпространств – экономического, политического и профессионального. Для измерения профессионального подпространства он выделял такие координаты, как характер труда (ручной или интеллектуальный); уровень интеллекта, необходимый для выполнения данных профессиональных обязанностей; связь с функциями социальной организации и контроля. Под контролем понимается роль в организации труда и ранг в государственной иерархии. Что касается уровня интеллекта, то современные ученые указывают на ненадежность данного параметра [3, С. 18]. Поэтому, исходя из определения профессии Советским энциклопедическим словарем, в котором данный параметр представлен как любой «род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования» [6, С. 1086], то в основу измерения берутся такие два критерия, как (1) необходимость специальной подготовки и (2) функция источника средств существования [2, С. 24]. Дополнительно для анализа профессиональной стратификации населения Тюменской области возьмем социальную мобильность, так как она наиболее полно отражает состояние социальной структуры общества, а также оценку населением своего социального статуса и материального достатка. Также будут рассмотрены такие составляющие профессионального статуса, как образование, квалификация и престиж профессии.

Таким образом, можно будет проследить социально-профессиональную мобильность населения в Тюменской области в разрезе с 1990 и по 2006 гг. Экономические изменения в России, произошедшие в этот период, вызвали высокую социальную мобильность и привели к изменениям в социальной структуре общества всей страны, что подтверждается многочисленными исследованиями, некоторые результаты этих исследований будут приведены в статье.

* Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, грант № 06-03-00566а. «Социокультурный портрет региона (Тюменская область)».

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

В ходе проведенного Тюменским государственным университетом исследования было опрошено 4016 человек. Выборка полностью репрезентирует население Тюменской области, ошибка по одному признаку составляет менее 3 % по каждому субъекту Тюменской области, и около 1 % – по всей Тюменской области.

Согласно полученным данным, в Тюменской области с 1990 г. сохранили свой профессиональный статус 63,5 % рабочих в промышленности, на транспорте и работники связи; 65,7 % инженерно-технических работников, госслужащих и среднего управленческого персонала; 66,8 % бухгалтеров, экономистов и работников банков; 68,7 % врачей, преподавателей, работников культуры и других представителей гуманитарной интеллигенции. Таким образом, это наиболее устойчивые профессиональные группы населения.

Наиболее подвижными оказались руководители госпредприятий и акционерных обществ – 62,1 % сменивших профессиональный статус (что, вероятно, связано с переделом собственности в 1990-е годы в России), военнослужащие и работники правоохранительных органов – 62 %, а также руководители в сельском хозяйстве и сельская интеллигенция – 71 %.

Неустойчивыми группами являются предприниматели (42,9 % сменивших статус), работники сфер быта и услуг (57,3 %) и работники торговли (53,1 %).

Что касается возраста, то отчетливо видно, что наибольшая мобильность характерна для 30–34-летних – 40,6 % сменивших работу (лица моложе 30 лет исключены, т.к. в 1990 году они были учащимися, студентами). Затем профессиональная мобильность снижается: так, среди 50–54-летних лишь 23,7 % сменивших работу.

Зависимости между уровнем образования и профессиональной мобильностью не отмечается. Наиболее она высока среди лиц, получивших неоконченное высшее образование. Скорее всего сам факт прерывания обучения в вузе объясняется сменой профессиональной деятельности.

Прослеживается, что профессиональный статус чаще меняли в сторону понижения люди бедные, а в сторону повышения – богатые, т.е. более мобильны нижний и верхний слои общества. Происходит естественный процесс стратификации общества и усиление социально-экономического неравенства.

Более половины населения области относят себя к среднему слою (54 % опрошенных). К верхнему и выше среднего слоям относят себя в целом 12 % респондентов, тогда как к нижнему и ниже среднего – 34 %. В городе процент отнесших себя к верхним слоям был более высокий – 16 %, а к низшим слоям отнесли себя 20 % респондентов.

Скорее всего, такая разница связана с более высоким уровнем жизни в северных городах, сравнивая с которым респонденты занижали свое место в структуре региона. Поэтому для определения профессиональной структуры общества будут браться относительные показатели, взятые из процентного соотношения профессиональных групп в социальной структуре региона.

Согласно полученным данным, во всех профессиональных группах есть представители, относящие себя к среднему слою (Таблица 1). Но при этом по результатам самоопределения респондентами своего места в социальной структуре общества можно определить следующую профессиональную стратификацию населения Тюменской области.

Самоопределение представителями профессиональных групп своего места в социальной структуре региона

	Верх- ний слой	Слой выше сред- него	Сред- ний слой	Слой ниже сред- него	Ниж- ний слой	Всего
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	1,5	7,1	52,3	31,3	7,8	100,0
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	1,3	8,5	59,8	27,1	3,3	100,0
Руководители госпредприятий, акционерных обществ	5,7	20,8	60,4	13,2	0,0	100,0
Предприниматели	9,8	23,5	47,7	18,2	0,8	100,0
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	2,6	11,2	61,2	21,7	3,3	100,0
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы (гуманитарная интеллигенция)	0,7	10,1	54,3	31,7	3,2	100,0
Работники сферы быта и услуг	1,2	4,9	57,7	26,4	9,8	100,0
Работники торговли	2,8	10,5	47,6	32,9	6,3	100,0
Военнослужащие, работники правоохранительных органов	2,2	8,6	44,1	37,6	7,6	100,0
Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	0,0	13,3	60,0	20,0	6,7	100,0
Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	0,0	3,8	35,4	41,8	19,0	100,0
Пенсионеры (не сельские жители)	1,2	2,9	35,5	35,5	24,9	100,0

Наиболее представлены в верхнем и выше среднего слоях руководители госпредприятий, акционерных обществ и предприниматели.

К среднему слою относят себя большинство инженерно-технических работников, госслужащих, среднего управленческого персонала, бухгалтеров, экономистов и работников банков.

Средний слой и ниже среднего – рабочие в промышленности, на транспорте, в связи, врачи, преподаватели, работники культуры, юристы, а также работники сферы быта и услуг. К среднему слою относят себя также работники торговли, военнослужащие, руководители в сельском хозяйстве и сельская интеллигенция. Но эти профессиональные группы широко представлены и в других слоях социальной структуры региона. Причем работники торговли отметили более высокий совокупный статус, чем военнослужащие, а им, в свою очередь, уступили руководители в сельском хозяйстве и сельская интеллигенция.

Нижний слой в основном представлен сельскими жителями и пенсионерами.

Для оценки репрезентативности представленных данных возьмем еще такую характеристику как оценка населением своего материального благосостояния и сравним с данными самоопределения респондентами своего места в структуре общества (см. рис.2).

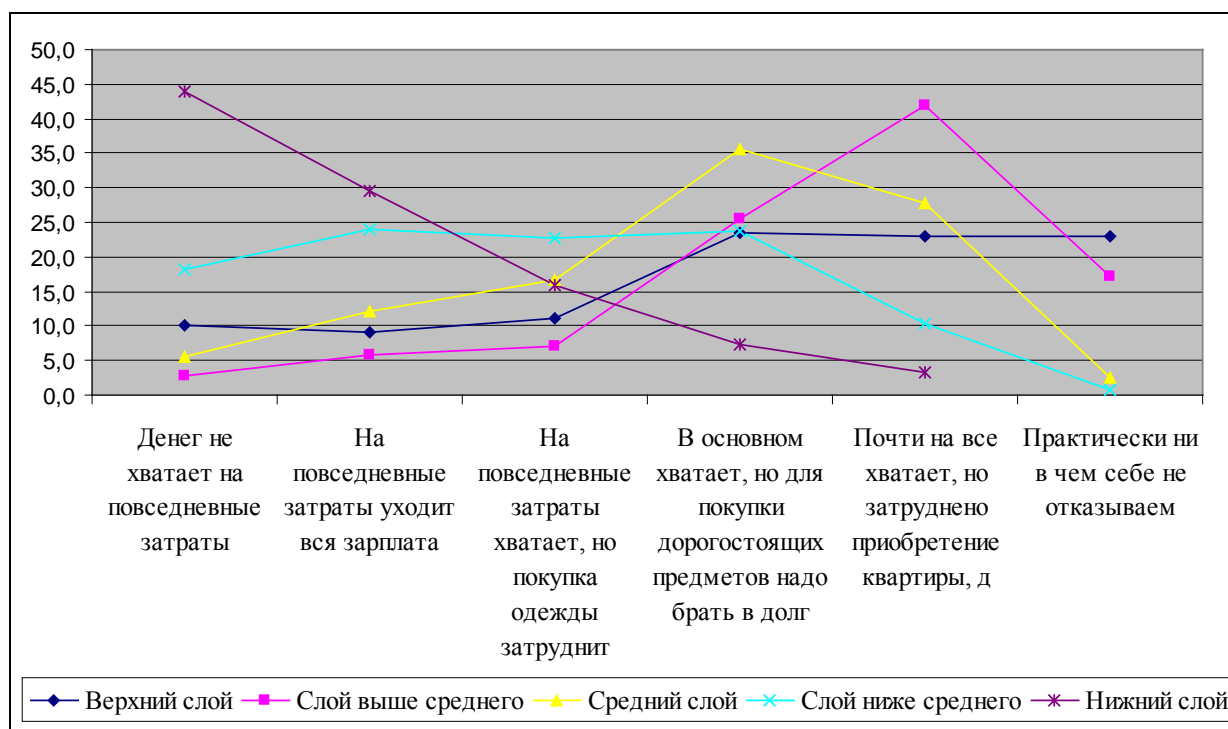

Рис.1. Оценка социальных слоев своего материального благосостояния

Представленные данные говорят о том, что оценка материального благосостояния и соотнесение респондентами себя с определенным социальным слоем практически совпадают. Как видно на Рис. 2 показатели нижнего слоя стабильно снижаются по мере повышения показателя материального благосостояния, показатели же верхнего слоя постепенно повышаются.

Если составлять список по убыванию уровня материального достатка профессиональных групп, то он будет выглядеть следующим образом:

- 1) предприниматели;
- 2) руководители госпредприятия и акционерных обществ;
- 3) бухгалтера экономисты и работники банков;
- 4) инженерно-технический персонал, госслужащие и средний управленческий персонал;
- 5) военнослужащие и работники правоохранительных органов;
- 6) врачи, преподаватели и другие представители гуманитарной интеллигенции;
- 7) работники торговли;
- 8) рабочие в промышленности на транспорте и в связи;
- 9) руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция;
- 10) работники сферы быта и услуг;
- 11) сельские жители;
- 12) пенсионеры.

Список составлен на основе данных, полученных при исследовании.

Наиболее квалифицированные специалисты – руководители госпредприятий и акционерных обществ, 16,1 % из этой профессиональной группы отметили, что имеют послевузовское образование, 56,5 % – высшее.

Из опрошенных инженерно-технических работников, госслужащих и среднего управленческого персонала 60,6 % имеют высшее образование, 7,4 % – послевузов-

ское, что почти совпадает с уровнем образования у врачей, преподавателей, работников культуры и юристов (58,5 % и 8,5 % соответственно).

Бухгалтера, экономисты и работники банков имеют в основном высшее образование (60,7 %). Среди предпринимателей, а также руководителей в сельском хозяйстве и сельской интеллигенции 50 % имеют высшее образование. Но при этом остальные 50 % неравномерно распределены по всей шкале уровня образования. 1,5 % предпринимателей указали начальный уровень образования, 6,6 % имеют послевузовское образование. Самый высокий процент имеющих начальное образование (6,7 %) среди руководителей в сельском хозяйстве. Достаточно высок уровень образования у военнослужащих и работников правоохранительных органов (42,3 % имеют высшее образование, 5,2 % – послевузовское). Уровень образования у работников торговли, сферы быта и услуг примерно одинаков (в основном среднее специальное образование) и чуть выше, чем у рабочих в промышленности, на транспорте и в связи.

Существует довольно устойчивая связь между уровнем образования и размерами личного дохода. И вряд ли вызовет удивление, что самый высокий уровень личного дохода наблюдается в группе работников с высшим образованием. В то же время доходы в образовательной группе наивысшего уровня – среди обладателей докторских и кандидатских ученых степеней – несколько уступают даже доходам выпускников ПТУ. Здесь, вероятно, и проявляется межпрофессиональная стратификация. Скорее всего дело в том, что большинство респондентов, обладающих учеными степенями, сосредоточено в отрасли «наука и научное обслуживание», где их удельный вес составляет 8,9 % (в образовании – 1,5 %). Между тем в сегодняшней России наука не принадлежит к наиболее преуспевающим отраслям и занимает 14-е место по уровню доходов и 6-е место по оценке престижности (по данным, представленным в социологическом исследовании «Социальная стратификация российского общества», проведенном Институтом общественного проектирования в ноябре 2004 г. по репрезентативной выборке. Опросом было охвачено 15200 человек в 54 республиках, краях и областях России [2]).

По результатам данного исследования можно оценить престижность профессий, исходя из среднего балла оценки престижа в различных отраслях.

Таблица 2

Средний балл оценки престижа в различных отраслях

Органы государственного управления – 7,1	IT - специалисты – 7,07
Армия, МВД, силовые ведомства – 6,14	Топ-менеджеры – 7,7
Органы юстиции – 7,78	Менеджеры среднего звена – 7,0
Промышленность – 5,91	Менеджеры низшего звена – 6,5
Производство сельхозпродукции – 5,39	Квалифицированные интеллектуальные работники – 6,2
Строительство – 6,33	Интеллектуальные работники высшей квалификации – 6,8
Транспорт – 6,12	Малоквалифицированные интеллектуальные работники – 5,3
Связь – 6,18	Высококвалифицированные работники физического труда – 6,2
Финансы, кредит, страхование – 7,42	Квалифицированные работники физического труда – 5,7
Торговля – 5,98	Работники неквалифицированного физического труда – 3,9
Туризм, гостиничное хозяйство – 6,03	Высококвалифицированные сельские работники – 5,9
Общественное питание – 6,03	Квалифицированные сельские работники – 5,1
ЖКХ – 5,38	Неквалифицированные сельские работники – 3,3
Бытовое обслуживание – 6,02	
Образование – 5,46	
Здравоохранение – 5,20	
Наука и научное обслуживание – 6,40	
Культура и искусство – 6,40	
СМИ и реклама – 6,68	
Общественные организации – 5,87	

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

Таким образом, если свести все полученные данные в одну таблицу, то получится следующая профессиональная структура Тюменской области (см. табл. 2).

Несомненно, к высшему слою в области относятся руководители госпредприятий и акционерных обществ, исходя не только из экономического показателя – материального достатка, но и уровня образованности, а также престижности данной профессии. Данная профессиональная группа всегда принадлежала к элите общества, но в разные исторические периоды характеризовалась разной степенью открытости. Чаще смена состава данной группы происходила во время экономических реформ и политических переворотов. Высокая мобильность данной группы связана с переходом России к рыночной экономике и демократии.

Слой ниже среднего характеризуется не столь высокой мобильностью, к нему можно отнести предпринимателей, бухгалтеров, экономистов и работников банков, в первую очередь по уровню материального достатка. Инженерно-технические работники, госслужащие и средний управленческий персонал входят в слой выше среднего исходя из совокупного показателя взятых параметров.

Таблица 3

Профессиональная структура населения Тюменской области

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ	ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К СОЦИАЛЬНОМУ СЛОЮ	МЕСТО ПО ДОХОДАМ	ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ	МОБИЛЬНОСТЬ
Руководители госпредприятий, акционерных обществ	Высший слой	2	Выше 7 баллов	Высокая
Предприниматели	Слой выше среднего	1		Средняя
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал		4	6-7 баллов	Низкая
Бухгалтера, экономисты и работники банков		3	Выше 7 баллов	Низкая
Военнослужащие, работники правоохранительных органов	Средний слой	5	Выше 6 баллов	Высокая
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы		6	5,2 - 6,4	Низкая
Работники торговли		7	5-6	Средняя
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи		8	4-6	Низкая
Руководители в сельском хозяйстве и сельская интеллигенция	Слой ниже среднего	9	5	Высокая
Работники сферы быта и услуг		10	6	Средняя
Сельские работники	Низший слой	11	3	Низкая

В средний слой области входят представители как интеллектуального, так и физического труда: представители интеллигенции, военнослужащие, работники торговли и рабочие в различных отраслях. Рабочие и представители гуманитарной интеллиген-

ции демонстрируют низкую мобильность, что, скорее всего, связано с приверженностью к своей сфере.

Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция и работники сферы услуг оказываются в слое ниже среднего из-за низких доходов и невысокой престижности данных профессий. К низшему слою по профессиональному параметру относятся только сельские работники.

Как видно из полученных данных, в связи с переходом к рыночной экономике в регионе на данный момент сложилась профессиональная стратификация общества, в которой заняли высокое положение предприниматели, сменился состав руководителей госпредприятий и акционерных обществ. Завоевали высокую позицию представители финансовой и банковской сфер, бухгалтера, менеджеры, экономисты. В то же время снизились позиции представителей гуманитарной и сельской интеллигенции, что связано с финансированием данных сфер, сложностью адаптации к быстро меняющимся экономическим условиям и необходимостью государственной поддержки.

Литература

1. Аврамова Е.М. Социальная мобильность в условиях российского кризиса //Общественные науки и современность. – 1999. – № 3. – С. 5-11.
2. Анурин В.Ф. Профессиональная стратификация и закон перемены труда //Социологические исследования. – 2006. –№ 7. – С. 23–33.
3. Айзенк Г.Ю. Узнай свой собственный коэффициент интеллекта. – Н. Новгород, 1993.
4. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. – СПб., 1997.
5. Статистический ежегодник: Стат. сб.: В 4 ч. /Территор. орган Федер. службы гос. стат. по Тюменской области. – Тюмень, 2005.
6. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.
7. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М., 2006.
8. ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. – 1997. – № 4. – С. 26.

В.М. Котельникова, И.А. Гричаникова, Е.А. Власова

БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ*

Одним из актуальных направлений внутренней политики современной России можно считать развитие регионов как политико-экономической и социально-культурной основы государства. Такой подход обусловил пристальное внимание к внешней и внутренней статуйности регионов: налицо их разнообразие, уникальность, требующие принципиально новых решений в стратегии и тактике межрегиональных связей, а также возможных коррекций внутри региональных структур.

Очевидно, что для достижения положительных результатов необходимо адекватно оценивать состояние, потенциал и перспективы регионов в двойном ракурсе. С одной стороны, для анализа ценна уникальность каждого региона, с другой – важна органичность их функционирования и развития в целостном социокультурном пространстве страны.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный портрет Белгородской области, проект № 06-03-72301а/Ц.

Исторически сложившаяся социокультурная ситуация преломляется в экономической и общественной жизни регионов, сказывается на характеристиках человеческого потенциала. Соотношение социокультурного пространства страны и региона можно представить, с одной стороны, как соотношение целого и его части, с другой – как соотношение общего и особенного. Эффективность реализации культурной политики государства тесно связана с тем, насколько надёжно действует обратная связь с регионами, а также с возможностью постоянного отслеживания и анализа реальных ситуаций в этой сфере методами современной науки.

Выдвинутая в последние годы идея комплексных исследований динамики социокультурного развития регионов России уже реализуется в междисциплинарном проекте «Социокультурная карта России» и ряде региональных исследований, в которых до настоящего времени не был задействован Белгородский край – один из сильнейших в плане проявления социально-экономических показателей регионов Центрального Черноземья.

Белгородская область, являясь типичным регионом юга средней полосы Европейской России, в то же время уникальна по историческим, географическим и вытекающим из них экономическим и культурным показателям. Ее социологический портрет, полагаем, будет представлять важный компонент в пестрой мозаичной картине, образующей социокультурную карту России, где можно увидеть как конкретизацию общего, так и всё разнообразие особенного.

Белгородская область (рисунок 1) образована 6 января 1954 года. Её площадь составляет 27,1 тыс. км. На юге и западе она граничит с Луганской, Харьковской и Сумской областями Украины, на севере и северо-западе – с Курской, на востоке – с Воронежской областью РФ.

Рис. 1. Карта Белгородской области.

Численность населения Белгородской области на 1 января 2007 года составила 1513,6 тыс. человек, в том числе 66,4 % городского и 33,4 % – сельского населения[1]. Отметим, что численность населения области растёт (0,1 % за последний год) в основном за счёт мигрантов. В первую очередь, увеличивается численность населения в городах (на 0,6 % в 2006 году). Средний возраст жителей области 40 лет. Доминирует русская национальность – 93 %.

Белгородская область является равноправным субъектом Российской Федерации. Административно-территориально Белгородская область включает в себя 21 район, 10 городов, 20 посёлков городского типа, 1573 сельских населённых пункта. Административным центром является г. Белгород.

Белгород *лидирует* среди городов Центрального Черноземья по основным социально-экономическим показателям и уровню жизни населения. *Сильной стороной* города является развитая городская инфраструктура и высокая степень благоустройства. По итогам ежегодного Всероссийского конкурса на звание «Самый благоустроенный город России» в I категории – города, являющиеся административными центрами субъектов Российской Федерации, неоднократно занимал призовые места.

Государственную власть в Белгородской области осуществляют: губернатор Белгородской области, являющийся высшим должностным лицом Белгородской области; Белгородская областная Дума, которая является законодательным (представительным) органом государственной власти Белгородской области и правительство Белгородской области, осуществляющее исполнительную власть в Белгородской области.

Белгородчина – высокоразвитый индустриально-аграрный регион, экономика которого опирается на колоссальные природные богатства. В области сосредоточено более 40 % разведанных запасов железных руд Российской Федерации. На данный момент Белгородчина входит в десятку наиболее успешных регионов России.

По своему экономическому развитию Белгородская область занимает прочные позиции, превышающие средние показатели по России. Это обусловлено рядом объективных факторов. Во-первых, приграничное положение Белгородской области способствует интенсивному развитию внешнеэкономической деятельности и транспортных коммуникаций. Общая протяженность железнодорожных путей общего пользования в Белгородской области составляет более 700 км., а автомобильных дорог с твердым покрытием – около 9000 км. Во-вторых, богатые природные ресурсы: железорудные месторождения, меловые запасы и др., что позволяет развивать в области черную металлургию, производство строительных материалов, стройиндустрию и энергетическое машиностроение. В-третьих, большая часть территории представляет собой плодородные пахотные земли, благодаря чему в области развиваются такие отрасли сельского хозяйства, как растениеводство, молочное животноводство и птицеводство.

Развитие сельского хозяйства Белгородской области направлено на создание конкурентоспособного животноводства и эффективного растениеводства. Ведущим направлением укрепления экономики агропромышленного комплекса Белгородской области является развитие животноводства. Промышленный комплекс в области занимает устойчивое положение и имеет положительную динамику развития. Большая часть объёмов отгруженных товаров обрабатывающих производств сформирована предприятиями, занятыми металлургическим производством и производством готовых металлических изделий (40,4 %), производством пищевых продуктов (39 %).

Основными социально-экономическими приоритетами развития области является повышение качества жизни населения, в связи с чем проводится модернизация социальной сферы, реализуются мероприятия приоритетных национальных проектов в здравоохранении, образовании, стимулируется рождаемость. В этих же целях формируется рынок доступного и комфортного жилья.

Экономический рост и стабильная экономическая ситуация оказывают положительное влияние на динамику демографических показателей. По сравнению с 2005 г., в 2006 г. естественная убыль населения снизилась на 17,5 % и составила – 88817 человек. Число родившихся возросло на 5,8 %, число умерших сократилось на 4,5 %. По числу родившихся на 1000 человек населения на январь–ноябрь 2006 г. Белгородская область занимала 5-е место среди областей Центрального федерального округа, коэффициенты естественной убыли и смертности ниже только в Москве.

Одним из значимых социальных показателей является увеличение доходов населения. В Белгородской области прослеживается тенденция роста номинальных и реальных денежных доходов населения. Увеличение реальных денежных доходов населения в значительной мере обусловлено ростом заработной платы. Среднемесячная номинальная заработная плата по полному кругу организаций без выплат социального характера в целом по области увеличилась за последний год на 21 %, при этом реальная заработная плата за этот же период увеличилась на 10,7 %.

Мы полагаем, что социологический портрет Белгородской области представляет важный компонент в панорамной картине, образующей социокультурную карту всей России.

Комплексный характер проблемы построения социокультурного портрета требует применения междисциплинарных подходов к её решению. Это возможно при сочетании социетально-деятельностного и социолого-синергетического подходов. В рамках социетально-деятельностного подхода социум получает интегральные измерения, на основе совокупности которых складывается интегративное ядро общества – социетальное сообщество с присущими ему социетальными функциями, структурами и процессами, а также осью рефлексии. Последняя имеет два взаимопроникающих вектора: анализ и синтез. Анализ обращён в сторону функции жизнеобеспечения и реализуется при решении любых задач, связанных с витальными потребностями человека. В синтезе реализуется функция целеполагания, сопряжённая со смысложизненными потребностями индивида и регионального сообщества людей. Это предполагает исследование динамики накопления культурного капитала населения в регионе и методов его использования.

Социолого-синергетический подход, основывающийся на «неуклонном наращивании человеческого потенциала путем подчинения достижению этой цели всех социально-экономических ресурсов страны» [2], позволяет выйти на принципиально новые позиции в анализе социокультурной ситуации в регионе, характеристике динамики его социального развития и измерении человеческого потенциала. На наш взгляд, такой подход является наиболее перспективным в составлении социологического портрета Белгородской области.

Примечания

- 1 Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. Официальный сайт. Режим доступа. // WWW. URL: <http://www.oblstat.belnet.rum>.
- 2 *Котельников Г.А.* Природа и общество в измерении синергетики: Монография. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова; Крестьянское дело, 2005. – С. 120.

И.А. Кох

ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Социальное развитие муниципальных образований в современной России, где происходят крупномасштабные и глубинные преобразования, преодолевается экономический и управленческий кризис, происходит переход к системе рыночных отношений и гражданскому обществу, приобретает первостепенное значение для всего общества. Накопленный опыт в разных странах мира свидетельствует о том, что среди всех ресурсов органов местного самоуправления важнейшее значение имеет управление, то есть способность и умение вырабатывать цели, координировать выполнение задач и добиваться эффективных результатов. Это возможно только в том случае, если местные органы власти имеют объективную картину положения дел, социальный портрет муниципального образования.

Поскольку важнейшей задачей органов местного самоуправления является все более полное удовлетворение потребностей граждан, проживающих на данной местности, потребности населения можно рассматривать как центральное звено социального портрета муниципального образования. Неудовлетворенные потребности населения являются основной причиной социальной напряженности в муниципальном образовании. Для успешной деятельности органов местного самоуправления необходимо изучать эти потребности, отслеживать их изменения (динамику), оперативно реагировать на запросы, заявления и жалобы населения. Мониторинг постоянно изменяющихся потребностей населения и их удовлетворение, своевременное выявление противоречий и оперативное урегулирование социальной напряженности – залог успешной деятельности органов местного самоуправления. В то же время изучение потребностей населения позволяет создать представление о наиболее важных проблемах муниципального образования.

Потребности населения в услугах администрации вытекают из условий, необходимых для обеспечения жизнедеятельности людей в административных границах данной территории. Не менее важно для администрации оказывать населению услуги в соответствии с ожиданиями людей. Расхождение между ожиданиями населения и реальным положением дел ведет к накоплению потенциала социальной напряженности.

Существуют выработанные практикой нормативы по удовлетворению потребностей населения. Однако конкретные условия в каждом регионе различаются. Поэтому возникает необходимость постоянно изучать степень реальной удовлетворенности населения теми условиями жизни, которые зависят от деятельности администрации.

Социальная напряженность возникает вследствие неудовлетворенности потребностей населения в жизненно необходимых услугах, которые и призваны предоставлять местные органы власти: жилищно-коммунальные услуги, холодное и горячее водоснабжение, общественный транспорт, бытовые услуги и другие. Неудовлетворительная организация предоставления этих услуг порождает недоверие населения к органам власти, особенно местной администрации. Социальная напряженность не является прямым показателем эффективности местного самоуправления, поскольку она может быть вызвана не только действиями местных органов власти, но и другими факторами: от случайного стечения обстоятельств до реакции на решения центральных органов государственного управления. Однако от содержания и характера деятельности муниципальной администрации непосредственно зависит жизнедеятельность местного сообщества, удовлетворение потребностей населения в социально значимых услугах.

Практика показывает, что в тех муниципальных образованиях, где органы местного самоуправления обеспечивают стабильное развитие и функционирование терри-

ториальной организации, социальной напряженности, как правило, нет. Это не исключает возможности возникновения отдельных конфликтов, для решения которых имеются соответствующие средства и методы. Наоборот, в тех муниципальных образованиях, где органы местного самоуправления в силу тех или иных причин не способны обеспечить нормальные условия жизнедеятельности для населения, возникает социальная напряженность.

Предоставление населению услуг органами местного самоуправления должно осуществляться в соответствии с реальными потребностями, мотивами и устойчивыми тенденциями потребительского поведения человека в обществе. Количественную оценку степени удовлетворенности услугами можно осуществить с помощью массовых опросов. При этом мы исходим из того, что, оценивая потребность в услуге как внутренне необходимую (осознанную) или с точки зрения сложившихся представлений и стереотипов, человек может достаточно адекватно отразить уровень удовлетворения своих потребностей. Осознание человеком своих потребностей – это осознание и того, как его социальные потребности соотносятся с социальными потребностями других людей и в какой мере они соответствуют общественно признанным потребностям – нормативам на объекты и услуги жилищного, социально-культурного и бытового назначения. Важнейшим условием сопоставимости социологических и нормативных оценок является адекватность нормативов потребностям населения в услугах. В этом случае нормативы могут играть роль оценочного критерия, относительно которого человек определяет уровень удовлетворенности своих потребностей. На сегодняшний день остро стоит проблема приведения нормативов в соответствие с реальными потребностями населения в услугах.

В проведенных нами исследованиях рассматривались оценка удовлетворенности услугами, предоставляемыми населению органами местной администрации. Уровень удовлетворенности услугами представляет собой оценку населением удовлетворенности объектами и услугами жилищно-коммунального хозяйства, социально-культурного и бытового назначения, которую население формирует исходя из сложившихся представлений об условиях проживания в конкретной местности. Осознавая свои потребности в услугах, люди, как уже говорилось выше, представляют их в некоторой иерархии. Однако следует уточнить, что оценка удовлетворенности физиологических потребностей (жилье, водоснабжение, теплоснабжение и другие) не всегда однозначна, так как при определенном уровне насыщения их роль для населения снижается, при этом повышается потребность в удовлетворении других социальных потребностей – потребность в образовательных услугах, культурных, духовных.

Потребности населения в услугах, которые предоставляются муниципальной администрацией, формируются под влиянием условий жизнедеятельности людей. Не менее важно для администрации оказывать населению услуги в соответствии с ожиданиями людей. Расхождение между ожиданиями населения и реальным положением дел ведет к накоплению потенциала социальной напряженности.

Изучение удовлетворенности населения услугами позволяет выявить некоторые закономерности в их формировании и количественно определить шкалу потребностей и проблем, стоящих перед муниципальной администрацией. Проведение массовых опросов позволяет охарактеризовать степень удовлетворенности населения услугами, выявить основные проблемы муниципального образования и определить приоритетные направления деятельности администрации.

Рассмотрим оценку населением деятельности местных органов власти сквозь призму удовлетворенности своей жизнью, своего социального самочувствия. Удовлетворение потребностей населения непосредственно зависит от уровня жизни. Причем в данном случае важны не столько абсолютные показатели, сколько субъективные

ощущения населения. Наши исследования в городах Свердловской области показали чрезвычайно низкий жизненный уровень населения: около половины опрошенных жителей (44,7 %) заявили, что «денег не хватает даже на самое необходимое». Относительно благополучно живет лишь пятая часть населения (21,7 %), а вполне благополучно – только 3,4 % опрошенных. В уровне жизни жителей разных городов значимых различий нет, хотя в Ревде положение несколько лучше (таблица 6.1).

Таблица 1

Самооценка населения своего уровня жизни и доходов

Оценка	Количество ответивших, % к числу опрошенных			
	Богданович	Реж	Ревда	Всего
Денег не хватает даже на самое необходимое	48,0	46,3	39,5	44,7
Приходится на многом экономит	37,7	32,2	36,1	35,4
Денег на жизнь хватает, но нет возможности делать крупные покупки	19,7	21,7	23,9	21,7
Особых проблем с деньгами нет	2,5	4,4	3,4	3,4
Другое	0,7	0,5	0,0	0,4
Не ответили	0,9	0,0	1,5	0,8

Проблемы, которые тревожат жителей городов, можно рассматривать в качестве факторов социальной напряженности (диаграмма 1). Они же дают представление о содержании первоочередных проблем муниципального образования.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

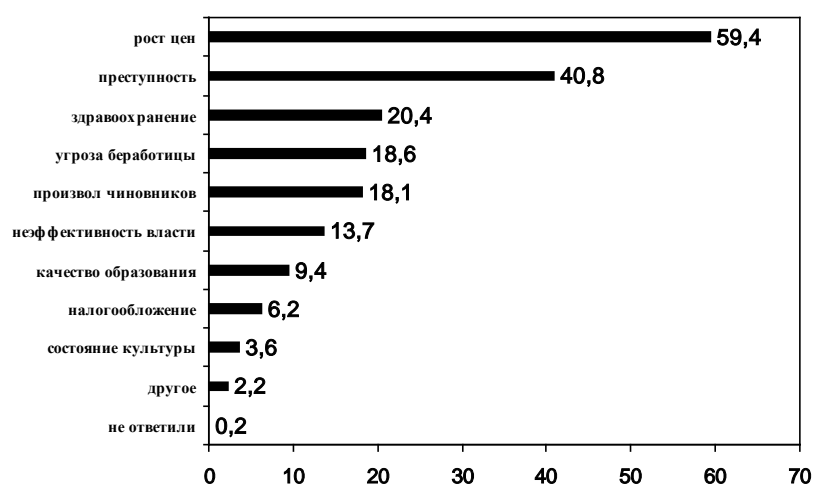

Диаграмма 1

Полученные результаты показывают, что первостепенной проблемой для населения является рост цен и как следствие снижение уровня жизни большинства населения. Эта проблема тревожит 59,4 % всех опрошенных, причем по важности она стоит на первом месте. Вторая по важности – проблема преступности – тревожит 40,8 % опрошенных жителей.

В ходе общения с жителями городов при проведении массовых опросов, а также при анализе письменных ответов и обращений жителей, установлено, что негативная

оценка здравоохранения и образования включает в себя не только качество предоставляемой услуги, но и ее финансовую доступность. Высок уровень недовольства платным характером оказываемых медицинских и образовательных услуг.

Четвертое место по уровню тревожности занимает угроза безработицы: это отметили 18,6 % опрошенных. Страх потерять работу достаточно высок и дает основание предполагать наличие скрытой безработицы, так как количество официально зарегистрированных безработных сравнительно невысоко и не отражает всей глубины проблемы. Значительную часть жителей беспокоит произвол чиновников. Негативную тенденцию оценки деятельности местной власти подтверждают высказывания о неэффективности деятельности местной администрации. Их актуальность обусловлена общим социально-экономическим состоянием страны и Свердловской области.

Как можно снизить социальную напряженность? Полученные результаты показали, что острой потребностью, в удовлетворении которой заинтересованы 40,8 % жителей, является медицинское обслуживание. Большинство опрошенных волнует не только качество, но и доступность данной услуги. Население недовольно развитием платной медицины, оплатить услуги которой оно не в состоянии.

Среди других проблем – строительство жилья, социальная защита населения и многие другие. Для горожан важной проблемой является удовлетворение своих социально-культурных потребностей (организация отдыха, досуга). Другие проблемы – качество образования, социально-бытовых услуг – по разным причинам отодвинуты на второй план.

Сопоставим результаты массовых опросов населения Богдановичского района Свердловской области (опрошено 475 человек) с данными опроса жителей г. Сургута (опрошено 313 человек). В исследовании, проведенном в Сургуте, в котором проживает около 300 тысяч жителей, были опрошены 313 человек разного возраста, пола и рода занятий. Массовый опрос позволил выяснить, что больше всего беспокоит население сегодня и, следовательно, является источником социальной напряженности. Сравним результаты массовых опросов в г. Сургуте и Богдановичском районе. Итоги представлены в таблице 2.

Таблица 2

Факторы социальной напряженности

№	Факторы напряженности	Количество ответивших к числу опрошенных, %	
		Сургут	Богданович
1	Угроза безработицы	52,7	32,8
2	Преступность	50,5	46,3
3	Рост цен	36,4	77,1
4	Состояние здравоохранения	35,8	33,5
5	Произвол чиновников	33,5	27,6
6	Налогообложение	26,8	8,2
7	Качество образования	18,2	19,2
8	Состояние культуры	11,8	5,5
9	Неэффективность деятельности властей	8,9	25,7
10	Другое	2,9	3,6

В Богдановичском районе главными факторами социальной напряженности являются: 1) рост цен (отметили 77,1 % опрошенных); 2) преступность (46,3 %) и 3) состояние системы здравоохранения (33,5 % опрошенных граждан).

По результатам опроса населения в Сургуте можно сказать, что здесь угроза безработицы стоит на первом месте (отметили 52,7 % опрошенных горожан). Жителей города очень беспокоит и рост преступности (50,5 %). Рост цен занимает третью позицию (отметили 36,4 % опрошенных граждан).

Сравнение полученных результатов показывает, что, несмотря на существенные различия двух регионов, факторы социальной напряженности фактически одни и те же. Это можно объяснить особенностями развития общества и состоянием экономики страны. В то же время есть и некоторые различия, которые не в последнюю очередь связаны с деятельностью местных органов власти.

Социальную напряженность мы изучали по оценкам населения, полученным в ходе массовых опросов, исследовали по письменным и устным обращениям граждан в администрацию. Задача исследования состояла в том, чтобы установить закономерности оценки населением деятельности администрации в зависимости от уровня удовлетворения потребностей. В первую очередь предстояло изучить оценки населением работы администрации за последний год. В Богдановичском районе треть опрошенных (37,7 % по району) не видят никаких практических изменений в деятельности администрации. Об улучшении работы заявило только 6,8 % жителей района, 4,9 % жителей районного центра, 10,6 % жителей села. Значительная часть опрошенного населения (25,1 %) считают, что работа администрации ухудшилась. Более четверти опрошенных (28,8 %) затруднились дать оценку деятельности администрации.

Сравнительный анализ оценок изменений, произошедших в работе администрации за один год, показал, что, во-первых, население слабо информировано о деятельности местных органов власти и потому не видит существенных изменений в ее работе, во-вторых, выявил преобладание негативных оценок над позитивными.

Следующий вопрос позволял населению дать оценку эффективности работы администрации по конкретным направлениям деятельности за прошедший год. Оценка деятельности администрации жителями Богдановичского района позволяет говорить о высоком уровне социальной напряженности. Характерно, что оценки опрошенных, проживающих в городской и сельской местностях, практически одинаковы и совпадают с мнением жителей района в целом.

Динамика оценок изменений в работе администрации за год показывает, что наибольшее неудовлетворение у населения вызывают объемы и темпы строительства жилья (61,6 %), медицинское обслуживание (58,4 %) и борьба с преступностью (53,9 %). Только в двух сферах деятельности администрации – обеспечения продуктами питания и снабжение промышленными товарами – положение дел, по мнению жителей, осталось прежним. Мнение населения по этим вопросам наглядно представлены на диаграмме 2.

Прослеживается определенная закономерность оценок населением основных сфер деятельности администрации в зависимости от уровня удовлетворения жилищных, социально-культурных и бытовых потребностей.

Приведенные данные характеризуют удовлетворенность потребностей населения в исследованных муниципальных образованиях в 2000–2003 году. В последние годы произошли определенные изменения в оценках населения социальной ситуации. Об этом красноречиво свидетельствуют новые тенденции: если в конце 90-х – начале этого века главными проблемами для населения были рост цен, преступность и безработица, то в последние годы на первый план выдвинулись проблемы жилищно-коммунального хозяйства.

По результатам проведенного анкетного опроса населения города Екатеринбурга, проведенного в 2005 году, можно определить, что тревожит людей в первую очередь (см. диаграмму 2).

ФАКТОРЫ ТРЕВОЖНОСТИ

Диаграмма 2

Полученные результаты показывают, что первостепенной проблемой для населения муниципального образования «Город Екатеринбург» в 2005 году являются низкие доходы семей и как следствие низкий уровень жизни большинства населения. Эта проблема тревожит 51,7 % всех опрошенных, причем по важности она стоит на первом месте. Вторая по важности проблема – проблема здоровья – тревожит около 30 % опрошенных жителей. На третьем месте – проблемы здоровья и лечения взрослых. Ремонт жилья оказался на 6 месте. Это скорее говорит не о том, что данная услуга не востребована, а о низкой платежеспособности населения и высоких ценах на ремонт жилья. Вследствие этого данной услугой могут воспользоваться лишь немногие.

Общение с жителями города при проведении массового опроса показало, что беспокойство по поводу здравоохранения и лечения взрослых и детей, образования и воспитания детей вызвано не только качеством предоставляемых услуг, но и их финансовой доступностью. Высок уровень недовольства платным характером оказываемых медицинских и образовательных услуг.

Четверть опрошенных жителей города обеспокоено своей работой, трудоустройством, возможностями сменить профессию. Тревожит угроза безработицы, поскольку известно, что в городе есть скрытая безработица, а количество официально зарегистрированных безработных не отражает всей глубины проблемы.

Представленные выше данные позволяют сделать вывод о том, что жители города максимально сконцентрированы на трех социальных проблемах: 1) увеличение денежных доходов семьи; 2) лечение, укрепление здоровья взрослых; 3) учеба, воспитание детей.

Проведенное исследование показало, что социальное самочувствие жителей

Екатеринбурга можно оценить как среднее. Заметим, что, в сравнении с другими аналогичными опросами населения, общественное мнение сдвинулось в положительную сторону. Больше стало людей, оценивающих свой уровень жизни как средний, больше стало оптимистов среди людей, озабоченных своей работой и трудоустройством. Однако в целом низкая платежеспособность будет сдерживать рост потребности населения города в услугах и товарах, в жилье и жилищно-коммунальном обслуживании.

Таким образом, потребности населения и реальная степень их удовлетворенности можно рассматривать как важнейшую составляющую социальной характеристики муниципального образования. Знание реальных потребностей населения и реальная степень их удовлетворенности необходимы для разработки стратегии и тактики муниципального управления.

Т.Г. Кульсеева

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ*

В живом, динамичном обществе всегда существует внутреннее движение, поскольку отдельные люди, а также образуемые ими группы и общности, как правило, стремятся занять более высокое социальное положение. Это внутреннее движение, изменяющее индивидуальные или статусные позиции, называется социальной мобильностью.

Одной из форм социальной мобильности является профессиональная, связанная с изменениями в трудовых отношениях, в которых за последние 15 лет произошли существенные изменения – сформировался рынок труда, появились организации, базирующиеся на государственной, частной, смешанной и других формах собственности, появилось такое явление, как безработица.

Рассмотрим социально-профессиональную мобильность на примере Курской области на основе материалов Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области и полевого социологического исследования, проведенного в мае-июне 2007 г. в 40 населенных пунктах Курской области по типовой программе и методике, разработанной под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой [1].

Согласно статистическим данным, численность населения Курской области на начало 2006 года составила 1183,9 тыс. человек, из них 45,4 % – мужчины, 54,6 % – женщины, в городах проживает 62,6 %, в сельской местности – 37,4 % населения области. Практически каждый пятый житель области находится в возрасте 60 лет и старше, что позволяет отнести тип воспроизводства населения региона к регрессивному. Уровень экономически активного населения в 2006 году составил 60,32 %, 54,67 % заняты в различных отраслях экономики. Это говорит о том, что структура занятости населения Курской области значительно изменилась, одной из причин этого является появление других форм собственности (Таблица 1.). Исходя из представленных данных можно сделать вывод о том, что с 1990 года по 2005 год наблюдалось постоянное перемещение занятого населения региона из организаций, находящихся в государственной и муниципальной собственности, в частные организации. Это объясняется осуществлением приватизации крупнейших курских предприятий.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 06-03-72301 а/ц.

Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности (в тыс.чел.)

ГОДЫ	ЗАНЯТО В ЭКОНОМИКЕ – ВСЕГО	В ТОМ ЧИСЛЕ ПО ФОРМАМ СОБСТВЕННОСТИ				
		государственная и муниципальная	частная	собственность общественных и религиозных организаций	смешанная российская	иностранная, совместная российская и иностранная
1990	681,3	536,9	144,4	–	–	–
1995	557,9	209,7	218,7	4,5	122,4	2,6
2000	616,6	198,7	353,3	5,4	53,9	5,4
2001	606,4	195,9	349,3	5,8	49,3	6,1
2002	607,9	196,1	355,1	5,4	41,4	9,9
2003	591,6	193,2	348,3	5,0	35,8	9,3
2004	587,8	191,0	348,1	4,8	34,3	9,6
2005	600	183,9	374,5	3,5	28,9	9,6

По данным Управления Федеральной государственной службы занятости населения, в Курской области на конец 2005 года численность официально зарегистрированных безработных составила 9,2 тыс. человек, в том числе женщин – 6,6 тыс., молодежи в возрасте 16–29 лет – 2,6 тыс. человек. Средняя продолжительность безработицы равнялась 5,7 месяца, у женщин – 5,8, молодежь в поисках работы тратила времени меньше – 4,3 месяца.

Исходя из данных, полученных на основе социологического исследования, выявлено, что причинами сохранения профессии респондентами с 1990 (таблица 2) выступили, прежде всего, привычка к работе и коллективу – 19,4 %, а также интерес к своей работе и отсутствие другого варианта работы, соответственно 14 % и 12,8 %.

Таблица 2

Если Вы после 1990 г. сохранили свою работу, профессию, то почему?

ПРИЧИНЫ СОХРАНЕНИЯ ПРОФЕССИИ	% ОТ ОТВЕТИВШИХ
Работа интересная	7,6
Работа почетная, престижная, приносит пользу	3,5
Работа хорошо оплачиваемая	3,5
Мне не куда уходить, у меня не было другой работы	13,8
Я привык к своей работе, к коллективу	6,6
Мне так спокойнее	0,9
Другое	0,8
Отказ от ответа	1,4
Затруднились ответить	0,7
Пропущенные	61,2
Всего	100

Небольшой процент ответивших в качестве причины сохранения указали на почетность и престижность своей работы (3,5 %), что связано с изменением перечня престижных профессий. Престижность профессии связана, в первую очередь, с высоким уровнем заработной платы, но с 1990 года не все профессии сохранили свою престижность, на что и указывает невысокий процент по данному показателю сохранения профессии и работы. Если данные нашего исследования сравнить с данными всероссийского мониторинга, проводимого ЦИСИ ИФРАН, то можно констатировать, что причины сохранения работы, профессии вполне совпадают. В иерархии причин на

первое место и россияне и жители области поставили привычку, желание спокойной жизни [2, 55].

Причинами смены профессии, в первую очередь, выступили сокращения, низкая заработная плата, возможность проявить себя и более интересная работа (таблица 3).

Таблица 3

Мотивы профессиональной мобильности

ПРИЧИНЫ СМЕНЫ ПРОФЕССИИ, РАБОТЫ	% ОТ ОТВЕТИВШИХ
Появилась возможность более интересной работы	9,0
Работа не пользовалась уважением	0,4
Были сокращения, предприятие было закрыто	4,3
Работа по моей специальности сейчас не нужна	1,2
Работа плохо оплачивается	4,5
На новой работе я имею больше возможностей проявить себя	1,7
Другое	1,8
Затруднились ответить	0,5
Отказ от ответа	1,2
Пропущенные	82,4
Всего	100

Известно, что существует зависимость между уровнем безработицы и текучестью. Трудности трудоустройства в период высокого пика безработицы мотивируют работников воздержаться от ухода с места работы. Из полученных данных видна неоднозначность влияния данного фактора. Около 2 % ответивших отметили, что сменили работу, так как на новой работе имеется больше возможности проявить себя, то есть мотив самореализации личности в труде вселяет определенный оптимизм на дальнейшее экономическое развитие области.

О профессиональной мобильности можно судить исходя из разреза профессиональных групп по Курской области 2007 г., в сравнении с 1990 г. (таблица 4).

Таблица 4

Разрез профессиональных групп (по респондентам), в % от ответивших

ПРОФЕССИЯ / СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	1990 Г.	2007 Г.
1. Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	18,3	13,9
2. ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал.	6,7	6,9
3. Руководство госпредприятий, акционерных обществ	0,6	0,8
4. Предприниматели	0,7	3,7
5. Бухгалтеры, экономисты, работники банков	6,5	5,7
6. Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.	10,4	10,5
7. Работники сферы быта и услуг	6,7	7,8
8. Работники торговли	4,3	4,5
9. Военнослужащие, работники правоохранительных органов	2,1	2,1
10. Студенты, учащиеся	21,5	7,7
11. Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	3,2	1,5
12. Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	5,5	10,5
13. Пенсионеры (не сельские жители)	4,0	16,3
14. Не работал, и не учился, не был пенсионером	8,5	5,6
15. Другое	0,1	0,7
16. Затруднились ответить	0,1	—
17. Отказ от ответа	0,9	1,4
Всего	100	100

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

Из приведенных данных в **таблице 4** видно, что как и в 1990 году, так и в настоящее время больше всего занятых составляют рабочие в промышленности, на транспорте и в связи. Увеличилось количество бухгалтеров, экономистов, работников банков, появились предприниматели. Возросло число работников торговли, сферы быта и услуг. Это объясняется переходом к рыночным отношениям, возникновением частной собственности в нашей стране.

Не произошло почти никаких изменений у представителей гуманитарной интеллигенции, военнослужащих, работников правоохранительных органов, ИТР, среднего управленческого звена. Можно объяснить это тем, что перечисленные профессиональные группы работают преимущественно в бюджетной сфере. В то же время резко возросло число пенсионеров и уменьшилось число студентов. Это связано с общей тенденцией старения населения страны, с увеличением смертности и снижением рождаемости.

Динамику профессиональной мобильности старшего поколения, а также мобильности мужчин и женщин можно проследить по таблицам 5, 6.

Таблица 5

Разрез профессиональных групп по родителям в 1990 г., в % ответивших

ПРОФЕССИЯ / СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	МАТЬ	ОТЕЦ
1. Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	10,0	18,4
2. ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал.	4,9	4,4
3. Руководство госпредприятий, акционерных обществ	1,1	2,0
4. Предприниматели	0,6	2,0
5. Бухгалтеры, экономисты, работники банков	6,0	0,7
6. Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.	9,6	2,9
7. Работники сферы быта и услуг	4,9	3,9
8. Работники торговли	5,8	1,6
9. Военнослужащие, работники правоохранительных органов	1,2	3,6
10. Студенты, учащиеся	0,2	0,5
11. Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	3,5	3,6
12. Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	16,8	13,7
13. Пенсионеры (не сельские жители)	15,7	12,9
14. Не работал, и не учился, не был пенсионером	1,5	1,0
15. Другое	13,3	21,0
16. Затруднились ответить	0,9	2,7
17. Отказ от ответа	4,1	5,1
Всего	100	100

Как видно из таблицы, в 1990 году в таких отраслях, как промышленность, транспорт и связь, а также ИТР и средний управленческий персонал преобладали мужчины. А в сфере быта и услуг, торговли, здравоохранении и образовании господствовали женщины. Традиционными для женщин были профессии бухгалтера и экономиста. Большое количество трудилось тогда в так называемых сберегательных кассах СССР.

Разрез профессиональных групп по родителям в 2007 г., в % ответивших

ПРОФЕССИЯ /СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	МАТЬ	ОТЕЦ
1. Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	3,8	7,4
2. ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал.	2,3	1,6
3. Руководство госпредприятий, акционерных обществ	0,2	0,9
4. Предприниматели	1,5	2,5
5. Бухгалтеры, экономисты, работники банков	2,4	0,5
6. Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.	4,4	1,2
7. Работники сферы быта и услуг	2,7	2,2
8. Работники торговли	2,4	0,7
9. Военнослужащие, работники правоохранительных органов	0,4	1,0
10. Студенты, учащиеся	0,1	—
11. Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	0,2	—
12. Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	13,3	9,9
13. Пенсионеры (не сельские жители)	25,6	21,4
14. Не работал, и не учился, не был пенсионером	1,8	1,8
15. Другое	31,3	38,0
16. Затруднились ответить	0,7	2,1
17. Отказ от ответа	6,5	8,2
18. Пропущенные	0,4	0,5
Всего	100	100

Иная картина складывается в 2007 году. С увеличением числа пенсионеров, сократилось число рабочих этой возрастной группы во всех отраслях. При этом уменьшилось число рабочих в промышленности, на транспорте и в связи, а также в сфере гуманитарной интеллигенции (из-за низкой заработной платы в образовании, здравоохранении, культуре, многие стали «челноками» и торговали на рынках).

С другой стороны, можно отметить увеличение количества женщин в таких отраслях, как ИТР, госслужащие и средний управленческий персонал. Наблюдается незначительный рост мужчин в сфере предпринимательства.

Результаты проведенного социологического исследования говорят о том, что и мужчины и женщины в Курской области имеют примерно одинаковую мобильность, за некоторым исключением. Направленность мобильности различна, но материальный фактор и для мужчин, и для женщин имеет одинаково большое значение.

О достаточно высоком уровне социально-профессиональной мобильности в Курской области говорит тот факт, что в 1990 году имели работу 70 %, а в 2007 году поменяли 57 % респондентов. Как видим, за годы реформ произошел резкий подъем трудовой мобильности населения.

Изменения, произошедшие с 1990 года в социально-профессиональной мобильности населения Курской области, представлены на рисунке.

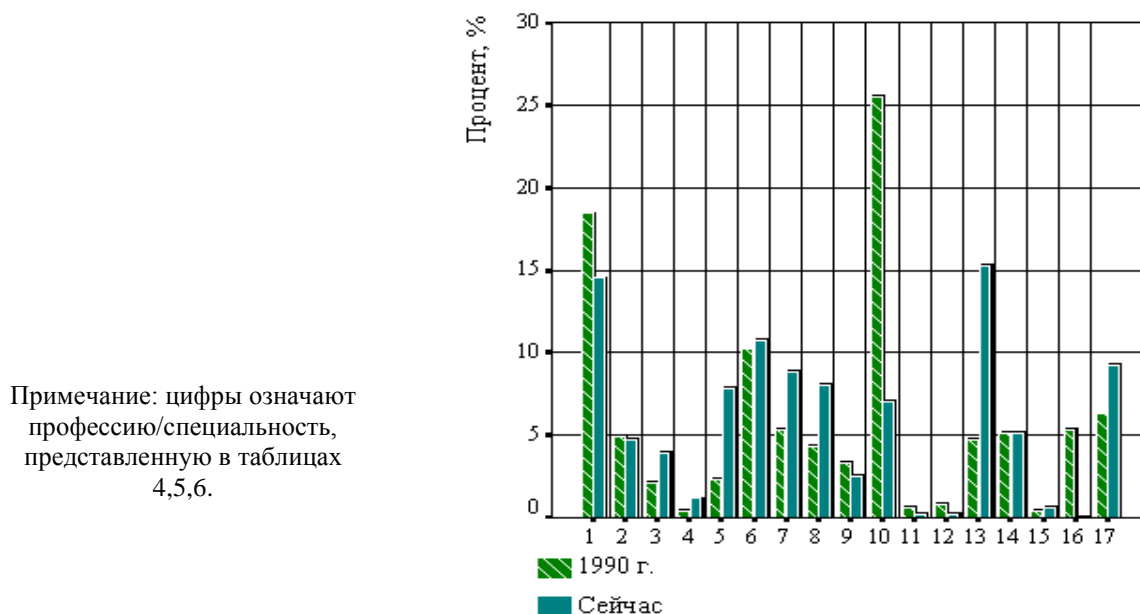

Рис.1. Изменения, произошедшие с 1990 года

Исходя из полученных данных обозначим некоторые проблемные точки, затрудняющие дальнейшее социально-экономическое развитие региона:

- сокращение числа работающих в промышленности, на транспорте и в связи;
- существенный рост числа пенсионеров при одновременном уменьшении количества молодежи (студентов, учащихся);
- низкий уровень развития предпринимательства.

Литература

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Матер. конф. «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». – Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006.
2. Беляева Л.А. Проблемы социальной стратификации и трудовая мотивация населения (общероссийский конспект) // Опыт апробации типовой методики «Социокультурный портрет региона»: Сб. матер. Всерос. науч.-метод. конф. Ч. II. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – С.42-61.

В.В. Мельник

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АПРОБАЦИИ МЕТОДИКИ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»

В рамках Программы «Проблемы социокультурной эволюции России», возглавляемой членом-корреспондентом РАН, руководителем ЦИСИ института философии РАН Н.И. Лапиным, и на основании его фундаментальной Программы, социологами Тюменского госуниверситета завершено полномасштабное исследование «Социокультурный портрет региона», проведенное в Тюменской области на территории всех трех ее субъектов федерации – Юга области, ЯНАО и ХМАО.

Необходимо отметить, что это первое за весь постсоветский период исследование в данном регионе, ставшее достоянием научной общественности и граждан России,

поскольку исследования, проводимые по заказам правительства области, носят, как правило, сугубо служебный характер. Последними исследованиями на уровне области, теперь уже в далеком 1992 году, были исследования «Проблемы единства Тюменской области» и «Тюменский регион в условиях реформы». В этой связи подчеркнем, что решающий вклад в то, что исследование состоялось, внесла Тюменская областная Дума. Областной парламент не только финансировал проект, наряду с РГНФ, но и оказывал значительную организационную поддержку и, что еще может быть более важно, своеобразное политическое «прикрытие» работы коллектива социологов Тюменского госуниверситета, особенно в поле, в округах. Самостоятельные субъекты федерации области располагают в настоящее время собственными полномасштабными аналитическими и исследовательскими службами, и все, что «приходит» со стороны, воспринимается достаточно остро. Так что достигнутые успешные результаты исследования могут быть охарактеризованы как достояние профессионального коллективного творчества под совершенно актуальным сегодня слоганом «можем, когда хотим». На севере области было проведено более 2000 индивидуальных интервью и экспертных опросов и такое же количество на юге области.

Поскольку речь идет о тюменском «социокультурном облике», прежде всего хотелось бы подчеркнуть следующее. Как известно, на региональном уровне уже успешно на протяжении ряда лет осуществляется общеобластная программа «Содружество», существующая как результат договоренности между правительствами трех округов и имеющая важнейшее социальное значение для всего региона. В результате завершения Тюменской части проекта в области теперь имеется мощный социологический ресурс, позволяющий оценивать и сравнивать пространство жизнедеятельности населения в нескольких координатах: общероссийских, межрегиональных и, наконец, межрегиональных (межсубъектных) тюменских. Полученные результаты могут успешно работать и на дальнейшее осуществление программы «Содружество». В этом значительную роль играет оправдавший себя в создании «Портрета» методологический принцип разведовательно-описательного подхода, с одной стороны, отражающего специфику исследуемых субъектов Федерации как исторически сложившихся территориальных сообществ, с другой, тщательное измерение и анализ более 300 параметров, отражающих конкретно-практические проблемы населения, их специфику и иерархию, как на региональном уровне в целом, так на уровне трех его субъектов в отдельности. Конкретное знание структуры и уровня социального самочувствия населения и его отдельных групп, позволяет учитывать все показатели, переменные, коэффициенты и индексы не только при принятии управленческих решений но и в законодательной деятельности региона. Результаты исследований были доложены на заседании Тюменской областной Думы, где были выслушаны с большим интересом, и опубликованы отдельным изданием: «Социологический портрет Тюменского региона» под эгидой Тюменской областной Думы, Института философии РАН и ТюмГУ. По итогам исследования в конце 2006 г. издательством ТюмГУ опубликованы два сборника материалов Всероссийской научно-методической конференции «Опыт апробации типовой методики «социологический портрет региона» (грант РГНФ), общим объемом 20 п.л., которые в полном объеме отражают особенности социокультурных функций Тюменской области как сложнопостроенного субъекта Российской Федерации. Здесь подтвердилось и даже конкретизировалось предположение Н.И. Лапина о разбалансированности указанных функций в российских регионах. В регионе, который был исторически еще совсем недавно единым (до 1992 г.) формируется социокультурный макрорегион, который по базовым составляющим социального самочувствия населения: защищенность, самостоятельность, удовлетворенность жизнью, оптимизм – имеет коэффициенты выше среднего по стране и, следовательно, выше многих регионов России, но в то же время

эти компоненты различны и внутри макрорегиона. Понятно, что это связано естественно-историческими особенностями экономического и социокультурного развития регионов, и наложения этой специфики на начальный период рыночного развития в стране и в регионах. В своем анализе социального самочувствия населения Тюменской области Г.Ф. Ромашкина [2] указывает на такой интересный факт. Среди указанных выше коэффициентов социального самочувствия только один – «удовлетворенность жизнью в целом» ниже среднего по стране (хотя он более высок, чем все остальные по всем трем субъектам федерации), что говорит об определенном уровне критичности населения Тюменской области относительно достигнутого благополучия. Это свидетельствует о том, что полученные оценки могут быть сильно окрашены факторами сознания. Здесь можно привести и другой пример. Так, коэффициент защищенности от преступности в регионе в целом «лучше», чем в среднем по России. Однако объективно для Тюменской области состояние дел и статистика по преступности, ее динамика рассматривается как наихудшая по России. С другой стороны, многие показатели зависят от естественных социально-демографических характеристик анализируемых групп, и можно априорно утверждать, что для пожилого населения самой значимой угрозой будет бедность, а для населения моложе 50 лет, т.е. населения в активном трудовом возрасте, – угроза чиновничества и т.д. Следовательно, необходимо отделение естественных отличий показателей социокультурного пространства (блок-схемы проекта) от отличий в показателях, определяемых собственно факторами социокультурного развития. (Отметим, что в «Портрете» практически отсутствует важная черта, связанная с этническими особенностями исторического развития региона, что во многом предопределило и определяет характер административного, политического, экономического, социального и культурного развития северных округов как самостоятельных субъектов федерации). Это и является сутью процессов социокультурной дифференциации. Представляется, что именно последние факторы позволят определить выполнение регионами своих конституционных и законодательных функций по сбалансированности социокультурного развития. Эта сбалансированность не может быть достигнута на пути нивелирования экономического, социального, культурного и политического развития регионов. Естественное и этнокультурное разнообразие регионов России слишком велико, что при всем желании не позволит создать еще один «плавильный котел». Приведенные примеры указывают дальнейшее направление социологического поиска, а массив собранной информации позволяет, вне всякого сомнения, осуществить переход от «лишь обозначения многообразного содержания прямых и обратных связей между блоками» [1] к выявлению причинно-следственных связей смыслов жизнедеятельности людей в контексте прошлого и планируемого ими будущего. Представляется, что этот срез также является одним из несомненных достоинств проекта, который позволяет молодым, да и не только молодым исследователям, участникам проекта углубиться в сущность социологических проблем, составляющих основу социокультурной проблематики и совпадающих научных интересов.

Важной особенностью проведенного исследования является его методическая полнота для осуществления мегапроекта – составления социокультурного атласа России. Представляется, что показатели и переменные, включенные в блок-схемы изучения социального самочувствия населения и социокультурного портрета в целом, будут работоспособны в достаточно отдаленной перспективе. Это означает, прежде всего, наличие возможности осуществления программ мониторинга социального самочувствия населения по любым направлениям и показателям, заложенным в проекте, на всем пространстве региона, что и обеспечивает *научную фундаментальность проекта*.

Литература

3. *Лалин Н.И.* Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношение к институтам власти // Сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. Ч. II. – Тюмень: Изд-во Тюмгу, 2006. – С. 12.
4. *Ромашкина Г.Ф.* Социокультурный портрет Тюменской области: опыт эмпирического исследования // Сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. Ч. II. – Тюмень: Изд-во Тюмгу, 2006. – С. 161.

В.И. Мосин

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Тульская область расположена в центре Европейской части России. Это один из наиболее развитых промышленных регионов нашей страны.

Ещё с XII века здесь стали возникать города, наряду с Тулой, выросли Белёв, Одоев, Новосиль, Венёв, Алексин и другие. Жители современной Тульской области стали делиться на горожан и селян. Хоть и медленно, но росло количество городских жителей. Более быстрыми темпами рост городского населения наблюдается после того, как по приказу Петра I в Туле был заложен оружейный завод. В Туле стали образовываться целые, как бы сейчас сказали, кварталы жителей по ремесленному направлению. Места их расположения сейчас сохранили названия тульских улиц – Дульная, Ствольная, Оружейная, Замочная, Ложевая, Арсенальная, Штыковая, Курковая, Пороховая, Патронная и другие.

В XVIII веке уже были города Богородицк, Епифань, Кашира, Плавск.

В 1856 г. в Тульской губернии проживали 1 млн. 92 тыс. 473 человека, из них в городах – 94 тыс. 411 человек (8,6 %). Возникли города Крапивна, Чернь и другие.

В дальнейшем Ведомость о числе жителей Тульской губернии показывала следующие данные [1]:

Таблица 1

ГОД	КОЛИЧЕСТВО ЖИТЕЛЕЙ	В ТОМ ЧИСЛЕ В ГОРОДАХ	В ПРОЦЕНТАХ
1898 г.	1472771	Нет данных	–
1901 г.	1686532	171158	10,2 %
1902 г.	1717170	169995	9,9 %
1903 г.	1750707	173835	9,9 %
1904 г.	1772298	179979	10,2 %
1905 г.	1746792	181910	10,4 %
1912 г.	1983258	206448	10,4 %
1913 г.	2010749	210278	10,5 %

Численность городского населения постепенно росла, но в процентном отношении была на уровне 10 процентов.

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

После революции 1917 г. процесс роста городского населения в связи с индустриализацией страны начал расти более быстро. Появились новые города и рабочие посёлки: Товарковский, Шатск, Донской, Кимовск, Новомосковск, Узловая, Щёкино, Советск, Первомайский, Арсеньев, Киреевск, Кимовск, Заокский, Болохово, Липки, Куркино, Суворов, Лихвин, Ясногорск и другие. Некоторые сельские населённые пункты были преобразованы в рабочие посёлки, и их жители стали относиться к горожанам.

В 1928 г. Тульская область оформилась в её нынешних границах.

Постепенно численность городского населения превысила численность сельского населения.

Как менялась численность городского и сельского населения, видно из таблицы 2.

Таблица 2

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ*

(тыс. человек)

ГОДЫ	ВСЁ НАСЕЛЕНИЕ ТЫС. ЧЕЛ.	В ТОМ ЧИСЛЕ:		В ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ, В ПРОЦЕНТАХ	
		городское	сельское	городское	сельское
1959	1918,5	1160,5	758,0	60,5	39,5
1970	1952,5	1392,4	560,1	71,3	28,7
1979	1905,2	1487,7	418,5	78,0	22,0
1980	1902,7	1490,9	411,8	78,4	21,6
1985	1874,6	1500,2	373,4	80,0	20,0
1989	1867,0	1531,1	353,9	81,0	19,0
1990	1861,9	1515,6	346,3	81,4	18,6
1991	1855,0	1512,4	342,6	81,5	18,5
1992	1844,4	1505,4	339,0	81,6	18,4
1993	1839,8	1499,4	340,4	81,5	18,5
1994	1832,3	1491,3	341,0	81,4	18,6
1995	1825,7	1484,6	341,1	81,3	18,7
1996	1814,5	1475,7	338,8	81,3	18,7
1997	1800,8	1465,8	335,0	81,4	18,6
1998	1785,6	1453,9	331,7	81,4	18,6
1999	1769,0	1440,9	328,1	81,5	18,5
2000	1746,1	1423,5	322,6	81,5	18,5
2002	1675,8	1366,8	309,0	81,6	18,4
2007	1580,5	1265,0	315,5	80,0	20,0

Как видно из приведённой таблицы, Тульская область является одним из самых урбанизированных регионов России.

По численности населения из 18 регионов Центрального федерального округа Тульская область занимает 4-е место после Москвы, Московской и Воронежской областей. По уровню урбанизации – второе после Ивановской области.

Пик населения в Тульской области пришёлся на 1970 г. – 1952,5 тыс. жителей. Затем населения постепенно сокращается. При этом рост численности городского населения продолжает расти как в численном, так и в процентном отношении. Максимальная численность городского населения приходится на 1989 г. – 1531,1 тыс. чело-

* В таблице данные приведены: за 1959 и 1970 г.г. - по переписи на 15 января, за 1979 г. - по переписи на 17 января, за 1989 г. - по переписи на 12 января, за 2002 г. – по переписи на 9 октября, за остальные годы - оценка на 1 января соответствующего года.

век. Затем численность городского населения стабильно снижается на несколько тысяч человек в год и на 1 января 2007 г. составляет 1265,0 тыс. человек. Численность сельского населения сокращалась более медленными темпами. В целом за 10 лет с 1989 по 2000 гг. в процентном отношении городское население составляло 81 % от всего населения Тульской области.

С 2000 по 2007 гг. сокращение городского населения шло более быстрыми темпами, чем сельское. В количественном выражении городское население уменьшилось на 158,5 тыс. человек, а сельское население за тот же период времени уменьшилось на 7,1 тыс. человек. За этот период времени вначале произошло снижение сельского населения на 13,6 тыс. к 2002 г., а затем его рост к 2007 г. на 6,5 тыс. Процентное соотношение городского и сельского населения изменилось и вернулось на уровень 1985 г. – 80,0 % и 20,0 %.

На соотношение городского и сельского населения за период 2002 г до 2007 гг. повлияли как отток сельского населения, так и преобразования в административно-территориальном устройстве области. За этот период в результате изменения статуса шести сельских населенных пунктов численность городского населения увеличилась на 3,9 тыс. человек. Население Тульской области проживает в 70 городских поселениях (городах и поселках городского типа) и в 3368 сельских населенных пунктах. Более половины городского населения области (55 %) живут в городах с численностью 100 тыс. человек и более, это города Тула и Новомосковск.

При сравнении численности населения по городским округам и муниципальным районам Тульской области за 2000 г. и 2007 г. видно, что сокращение населения проходило практически везде. Только в Плавском районе городское население немного выросло, а в Дубенском районе оно осталось на прежнем уровне. Сельское же население на прежнем уровне осталось в Одоевском районе, а в Щёкинском и Суворовском районах немного прибавилось.

Сокращение численности городского населения проходило практически во всех городах и рабочих посёлках. Причём даже в Туле, куда ежегодно приезжают из других населённых пунктов люди, население за 7 лет сократилось почти на 2 тыс. человек.

Основная беда области – низкий уровень рождаемости и высокая смертность. И хотя в 2006 году умерло, по сравнению с 2005 годом, меньше на 2 тысячи человек, а родилось на 50 младенцев больше, в области устойчиво сохраняется естественная убыль населения. Число умерших превышает число родившихся в 2,6 раза.

Процесс сокращения населения в начале 2007 г. продолжает замедляться. В январе – апреле 2007 года органами ЗАГС области зарегистрировано 4076 родившихся и 11080 умерших. По сравнению с январем–апрелем 2006 года число родившихся уменьшилось на 3 человека (на 0,1 %), число умерших уменьшилось на 467 человек (на 4,0 %). Естественная убыль населения составила 7004 человека, что на 464 человека меньше, чем в январе-апреле 2006 года.

Число умерших в январе–апреле 2007 года превысило число родившихся в 2,7 раза (в январе–апреле 2006 года было в 2,8 раза). Число умерших мужчин уменьшилось на 301 человека (на 5,2 %) и составило 5529 человек (49,9 %), число умерших женщин - на 166 человек (на 2,9 %) и составило 5551 человек (50,1 %).

Миграция в другие города (по большей части в Москву) также имеет место, но не так сильно влияет на сокращение населения.

Интересно проследить, по какой причине происходил рост (с 2002 по 2007 гг.) численности сельского населения.

1. В сельскую местность переезжают из других регионов, бывших республик Советского Союза.

В настоящее время в Тульской области насчитывались 22 наиболее многочисленные национальности с численностью населения, превышающей 400 человек, в 1989 г. таких национальностей было 18. В связи с ростом численности населения в эту группу вошли таджики, чеченцы, аварцы, башкиры, выбыли из-за уменьшения численности населения казахи.

Русское население по-прежнему является наиболее многочисленным и составляет 95,2 % общей численности населения области.

Второе место по численности населения в области занимают украинцы (1,3 %). Русское население по-прежнему является наиболее многочисленным (1,6 млн. человек) и составляет 95,2 % общей численности населения области. Численность украинцев постепенно уменьшается. Также снижается численность евреев, немцев, белорусов. Уменьшилось число татар, молдаван, мордвы, чувашей, поляков, проживающих в области. В основном эти национальности жили в городах и рабочих посёлках. Многие выехали на свою историческую родину, и за счёт их отъезда уменьшилась численность городского населения.

Главным образом за счёт миграционного прироста значительно увеличилась численность армян, азербайджанцев, грузин, лезгин, чеченцев, таджиков, цыган. Эти мигранты селились, в основном, в сельской местности, увеличивая её численность.

2. Немало горожан, после выхода на пенсию, решили переселиться из городов и рабочих посёлков в сельскую местность на постоянное место жительства.

3. В сельскую местность стали возвращаться её жители из Москвы и других городов, куда они уезжали на заработки. В Тульской области сейчас много малоквалифицированной рабочей силы из других государств, готовых трудиться на грязной и трудной работе за низкую заработную плату. 5-6 лет назад этой работой занимались приезжие из сельской местности, но за деньги, которые нельзя заработать на селе. Сейчас положение изменилось и работодатели, особенно в Туле и Новомосковске, охотно берут на работу приезжих из других государств, которые работают весь световой день, и платят им в несколько раз меньше, чем рабочим из соседней деревни. 5074 иностранца получили на начало июня 2007 г. разрешение на работу в Тульской области. Большинство приезжают из Узбекистана, Таджикистана, Молдовы и Украины. По данным миграционной службы, поток гастарбайтеров в этом году увеличился более чем в полтора раза. Это значит, что немало селян, приехавших на работу в города, особенно в Тулу, вернутся к себе на село.

4. Раньше молодёжь из сельской местности, приехавшая на учёбу в города, старалась осесть там навсегда и не возвращались домой. Сейчас, в связи с большой безработицей среди молодёжи в городе, выпускникам вузов и других учебных заведений из сельской местности найти работу в городе очень сложно. Многие просто возвращаются домой в сельскую местность и пытаются там как-то выжить или заняться фермерством.

Конечно, демографическая обстановка в Тульской области далека от желаемой. И её улучшение зависит, в основном, от роста уровня рождаемости, так как в течение ближайших лет нет оснований ожидать быстрого перелома в уровне смертности. По прогнозам Росстата, смертность в Тульской области опять начнет расти уже с 2011 года в результате «старения» населения, т.е. увеличения доли лиц старшего возраста.

Кроме того, существует особенность демографического развития, так называемые «демографические волны», когда периодически наблюдаются резкие спады рождаемости. Они эхом, постепенно затухая, отзываются каждые 25-30 лет в дальнейших поколениях. Очередная «демографическая волна» ожидается уже во втором десятилетии XXI века. В Тульской области, по прогнозам демографов, через 10 лет на

1000 нетрудоспособных туляков будет всего 749 трудоспособных. Чтобы не было такого соотношения, каждой женщине сейчас необходимо рожать по 5 детей.

Повернуть вспять негативные процессы в демографии области может только очень существенный подъем рождаемости.

Принимаемые государством меры по «стимулированию» рождаемости очень важны и нужны, и только они помогут перейти к типовой двух-трехдетной семье.

В Тульской области принимаются активные меры по стимулированию рождаемости, и это приносит свои плоды. В 2007 г. наметился процесс роста рождаемости в области. Тульский областной родильный дом попал в тройку лидеров среди российских перинатальных центров по числу малышей, родившихся здесь с января по июнь 2007 г. Он занял почетное второе место. «Золото» – у Краснодарского роддома, «бронза» – у Ханты-мансийского. По словам тульских медиков, в губернии увеличилось количество повторнородящих женщин, а в основном это женщины старше 30 лет. Хотя за материнским капиталом очередей пока не наблюдается. Всего с начала года в Тульской области родились 4070 малышей, в том числе 27 двоен, и тулячки уже опередили показатель прошлого года – 24 двойни. К сожалению, акушеры и педиатры констатируют, что только половину из появившихся на свет младенцев можно считать абсолютно здоровыми. 1 кг 120 г. – с таким весом в этом году появился на свет самый маленький туляк в областном родильном доме. Малышу ничего не угрожает. Самый крупный вес новорожденного в 2007 году составил 5 кг 860 г. Но, как говорят акушеры, до конца года этот рекорд ещё может быть побит.

За январь–март 2007 года в самой Туле родились 910 человек (на 3,3 % больше, чем в 2006 г.), а умерло – 2293 человека (93,3 % от уровня 2006 г.).

Родителей, которые решились на второго и более ребенка, не так уж много. В 2006 году только у 3,6 тысяч женщин появился второй малыш, а третьего и более ребенка отважились завести всего 930 матерей. По сравнению с 1990 годом, вторые по счету дети стали появляться у матерей в 2 раза, а третьи – в 2,5 раза реже.

В прошлом году 16 тысяч потенциальных мам обратились в медицинские учреждения, чтобы прервать беременность. На каждые 100 родов в течение года приходилось 130 аборт. И всё-таки внушает надежду то, что у туляков есть желание вступать в брак и иметь детей. Желающих связать себя узами Гименея больше, чем желающих их прервать. В 2006 году 11,5 тысячи пар стали семейными, а разошлись 7 тысяч пар.

Как говорит статистика, в Тульской области наиболее высокая рождаемость наблюдалась среди женщин, состоящих в браке (в среднем 1,6 рождённых ребёнка одной женщиной). Среднее число детей, рождённых женщинами, занятыми в экономике, составило 1,3 ребёнка.

В органах ЗАГС Тульской области в январе–апреле 2007 года зарегистрировали брак 3170 пар, а 2224 пары его расторгли. По сравнению с соответствующим периодом 2006 года, число браков увеличилось на 346 (на 12,3 %), число разводов – на 49 (на 2,3 %). В расчете на 1000 браков в январе – апреле 2007 года зарегистрированы 702 развода против 770 в январе – апреле 2006 года.

В областном центре разводов стало больше, в первом квартале 2007 г. года распалось 558 семей. По данным Туластата, в прошлом году за этот же период брачные узы разорвали в 520 случаях. Зато поженились на 45 пар больше. С начала года в Туле образовались 674 новые семьи.

В Туле началась выплата компенсаций части родительской платы за содержание детей в детских садах. Ежемесячный взнос за воспитание ребёнка в дошкольном учреждении сейчас начинается от 600 рублей. За первенца родители получают компенсацию 20 % от этой суммы, если в семье 2 ребёнка – компенсируется 50 %, за троих –

70 %. Деньги перечисляются на лицевые счета родителей. Из 3 млн. 700 тыс. рублей на счета уже поступили 2 млн. 50 тысяч.

Сейчас в городской очереди на попадание в дошкольные учреждения стоят около 4 тысяч детей. Садики катастрофически не хватает. Управление образованием областного центра намерено до конца года открыть в Туле 7 дополнительных групп. В перспективе – ввод в эксплуатацию детского сада в Пролетарском районе, сейчас там идут ремонтные работы.

Тульские детские лагеря готовятся к приёму отдыхающих. До конца первой недели июня завершилась приёмка оздоровительных баз. В этом году за счёт бюджетных средств будут отдыхать только ребята из трудных семей – это около 1100 юных туляков. Благополучные дети поедут за счёт средств предприятий, на которых работают родители. Папам и мамам предлагается оплатить лишь 15–20 % от стоимости путёвки.

Для снижения уровня смертности медицинские учреждения оснащаются новой техникой. В июне этого года Тула активно участвовала во Всероссийской выставке медицинских технологий «Уралмедика», которая проходила в Челябинске. На выставке представлено всё, что может понадобиться медикам, будущим мамам и людям, заботящимся о своём здоровье, – современное медицинское оборудование, медицинская техника и инструментарий, лекарственные препараты и игрушки для детей.

Туле очень нужен ёмкий банк крови, а в губернии всего около 11 тысяч доноров. Должно быть, как минимум, в два раза больше. Банк компонентов крови должен пополняться ежедневно. И он пополняется, но, к сожалению, не в тех объемах, которые могут потребоваться в случае чрезвычайной ситуации. Каждый день тульским больницам нужно от 5 до 20 литров компонентов крови. Круглые сутки запас крови важен тульским родильным домам. Тяжёлые роды – сегодня такая отметка в медицинских карточках тулячек совсем не редкость. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно на планете во время сложных родов уходят из жизни более полумиллиона женщин. Самая распространенная причина трагедий – потеря крови. 14 июня во Всемирный день донора в Туле проводилась массовая разъяснительная работа в СМИ о необходимости помогать донорам.

Разрабатываются различные мероприятия для того, чтобы жители области отказались от вредных привычек, которые сокращают им жизнь.

31 мая был Международный день отказа от табака. Тульские медики констатируют: количество курильщиков в Тульской области растёт. Причем всё чаще на улицах города с сигаретой встречаются представительницы прекрасного пола. Статистика говорит сама за себя: среди тульских курильщиков 70 % мужчин и 30 % женщин. В 75 % случаев туляки пристрастились у табаку в подростковом возрасте. Из причин сигаретной зависимости врачи называют любопытство, желание выделиться и охоту расслабиться.

В Туле появится Ледовый дворец. Уже осенью будет заложен фундамент гигантского суперсовременного спортивного сооружения. Стадион будет двухуровневым. Внизу разместятся коммерсанты с магазинами и кафе, а на втором уровне за счёт средств, полученных от предпринимателей, планируется возведение спортивной площадки. Комплекс будет отвечать всем мировым стандартам. Всего в России планируется строительство 5 таких дворцов. Осенью, зимой и весной в крытом стадионе будет работать каток, а летом авторы проекта планируют открытие теннисных кортов и велотрека. По предварительным оценкам, новая стройка обойдется в 240 млн. рублей.

Чтобы школьники могли заработать деньги во время каникул Тульский центр занятости проводит мероприятия по их трудоустройству в летнее время. У тульских школьников есть все шансы заработать этим летом до 6 тысяч рублей. Как говорит

статистика, среди работающих подростков в летнее время бывает гораздо меньше несчастных случаев (особенно в городе), чем среди тех, кто просто отдыхает.

Эти и некоторые другие мероприятия, несомненно, положительно скажутся на снижении смертности населения Тульской области. К сожалению, ими в полной мере немало сельских жителей воспользоваться не смогут. Нередко сельские жители просто не могут приехать в районную поликлинику, где установлено новое медицинское оборудование, т.к. погода плохая и здоровье не позволяет совершать автобусные поездки. Поэтому мероприятия по повышению рождаемости и сокращению смертности коснутся, в основном, только горожан. Учитывая это, можно прогнозировать, что в ближайшее время сокращение численности городского населения в Тульской области замедлится, а вот сельское население продолжит сокращаться прежними темпами.

Литература

1. Северов В.И. Города и селения Тульской области в XIX веке. – Тула, 2004. – С.171-174.

М.Н. Муханова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ*

В последние десятилетия XX века Россия вступила в период радикальной трансформации, которому сопутствует глубокий кризис во всех сферах его пространства. Это и обусловило регионализацию, проявляющуюся в качественном многообразии способов организации жизнедеятельности, детерминированного социокультурными факторами. Значимость данной темы состоит в том, что назрела потребность познания общероссийских процессов через анализ ситуации в отдельно взятом его субъекте. Смыслом и значением составляющих социокультурные процессы являются следующие соотношения: растет ли поддержка современных ценностей, по сравнению с традиционными, снижается ли влияние патернализма на поведенческие ориентации населения региона при решении жизненно важных проблем. Посредством каких структур осуществляются эволюция структуры социокультурных функций региона и насколько они эффективны? [1]. В данном случае интерпретация социокультурного процесса детерминируется взаимодействием социального и культурного на основе анализа современных процессов сквозь призму взаимосвязи прошлого и настоящего (советского и постсоветского). При изучении особенностей социокультурных связей в региональном сообществе мы анализируем два вида связей: использование социального опыта, опирающегося на традиционные культурные детерминанты и модернизированные культурные связи. Анализ взаимодействия между субъективными представлениями и способностями индивидов (как культурное) и ограничениями объективных условий региональных структур (как социальное) позволяет увидеть, как старое сопротивляется новому, как новое вбирает или преодолевает старое, что рождается в результате взаимодействия старого и нового [2]. Например, развитие личного подсобного хозяйства, высокий рост производства сельхозпродукции и его доминирование в аграрной отрасли Калмыкии могут рассматриваться не только в качестве ресурса выживаемости сельского населения, но и как проявление новых социальных практик, внедрения старого трудового, культурного опыта хозяйствования в систему новых социальных отношений (рынок, кризис). Использование традиционной практики труда как ресурса стратегии дальнейшего расширения хозяйства, ее трансформация в мелкотоварное

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 07-03-36302а/Ю).

производство стали впоследствии стратегией рыночного поведения сельского населения.

Таким образом, социокультурный подход к изучению региональных трансформаций трудовых практик выявляет историчность, динамичность происходящих изменений, связанных с культурным прошлым (традиционным, советским, плановым), и специфику современных процессов в данной сфере [2].

Общая характеристика региона. Республика Калмыкия расположена в наиболее засушливой части Русской равнины на стыке нижнего Поволжья и степного Кавказа. Население по состоянию на 2002 г. составляет 299 тыс. человек, в том числе сельское – 162,7 тыс. (55,7 %).

Сельское хозяйство является регионообразующим основанием республики. Специфические природно-климатические условия и характер земельных угодий, 4/5 которых представляют собой естественные кормовые угодья, обусловили тип хозяйствования калмыков – животноводство, специализирующееся на тонкорунном овцеводстве и мясном скотоводстве, что исторически во многом определило отраслевую структуру занятости населения. Вероисповедание – буддизм, существенно влияющий на традиции, образ жизни, культуру и менталитет народа.

В советский период республика характеризовалась как один из наиболее отсталых, бедствующих в социально-экономическом и экологическом отношениях регионов России, слабо затронутых индустриализацией и урбанизацией: 2/3 населения проживали в сельской местности. Особой проблемой в республике была и остается деградация земель, обусловленная опустыниванием, засоленностью почв, нехваткой пресной воды.

К началу 90-х годов в Калмыкии в аграрном секторе было задействовано – 34 % от общего числа рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, в промышленности – 11,1 % занятых в народном хозяйстве. Республика оставалась одним из наиболее дотационных регионов в Советском Союзе. Ее доходы обеспечивали лишь четверть ее бюджетных расходов. В таком неоднозначном положении находилась республика, когда ее население встретило социальные изменения 90-х годов.

Аграрные реформы, начатые в начале 1990 г., оказали наиболее разрушительное действие на Калмыкию как на сельскохозяйственный регион. Отказ от планового ведения хозяйства и переход к рыночным отношениям потребовал расширения экономической самостоятельности предприятий и организаций, изменения форм собственности. В связи с этим в республике, как и в целом по стране, началась широкомасштабная кампания по разгосударствлению реального сектора экономики. О масштабах урона, нанесенного сельскому хозяйству, говорят данные таблицы 1. Спад сельхозпроизводства произошел в результате катастрофического уменьшения численности скота. За десятилетие (1990 – 2000 гг.) поголовье крупного рогатого скота сократилось в 2 раза; овец – 4 раза; производство мяса в 4 раза; молока 2,5 раза; полностью утрачено каракульское овцеводство. В настоящее время в сельском хозяйстве заняты 28,3 % (в 1990 – 34 %) от общего числа работающих в отраслях экономики региона и 50 % от общего числа трудоспособного сельского населения.

Для республики характерна «сельская безработица», составившая в 2005 г. 23,6 % среди сельского населения или 70 % от общей численности зарегистрированной безработицы, в том числе женщин 63 % и молодежи в возрасте 16–29 лет – 27 % [3, с. 2]. Средняя зарплата в АПК в 2005 г. составляла 700–1600 руб. Безработица вызвана, прежде всего, высоким ростом как внутренней, так и внешней миграции сельского населения. Колхозы и совхозы реорганизовывались за последнее десятилетие несколько раз, что повлекло за собой сокращение рабочих мест и резкий спад сельскохозяйственного производства. Как же на этом фоне выживает сельское население региона, какова его стратегия и тактика поведения?

Показатели сельхозпроизводства всех форм хозяйствования

ГОДЫ	ЧИСЛЕННОСТЬ ПОГО- ЛОВЬЯ (ТЫС.)		ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКТОВ, ЖИВОТНОВОДСТВА (ТЫС. Т.)			
	Крупный рогатый скот	Овец	Мясо	Молока	Шерсть	Яиц (ТЫС.ШТ.)
1980	124,8	3240,7	40,1	108,8	10,7	36,0
1990	122,7	3154,9	55,8	112,7	10,6	45,9
1995	100,3	1723,1	36,3	77,2	5,7	10,9
2000	68,8	793,5	9,5	48,0	2,4	29,3
2005	212,9	1548,0	43,3	72,0	4,0	36,2

Источники: [3,10, 13]

Исследование, проведенное в Калмыкии в 2002 г. показало, что 17,5 % опрошенных живут *только* на доходы от личного подсобного хозяйства. Для 33,0 % сельских респондентов *преобладающим* источником дохода, наряду с пенсией, зарплатой и пособиями, стало личное подсобное хозяйство. В эту группу входят механизаторы, сельские рабочие, животноводы. Только 30 % опрошенных респондентов *основным* источником дохода назвали зарплату – это учителя, врачи, сельские чиновники [4]. По данным переписи населения 2002 года, 26 тыс. жителей (16 %) Калмыкии указали на то, что личное подсобное хозяйство (ЛПХ) является для них источником существования, а для 6,5 тыс. жителей (4 %) оно является *единственным* источником существования [5, С. 2].

Роль личных подсобных и фермерских хозяйств. С начала аграрных преобразований основой выживания для большинства сельских жителей стал неформальный сектор экономики, в частности личное подсобное хозяйство. Часть семей регулярно продают мясо и молоко, что служит для них основным источником дохода. Менее обеспеченные семьи, обладающие небольшим поголовьем скота, продают его лишь в случае крайней необходимости. Все селяне признают, что скот служит показателем благосостояния и средством решения жизненных проблем – возможность поступить в вуз, сыграть свадьбу, приобрести жилье. Это знак и показатель высокого статуса, и средство урегулирования отношений с властными институтами, и основа социальной мобильности [6, С. 45].

В настоящий период, по данным сельскохозяйственной переписи, в Калмыкии насчитывается в сельской местности около 51 тыс. личных подсобных хозяйств, из них около 1/3 домохозяйств занимается мелкотоварным производством. В 2005 г. как и в предыдущие годы, основными производителями сельскохозяйственной продукции стали семейные хозяйства. В общем объеме производства их продукция составила 43 %, по сравнению с сельхозпредприятиями (37 %) и крестьянско-фермерскими хозяйствами (20 %) [7, С. 167]. Удельный вес производства сельхозпродукции в ЛПХ республики выше, чем в целом по России, то есть роль ЛПХ усилилась в агропромышленном комплексе в регионе. Особенно велика их доля в производстве животноводческой продукции, составляющем более 76 % мяса; 75 % молока; 97 % яиц. Сегодня ЛПХ доминируют на потребительском рынке, рынке сельскохозяйственного труда и капитала. В рамках проекта «Развитие АПК» получили льготные кредиты пока 1100 из 51 тыс. ЛПХ, т.е. 0,2 %.

В результатах обследования 3000 сельских домашних хозяйств, проведенного Госкомстатом Калмыкии в 2006 г. [8], проявились особенности их развития и место в

трудовой жизнедеятельности сельского населения.

Личное подсобное хозяйство для 46 % селян является основным занятием. Среднее количество часов в неделю, которое они тратят непосредственно на работу в хозяйстве, составляет 25 часов; из них молодые работники в возрасте 16–24 лет – около 30 часов.

Кроме того, 53 % опрошенных занимаются ведением ЛПХ в свободное время от основной работы и затрачивают в среднем 18 часов. Из них имеют постоянно оплачиваемую работу 43 % респондентов, где равно по 50 % представлены мужчины и женщины. Наряду с этим, 75 % опрошенных глав домохозяйств работают в качестве наемного работника; являются членами кооператива 7,3 %; самозанятые без наемного работника – 6,0 %; самозанятые с использованием наемных работников – 2 %. Если рассматривать глав домохозяйств по полу, то наиболее активны в сфере ведения ЛПХ 89 % мужчин и 82 % женщин. Возраст обеих групп колеблется от 45 до 54 лет. Молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет (78 %) в большинстве своем считают работу в ЛПХ помощью старшему поколению, а остальные 22 % молодых считают ЛПХ основным видом труда и затрачивают на него в среднем 29 часов в неделю.

Как известно, труд в личном подворье не механизирован, фактически полностью ручной и требует колоссальных физических сил, крепкого здоровья селянина. В такой труд в основном вовлечены люди среднего или пожилого возраста. Сельская молодежь предпочитает перебраться в город или заниматься другими видами труда. Отсутствие надлежащей инфраструктуры по обслуживанию ЛПХ и обеспечению их деятельности не позволяет этим хозяйствам выйти на современный уровень производительности труда и эффективности производства. Примечательно, что в Калмыкии, как и везде по России, аграрные реформы привели к возрождению традиционной семейной экономики, архаизации аграрного производства, рынка труда, обеспечивающих выживание крестьян и сохранение сельского социума в кризисных условиях. Экономическое поведение в личном подсобном хозяйстве может служить критерием оценки активности-пассивности сельских жителей в их стремлении к максимальному использованию имеющихся возможностей для обеспечения приемлемого уровня жизни.

Каковы же перспективы развития ЛПХ в регионе не только как основного поля трудовой деятельности, но и как рычага обеспечения материального достатка селян, развития предпринимательства, способного приобщить их к реальному рынку не только в производстве сельскохозяйственной продукции, но и переработке, хранении, реализации ее. Готовность производить отчисления части своих доходов на инвестирование, развитие своих хозяйств выразили 20 % мужчин из 62 % глав ЛПХ и 15,4 % женщин из 45,6 % глав домохозяйств. Среди готовых пройти обучение и профессиональную переподготовку самой многочисленной группой оказались селяне в возрасте от 25 до 44 лет. Готовность обучаться ведению ЛПХ выражают 19 % мужчин и 22,3 % женщин. Данную возрастную группу можно назвать наиболее подготовленной для дальнейшего развития и расширения своих хозяйств.

Рассмотрим установки респондентов на смену местожительства в поисках работы или лучших условий жизни. Не намерены покидать местожительство 72,5 % мужчин и 73,2 % женщин. Остаться селянином подтверждают те, кто не имеет личного хозяйства, но хотели бы его организовать. Таких 18,4 % мужчин и 57,0 % женщин. Примечательно, что высокая доля женщин готовых организовать свое ЛПХ, приходится на возрастные группы женщин 16 – 24 лет – 80 %; 25–34 лет – 31 %; 35 – 45 – 30 %.

Результаты исследования показали, что основным препятствием в создании и дальнейшем развитии ЛПХ респонденты называют отсутствие финансовых средств и необходимого земельного участка. Сегодня для региона это главная проблема, препятствующая развитию ЛПХ.

В 1991 г. на российском сельском пространстве появился новый актер – фермер, которому предсказывали большое будущее. В Калмыкии фермерское движение действительно получило широкий размах. Это во многом связано с льготами по налогам и кредитам, с возможностью приобрести технику по доступным ценам, получения земли и государственной поддержкой. В фермеры пошли в основном представители сельской интеллигенции: агрономы, зоотехники, инженеры, сами председатели колхозов, директора совхозов. В результате, коллективные хозяйства потеряли наиболее активных, предприимчивых людей. После отмены первоначальных льгот в середине 1990-х фермеры оказались в худших условиях, чем коллективные хозяйства. Тем не менее рост фермерских хозяйств продолжается: если в 2002 г. насчитывалось 1685 таких хозяйств, то в 2006 г их уже было 2027 г., хотя стабильно и с прибылью работают не более 300 фермерских хозяйств. Из них 270 получили льготные кредиты на 500 млн. руб. Доля фермерских хозяйств в валовой продукции сельского хозяйства ежегодно возрастает: в 2000 г. она составила 6 %, а в 2005 – 20 % [7, С. 167]. Остальные, имея статус фермерских хозяйств, функционируют как личные подсобные хозяйства [9]. В настоящее время на долю фермерских хозяйств приходится 11 % всех сельскохозяйственных угодий республики и 13 % пашни [10, С. 259].

Как в республике работает национальный проект. Принятие национального проекта по развитию сельского хозяйства в 2006 г. стало переломным моментом: вплотную приступили к реальному предоставлению и оформлению прав собственности на землю и аграрную недвижимость. В настоящее время в Калмыкии большая часть земельных долей и сельскохозяйственного имущества (80 %) юридически бесхозна [11]. Для сравнения скажем, что в Краснодарском крае еще в 2001 г. в собственности или в аренде состояло 80 % земли сельскохозяйственного назначения [12, С. 95]. Работа в республике по земельной реформе, безусловно, велась. Принимались различные нормативные документы, но правовая база земельного регулирования недостаточно была проработана в центре. И все же к 2000 году свидетельства на права собственности на землю получили более 3130 сельских жителей [13, С. 200]; около 13 тыс. ЛПХ из 51 тысячи располагают земельным участком, средний размер которого составляет 0,64 га. [11]. Только после того как земельные участки, сельхозтехника, животноводческие помещения обретут хозяина, заработает рынок в аграрном секторе, но одновременно усилятся и социальная дифференциация на селе.

В республике до сих пор не выдано ни одного земельноипотечного кредита, потому что у крестьян фактически нет залоговой базы – земли. В мировой практике земля – самая надежная форма кредитования для банка, т.к. цена ее не подвержена девальвации, а владелец земли вызывает доверие у любого банка. Сегодня не только в Калмыкии, но и в целом по стране 80 % кредитов выдано под залог животных. Такого в мировой практике нигде не наблюдается. По данным последней сельхозпереписи 2006 г., в регионе за 138 сельхозпроизводителями закреплено 3млн. 20 тыс. га пастбищ. Ориентировочная цена эксплуатации одного гектара в регионе около 100 руб. в год, следовательно, 300 млн. руб. находится в теневом обороте. По мнению экспертов, эти финансы могут выйти из теневого оборота, поскольку любой чабан готов платить эти деньги по правилам и нормам, потому что поборы, налагаемые на него директором, агрономом, зоотехником и другими управленцами сельскохозяйственного производственного кооператива (СПК), обходятся ему намного дороже [11]. Это, во-первых. Во-вторых, тормозом реализации национального проекта в республике является ситуация с арендой земли. Суть ее состоит в том, что сельская администрация оформляет договор на год. Арендатор или крестьянин приходит в банк, но ему отказывают в кредите из-за краткосрочной аренды земли. Понятно, что чиновникам выгодно оформить арендный

договор на год. Ведь через год это новые доходы от накладных расходов и разных других поборов. В этом еще один ресурс теневых доходов для чиновников [11]. Все это происходит несмотря на то, что существует важное положение регионального закона «Об основах регулирования земельных отношений в Республике Калмыкия», по которому договор аренды на землю следует заключать на 49 лет. Поэтому аграрии республики просят Госдуму РФ внести поправку, суть которой заключается в том, что не только собственная, но и арендованная на длительный срок земля могла бы быть залогом при получении долгосрочных кредитов. В-третьих, важная проблема – отсутствие контроля за оборотом денежных средств среди фермеров и владельцев личного подсобного хозяйства, что оказывает негативное влияние на функционирование институтов социальной политики в сельской местности. Основное поголовье сконцентрировано в этих хозяйствах. Но никто не может с уверенностью сказать, сколько у фермеров и ЛПХ находится на сегодняшний день поголовья скота. Как видно из таблицы 2, рост поголовья крупного рогатого скота в фермерских хозяйствах составил почти в 6,5 раз, овец в 7 раз. В ЛПХ соответственно: КРС в 3,5 раза, овец в 5 раз. Так ли это на самом деле, покажут итоги сельскохозяйственной переписи, а вместе с этим и реальные доходы крестьян [9]. Например, уже в 2000 г., по данным статистики, доходы населения от ЛПХ в месяц составляли 512 руб., а средняя зарплата всего лишь 390 руб. [10, С. 272]. Понятно, что и эти доходы в сумме, покрывают прожиточный минимум лишь на одного человека, который составлял в регионе в тот период около 700 руб. По данным Министерства сельского хозяйства средняя зарплата аграриев в 2005 г. составила 1673 руб., вместе с натуроплатой. Есть такие хозяйства, где месячный заработок не превышал 700 руб. Но даже в успешных, богатых хозяйствах (СПК) зарплата максимально достигала 1300 руб. [15]. Другая часть идет бартером и натуроплатой, что минимизирует поступления в местные бюджеты и ставит под угрозу пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, образование, социальное страхование на селе.

В регионе слабо велась работа по созданию заготовительных и снабженческо-сбытовых организаций, сельскохозяйственно-потребительских кооперативов. Они должны были вытеснить с рынка перекупщиков и посредников всех мастей, снимающих все «сливки» сельскохозяйственного производства по заниженной себестоимости. Во многом от них зависели доходы крестьян. Сегодня в республике создано 19 сельскохозяйственных потребительских кооперативов, в том числе 11 снабженческо-сбытовых и 8 перерабатывающих. Все более уверенно заявляет о себе сельская кредитная кооперация: функционируют 24 таких кооператива, получившие займы на сумму более 57 млн. руб. В 2006 г. в рамках национального проекта «Развитие АПК» сельхозпроизводители (СПК) заключили долгосрочные кредитные договоры на строительство и модернизацию 54 животноводческих объектов на сумму 220 млн. руб., и уже сдано 48 объектов [16].

Наличие скота и структура производства основных сельхозпродуктов по категориям хозяйств

Наличие скота (тыс.гол.)	Сельхозпредприятия (СПК)		Хозяйства населения (ЛПХ)		Фермерские хозяйства (КФХ)	
	1999	2005	1999	2005	1999	2005
Крупный рогатый скот	62000	77200	56150	106514	5900	36896
Овцы	403000	572900	198275	577078	55280	429170
Производство с/продукции						
Мясо (т.)	4602	5300	12868	30734	1910	4262
Молоко (т.)	3041	1583	37920	53154	3539	15240
Яйца (тыс.шт.)	18358	108	24372	35345	50	780
Шерсть (т.)	1358	2024	662	1557	203	433

Источник [7].

Таким образом, несмотря на проблемы, препятствующие реализации национального проекта, животноводческая отрасль в Калмыкии развивается более динамично, чем это предусмотрено проектом АПК. Сельхозпредприятия республики завершили 2006 г. с чистой прибылью 200 млн. руб., что на 30 млн. руб. больше, чем в 2005 г. Валовой продукции произведено на сумму 4,6 млрд. руб. Для сравнения: в 2000 г. этот показатель составлял 1,3 млрд. руб. Прирост поголовья скота КРС составил, по сравнению с 2005 г., 16,3 %, овец – 15 %. По темпам наращивания поголовья скота, его численности Калмыкия занимает первое место в России.

Таким образом, национальный проект медленно, но верно служит подъему сельскохозяйственного производства, повышению производительности и экономической эффективности хозяйствования, изменению мотивации труда, созданию действительных материальных стимулов к сельскохозяйственному труду. Его результаты отражаются не только на крупных СПК, они вселяют уверенность в развитии ЛПХ, расширяют поле и объем деятельности крестьянско-фермерских хозяйств, которые тоже по степени набирают силу.

Существующую ситуацию в регионе, пожалуй, достоверно и точно охарактеризовал Председатель парламента (Народного Хурала) И. Кичиков: «Сегодня наш бюджет РК держится на сельском хозяйстве, на аграрниках, которые в последние годы самостоятельно, без помощи государства, потихоньку поднимают отрасль» [17]. Смысл и значение этих слов не только отражает текущую ситуацию в регионе. Традиция и культура хозяйственной жизни народа стала его ресурсом адаптации, выживаемости, поиска новых хозяйственных практик, где помощь государства, в лице региональной власти, пока занимает весьма скромное место.

Литература

- 1 Липин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основания исследования // Социологические исследования. – № 8. – 2006. – С. 23.
- 2 Темницкий А.Л. Исследовательские возможности категории «социокультурность» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2007. – № 24. – С.81-101.
- 3 Рынок труда: есть проблемы, есть решения // Элистинская панорама. – 2005. – 28 мая.

- 4 Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В., Муханова М.Н., Орехова И.М. Социальные проблемы развития Калмыкии // Мониторинг общественного мнения ВЦИОМ. – 2004. – № 3. – С. 25-36.
- 5 Занятость населения: снизить безработицу, повысить доходы // Известия Калмыкии. – 2005. – 12 июля.
- 6 Бочарова О. Выживание в российской глубинке // Мониторинг общественного мнения ВЦИОМ. – 1999. – № 5. – С. 42-47.
- 7 Калмыкия в цифрах, 2005. Статистический сборник. – Элиста. – 2006.
- 8 Эльдеева Н. А. Анализ социально-демографического профиля занятости в сельском хозяйстве населения Калмыкии // Вопросы статистики. – 2006. – № 10. – С. 44- 48.
- 9 Экономическая ситуация в республике требует незамедлительных действий. Интервью Сенглеева В.- министра экономики Калмыкии // Известия Калмыкии. – 2006. – 18 января.
- 10 Бадмахагалгаев Л.Ц. Хозяйство Калмыкии: эволюция и потенциал устойчивого развития. – Элиста. – 2003.
- 11 Главные ресурсы – земля и люди. Интервью Павлова С.- Председателя Россельхозбанка РК // Известия Калмыкии. – 2006. – 25 ноября.
- 12 Хагуров А.А. Земельная реформа на Кубани: региональный срез // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 92-99.
- 13 Илюмжинов К.Н. Калмыкия в политическом и экономическом пространстве России. Научный редактор Санджиев Б.Ц. Элиста. 2002.
- 14 Болдуринова Е. Национальный проект дает Калмыкии уникальный шанс // Известия Калмыкии, – 2006. – 8 февраля.
- 15 Живем или выживаем. Известия Калмыкии, – 2005. – 6 февраля.
- 16 Без стабильной господдержки селу не обойтись. Интервью О. Демкина – министра сельского хозяйства Калмыкии // Известия Калмыкии. – 2006. – 20 декабря.
- 17 Араева Н. Голос района будет услышан // Парламентский вестник Калмыкии. – 2005. – 30 сентября.

Н.А. Овчар

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Информационное общество – ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли инфокоммуникаций, информационных продуктов и услуг.

В нормативных документах информационное пространство рассматривается как совокупность баз и банков данных, технологий их ведения и использования информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим правилам, обеспечивающим информационное взаимодействие организаций и граждан, а также удовлетворение их информационных потребностей. Иными словами, единое информационное пространство складывается из таких компонентов, как:

- информационные ресурсы;
- организационные структуры;
- средства информационного взаимодействия граждан, организаций, органов государственной власти.

Формирование и развитие единого информационного пространства, таким образом, предусматривает, в первую очередь, обеспечение оперативного доступа к имеющимся информационным ресурсам, изменение порядка распределения, установление

правил доступа к информации, обеспечение своевременности информирования, безопасность и сохранность информации.

Однако, как показывают исследования, у нас развиваются только отдельные составляющие единого информационного пространства. Работы ведутся в рамках федеральных программ, программ субъектов федерации и органов местного самоуправления, в частности, в рамках федеральной целевой программы «Электронная Россия 2002-2010», предусматривающей выполнение большого объема работ по созданию систем информатизации различного назначения.

Для реализации задач ФЦП на территории Волгоградской области были созданы и реализованы местные программы. Анализ эффективности работающей государственной программы в Волгограде и области позволяет признать, что уже немало сделано по созданию образа города в Интернете, где каждый пользователь из любой точки земного шара может узнать о жизни города. Так, создан значительный объем муниципальных информационных ресурсов и систем, объединены в единую высокоскоростную информационно-вычислительную сеть 47 подразделений администрации Волгограда протяженностью 90 км, организован Центр телекоммуникаций для обеспечения доступа отраслевых и территориальных структурных подразделений к муниципальным информационным ресурсам Волгограда, обеспечена информационная безопасность при работе с муниципальными информационными ресурсами, созданы информационные порталы.

Но остается большой объем нерешенных проблем, среди которых отсутствие единых систем электронного документооборота, реестров муниципальных учреждений, объектов социальной сферы и автоматизированные информационные системы ведения реестров, планирования, учета расходов, неразвитость инфраструктуры телекоммуникаций органов власти Волгограда, отсутствие обратной связи, дублирование информации, неудовлетворительная организация межведомственного взаимодействия, отсутствие массового доступа населения в Интернет.

Немаловажное значение здесь имеет индикатор готовности населения к жизни в информационном обществе, определяемый по следующим ключевым критериям: развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, электронная экономика, дистанционное образование, использование ИКТ в сфере государственного управления, политика государства в сфере ИКТ, связанная не столько с созданием как таковых информационных ресурсов и технологий по работе с ними, но и с их востребованностью со стороны потребителей.

Кроме того, значимой следует признать проблему принятия чиновниками новых методов работы с населением, которые требуют большей оперативности, работы с запросами граждан и организаций, поступающими по электронной почте или через сайт в сети Интернет, постоянной информационной поддержки электронных ресурсов. И здесь в ряду проблем можно обозначить такие, как демассификация управления, которая заключается в потере коллективного чувства, сплоченности групп граждан; отсутствие заинтересованности чиновников и коммерческих структур в доступности информации о них граждан; нежелание делать прозрачными взаимодействия граждан и представителей органов власти.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Важнейшей составляющей социального развития выступает динамика уровня жизни населения. Изменения в уровне жизни отражают как трансформации в социально-экономической сфере общества, так и последствия этих преобразований для различных групп населения. В этой связи изучение динамики уровня жизни населения позволяет выявить ключевые проблемы социального развития.

В узком смысле уровень жизни характеризуется обеспеченностью населения материальными благами и услугами, необходимыми для удовлетворения его потребностей, и определяется уровнем потребления людей. В таком понимании уровень жизни предстает как материальное благосостояние, в котором показатели доходов и потребления занимают центральное место, так как обуславливают степень удовлетворения потребностей населения.

Исследование уровня жизни населения выступает одним из ключевых компонентов подготовки «Социокультурного портрета Курской области». В процессе разработки этого проекта были проведены сбор и анализ статистических данных, касающихся социального развития региона в течение пореформенного периода, и социологический опрос населения (май-июнь 2007 г.). Выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Общее количество респондентов составило 1128 человек, проживающих в 13 районах (40 населенных пунктах) области. Среди опрошенных 730 человек (64,7 %) относятся к городскому населению, 398 человек (35,3 %) – к сельскому населению; 464 мужчин (41,1 %) и 664 женщины (58,9 %); 252 человека (22,3 %) в возрасте 18–29 лет, 430 человек (38 %) в возрасте 30–49 лет, 473 человека (41,9 %) в возрасте 50 лет и старше. В целом выборочная совокупность исследования в достаточной мере репрезентирует население Курской области (в возрасте 18 лет и старше). Ошибка выборки по одному признаку не превышает 3 %.

Методика исследования дала возможность определить основные составляющие уровня жизни населения, связанные с оценкой жителями области своего материального благополучия, в трех измерениях: недавнем прошлом, настоящем и ближайшем будущем, – и сопоставить результаты социологического опроса со статистическими показателями.

Важной характеристикой динамики уровня жизни выступает оценка населением своего материального положения по сравнению с прошлым годом. С целью измерения этого индикатора респондентам был задан вопрос: «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?». В результате анализа ответов выявлено, что 35,2 % респондентов отмечают улучшение жизни своей семьи, 16,3 % – ухудшение и 47,0 % – стабильность собственного материального положения; 1,5 % опрошенных затруднились или отказались ответить на данный вопрос.

В целом в Курской области проявляется благоприятная оценка населением изменения собственного жизненного уровня: 4/5 населения региона оценивают материальное положение своих семей в сравнении с прошлым годом как стабильное или улучшающееся. Результаты регионального опроса подтверждаются общероссийскими показателями. Так, по данным всероссийского мониторинга, начиная с 2002 г. устойчиво уменьшается число респондентов, отмечающих ухудшение своего уровня жизни, и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проектов № 06-03-72301а/Ц «Социокультурный портрет региона: Курская область», № 07-03-18019е «Полевое исследование: социокультурный потенциал развития Курской области».

увеличивается доля лиц, которые говорят об улучшении собственного материального статуса [2, с.31].

Действительно, с 2000 г. в стране в целом и в регионе в частности наблюдается относительная стабилизация социально-экономической ситуации. Как показывает анализ статистических данных, к 2003 г. произошло восстановление объема доходов россиян до уровня 1994 г., а в последующие годы фиксировалось его незначительное увеличение [1, с.12]. В этот же период в Курской области в сфере доходов населения прослеживаются аналогичные тенденции (см. табл. 1).

Таблица 1

Доходы населения

ГО-ДЫ	РЕАЛЬНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ (В % К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ)	РЕАЛЬНАЯ НАЧИСЛЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА (В % К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ)	РЕАЛЬНЫЙ РАЗМЕР НАЗНАЧЕННЫХ ПЕНСИЙ (В % К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ)	СРЕДНЕДУШЕВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ В МЕСЯЦ (РУБ., ДО 1998 Г. – ТЫС. РУБ.)	СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ НАЧИСЛЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА (РУБ., ДО 1998 Г. – ТЫС. РУБ.)
1990	187	253.0
1995	77.6	70.0	74.0	310	320.6
2000	108.0	111.0	125.7	1465	1453.6
2001	107.0	111.0	118.1	1980	2011.3
2002	112.6	120.2	110.3	2699	2866.0
2003	106.5	119.8	103.6	3371	3973.7
2004	112.2	111.4	104.8	4233	4889.1
2005	108.6	100.4	113.5	5192	5475.9

Показатели реальных располагаемых денежных доходов, заработной платы и пенсий за 1995 г. свидетельствуют о резком падении денежных доходов населения региона в результате реализации социально-экономических преобразований начала 90-х годов XX века. С 2000 г. наблюдался рост доходов в реальном выражении, при этом темпы увеличения заработной платы и пенсий опережали прирост доходов. Однако с 2002 г. темпы прироста реальной начисленной заработной платы и назначенных пенсий стали замедляться, что означало снижение значимости зарплаты в формировании денежных доходов населения Курской области.

В целом на протяжении последних лет среднедушевые денежные доходы населения региона возрастают (хотя и медленными темпами). Вместе с тем следует учитывать, что этот показатель характеризует усредненную тенденцию, которая не дает представления о мере разброса всех значений. В условиях существенной имущественной дифференциации населения показатель среднедушевых доходов населения нивелирует разницу в уровне доходов различных социальных групп. В этой связи при характеристике уровня жизни необходимо использовать ряд показателей доходов населения.

Оценивая динамику денежных доходов, необходимо рассмотреть изменения в структуре доходов населения Курской области. С 1990 г. по 2000 г. в ней уменьшилась доля оплаты труда с 56,7 % от общего объема денежных доходов до 37,2 %, то есть на 19,5 %. При этом на протяжении указанного времени в формировании денежных доходов населения увеличивался удельный вес доходов от собственности, предпринимательской деятельности, самозанятости. В 2000 г. доля доходов от собственности и предпринимательской деятельности составила 44,2 % от общего объема доходов населения, что на 17,6 % выше уровня 1990 г. За этот период удельный вес социальных выплат существенно изменялся (1990 г. – 16,7 %, 1995 г. – 25,9 %, 2000 г. – 18,6 %).

В последующие три года (2001–2003) в структуре денежных доходов населения региона наблюдалось незначительное возрастание доходов от оплаты труда и уменьшение доходов от собственности, предпринимательских доходов; доля социальных выплат оставалась практически неизменной (20,3–20,4 %). С 2004 г. отмечается сокращение удельного веса оплаты труда и социальных трансфертов в общем объеме денежных доходов населения Курской области. В 2005 г. в структуре денежных доходов 35,8 % приходилось на оплату труда, 19,6 % – на социальные выплаты, 44,6 % – на доходы от собственности и предпринимательской деятельности.

При изучении уровня жизни населения Курской области представляется значимым охарактеризовать особенности формирования денежных доходов в сфере оплаты труда и социальных выплат.

За период с 1990 г. по 2005 г. значительно изменилось соотношение оплаты труда в различных отраслях экономики. На протяжении 1990–2003 гг. в таких отраслях экономики Курской области, как финансы, кредит, страхование и пенсионное обеспечение, управление, промышленность, строительство, транспорт, оплата труда была значительно выше средней. С 1995 г. в группу отраслей экономики с высоким уровнем заработной платы добавилась связь, а с 2000 г. – информационно-вычислительное обслуживание. В этот же период уровень оплаты труда в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, культуре, искусстве, сельском и лесном хозяйстве оставался низким по сравнению со средним размером заработной платы в регионе.

В целом за 1990–2003 гг. существенно усилилась дифференциация отраслей экономики по уровню зарплаты работников. Так, в 1990 г. в Курской области оплата труда в финансово-кредитной сфере превышала среднюю заработную плату в экономике в 1,3 раза, в 2003 г. – уже в 2,3 раза. В эти же годы в сельском хозяйстве зарплата работников составляла 98,4 % и 42,7 % от средней по экономике соответственно.

Следует отметить, что различия между отраслями экономики по уровню оплаты труда работников во многом определяются разной структурой фонда заработной платы. В отраслях экономики с высоким уровнем оплаты труда (промышленности, строительстве, финансах, кредите, страховании и др.) в фонде зарплаты наряду с тарифными ставками, окладами и сдельными расценками значительную часть составляют разнообразные премии (свыше 20 % фонда оплаты труда) [3, С.83]. Вместе с тем в отраслях экономики с низким уровнем заработной платы работников (образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, культуре и др.) фонд оплаты труда формируется на основе Единой тарифной сетки (ЕТС). Согласно ЕТС, оплата труда дифференцируется по отраслям экономики и профессиям с учетом квалификации работников. В условиях современной России уровень вознаграждения работников за труд в соответствии с ЕТС оказывается низким.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что концентрация основной части фонда оплаты труда у высокооплачиваемых работников способствовала углублению материальной дифференциации населения в регионе.

Важной составляющей структуры денежных доходов населения Курской области выступают социальные выплаты, среди которых наибольшая доля приходится на пенсии. В рассматриваемый период удельный вес пенсий в структуре социальных выплат населению был относительно постоянным (в пределах 77,2–82,1 %). Это связано со спецификой возрастной структуры населения Курской области: начавшееся с 1960-х годов старение населения региона выражается в сохранении значительной по численности доли пожилых людей в возрасте 60 лет и старше (в 1990 г. – 21,42 % от общей численности населения региона, 2005 г. – 21,3 %).

Вторым по значимости видом социальных трансфертов в регионе являлись пособия (детям, матерям, безработным и др.). В течение 1990–2000 гг. доля пособий в

объеме всех социальных выплат возрастала с 12,1 % до 19,7 %. Это увеличение происходило в основном за счет сокращения удельного веса стипендий и страховых возмещений. Однако в последующий период удельный вес пособий стал снижаться и в 2005 году составил уже 14,7 %. В целом сокращение государственного финансирования отраслей социальной сферы существенно ограничило материальные возможности социально незащищенных слоев населения, что привело к усилению имущественной дифференциации в области.

Итак, изменения в структуре денежных доходов населения Курской области связаны с возрастанием доли доходов от собственности, предпринимательской деятельности, самозанятости, сокращением удельного веса оплаты труда и сохранением относительно стабильной доли социальных выплат. По оценкам С.Г. Бычковой, уменьшение доли заработной платы в общем объеме денежных доходов является главным фактором снижения уровня жизни населения [1, С.13].

Помимо доходов уровень жизни определяется показателями расходов населения на приобретение различных благ и услуг. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть изменения в структуре расходов населения Курской области, произошедшие в пореформенное время.

Денежные доходы населения использовались как сбережения и как расходы на приобретение разнообразных товаров и услуг. В течение пореформенного времени в структуре денежных сбережений населения Курской области существенно сократилась доля вкладов в различных финансовых учреждениях с 10 % в 1990 г. до 4,1 % в 2005 г., то есть в 2,4 раза. Начиная с 1995 г. стали снижаться темпы прироста денег на руках у населения. Если в 1990 г. он составлял 10 %, в 1995 г. – 16,2 %, то в 2005 г. – уже 6,1 % от общего объема расходов населения. В 1995-2005 гг. постоянно уменьшались расходы на покупку иностранной валюты (с 4 % до 2,6 %). Тем самым в рассматриваемый период наблюдалось сокращение всех видов сбережений населения региона.

На протяжении изучаемого периода основную часть расходов населения региона составляли покупка товаров и оплата услуг (1990 г. – 70 %, 1995 г. – 69,4 %, 2000 г. – 69,3 %, 2005 г. – 66,2 %). Следует отметить, что в начале 1990-х годов либерализация экономики привела к существенному изменению структуры потребительских расходов населения страны в целом. В условиях резкого снижения доходов и роста цен население вынуждено было ориентироваться на удовлетворение первичных потребностей, главными из которых являются потребности в продуктах питания. С 1990 г. по 2000 г. в Курской области затраты домашних хозяйств на покупку продуктов питания увеличились с 33 % от общего объема расходов до 55,4 %, или на 22,4 %. За этот же период значительно сократились расходы на покупку непродовольственных товаров (с 47,5 % до 29,4 %, или в 1,6 раза) и алкогольных напитков (с 3,1 % до 1,8 %, или в 1,7 раза). С 2000 г. расходы на продукты питания стали снижаться и в 2005 г. составили 41,2 %. С этого времени наблюдалось и увеличение затрат на приобретение непродовольственных товаров, однако восстановления их доли до уровня 1990 г. не произошло: к 2005 г. она составила 34,5 %. При этом в 2005 г. удельный вес расходов на покупку алкогольных напитков практически не изменился по сравнению с 2000 г.

В 1990–2000 гг. оплата услуг сократилась с 12,3 % от общего объема расходов до 11 %. В последующее время доля оплаты услуг в структуре потребительских расходов домашних хозяйств росла быстрыми темпами и в 2005 г. составила уже 21,9 %. Увеличение удельного веса затрат на оплату услуг осуществлялось в основном за счет роста расходов на жилищно-коммунальные и бытовые услуги.

Следует обратить внимание на то, что в исследуемый период расходы на приобретение необязательных услуг (услуг учреждений культуры, услуг в системе образования, санаторно-оздоровительных услуг и др.) и покупку недвижимости были незначи-

тельными (не превышали 4 % от общего объема расходов). В этих сегментах потребительского рынка расходы осуществлялись наиболее состоятельными слоями населения.

Как уже отмечалось, уровень потребления является значимой характеристикой уровня жизни населения, что позволяет использовать его в качестве критерия для установления материального статуса индивида. Специфика использованной в социологическом опросе методики определения социально-экономического статуса респондента заключалась в том, что, оценивая уровень собственного потребления, опрашиваемый относит себя (свою семью) к одной из шести условно выделенных страт (см. табл. 2).

Таблица 2

Самооценка уровня материального положения населения
(в процентах от числа опрошенных)*

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ (2007 Г.)	РОССИЯ В ЦЕЛОМ (2006 Г.)	УСЛОВНЫЕ СТРАТЫ
1. Денег не хватает на повседневные затраты	17	11	«Нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	22	22	«Бедные»
3. На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	17	21	«Необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	27	29	«Обеспеченные»
5. Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	13	9	«Зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	3	2	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	1	6	

* Данные по России приводятся по: Социологический портрет Тюменского региона. – Тюмень: Тюменская обл. дума, 2007. – С.33.

По данным регионального социологического опроса, самым массовым социальным слоем в области является низший слой (39 %), состоящий из двух социальных групп с низкими доходами: «нищие» и «бедные». Данная тенденция характерна и для России в целом (33 %). В Курской области в социальной общности бедного населения значительную часть составляют женщины (63 % от числа «нищих» и «бедных»), высок удельный вес лиц 55 лет и старше (42,5 %) и специалистов со средним профессиональным образованием (35,8 %). К бедному населению относят себя как горожане, так и жители сельской местности.

Сохранение значительной по численности доли бедного населения в социальной структуре населения области подтверждают статистические данные. В социальной статистике базовым показателем бедности является доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. В 1995 г. в Курской области 20,2 % всего населения имели доходы ниже величины прожиточного минимума. После кризиса 1998 г. число бедных курян увеличилось: в 2002 г. к этой категории относилось 33,7 %, или треть населения области. С 2003 г. наблюдается постепенное сокращение доли населения с доходами ниже величины ПМ: с 30,7 % в 2003 г. до 20,3 % в 2005 г., т.е. на 10,4 %.

Близкой по материальному статусу к низшему слою оказывается категория «необеспеченных». Однако представители этой социальной группы отличаются от «бедных» более позитивным уровнем социального самочувствия. В Курском регионе страта «необеспеченных» включает 17 % населения, среди которого численно преобладают женщины (61,7 % от числа «необеспеченных»), возрастные категории 45–54 года (26,9 %) и 55 лет и старше (27,5 %), лица со средним специальным (40,1 %) и высшим

образованием (27,6 %). В социальной структуре «необеспеченных» значительной по численности является доля городского населения (71,5 %).

Социальным слоем, характеризующимся средними показателями потребления и соответственно уровня жизни, является страта «обеспеченных». К ней относят себя 27 % жителей Курской области. Внутри этой социальной категории численно доминируют городские жители (73 % от числа «обеспеченных») и лица с высшим (37 %) и средним специальным (33 %) образованием; гендерных и возрастных различий не прослеживается.

Самой малочисленной социальной общностью в регионе выступает высший слой (16 % от количества опрошенных), который охватывает социальные группы «зажиточных» и «богатых». Этот слой в основном включает лиц в возрасте 35–44 лет (28,3 % от числа «зажиточных» и «богатых»), специалистов со средним специальным (36 %) и высшим (34,8 %) образованием, горожан (77,4 %). В этом слое доли мужчин и женщин практически равны.

В целом социальная структура населения Курской области, выделенная на основании субъективных оценок уровня потребления, сходна с общероссийской (см. табл. 2). Результаты всероссийского мониторинга показывают, что с 2002 г. среди россиян сокращается доля респондентов, относящих себя к беднейшим слоям общества (к 2006 г. количество «нищих» и «бедных» сократилось практически в два раза по сравнению с 1998 г.), увеличивается число «обеспеченных». Однако доля «необеспеченных» существенно не меняется (в 1998 г. – 21 %, в 2002 г. – 30 %, в 2006 г. – 21 %). Сходство оценок, полученных в результате социологического опроса в Курской области, с общероссийскими данными позволяет предположить, что подобные процессы прослеживаются и в нашем регионе.

Следует отметить, что основой социальной стратификации в регионе выступает дифференциация населения по уровню доходов. В 1995 г. 20 % жителей Курской области с самыми низкими доходами располагали 9,2 % совокупного денежного дохода населения региона, а 20 % «богатых» курян – 35,8 %. С начала 2000-х гг. в области отмечается усиление дифференциации доходов населения. К 2000 г. у 20 % «бедного» населения доходы сократились на 2 % и составили 7,2 % общего объема денежных доходов населения, а доходы пятой группы (с наибольшими доходами) возросли до 40,9 %, т.е. на 5,1 %. В 2005 г. 20 % наименее обеспеченных жителей области располагали лишь 6,9 % всех денежных доходов населения, а 20 % «богатого» населения – 41,7 %.

Об усилении неравенства в распределении денежных доходов свидетельствует и общее повышение коэффициента Джини в пореформенный период. В 1995–2000 гг. в области наблюдалось значительное увеличение данного коэффициента (с 0,266 до 0,335), что отражало высокие темпы концентрации доходов в высокодоходных группах. В последующее время значения коэффициента Джини возросли несущественно: в 2005 г. он достиг 0,346.

На основании сопоставления результатов социологического опроса и статистических данных можно предполагать, что формирование благоприятных оценок динамики уровня жизни у населения области во многом связано не с повышением реального уровня доходов и преодолением бедности, а со стабилизацией социально-экономической ситуации.

Продолжающееся углубление имущественной дифференциации в области объясняет неоднородность оценок населением динамики уровня жизни в ближайшее время. В региональном исследовании ответы на вопрос: «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?» – распределились следующим образом: 29,9 % респондентов высказали надежду на улучшение своего материального

благополучия; 40,0 % опрошенных заявили, что в ближайшее время уровень жизни их семей не изменится; практически каждый десятый человек, участвующий в опросе, ожидал ухудшения своего материального положения в будущем году.

Следует заметить, что представители низших социальных страт («нищие», «бедные», «необеспеченные») в основной массе говорили о том, что в следующем году их материальное положение не изменится. В то же время у «обеспеченных» в равной мере присутствовали надежды на стабилизацию или улучшение своего уровня жизни. «Зажиточные» и «богатые» в значительно большей степени, чем респонденты из других социальных категорий, ожидали улучшения своего материального благополучия в ближайшее время.

Значительное число опрошенных в Курской области (18,7 %) затруднились делать прогнозы динамики собственного жизненного уровня на ближайший год. Эти результаты выявляют неуверенность населения в оценке характера влияния развития российской экономики на уровень жизни в стране в целом и регионе в частности.

Таким образом, проведенное исследование выявило, что подавляющая часть населения Курской области благоприятно оценивает динамику своего уровня жизни. Однако 39 % жителей региона относят себя к низшему слою, 27 % – к «среднему», и лишь 16 % – к высшему слою; 17 % курян занимают промежуточное положение между беднейшими и обеспеченными стратами. Ключевыми проблемами, препятствующими реальному повышению уровня жизни в области, являются усиление материальной дифференциации населения и сохранение значительной по численности доли бедных.

Литература

1. *Бычкова С.Г.* Статистическое исследование дифференциации регионов Российской Федерации по уровню жизни населения. – М.: Изд-во ГУУ, 2005.
2. Социологический портрет Тюменского региона. – Тюмень: Тюменская обл. дума, 2007.
3. *Суринов А.Е.* Уровень жизни населения России: 1992–2002 гг. (по материалам официальных статистических наблюдений). – М.: Статистика России, 2003.

В. М. Пивоев

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАРЕЛИИ*

Национальные государства обычно без восторга относятся к массовым миграционным процессам, поэтому в течение XIX—XX вв. они были заинтересованы в укреплении границ, защищающих от опасности извне и сдерживающих приток иностранцев, которые могли размывать и разрушать национальную идентичность. В конце XX в. произошел переход к новому этапу цивилизационного развития – глобализации. Европейские государства открыли свои границы в рамках так называемой Шенгенской зоны, не препятствуя перемещению граждан внутри нее. В то же время они не торопятся открывать границы для представителей других цивилизаций, отдавая себе отчет, что может возникнуть угроза западной цивилизационной идентичности. Опыт Франции это наглядно продемонстрировал.

Миграции различают:

- внутреннюю и внешнюю;
- сезонную и эпизодическую;

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-03-42301а/С.

- добровольную и вынужденную;
- легальную и нелегальную;
- организованную и неорганизованную;
- экономическую и политическую [3].

Российское государство в последние годы начало осознавать опасности неконтролируемых, стихийных миграционных процессов и начало проводить миграционную политику, решая следующие задачи:

- рационально использовать интеллектуальный и трудовой потенциал мигрантов;
- поощрять приток мигрантов преимущественно в трудоспособном возрасте;
- сокращать отток российских граждан за рубеж;
- эффективно противодействовать нелегальной миграции;
- создавать благоприятные условия для сосуществования местного населения и мигрантов.

Кроме миграционного измерения «Восток—Запад» важное значение в настоящее время имеет второе — «Юг—Север». Демографический взрыв Востока и Юга «выдавливает» избыток населения в регионы Запада и Севера, где воспроизводство собственного населения находится на критическом уровне депопуляции. Так, в Карелии в 2005 г. число умерших было в 1,8 раза больше числа родившихся, в 2006 г. — в 1,7 раза. Приток массы приезжих, которые привозят с собой свои традиции, создает опасность размывания традиционной идентичности северян и провоцирует напряженность.

По отношению к миграционным процессам государству необходимо найти разумную середину между жестким контролем и запретом и полной бесконтрольностью. Согласно статистике, в 2004 г. в Карелию прибыло 14768 человек, а убыло 14782 (убыль составила 14 чел.); в 2005 г. прибыло 15171 чел., а убыло 15033 (прирост составил 138 чел.). В 2006 г. прибыло 15156 чел., а убыло 14749 чел. (прирост составил 407 человек). Причем, большая часть миграции происходила внутри региона (10174 чел. в 2004 г.; 10412 чел. в 2005 г.), и только 31 % миграции имел межрегиональный характер [2]. Вместе с тем, третья часть — это значительный объем миграционного процесса, который заставляет изучать характер этих процессов и искать пути снятия возможностей конфликтной напряженности между представителями разных культур.

В последние три года объем международной миграции снизился. В 2001 г. прибыло в Карелию 1911 человек (1679 из ближнего зарубежья, 232 — из дальнего), в 2002 г. — 2001 чел (1778 и 223). В последующие годы объем сократился в четыре раза: в 2003 г. — 510, в 2004 г. — 570, в 2005 г. — 651. Основное число приезжих — из Украины, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Белоруссии, Армении [4]. Среди приезжих преобладают «челноки», или торговцы, которые прибывают на время, а потом возвращаются в свою страну. Число вынужденных переселенцев и беженцев невелико: в 2001—2003 гг. их прибыло 214 человек, а всего их в Карелии 329 [4, С.38].

На границе Карелии и Финляндии организовано 15 пунктов упрощенного пропуска через границу. Через эти пункты идет за границу 30 % карельского леса, причем часто с серьезным нарушением всех правил и законов. Известны случаи, когда иностранцы были пойманы с поличным, занимались незаконными порубками леса. В 2006 г. 38 тыс. финнов посетили Карелию, из них только 12 % сообщили истинную причину приезда. По данным МВД Карелии иностранцы совершают 1,2 % преступлений. Так, в 2006 г. граждане иностранных государств совершили в нашей республике 84 преступления (одновременно в отношении гостей из-за рубежа совершено 78 преступлений). Среди преступлений — мошенничество, кражи, подлог документов, фальшивомонетничество, наркобизнес (последним чаще всего занимаются азербайджанцы и цыгане) [5]. При

попытке пересечь границу с Финляндией периодически задерживаются граждане стран СНГ, в 2002 г. — 14 турецких граждан, в 2006 г. — гражданин Камеруна.

С 1992 г. на медицинском факультете Петрозаводского университета обучаются студенты из арабских стран, некоторые из завершивших обучение остаются в Карелии. Сегодня таких мигрантов насчитывается около ста человек, возникло 50 карело-арабских семей. Уже шесть лет существует общество карельско-арабской дружбы.

В 1998 г. в Карелии создана общественная организация «Грозный», объединяющая переселенцев из Чечни, Закавказья, Прибалтики, Средней Азии. Организация оказывает материальную поддержку нуждающимся, проводит праздники, оказывает помощь в трудоустройстве. В 2004 г. были выданы разрешения на работу 824 иностранцам, в 2005 г. — 1403. Кроме того, есть культурные общества грузин, татар, украинцев, евреев, греков и др.

В ходе проведенного в 2006 г. социологического исследования по проблеме «Социокультурный портрет Республики Карелия» 956 респондентам из городов и поселений нашего края были заданы вопросы, касающиеся проблем миграции. Из числа опрошенных 46,7 % являются коренными жителями, уроженцами того населенного пункта, где и живут, еще 32,3 % приехали из других населенных пунктов нашего же региона, 16,8 % прибыли из других регионов России

Участникам исследования был задан вопрос о том, как они относятся к своему региону в сравнении с другими, соседними. 9,1 % респондентов ответили, что наш регион лучше других, 61,8 % считают, что он не лучше и не хуже других, 15,4 % полагают, что наш регион хуже других. 82,4 % отмечают среди привлекательных особенностей нашего региона красивую природу. 37,5 % считают, что здесь живут добрые люди. Но только 14,9 % опрошенных считают наш регион перспективным для жизни, еще меньше — 12,9 % — оценивают возможности Карелии для самореализации инициативных людей. 25,4 % не нравится суровый климат; 9,7 % кажется, что здесь живут неприветливые люди.

Отношение к региону характеризуется такими данными: 32,6 % опрошенных рады, что живут здесь; 44,3 % довольны жизнью, хотя не все их устраивает; 4,5 % жизнь здесь не нравится и они хотели бы уехать; 1,5 % хотели бы уехать вообще из России. Последняя цифра достаточно интересна, ибо еще десять лет назад желающих покинуть нашу страну было намного больше. Причин уменьшения этой цифры две: 1) все, кто намеревался уехать, уже уехали; 2) жизнь в Карелии и России понемногу улучшается.

Свою идентичность 48,4 % опрошенных определяют, считая «своими» жителей своего поселения, города; 28,4 % не считают «своими» проживающих рядом людей; 1,9 % считают соседей «чужими». 12,7 % полагают что все жители республики — «свои»; 33,7 % не считают жителей Карелии «своими»; 20 % относятся к согражданам безразлично; 6,1 % полагают их «чужими». Еще меньше опрошенных (11,9 %) считают «своими» граждан России; 16,1 % не считают их «своими»; 17,1 % относятся к соотечественникам безразлично; 10,6 % полагают их «чужими».

На вопросы об отношении к переселенцам были получены следующие ответы. 17,6 % респондентов посчитали «хорошими» отношения мигрантов с коренным населением; 38,8 % полагают, что отношения в целом нормальные, хотя бывают недоразумения; 15,9 % утверждают, что отношения неровные, нередко возникает напряжение; 8,4 % придерживаются мнения, что отношения между приезжими и коренными жителями настолько негативные, что происходят драки и конфликты разрешает милиция; 2,2 % опрошенных считают, что с приезжими местные жители почти не общаются.

Свою удовлетворенность жизнью респонденты оценили так: 9,3 % полностью удовлетворены; 41,8 % скорее удовлетворены, чем нет; 24 % не очень удовлетворены;

4,2 % совсем не удовлетворены. Для улучшения жизни в регионе предлагаются различные меры. 25,8 % считают, что надо решительнее отстаивать интересы Карелии в центре. 16,5 % полагают, что надо оздоровить природу. 31,8 % предлагают развивать бизнес. 21,1 % уверены, что нужно улучшить государственный контроль за всеми сторонами жизни. 29 % рассчитывают на улучшение медицинского обслуживания. 35,4 % думают, что главными препятствиями в развитии региона являются криминал и коррупция. 59,5 % уповают на создание рабочих мест. 19,2 % заинтересованы в строительстве дорог. В то же время большинство опрошенных (68,1 %) уверены, что улучшение жизни полностью зависит от них самих, и только 17,9 % целиком уповают на российскую и 12,2 % — на республиканскую власть.

Это характеризует жителей Карелии как сдержанных оптимистов, рассчитывающих на свои силы и собирающихся решать свои проблемы, опираясь на свой труд и профессионально-образовательный потенциал. В этом процессе едва ли будут помехой приезжающие из других регионов России и зарубежья люди, которые готовы вложить свой вклад в улучшение нашей жизни. Значит, надо найти формы и способы выстраивания таких отношений с ними, чтобы обеспечить взаимное уважение и сотрудничество.

Северяне, как и многие другие народы, бережно относятся к традициям. Север Европы стал великолепным хранилищем традиционных ценностей русской и карельской народной культуры. На то есть немало причин:

1) суровый климат, экстремальная обстановка требовали неспешности, неторопливости, прочности и неизменности, заставляли придерживаться традиционных форм поведения;

2) страх перед новым, неизвестным заставлял держаться за старые традиционные ценности, которые гарантировали хотя бы минимальные положительные результаты в решении жизненных проблем;

3) превращение в XIX веке Севера в провинциальную окраину русского государства, подстоличную «Сибирь», предохраняло от изменений духовные ценности северян;

4) отсутствие крепостничества позволило сохранить уважение к себе и ценностям своей культуры, полноценную культурную идентичность;

5) на территории Олонецкой и Архангельской губерний сосуществовали различные культурные традиции (карельская, вепсская, саамская и русская), которые, «глядя друг на друга», отстаивали свою самобытность, усваивая все лучшее от соседней культуры;

6) участие старообрядцев в духовном развитии северян усиливало тяготение к традиционности.

В результате миграционных процессов формируется новая региональная общность коренного населения и мигрантов, где происходит взаимодействие традиционной идентичности и той, что привозят с собой мигранты. Отсутствие понимания этой проблемы приводит к накоплению напряжения, способного прорваться синдромом ксенофобии и враждебности к «чужим», как это произошло в Кондопоге в сентябре 2006 года.

Согласно «Основным положениям региональной политики», утвержденным указом Президента Российской Федерации 3.06.1996 г., «под регионом понимается часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации» (гл. 1).

Как решаются сегодня проблемы регионализма на Северо-Западе России?

Политические процессы конца XX века породили феномен регионализма и в Европе. Ассамблея регионов Европы (АРЕ) 4 декабря 1996 г. в Базеле приняла декларацию,

представляющая почти 300 европейских регионов с различной территорией с общим населением около 400 миллионов человек, которая выражает стремление регионов к дальнейшей регионализации в институциональных рамках своих стран, имеющих федеральную, децентрализованную или автономную форму устройства. При этом составители декларации называют регионом территориальное образование, «обладающее уровнем следующим за уровнем государства и имеющим политическое самоуправление». Регион может иметь свою «конституцию, устав автономии или другой законодательный акт, который определяет его как часть правовой системы государства на самом высоком уровне и устанавливает, по крайней мере, его организацию и полномочия. Статус региона может быть изменен только при согласии и участии самого региона. В целях сохранения своих исторических, политических, социальных и культурных особенностей регионы в одном и том же государстве могут иметь различные статусы». Согласно пункту 4 статьи 1: «Регион представляет собой выражение отличительной политической самобытности, которая может принимать самые различные политические формы, отражающие демократическую волю каждого региона принимать ту форму политической организации, которую он сочтет предпочтительной. Регион сам избирает свое руководство и устанавливает знаки различия его представительства». Декларация предлагает возможные пути реализации местных инициатив, которые могли бы укрепить горизонтальные связи регионов.

Для преодоления издержек миграционного воздействия на региональную идентичность заведующий кафедрой государственного управления Карельского филиала Северо-Западной Академии государственной службы В. Е. Богданов предлагает следующие меры:

- проведение серьезных научных исследований, постоянного мониторинга межнациональных отношений;
- внесение корректив в Концепцию государственной национальной политики России, разработку и принятие подобной концепции Республики Карелия;
- ведение объективного мониторинга реализации реформы местного самоуправления в стране и внесение необходимых корректив с тем, чтобы органы местного самоуправления и должностные лица могли эффективно и в полном объеме решать все вопросы местного значения;
- воссоздание федерального органа исполнительной власти по национальной политике;
- изучение роли и возможности средств массовой информации, особенно электронных, в кризисных ситуациях;
- повышение роли общественных организаций по укреплению межнационального мира [1].

Эти меры нужно реализовать с учетом понимания закономерностей формирования региональной идентичности, основные критерии которой могут заключаться в следующем:

- природно-климатические факторы (доминирующий таежно-равнинный и приморский ландшафт);
- русский язык как язык межэтнического общения и коммуникации в сочетании с языками этносов — карельским, финским, вепским и другими языками малых народов;
- северный менталитет и стереотипы поведения, обусловленные природно-климатическими факторами: неторопливая и терпеливая настойчивость, бережное отношение к природе, отсутствие ксенофобии, эмоциональная сдержанность и уязвимость, доброжелательность и толерантность, самоуважение и достоинство;

- региональная культура, включающая в себя художественные ценности всех народов, населяющих регион, религию и праздники;
- быт, сочетающий элементы этнические и регионально-типические, связанные с природной средой;
- система региональных ценностей и интересов совместного проживания и самореализации на данной территории (экономическое благополучие, здоровая природная среда обитания, возможность отдыха и качество жизни, культурная самореализация в соответствии с разумными потребностями и этническими традициями);
- ведущие принципы региональной идентичности: взаимодействие и единство интегративных и дифференцирующих факторов; толерантность; органичность; многомерность; регулирование миграции.

В интересах развития федерализма жители Республики Карелия (коренные и мигранты) должны уяснить свою идентичность, которая является важным основанием стратегического планирования нашего развития. Эта идентичность с необходимостью включает не одно измерение, а несколько: этническую, национальную, региональную, российскую. В связи с миграционными процессами особенную важность сегодня приобрела региональная идентичность, существенное влияние которой на наше развитие надо осознать и учитывать в процессе стратегического планирования.

Литература

1. *Богданов В. Е.* Кондопога: кризис доверия... // Вестник Карельского филиала СЗАГС – 2007: Сб. науч. ст. – Петрозаводск, 2007. – С. 32.
2. Основные показатели статистики населения и социальной статистики за 2005 год: Стат. бюллетень за 2005 год. – Петрозаводск, 2006. – С.12.
3. *Платонов Ю. П.* Этнический фактор: геополитика и психология. – СПб., 2002. – С. 56.
4. Республика Карелия в цифрах: Стат. сб. – Петрозаводск, 2006. – С. 36.
5. *Хмелевский О.* 84 преступления совершили иностранные граждане на территории Карелии // Московский комсомолец в Карелии. – 2007. – № 6. – С. 2.

Е.Б. Плотникова, И.А. Германов, Н.А. Несевря

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

Российские регионы существенно отличаются друг от друга и по уровню экономического развития, и по степени обособленности и удаленности от центра, и по интенсивности и специфике протекающих социальных процессов. Институциональные преобразования в современной России имеют различные особенности и различную степень выраженности на региональном уровне. В регионах становление многих институтов политической и социальной сферы осуществляется по различным сценариям. Это закономерно, поскольку регион является особой органической частью общества, которая, с одной стороны, развивается по его законам, а с другой – имеет определенную специфику.

Описание социокультурных особенностей региона требует обращения к различным методам анализа социальной действительности. Это обусловлено тем, что некоторые подсистемы региона возможно характеризовать через систему объективных показателей (население региона, уровень рождаемости, число разводов, количество образовательных учреждений и зарегистрированных некоммерческих организаций и пр.), а другие – только на основании субъективных оценок населения. Последнее касается, например, культурной подсистемы региона. Массовый опрос населения

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, 2007-2008, № 07-03-82307 а/У.

позволяет определить превалирующие в сознании населения ценности (выявить существующее ценностное ядро, определяющие образцы, стандарты поведения), а глубинное экспертное интервью с представителями общественных организаций, властных структур, средств массовой информации региона, специалистами в области изучения общественных процессов позволит проследить, как исторически сформировалось социокультурное ядро, а также продемонстрировать его реализацию на разных уровнях жизнедеятельности региона: в экономической деятельности и деловой активности, в политических предпочтениях и электоральном поведении, управлении и самоуправлении, на уровне преступности и социальных отклонений.

Составление социокультурного портрета Пермского края реализуется в два этапа. На первом этапе был проведен анализ статистической информации, характеризующей различные сферы жизнедеятельности Пермского края. Данный анализ позволил выделить следующие специфические характеристики региона.

Экономическая развитость является первой чертой Пермского края. Прикамье в целом можно охарактеризовать как хорошо развитый промышленный регион, что непосредственно сказывается на уровне жизни и социальном самочувствии населения края – уровень жизни в Пермском регионе по сравнению с большинством субъектов Российской Федерации более высокий; по данному показателю Пермский край находится на первом месте среди всех областей Приволжского федерального округа. Среднедушевой доход в 2004 г. в Прикамье составил 6372 руб. при среднем показателе по Приволжскому округу 4783 руб. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника Пермского края в 2005 г. составила 7649 руб., тогда как средние показатели по федеральному округу находились на уровне 6514,9 руб. Реальные денежные доходы населения края по сравнению с 2004 г. в 2005 г. выросли на 9,4 %, притом, что средний рост по России составил 8,9 %.

Анализ динамики уровня жизни населения Пермского региона на протяжении последних пятнадцати лет осложняется тем, что до 2005 года Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ, ныне образующие Пермский край, существовали как два самостоятельных субъекта Российской Федерации. Уровень жизни в этих двух регионах отличался довольно существенно – если показатели по Пермской области стабильно превышали средний по Приволжскому округу уровень, то показатели по Коми-Пермяцкому округу были устойчиво ниже средних по Приволжью. Так, в 2000 году среднедушевые доходы населения Пермской области составили 2401 руб., а жителей Коми-Пермяцкого округа – почти в три раза меньше (871 руб.).

Высоким уровнем жизни населения Пермской области можно называть, начиная с 1995 г. До этого времени регион не входил в число лидеров по уровню жизни. Так, в 1990 г. Пермская область была по данному показателю лишь на десятом месте среди регионов, значащихся сегодня в составе Приволжского федерального округа, – среднедушевой доход населения достигал лишь 0,189 тыс. руб., тогда как в Нижегородской области он был на уровне 0,201 тыс. руб., в Самарской области – 0,200 тыс. руб. Однако, уже в 1995 г. средний доход жителя Пермской области составлял 490 тыс. руб., Самарской области – 476 тыс. руб., а жителя Нижегородской области не превышал и 400 тыс., составляя 384 тыс. руб.

Второй отличительной особенностью Пермского края является *неравномерность расселения жителей региона*. Треть всего населения края проживает в г. Перми; кроме того, в регионе существует два города с численностью населения более 100 тыс. чел. (Березники и Чайковский) и свыше 2700 населенных пунктов с численностью жителей менее 100 чел.[1]. При этом по мере удаления от крупных населенных пунктов плотность населения существенно сокращается. Наименьшая плотность населения наблюдается на севере, северо-западе и северо-востоке региона (Красновишерский, Гайнский,

Чердынский районы). Указанная особенность приводит к тому, что часть населения не имеет межгрупповых (межобщинных) социальных контактов и интеракций, что, в свою очередь, влияет на возможности и скорость формирования общественного мнения региона.

Третьей чертой региона является его *полиэтничность* – в Прикамье по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. проживают представители более ста двадцати национальностей, отличающиеся по численности, географии расселения, историко-культурным традициям, вероисповеданию, уровню национального самосознания. Русское население Прикамья является наиболее многочисленным (2,4 млн. человек) и составляет порядка 85 % общей численности населения. Второе место по численности населения в регионе занимают татары, которых насчитывается 136,6 тыс. человек (почти 5 % населения Прикамья). Однако, расселение представителей различных национальностей на территории региона неравномерно. Например, в Октябрьском районе татары составляют более трети всего населения (34,7 %), среди жителей Коми-Пермяцкого автономного округа 59 % – коми-пермяков, а русских лишь 38,1 %.

В-четвертых, Пермский край отличают *существенные различия в уровне развития территорий региона*, затрудняющие складывание в регионе единодушного общественного мнения. Наряду с городами и районами, имеющими высокий промышленный потенциал и вносящими значимый вклад в развитие экономики не только региона, но и страны в целом, существуют «депрессивные», крайне неразвитые территории. Например, объем промышленной продукции по крупным и средним предприятиям в таких городах как Пермь, Березники и Соликамск в 2004 г. превысил 10 000 млн. рублей, в Губахе, Добрянке и Чусовом был выше 6 000 млн. рублей, а в Березовском, Уинском, Еловском и ряде других районов (всего их в регионе было 7) не превысил и 3 млн. рублей [2]. Можно было бы предположить, что данные территории являются основными поставщиками сельскохозяйственной продукции, однако и такие показатели по указанным районам невелики. Как следствие – в территориях существенно различается уровень жизни населения. Например, среднемесячная номинально начисленная заработная плата в 2004 г. в крупных городах (Перми, Соликамске, Березниках, Чайковском) превышала 6 тыс. руб., тогда как в неразвитых районах (Оханском, Большесосновском, Коми-Пермяцком автономном округе и ряде других) не достигла и 3,6 тыс. руб.

Такая черта региона, как неравномерность развития входящих в него территорий, не противоречит приведенной нами выше характеристике Прикамья как экономически развитого, поскольку большая часть населения проживает в относительно благополучных в экономическом плане городах и районах. Жители «проблемных районов» составляют порядка 15 % населения региона.

Пятой отличительной чертой Пермского региона является его *политическая стабильность*. Политическая ситуация в Прикамье на протяжении долгого времени не претерпевала кардинальных изменений, была устойчивой и предсказуемой. Как замечает Л.Фадеева, Пермский регион в перестроечную и постперестроечную эпоху даже попал в разряд «неинтересных» объектов политического анализа. Тенденции пермской региональной жизни демонстрировали слабую реактивность на катаклизмы федерального уровня, преобладание позиции «выжидательности» со стороны как «верхов», так и «низов» по отношению к тому, как определится доминанта российской политической жизни, и каким образом это может сказаться на судьбе региона [3]. Указанные особенности политического ландшафта позволили общественному мнению в Прикамье не концентрироваться, в отличие от других регионов России, на кризисе политической власти.

Наконец, шестой, крайне значимой особенностью Пермского края является *неблагополучная социальная ситуация*, складывающаяся на фоне достаточно высокой интенсивности экономического развития региона. С 1992 г. естественный прирост населения в крае прекратился и возросла его естественная убыль. Количество родившихся в расчете на 1000 жителей стало меньшим, чем число умерших. На 1000 трудоспособных в Пермском регионе приходится всего 305 человек «трудового резерва», что меньше чем в целом по стране (337 чел.) и Приволжскому федеральному округу (339 чел.) [4]. Уровень смертности населения в Прикамье превышает средние показатели по России, Приволжскому и Уральскому округам. Уровень социально индикаторных заболеваний остается довольно высоким в сравнении со среднероссийским показателями. Характерные для России в целом высокие показатели потребления крепких спиртных напитков в Пермском крае находятся на недопустимом уровне. В 2004 г. в регионе потребление алкоголя находилось на уровне 17 литров на душу населения (это самый высокий показатель по Приволжскому федеральному округу), тогда как в среднем по России – 15 литров на человека; устойчива тенденция роста заболеваемости хроническим алкоголизмом в крае. Кроме того, Пермский край входит в число регионов с высоким уровнем распространенности наркологических заболеваний. Численность больных с диагнозом наркомания, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, в расчете на 100 тыс. населения в среднем по России в 2004 г. составляла 228,8 чел., в Приволжском федеральном округе – 211,1 чел., тогда как в Пермской области зарегистрированных больных наркоманией было 251,2 чел. на 100 тыс. населения.

На протяжении последних лет Прикамье по уровню образования населения уступает средним показателям по стране. По числу лиц с высшим образованием в категории занятого населения на 1000 чел. регион отстает от большинства субъектов Приволжского федерального округа, а также от общих показателей по Российской Федерации. Среди занятого населения преобладают низко квалифицированные работники с начальным профессиональным образованием.

Пермский регион характеризуется высоким уровнем преступности, при этом ситуация имеет тенденцию к ухудшению: если в 2002 г. в регионе на 10 тыс. населения было зарегистрировано 259,5 преступлений, в 2003 г. – 311,3, в 2004 – уже 349,4, в 2005 г. – 449,2 [5]. Проблема высокого уровня преступности находит свое отражение и в общественном мнении жителей Пермского региона – в ходе опроса «Весна-2005», проведенного Сектором социологического мониторинга Администрации Пермской области, 50,4 % жителей Прикамья при ответе на вопрос «Какие проблемы общества Вас тревожат всего?» отметили преступность.

Вторичный анализ результатов проведенных ранее исследований позволяет определить некоторые специфические черты Пермского края в сфере социального самочувствия населения. Отличительной особенностью Прикамья здесь можно считать *достаточно высокий уровень доверия населения базовым социальным институтам* – оценки пермяков весьма существенно отличаются от среднероссийских показателей доверия в большую сторону. Сравнительный анализ показателей уровня доверия россиян в целом и жителей Пермского региона социальным институтам в период с 1994 по 2005 г. позволяет сделать вывод о том, что практически все социальные институты, как государственные, так и негосударственные, вызывают у пермяков большее доверие, нежели у россиян в целом.

С 2000 г. в России институтом, пользующимся наибольшим доверием граждан, является президентство (во многом благодаря личной привлекательности Президента России В.В.Путина для многих россиян): число респондентов, в ходе социологических опросов сказавших, что Президент «в целом заслуживает доверия», ни разу не упало

ниже сорока процентов. Максимальные показатели доверия данному институту были зафиксированы в 2004 г., когда 62 % респондентов заявили о своем доверии Президенту. В Пермской области (включая Коми-округ) подобные показатели были еще выше – весной 2005 г. доверяли Президенту 66,4 % пермяков.

Традиционно низкий уровень доверия среди россиян имеют такие политические институты, как Парламент и политические партии. Начиная с 1994 г., уровень доверия Парламенту в целом по России ни разу не превышал пятнадцать процентов, тогда как в Пермском регионе весной 2005 г. Государственной Думе доверяли 26 % населения, Совету Федерации 30,3 % (против 13 % доверяющих обеим палатам Парламента в целом по России). Политические партии в том же, 2005 г., пользовались доверием 7 % россиян и 16,2 % жителей Прикамья.

Важной особенностью социального самочувствия населения Пермского региона является их высокий уровень доверия региональной и местной власти. Так, в 2001 году в целом по России региональным администрациям доверяли порядка 20 % населения, в Прикамье данный показатель составил 69,1 %, превысив среднероссийский более чем в три раза. К 2002 г. наметилась общероссийская тенденция падения уровня доверия региональным властям, наблюдавшаяся и в Пермском регионе. Однако если в целом по стране в 2002 г. областным и краевым властям доверяли 19 % жителей, то в Пермской области процент доверяющих оставался довольно высоким и составил 57,6 %. Важно отметить, что осенью 2000 г. в Пермской области сменился губернатор (на смену Г.В.Игумнову пришел Ю.П.Трутнев), однако данные перестановки не изменили состояние общественного доверия, что позволяет сделать вывод о незначительности личностного компонента политического лидера в структуре доверия населения Прикамья такому социальному институту, как региональная власть. Весной 2005 г. администрации Пермской области по-прежнему доверяли больше половины жителей региона – 51,8 % граждан.

Особого внимания заслуживает существенно более высокий уровень доверия пермяков такому социальному институту, как средства массовой информации. Следует отметить, что пресса, телевидение и радио пользуются высоким в сравнении с другими институтами доверием россиян в целом (результаты опросов показывают, что порядка трети жителей нашей страны доверяют «четвертой власти»), однако в Пермской области показатели доверия радио и телевидению достигали 63,9 %, прессе – 51,9 % весной 2001 г., тогда как в целом для России максимальные показатели не превышали 26 %. Весной 2005 г. радио и телевидение пользовались доверием 53,7 % жителей Пермского региона, пресса – 46,0 % жителей края.

Тем самым можно сделать вывод о том, что оценки пермяков весьма существенно отличаются от среднероссийских показателей доверия в большую сторону. На основании сравнительного анализа показателей уровня доверия россиян в целом и жителей Пермской области можно сделать вывод о довольно высоком уровне доверия населения к социальным институтам региона.

Литература

1. Муниципальные образования Пермского края. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермской области. – Пермь, 2006. – С. 12.
2. Основные показатели развития городов и районов Пермской области: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермской области. – Пермь, 2005. – С. 92.
3. *Фадеева Л. А.* Губернаторские выборы в контексте проблемы гражданского общества в Пермском регионе // *Выборы и проблемы гражданского общества на Урале.* – 2001. – № 4. – С. 27.

4. Климов А.А., Автономов А.С., Вардомский Л.В. и др. Пространственное развитие Пермского края: проблемы и перспективы / Тезисы доклада на Межрегиональной конференции по проблемам развития Пермского края 31 марта 2006 г. – Пермь: МИРИ, 2006. – С. 9.
5. Муниципальные образования Пермского края. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермской области. – Пермь, 2006. – С. 77.

Н.В. Романкова

**СМОЛЕНСКИЙ ПРИКАЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
РУБЕЖА XVIII и XIX в.***

Правление Екатерины II ознаменовано целым рядом особо значимых для российской истории преобразований, которые, используя современную лексику, смело можно отнести к разделу «национальные проекты».

Приказы общественного призрения в Российской империи были созданы в ходе реализации губернской реформы Екатерины II (1775 г.). К их компетенции были отнесены «...попечение и надзирание о установлении прочном основании 1) народных школ, 2) установление и надзирание сиротских домов для призрения и воспитания сирот мужескаго и женскаго пола, оставшихся после родителей без пропитания, 3) установление и надзирание гошпиталей, или больниц для излечения больных, 4) установление и надзирание богоделен для мужескаго и женскаго пола убогих, увечных и престарелых, кои пропитания не имеют, 5) установление и надзирание особаго дома для неизлечимых больных, кои пропитания не имеют, 6) установление и надзирание дома для сумасшедших, 7) установление и надзирание работных домов для обоего пола, 8) установление и надзирание смиренных домов для обоего же пола людей» [1].

Приказы общественного призрения создавались как всеобщие органы, регулировавшие важнейшую для людей социальную сферу. Впервые в российской истории был учрежден государственный орган такого профиля. Эти органы также впервые в истории России получили государственное обеспечение. Финансовые возможности приказов были обеспечены различными источниками доходов. Прежде всего, сам учредитель (государство в лице императрицы) предоставил каждому приказу общественного призрения начальный капитал в размере 15 тыс. рублей. Эти средства могли расходоваться целевым образом на выполнение основных задач приказов и (или) отдаваться «в рост». При этом получаемые от ростовщических операций доходы направлялись на осуществление основной деятельности приказов [2]. Другими источниками финансирования приказов были пенные деньги и милостыня, собираемая в специальные кружки. В законодательных актах последней трети XVIII – XIX в. о залоге помещичьих имений приказам общественного призрения разрешалось осуществлять кредитование дворянства под залог их имений. Для этой операции государство выделяло приказам специальные средства из Ассигнационного банка. Пополнению бюджета приказов способствовала и частная благотворительность, размеры которой простирались от нескольких рублей до передачи в распоряжение приказа доходов с имений [3].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Смоленской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социологический портрет Смоленской области», проект № 06-03-58302 а/Ц.

В цитатах из документов сохранена орфография и пунктуация оригинала.

Закон предписывал приказам общественного призрения вести строгий учет прихода и расхода денег в специальных книгах. Последние подлежали ревизии казенной палатой по распоряжению наместника [4]. Благодаря ведению в приказах бухгалтерской документации и протоколов заседаний, мы можем составить четкое представление о выполнении таких национальных проектов, как образовательный, материальная поддержка малоимущих слоев всех сословий, государственная поддержка сирот, оказание минимальной медицинской помощи малоимущим и заключенным, а также специализированной медицинской помощи сумасшедшим, создание работных и смиренных домов.

Смоленский приказ общественного призрения осуществлял активную работу по предоставлению широкого спектра образовательных услуг представителям различных социальных групп. Реализация образовательной программы осуществлялась через уездные училища, гимназии, Бухгалтерское отделение Санкт-Петербургского коммерческого училища [5], училище для детей канцелярских служащих [6], лесной и межевой институты [7], Константиновскую землемерную школу, Повивальный институт, фельдшерские школы, Московский университет. Приказы из своих средств оплачивали обучение своих воспитанников в учебных заведениях. «Из трех воспитанников Смоленского училища детей канцелярских служащих, присланных в 1837 году, по распоряжению моему, в Лесной и Межевой Институт, один принадлежит Смоленскому Приказу Общественного Призрения. За содержание его в первом году причитающиеся Институту четыреста рублей уплачены уже из сумм Приказа и ныне следует уплатить сему заведению такую же сумму за второй год» – читаем в приказе № 56 хозяйственного департамента МВД, направленном военному губернатору г. Смоленска и Смоленскому гражданскому губернатору [8]. Воспитанник приказа мог получить лишь азы начального образования, если он не проявлял способностей к учебе и прилежания, но мог при финансовой поддержке этого же учреждения приобрести среднее специальное и даже высшее образование. Так, воспитанник Смоленского приказа общественного призрения Павел Иванов успешно окончил Смоленскую гимназию и выдержал экзамен в Московский университет [9]. До 1838 г. воспитанники приказов (из числа незаконнорожденных или неизвестного происхождения), получившие образование в различных учебных заведениях, могли поступать на гражданскую службу с правом получения классных чинов. Эта практика была прекращена высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 19 января 1838 г. Тем же актом приказам запрещалось помещать воспитанников этой категории в различные учебные заведения, как-то: уездные училища, гимназии, Бухгалтерское отделение Санкт-Петербургского коммерческого училища и др. [10]. Стоимость обучения воспитанников варьировалась в зависимости от вида учебного заведения. Так, в среднем содержание воспитанника в фельдшерской школе обходилось 137 руб. 4 $\frac{3}{4}$ коп. в год, или 37 $\frac{1}{2}$ коп. в сутки; в училище детей канцелярских служащих – в 90 руб. 99 коп. в год, или 27 $\frac{1}{2}$ коп. в сутки; в сиротских домах – 79 руб. 60 $\frac{1}{2}$ коп. в год или 21 $\frac{1}{2}$ коп. в сутки; в воспитательных домах – 30 руб. 73 $\frac{3}{4}$ коп. в год или 8 $\frac{1}{2}$ коп. в сутки. В среднем расходы приказов общественного призрения на содержание воспитанников в учебно-воспитательных заведениях составляли 70 руб. 38 коп. в год, или 19 $\frac{1}{4}$ коп. в сутки [11]. Для сравнения отметим, что на содержание заключенного в 1832 г. отпускалось 13 копеек кормовых в сутки [12]. Фактические расходы на содержание арестантов и средние расходы по призрению воспитанников в системе учреждений приказов были приблизительно равны, так как в указанные выше 19 $\frac{1}{4}$ коп. входили затраты не только на обучение, но и на содержание (жилье, питание, одежду и т.д.).

Учебно-воспитательные заведения приказов общественного призрения оказывали и платные образовательные услуги населению. Общее количество таких учащихся

в 1855 г. составило 465 человек, или приблизительно 8,24 % от всего числа воспитанников приказов. Мы попытались выявить степень привлекательности для населения различных типов учебно-воспитательных заведений приказов, сопоставив количество обучающихся платно и бесплатно. На первом месте по привлекательности оказались воспитательные дома, где 12,48 % воспитанников обучалось платно; на втором – фельдшерские школы (5,67 %), на третьем – сиротские дома (2,07 %) и на четвертом – училища детей канцелярских служащих (1,21 %). Важнейшим фактором, влияющим на выбор учебного заведения, вероятнее всего, являлась стоимость пребывания в заведении, открытость его для поступления лиц разных сословий, интеллектуальные способности ребенка, возможность продвижения по социальной лестнице по завершении образования [13]. Смоленский приказ общественного призрения играл значительную роль в подготовке кадров канцелярских служащих. По данным Министерства внутренних дел на 1835 г., на Смоленский приказ приходилось 9,68 % всех воспитанников училищ для детей канцелярских служащих; 11,9 % государственных ассигнований на эту статью; 7,014 % средств приказов на содержание этих учебно-воспитательных заведений; 11,13 % учащихся данного типа заведения; 16,23 % окончивших заведение [14]. Напомним, что в России училища для детей канцелярских служащих были созданы в 1823 г., а в Смоленской губернии лишь в 1830 г. Конечно, количество получавших образование оставалось крайне незначительным, с точки зрения нашего современника. Однако не следует забывать, что процесс распространения грамотности находился на стадии становления, а также и то, что российское государство находилось в состоянии почти непрерывных войн и не располагало достаточными средствами для крупномасштабных образовательных проектов.

Одним из важнейших национальных проектов дореволюционной России можно считать создание воспитательных учреждений для сирот и детей малоимущих родителей всех сословий. Смоленский приказ общественного призрения курировал несколько заведений подобного рода, а именно военно-сиротское отделение, воспитательный дом, а также финансировал программу воспитания детей частными лицами (прообраз современных «патронажных семей») [15].

Значительную роль Смоленский приказ общественного призрения играл и в обеспечении населения губернии медицинской помощью. Так, в 1814 г. расходы по этой статье составили 1212 руб. 35 коп. [16], что составляло около 1,48 % поступивших в 1810 г. на счет приказов сумм. В 1820 г. только за майскую треть приказ заплатил 1889 руб.66 коп. за лекарства для городской больницы [17] и 190 руб. 60 коп. за медикаменты для воспитательного дома [18].

Поддержка малоимущих слоев населения осуществлялась в основном двумя способами. Во-первых, нуждающимся предоставляли места в богадельне. К контингенту богадельных относились увечные военного ведомства и лица разных сословий, не имеющие средств к пропитанию. В этом учреждении люди получали крышу над головой, пищу и одежду из расчета 25 коп. на человека в сутки [19] или непосредственно деньги. Во-вторых, «социальная дотация» могла выражаться в прямой денежной помощи несостоятельным жителям губернии.

В целом по империи в 1855 г. приказы общественного призрения на содержание собственных заведений, за содержание в заведениях иных ведомств и производство пособий (на оспопрививание, на выдачу лекарств бедным, денежные пособия малоимущим вне богаделен) израсходовали 2821230 руб. 44 $\frac{3}{4}$ коп. С учетом затрат столичных приказов эта сумма достигла 3317678 руб. 68 $\frac{3}{4}$ коп. [20].

Особое место в деятельности приказов общественного призрения постепенно заняли ссудные операции. Они были представлены двумя видами операций. Первый вид – это ссуды под залог недвижимых имений. Второй – принятие денежных вкладов от

населения под проценты. Для выдачи средств дворянам под залог деревень приказы частично получали ссуды от правительства. Так, в документах Смоленского приказа общественного призрения сохранилось отношение Государственного заемного банка от 1834 г., «коим уведомляет, что сверх произведенных сему приказу из Государственного заемного банка на основании ВЫСОЧАЙШЕГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления минувшаго февраля во 2-ой день на журнале Комитета ГГ. министров последовавшего в число 300000 р. Того же февраля 15 Ассигнациями 150000 р о которых извещен уже приказ 16 того месяца за №1003 текущего месяца 26 поставлены в долгу на Смоленском Приказе Общественного Призрения и достальныя 150000 р. на правилах 26летних займов и по удержании из них на платежи премии 1500 р. достальныя 148500 р. для перевода через Смоленскую Казенную Палату в приказ отпущены в Главное Казначейство причем препровожден и расчет по ежегодных платежах по сей ссуде...с присовокуплением, что проценты за первые три месяца...зачтены будут из прибылей банка» [21]. Кроме того, для ведения ссудных операций приказы могли использовать и собственные капиталы. Получаемую прибыль приказы направляли на осуществление текущей деятельности. В свою очередь и сами приказы достаточно широко к середине XIX века пользовались услугами кредитных учреждений для размещения своих капиталов с целью получения прибыли. На 1 января 1856 г. Смоленский приказ общественного призрения следующим образом разместил свои средства в кредитных учреждениях страны. В Комиссии погашения долгов находилось 40.428 руб. 57 коп.; в Заемном банке – 244.000 руб.; у заемщиков – 1.471.020 руб. 16 $\frac{3}{4}$ коп.; у разных мест и лиц – 82.476 руб. 96 коп.; налицо деньгами 2.271 руб. 27 $\frac{1}{2}$ коп. и билетами 3.150 руб. 47 коп.; общая сумма средств составляла 1.783.347 руб. 44 $\frac{1}{4}$ коп. В целом все приказы по империи располагали суммой в 110.517.049 руб. 23 $\frac{1}{4}$ коп. и распорядились ею следующим образом. В Комиссии погашения долгов находился 1.546.257 руб. 81 $\frac{3}{4}$ коп.; в Заемном банке – 42.673.623 руб. 96 $\frac{3}{4}$ коп.; в Коммерческом банке – 1.625.682 руб. 94 $\frac{3}{4}$ коп.; в Сохранных казнах – 2.881.602 руб. 39 $\frac{1}{2}$ коп.; в других приказах – 1.634.502 руб. 76 $\frac{1}{4}$ коп.; у заемщиков – 49.441.851 руб. 89 коп.; у разных мест и лиц – 7.917.811 руб.; налицо – деньгами 792.008 руб. 45 коп. и билетами – 2.003.708 руб. $\frac{1}{4}$ коп. [22].

В структуре доходов Смоленского приказа общественного призрения прибыль от предоставленных займов играла значительную роль. Так, в 1810 г. эта статья дохода составила 50,95 % всех поступивших сумм [23]. По отрывочным данным Министерства внутренних дел, доля собственных средств приказов общественного призрения постепенно снижалась и составляла, по нашим подсчетам, 66,66 % в 1803 г., 37,92 % – в 1833 г., 36,68 % – в 1834 г., 34,52 % – в 1835 г., 32,03 % – в 1843 г., 13,11 % – в 1854 г. и 12,31 % – в 1855 г. [24]. Аналогичный процесс наблюдался и в структуре финансов Смоленского приказа общественного призрения. Так, в 1854 г. собственные капиталы приказа составляли всего 6,39 %, а посторонние – 93,61 %; в 1855 доля собственных капиталов снизилась до 6,05 %, а объем посторонних капиталов возрос до 93,95 % [25]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что приказы общественного призрения, в том числе и Смоленский, стали прибыльными коммерческими предприятиями, успешно привлекавшими денежные средства населения. При этом доверие населения к приказам общественного призрения была очень высока, о чем свидетельствует увеличение объемов вкладов физических лиц даже в годы Крымской войны. Активная финансовая деятельность явилась базой успешной реализации «национальных проектов» приказами общественного призрения.

В целом, подводя итог участия Смоленского приказа в реализации «национальных проектов», следует отметить высокую эффективность его работы. Сами приказы

общественного призрения стали действенным инструментом государственной политики.

В ходе реформ 60–70-х гг. XIX века приказы общественного призрения упразднились, а большая часть их функций была передана созданным земским учреждениям. Однако фактически деятельность приказов по завершению дел помещичьим займам под залог имений продолжалась до конца 80-х гг. XIX в.

Примечания

1. Учреждения для управления губерний. Ст. 382 // Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 260.
2. Там же. – С. 260 – 261.
3. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф.1. Оп.1. Д. 23. Л. 21. 1799 г.
4. Учреждения для управления губерний. Ст. 383 // Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Том 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М.: Юрид. лит., 1987. С. 261.
5. ГАСО. Ф.54. Оп.1. Д. 164. 1838 г. Л. 29.
6. В Смоленске училище для детей канцелярских служащих было открыто 25 июля 1830 г. Финансирование этого учебного заведения носило смешанный характер. Часть средств предоставляло государство, а другую часть – приказы. За 5 лет существования училища в него поступило 85 человек из Смоленской, Псковской, Новгородской, Тверской и Витебской губерний. В 1835 г. на содержание училища из государственной казны было отпущено 10800 рублей, из приказа – 7200 рублей, следовательно, приказ выделил 40 % необходимых училищу средств. – Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1835 г. – СПб., 1836. Приложение № 14.
7. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 164. 1838 г. Л. 75.
8. Там же.
9. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 87. 1827 г. Л. 78.
10. ГАСО. Ф. 54. Оп.1. Д. 164. 1838 г. Л. 29.
11. Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1855 г. – СПб., 1857. – С. 95.
12. Отчет Комитета Общества попечительного о тюрьмах за 1832 г. – СПб., 1833. – С. 308.
13. Расчеты выполнены на основании данных Извлечения из отчета министра внутренних дел за 1855 г. СПб., 1857. С. 95.
14. Расчеты выполнены на основании данных Извлечения из отчета министра внутренних дел за 1835 г. Приложение № 14.
15. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 7. Л. 88.
16. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2. 1814 г. Л. 13-33.
17. ГАСО. Ф. 54. Оп.1. Д. 53. 1820 г. Л. 20.
18. Там же. Л. 27.
19. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 76. Л. 4; Д. 96, Л. 664.
20. Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1855 г. СПб., 1857. С. 95.
21. ГАСО. Ф. 54. Оп.1. Д. 140. Л. 969 об.- 970 об.
22. Там же. Л. 101.
23. Расчет выполнен на основании данных книги прихода и расхода средств приказа за 1810 г. – ГАСО. Ф. 54. Оп.1. Д. 1.
24. Данные для расчета взяты из Отчета министра внутренних дел за 1803 г. СПб., 1804. С. 120; Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1834 г. СПб., 1835. С. 117-119; Отчет министра внутренних дел за 1935 г. СПб., 1836. С. 81-82; Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1841 г. СПб., 1842. С. 38; Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1842 г. СПб., 1844. С. 12; Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1855 г. СПб., 1857. С. 26-27.
25. Расчет выполнен на основании данных Извлечения из отчета министра внутренних дел за 1855 г. СПб., 1857. С. 26-27.

Г.Ф. Ромашкина, Т.М. Сафонова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОРТРЕТЕ РЕГИОНА*

В процессе создания социокультурного портрета региона одна из первых задач – описание экономической активности населения региона. При этом возникает необходимость определения характеристик, отражающих реакцию региональных социально-экономических систем и позволяющих проводить сравнительную оценку траекторий их экономического развития. Необходимо отметить, что сама по себе эта задача не тривиальна, поскольку включает в себя несколько подзадач, имеющих как теоретические, так и эмпирические особенности.

В работе над портретом также приходится столкнуться с проблемой социологической трактовки категории экономической активности. Значительный интерес представляет поиск причин и региональных особенностей, которые лежат в основе существующих различий в динамике региональных экономических систем. В условиях трансформации российской экономики работы, посвященные изучению проблем в данной области, становятся все более востребованными, а использование термина «экономическая активность» – все более популярным. Активность в сфере экономики отдельного человека, организации или территориальной системы определяется целым рядом факторов. Тем не менее, общий подход к оценке уровня экономической активности и выявлению доминирующих факторов в рамках социокультурной парадигмы на данный момент, к сожалению, пока еще не выработан.

Переход к рыночным условиям хозяйствования позволяет населению осуществлять экономическую активность в разнообразных формах. Это вызывает необходимость анализа их широкого спектра, новых направлений и форм организации хозяйственной деятельности. Обогащение отечественной статистики новыми методиками и индикаторами, накопление данных по системе национальных счетов дают возможность использования системы показателей оценки уровня, структуры, динамической характеристики экономической активности в разрезе регионов. В то же время существует необходимость уточнения ряда категорий, параметров, факторов и индикаторов, систематизации подходов, применяемых для описания экономической активности в социологической науке.

Изучение экономической активности не является новым направлением исследований. Оно может осуществляться на уровне человека, организации, отраслевой или региональной (национальной) системы, при этом выделяются те или иные стороны экономической активности.

Кроме того, что само понятие «экономическая активность населения», несмотря на чрезвычайную распространенность его использования, концептуализировано сегодня явно недостаточно, трудность представляет и операционализация этого понятия. Из вышесказанного вытекают очевидные трудности с измерением экономической активности населения.

В экономической науке экономически активное население определено как часть населения, обеспечивающая предложение рабочей силы для производства товаров и услуг. Экономически активное население подразделяется на занятых и безработных.

Экономическая активность населения в социологической науке рассматривается как необходимость и возможность приобретения, сохранения и использования различ-

* Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, грант № 06-03-00566а. «Социокультурный портрет региона (Тюменская область)»

ных благ – экономических и неэкономических, материальных и нематериальных, то есть это действия и поступки субъектов в системе экономических отношений.

В статистической науке исследование данной проблемы ведется на основе сравнения социально-профессиональных и демографических характеристик следующих групп: экономически активное население – экономически неактивное население; занятые – безработные; безработные – экономически неактивное население.

Экономическую активность населения в рамках экономико-социологической парадигмы можно рассматривать как совокупность предпринимательской, инвестиционной, потребительской активности, а также занятость как наемный труд. Ее можно представить как некую качественную оценочную шкалу поведения населения в экономике. Формы экономической активности оказывают взаимное влияние друг на друга, причем как активное, так и пассивное влияние. Экономических индикаторов для измерения экономической активности явно недостаточно, поскольку они не затрагивают внутренних аспектов проблемы (мотивацию, ценностные ориентации в экономике, тип и формы поведения и т.д.). Социологический анализ проблемы должен включать комплекс измерителей и направлен на создание совокупной оценочной шкалы, позволяющей влиять на процесс экономической активности населения.

Сравнительный анализ (статистический и социологический) позволяет более четко определить роль рассматриваемых факторов, влияющих на уровень экономической активности населения.

Региональные особенности экономической активности населения юга Тюменского региона были рассмотрены на материалах региональной статистики и эмпирического социологического исследования.

Структура занятости населения характеризуется преобладанием доли занятых в отраслях материального производства. В 2004 году в организациях промышленности был сосредоточен 15,4 % занятого населения; в строительстве – 9,8 %; в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении, сбыте и заготовках – 18,4 %; образование – 9,8 %, на транспорте – 9,1 %.

По данным исследования, основная масса респондентов работает в промышленности, государственном секторе экономики и в бюджетной сфере. В промышленности, транспорте и связи сосредоточено 29,9 %; государственные служащие, ИТР – 23,4 %; руководители государственных предприятий, акционерных обществ – 5,0 %; предприниматели – 9,7 %; бухгалтеры, экономисты, работники банков – 10,9 %; гуманитарная интеллигенция (врачи, преподаватели, работники культуры, юристы) – 16,4 %; сфера услуг и быта – 7,1 %; в торговле – 9,2 %; работники правоохранительных органов – 5,3 %; студенты – 9,7 %; сельская интеллигенция, руководители в сельском хозяйстве – 3,4 %.

В 2004 году по данным статистики среди занятого населения юга Тюменской области 81,5 тыс. человек (13,0 %) имели дополнительную работу.

Среди занятого населения имеют дополнительную работу 6,5 %. Из них трудятся на государственном предприятии 1,1 %; на акционерном предприятии с участием государства 0,6 %; на акционерном предприятии без государственного участия 0,5 %; в фирме, находящейся в личной собственности 0,2 %; на частном предприятии 1,7 %; имеют личное подсобное хозяйство 1,0 %; заняты индивидуальной трудовой деятельностью 1,4 % респондентов.

Ответы на вопрос «На каком предприятии в качестве основного места хотели бы работать?» распределились следующим образом: на государственном предприятии – 30,2 %; на акционерном предприятии с участием государства – 9,4 %; на акционерном предприятии без государственного участия – 6,5 %; в фирме, находящейся в личной собственности – 20,9 %; на частном предприятии – 5,9 %; в колхозе, сельскохозяй-

ственном кооперативе – 0,4 %; на фермерском хозяйстве – 0,6 %; хотели бы иметь личное подсобное хозяйство – 1,4 %; заняться индивидуальной трудовой деятельностью – 5,1 % опрошенных.

Среди опрошенных заняты трудовой деятельностью в большинстве 86,0 % русских, 4,4 % татар, 1,4 % украинцев, остальные национальности представлены весьма малочисленно.

Показатели общей безработицы превышали регистрируемую. В 2004 году на юге области общая численность безработных сложилась в 4,5 раза выше численности зарегистрированной. Уровень общей безработицы составил 8,4 %, соответственно уровень зарегистрированной безработицы – 1,8 %, рост составил 0,4 п.п. Значительная разница между показателями фактической и официальной безработицы объясняется отсутствием стимулов для регистрации лиц, ищущих работу через службу трудоустройства. Небольшой размер пособий по безработице, сложный процесс регистрации и признания безработным и другие причины приводят неработающее население к самостоятельному поиску работы, без помощи служб занятости.

На сегодняшний день не имеют работы 2,6 % респондентов. Среди безработных преобладают женщины (1,9 %) над мужчинами (1,1 %). Женщины (11,6 %) также имеют более высокий образовательный уровень, чем мужчины (10,0 %). Актуальной остается проблема молодежной безработицы. Молодежная безработица юга области составляет 12,3 %. Из них безработных мужчин (6,9 %) больше, чем женщин (5,5 %).

Более половины (53 %) безработных области не имели никакого профессионального образования. Образовательный уровень безработных граждан на юге области оказался немного выше, чем в целом по области, 33,5 % из них имели высшее, неполное высшее или среднее профессиональное образование. Распределение безработных по виду поселения следующее: 9,7 % в городской местности, 4,6 % в сельской местности.

Таким образом, можно сделать следующий вывод об экономической активности юга Тюменского региона по структуре занятости. Доля экономически активного населения составляет 51,7 % (681, 8 тыс. чел.) от общей численности населения. Доля занятых в экономически активном населении составляет 91,6 % (624,8 тыс. чел.). Доля безработных – 8,4 % (57 тыс. чел.). Доля экономически неактивного населения – 48,3 % (636,7 тыс. чел.) от общей численности населения юга (рис.1.). Рассматривая экономическую активность в динамике по годам можно сказать, что доля экономически активного населения увеличилась в 2004 году по сравнению с 1997 годом. Доля занятых также повысилась. Доля безработных и экономически неактивного населения постепенно уменьшается.

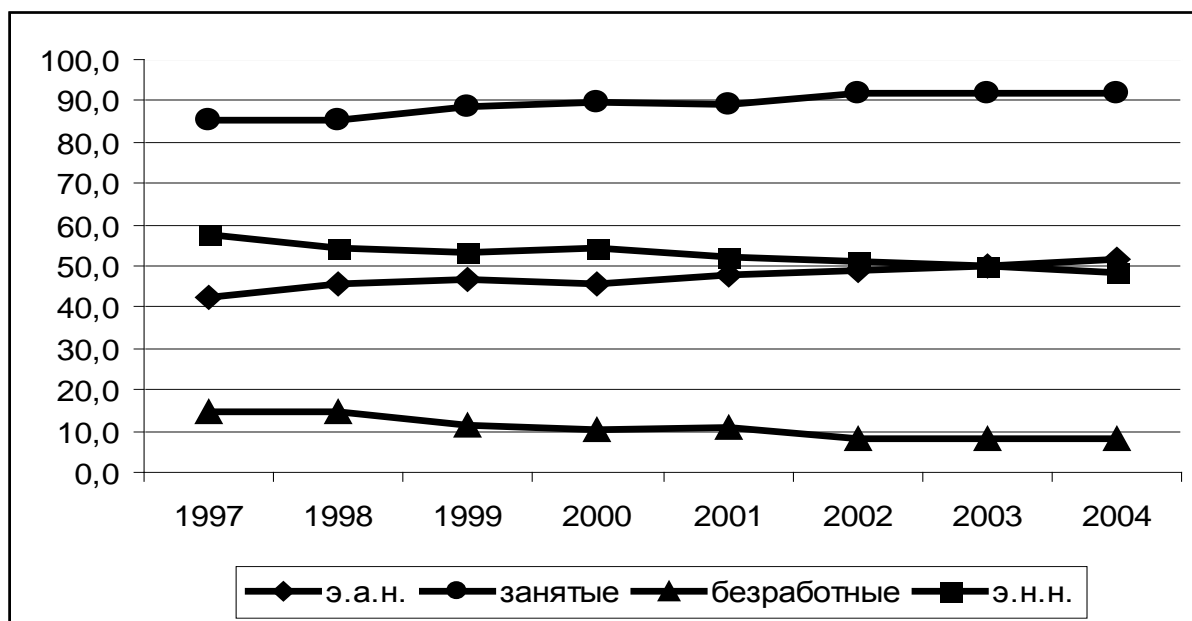

Рис.1. Экономическая активность населения по структуре занятости

На основе данных статистики и проведенного социологического исследования можно сделать вывод о том, что на юге Тюменской области ситуация на рынке труда в течение длительного периода отличается относительной стабильностью. Реальное повышение оплаты труда и пенсий, снижение задолженности по выплатам заработной платы, пенсий, пособий на детей создают надежные условия материальной обеспеченности развития человеческого потенциала.

По данным статистики, в Тюменской области определенные надежды по обеспечению населения рабочими местами связываются с развитием малого предпринимательства. Доля занятых в малом бизнесе остается незначительной и составляет 74,6 тыс. человек. Предпринимателями себя идентифицировали 9,7 % опрошенных. Среди них 2,8 % мужчин и 1,5 % женщин. Имеют среднее образование 1,0 % и профессиональное образование 3,4 % опрошенных. Предпринимательством занимаются лица до 30 лет – 0,8 %, от 30 до 54 лет – 3,3 %, старше 55 лет – 0,2 %.

Из них 3,0 % имеют в личной собственности фирму как основной вид занятости и 0,2 % как дополнительную работу. Также заняты индивидуальной трудовой деятельностью 1,3 %, дополнительно, кроме основного вида деятельности, – 3,6 % опрошенных. Хотели бы заняться индивидуальной трудовой деятельностью как основным видом занятости 5,1 %, а дополнительно к основному виду занятости иметь свое дело – 0,4 % респондентов. Также хотели бы иметь собственную фирму как основной источник заработков 20,9 %, а дополнительно 5,8 % респондентов.

У 0,4 % респонденты, которые имеют свою собственную фирму, нет подчиненных, у 0,9 % работают менее 5 человек, 1,0 % имеет среди своих подчиненных от 5 до 10 человек, 1,2 % – от 11 до 50 человек, работающих по найму, 0,3 % – от 51 до 100 человек, 0,1 % имеет в подчиненных более 100 человек.

Из тех респондентов, кто занят индивидуальной трудовой деятельностью, не имеют подчиненных 1,0 %, менее 5 человек – 0,4 %, от 5 до 10 человек – 0,3 % опрошенных.

На вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбрать?» 16,1 % отметили, что хотели бы иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск.

В селе предпринимателей-собственников больше, чем в городе (2,1 % и 1,6 %). В Тюмени (1,1 %) владельцев собственных фирм больше, чем в Тобольске (0,4 %) и Ишиме (0,1 %). Среди тех, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью, также больше жителей села, чем горожан (1,1 % и 0,5 %). Одновременно респонденты высказывают мнение, что в тюменском регионе слишком сложно открыть свое дело, существует множество проблем (16,4 %).

Что касается инвестиционного предпринимательства, то на юге Тюменской области оно начинает развиваться. Респонденты отметили, что они в последние 5 лет участвовали в создании нового продукта, фирмы, оборудования как организаторы (8,5 %), 17,5 % участвовали наравне с другими, 63,7 % не участвовали вообще.

На вопрос «Если бы были свободные средства, то куда бы их вложили?» были даны следующие ответы: купили бы квартиру – 49,9 %; положили бы деньги в банк – 13,8 %; купили бы машину – 11,1 %; накопили бы на пенсию – 9,8 %; купили бы акции (облигации) – 7,1 %; вложили бы деньги в ПИФЫ – 2,3 %, также открыли бы свое дело – 1,8 %. Данные подтверждают, что наиболее острой проблемой в нашем регионе является квартирный вопрос. Вложение денег в банк говорит о желании иметь стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Также респонденты считают, что в тюменском регионе есть возможность выгодного вложения инвестиций в региональную экономику (23,9 %).

Таким образом, доля предпринимательской активности составила в 2004 году 10,9 % (74644 тыс.чел) (рис.2). Доля инвестиционной активности равняется 0,33 % (2262 счетов вкладчиков) (рис.3).

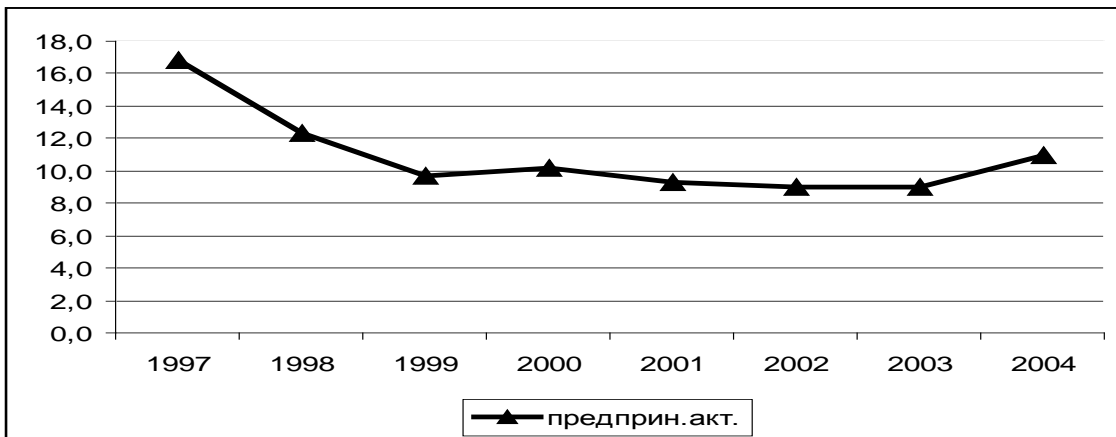

Рис.2. Предпринимательская активность в общей экономической активности населения.

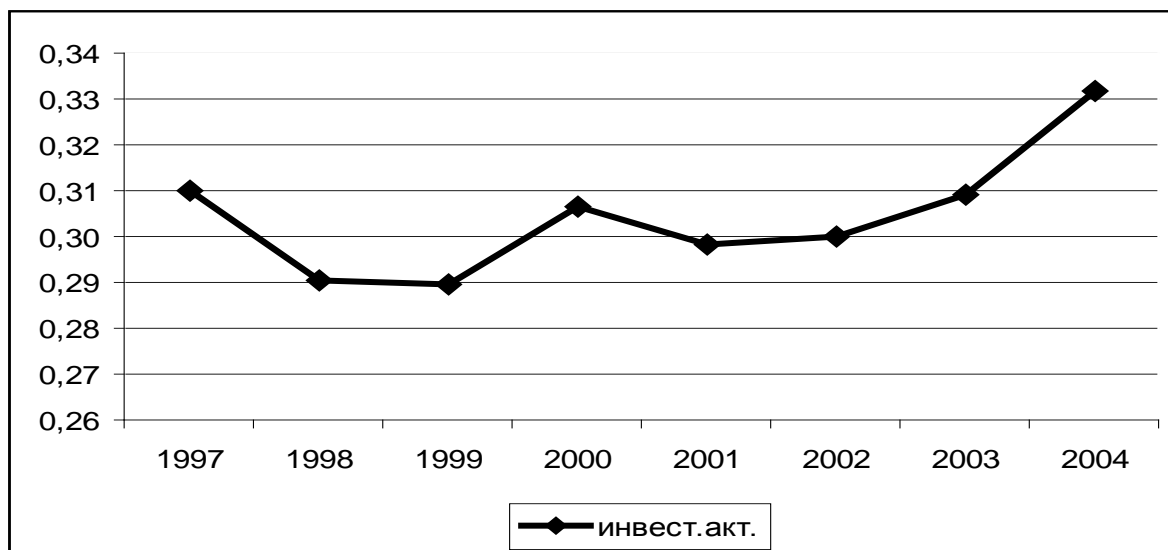

Рис.3. Инвестиционная активность в общей экономической активности населения.

Такой разрыв между реальным положением и желанием заниматься предпринимательской деятельностью можно объяснить рядом причин. Тюменским предпринимателям приходится преодолевать множество препятствий: это отсутствие доступной кредитной системы, неразвитость рынка товаров и услуг, проникновение криминала в сферу бизнеса, но все же первое место в этом списке занимает административное давление со стороны государственных органов.

На основании данных можно сделать вывод о том, что на юге Тюменской области появляются новые производства, рабочие места, становится конструктивным, прозрачным деловой климат. Отраслевая структура предприятий малого бизнеса, структура занятости на малых предприятиях и структура выручки от реализации продукции свидетельствуют о развитии малого предпринимательства преимущественно в сфере промышленности, торговли и общественного питания и строительства. Однако в приоритетных отраслях реального сектора, прежде всего в инновационной деятельности, участие субъектов малого предпринимательства незначительно.

Несмотря на рост объемов производства продукции, выполнения работ и оказания услуг малыми предприятиями, потенциал малого предпринимательства в Тюменской области недостаточно используется для роста занятости, доходов населения и главное – для повышения уровня экономической активности населения.

Рассматривая потребительскую активность населения, прежде всего нужно сказать о структуре потребительских расходов. Она включает: жилищно-коммунальные услуги, услуги пассажирского транспорта и связи, услуги образования и культуры, продукты питания, одежда и обувь, товары для дома, личный транспорт (включая топливо), строительные материалы, услуги по ремонту, здоровье. За последние годы структура расходов населения изменилась. Сократилась доля расходов на продукты питания, товары для дома, стройматериалы, расходы на пассажирский транспорт и связь. При этом выросла доля затрат на питание вне дома, табак и алкоголь, одежду и обувь, личный автотранспорт, увеличилась доля расходов на здоровье и культуру.

Во многом изменение структуры соответствует различному уровню доходов населения. По данным Росстата, в 2004 году доходы населения юга Тюменской области составили 102205,9 млн.руб, а расходы населения – 100686,8 млн.руб.

Анализ материального положения населения юга Тюменской области позволяет сделать вывод о том, что оно достаточно низкое. Это подтверждается данными опроса, хотя это и субъективная оценка. Денег не хватает на повседневные затраты у

10,5 % опрошенных, на повседневные нужды уходит вся зарплата у 13,0 %, хватает на повседневные нужды, но покупка одежды затруднительна у 17,0 %, в основном хватает, но покупка дорогостоящих предметов является проблемой у 31,5 %, хватает на все, кроме приобретения квартиры, машины, дачи у 22,3 %, и только 4,8 % респондентов практически ни в чем себе не отказывают.

Стали жить лучше по сравнению с прошлым годом 44,5 % респондентов, считают, что ничего не изменилось 37,4 % и стали жить хуже 11,5 %. 31,6 % опрошенных считают, что станут жить лучше в ближайшем году, ничего не измениться у 28,6 % респондентов, станут жить хуже по сравнению с настоящим 5,5 % и 33,7 % затруднились с ответом.

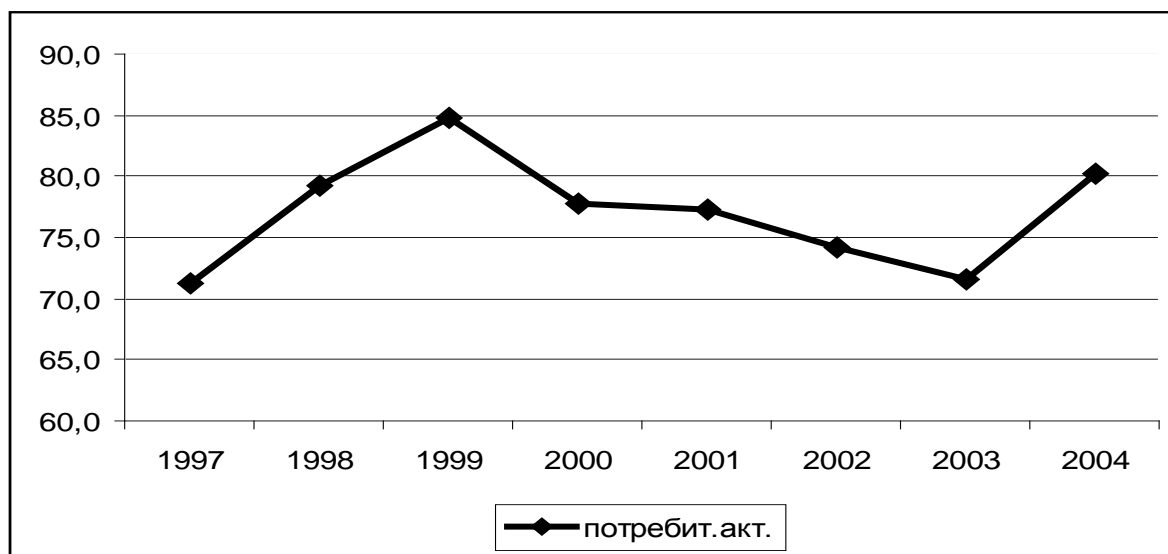

Рис.4. Потребительская активность в экономической активности населения

Можно сделать вывод о том, что потребительская активность населения юга является высокой по сравнению с остальными формами экономической активности.

Была разработана качественная оценочная шкала (измеритель) поведения населения в экономике: отношение экономически активного населения к общей численности населения, занятых – к экономически активному населению, безработных – к экономически активному населению, экономически неактивного населения – к общей численности населения, предпринимательской активности населения – к экономической активности, инвестиционной активности – к экономической активности населения, общего объема потребляемых товаров и услуг – к совокупному доходу экономически активного населения, рассчитанное в процентах.

На основании данной шкалы можно сделать вывод о всех формах экономической активности населения. Структура занятости населения в течение длительного периода отличается относительной стабильностью, несмотря на некоторое повышение ее уровня.

Предпринимательская активность населения находится на очень низком уровне по ряду причин: это и чрезмерный контроль со стороны государственных структур различных уровней, и несовершенство налогового законодательства, и высокие штрафные санкции за нарушения, возникающие в процессе предпринимательской деятельности, обязательная сертификация всех товаров и услуг.

Инвестиционная активность граждан еще ниже, чем предпринимательская активность населения. Здесь играет большую роль наличие или отсутствие определенных знаний и навыков в области финансовой деятельности, ограниченного выбора, риска,

ставки процента, и, самое главное, свободных денежных средств. Однако, что касается потребительской активности, она является самой высокой в общей экономической активности населения. Несмотря на небольшие доходы основной части, население всегда будет потреблять продовольственные и непродовольственные товары и услуги.

Таким образом, рассмотрев все составляющие экономической активности, можно сказать, что общая экономическая активность населения юга Тюменского региона находится на низком уровне. Это можно объяснить рядом причин: в регионе, прежде всего, доли экономически активного и экономически неактивного населения примерно одинаковы, к тому же большой процент пенсионеров и безработных (особенно молодежной безработицы), который в последующем будет увеличиваться. Естественный прирост населения немного превышает численность умерших. Изменить долю экономически активного населения возможно при помощи миграции населения в Тюменский регион и привлечения дополнительной иностранной рабочей силы.

Независимо от этого, с учетом ожидаемого демографического фона можно прогнозировать:

- рост экономической активности населения за счет увеличения численности молодежи в составе населения трудоспособного населения;
- расширение границ молодежной безработицы с учетом инерционности процессов в экономике и подготовке кадров, недостающей разности инфраструктуры рынка труда;
- повышение заинтересованности в предпринимательстве, открытии собственного дела, развитии малых форм хозяйства по мере ускорения процесса смены поколений и с учетом высокой адаптированности молодых к ценностям рыночной экономики;
- повышение значимости формирования мобильности трудоспособного населения и переподготовки кадров в связи с тенденцией «старения» населения и повышением экономической активности старших возрастных групп в связи с низким уровнем душевых доходов.

Тенденции в экономической активности населения могут развиваться в зависимости от ориентиров макроэкономической стратегии.

А.Л. Салагаев, А.С. Макаров

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Республика Татарстан относится к числу наиболее развитых в социальном и экономическом отношении регионов Российской Федерации и является крупным научным, промышленным и экономическим центром, получившим признание не только в России, но и за рубежом.

Многие из сегодняшних успехов были предопределены спецификой осуществления рыночных реформ в Республике Татарстан в начале 1990-х гг. В это период в регионе была провозглашена политика «мягкого вхождения в рынок», которая привела к следующим существенным результатам:

- сохранен контроль государства над ведущими отраслями экономики (нефтедобыча и нефтехимия, машиностроение, энергетика);
- внедрена патерналистская модель социальной политики;
- сохранен промышленный и аграрный потенциал региона;
- остановлен рост безработицы;

- сохранена относительно благоприятная демографическая ситуация и состояние здоровья населения.

Государственное регулирование, несомненно, сыграло положительную роль на начальном этапе реформ, позволив замедлить темпы снижения экономических показателей региона и ослабить ценовой удар по населению. Тем не менее на сегодняшний день эта политика привела к возникновению госмонополий в основных отраслях промышленности и замедлению реформирования сельского хозяйства, а также препятствовала развитию малого и среднего бизнеса. Можно признать, что изменения социальной структуры современного татарстанского общества, по сравнению с другими регионами, в значительной степени инспирируются действиями региональной власти и направлениями государственного вмешательства.

Анализ существующих определений понятия «социальная структура» показывает, что в них отражены, как правило, два основных момента: демографический и стратификационный. Так, с одной стороны, социальная структура – это некий «портрет» общества, представляющий его в виде единого целого, а с другой – это совокупность статусов, групп, слоев или классов, организованная в иерархическом порядке, то есть не равных в том, что касается доступа к ресурсам, которыми обладает социальная система. В описании социальной структуры татарстанского общества мы будем придерживаться как демографического, так и стратификационного подходов.

Численность населения Республики Татарстан на начало 2006 г. составила 3 миллиона 762 тысячи чел. В республике выделяется два ареала концентрации населения: в Казанско-Зеленодольской агломерации, «нанизанной» на железнодорожную магистраль Москва—Екатеринбург, проживает более трети жителей республики (и около 40 процентов горожан), пятая часть жителей (25 процентов горожан) сосредоточена в Набережных Челнах, Нижнекамске и прилегающих к ним районах.

В республике расположен 21 город, в них в 2006 г. проживало 2 миллиона 804 тысячи человек, в том числе в Казани – 1 миллион 112 тысяч 673 чел. В сельской местности на начало 2006 г. проживало 958 тысяч чел. Темпы прироста городского населения и сокращения сельского невелики (до 2–3 тысяч человек в год)

Этнический состав населения, по данным Всероссийской переписи 2002 г., выглядит следующим образом: татары – 52,9 %, русские – 39,5 %, другие этнические группы – 7,6 %. Крупные города многонациональны, хотя в Казани и в ряде других городов (Бугульма, Елабуга, Зеленодольск, Чистополь) преобладает русское население. Большинство сельских районов гомогенно по этническому признаку: среди них есть преимущественно «русские» районы (Верхнеуслонский, Алексеевский, Спасский, Тетюшинский) и преимущественно «татарские» районы (Актанышский, Атнинский, Сабинский, Арский и др.)

Для Республики Татарстан характерны те же самые демографические тенденции, что и для большинства других российских краев и областей. Главная из них – отрицательные показатели естественного прироста населения, превышение смертности над рождаемостью. По данным начала 2006 г., отрицательный коэффициент естественного прироста достиг рекордного значения (–4,0), что было связано с неуклонным увеличением показателей смертности (до 13,8 на 1 тыс. населения). Особенно удручающей является ситуация в сельских районах, где показатель естественного прироста в 2005 г. был равен (–8,4). В сельских районах республики по сравнению с городами не только более высокая смертность (в относительных показателях 17,7 и 12,4 соответственно), но и меньше рождаемость (9,3 и 10,0 соответственно). В абсолютных цифрах в республике в 2005 г. умерло 51,8 тыс. человек, родилось 36,9 тысяч.

Уровень смертности среди мужчин почти в 1,5 раза выше уровня смертности среди женщин. Основными причинами смерти являются болезни системы кровообра-

щения (более половины умерших), смерти от несчастных случаев и травм (около 8 %) и от новообразований (около 7 %). Постоянно возрастает количество смертей от причин, связанных с употреблением алкоголя (1239 случаев в 2005 г.). Средняя продолжительность жизни населения РТ в 2003 г. составила 68 лет.

Число браков в республике в 2005 г. достигло 7,2 на 1000 человек населения: в сельских районах этот показатель несколько ниже. Число разводов в республике достигло в 2005 г. показателя в 3,8 на 1000 человек населения.

Особенностью Татарстана является значительное количество межэтнических браков, причем после небольшого снижения, наметившегося в середине 1990-х, к середине 2000-х гг. их число вновь возрастает. Наиболее активно в межэтнические браки вступают городские женщины-татарки, наименее активно – деревенские парни-татары.

Миграционный прирост населения далеко не полностью компенсирует естественную убыль населения в РТ (примерно на 1/3). Всего в 2005 г. население республики увеличилось за счет мигрантов на 6146 человек. Лидируют в списке государств-«поставщиков» иммигрантов Узбекистан (1150 чел.), Казахстан (540 чел.), Украина (163 чел.), Киргизия (192 чел.).

Лидерство этих государств не случайно и является устойчивой тенденцией последнего десятилетия. Большинство мигрантов являются этническими татарами и русскими, жившими или получавшими образование в Татарстане, а затем уехавшими в среднеазиатские республики на заработки. По этой причине данную категорию мигрантов можно охарактеризовать как реэмигрантов.

На конец декабря 2006 г. в органах государственной службы занятости состояло на учете 25,8 тыс. безработных граждан, или 1,361 % (по оценке) экономически активного населения республики. Назначено пособие 21,2 тыс. безработным гражданам. В декабре 2006 г. коэффициент напряженности на рынке труда* составил 1,5 человека на одну заявленную вакансию.

Денежные доходы на душу населения в Республике Татарстан в среднем за месяц 2006 г. составили 9185,46 рубля. Просроченная задолженность по заработной плате на предприятиях и в организациях республики на 1 января 2007 г. составила 9,5 млн. рублей. Стоимость минимального набора продуктов питания, рассчитанного на основе средних единых норм, утвержденных в целом по России для мужчины трудоспособного возраста, в декабре 2006 г. по республике составила 1197,19 рубля.

В третьем квартале 2006 г. доходы десяти процентов наиболее обеспеченного населения превышали доходы десяти процентов наименее обеспеченного в 16,76 раз, а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 11,52 процента населения.

Нагляднее всего дифференциацию доходов населения отражают кривая Лоренца и коэффициент концентрации доходов (индекс Джини). Кривая Лоренца, или линия фактического распределения, характеризует процентное соотношение всех доходов и всех их получателей. Чем дальше линия фактического распределения отклоняется от линии теоретического распределения, тем больше дифференциация доходов, а соответственно, степень неравенства (см. рис.1) Индекс Джини дает возможность численно оценить степень этого неравенства, в 3 квартале 2006 г. он составил 0,422.

* Отношение численности незанятого населения, состоящего на учете в органах службы занятости, к заявленной предприятиями и организациями потребности в работниках

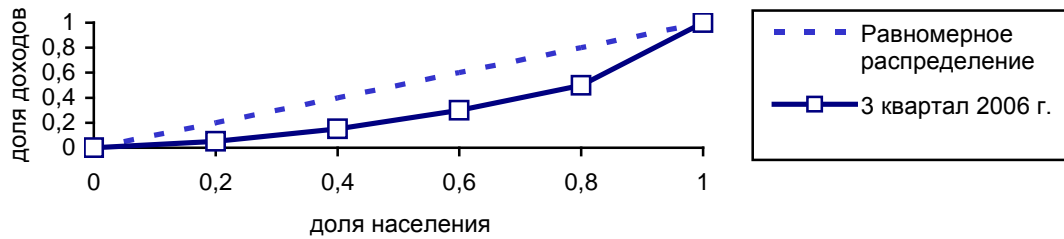

Рис. 1 Неравенство в распределении денежных доходов между группами населения с различным уровнем достатка (кривая Лоренца)

Стратификация населения Татарстана по доходам и образу жизни позволяет выделить три класса (высший, средний и низший, или базовый класс), разбиваемые, в свою очередь, на более узкие страты.

«Высший» класс в Республике Татарстан составляет правящая элита, представленная верхушкой бывшей партноменклатуры республики, а также близкими родственниками высших руководителей. Представители высшего класса имеют максимальные характеристики по всем показателям: доход, власть, престиж. Они занимают практически все ключевые должности в политическом и экономическом руководстве республики, контролируют около 90 процентов бюджетных и внебюджетных доходов (нефть, спирт, продукты нефтехимии, энергетика). Стиль их потребления ничем не ограничен: они имеют несколько квартир и загородных домов, могут позволить любую заграничную поездку, покупку драгоценностей и предметов искусства. Месячный доход представителей этой страты начинается примерно от 100 тыс. долларов, численность страты – около 1 тыс. человек.

Чуть более низкий статус (по параметру обладания политической властью) имеют преуспевающие бизнесмены-монополисты, тесно связанные с правящей элитой, и члены их семей. Как правило, это бывшие комсомольские активисты (хотя и не обязательно). В их распоряжении – коттеджи под Казанью, квартиры в Москве, дорогие иномарки. Уровень дохода представителей **«высшего среднего»** класса колеблется от 10 до 100 тыс. долларов, численность страты – около 5–7 тыс. человек.

«Средний средний» класс состоит из двух основных групп, тесно связанных друг с другом: крупных и средних бизнесменов (но не монополистов) и высших администраторов (на уровне глав муниципальных образований и пр.). Уровень дохода от 2–3 до 10–20 тысяч долларов позволяет им приобретать недорогие коттеджи, престижные (но не элитные) квартиры, дорогую мебель и бытовую технику, несколько автомобилей на семью. Численность данной страты колеблется в пределах 100 тыс. человек.

«Низший средний» класс в республике представлен мелкими бизнесменами, менеджерами и чиновниками среднего уровня, частью бюджетников, имеющих приработок на стороне, крестьянами из зажиточных хозяйств и пр. Их месячный доход находится в пределах от 500 долларов до 1–2 тысяч, что позволяет им не отказывать себе в продуктах питания, одежде, но на крупные покупки (квартира, дача, машина-иномарка) приходится откладывать. Оценочная численность данной страты – около 1,5 миллиона человек.

«Низший» класс в республике является наибольшей стратой, включающей в себя большинство бюджетников, молодых семей, пенсионеров, частично крестьян. Их жильем является городская квартира, или частный дом (как правило, оставшиеся с советских времен), или общежитие. Уровня дохода в 200–500 долларов достаточно

только для покупки одежды, продуктов питания, оплаты жилья и коммунальных услуг. Численность данной страты – в пределах 1,5 млн. человек.

«**Низший низший**» класс – жители депрессивных сельских районов республики, часть пенсионеров, безработные, работники предприятий, задерживающих выплату заработной платы. Большинство из них живет в значительной мере за счет натурального хозяйства и случайных заработков. Численность данной страты – около 500 тысяч человек, доходы трудно измерить в денежном выражении, но не более 200 долларов.

«**Андеккласс**» (подкласс) – люди без определенного места жительства и занятий, беженцы, нелегальные мигранты. Живут случайными заработками (разнорабочие на рынках) и мелкими хищениями (черные и цветные металлы), постоянный источник дохода отсутствует. Численность данной страты находится в пределах от 50 до 100 тысяч человек.

Исследование проблем социальной мобильности в РТ, проведенное Центром аналитических исследований и разработок в ноябре 2006 г., свидетельствует о том, что восходящая мобильность в регионе затруднена присутствием ряда препятствий: экономических (поляризация доходов населения), структурных (неравномерное развитие различных отраслей экономики), образовательных (количественный рост негосударственного образования при снижении его качества) и главным образом этнических (неравномерное присутствие основных этносов в органах государственной власти).

Современное татарстанское общество характеризуется кристаллизацией социальных статусов, при которой основные социальные слои (интеллигенция, рабочие, крестьяне) в межпоколенческой мобильности воспроизводят сами себя.

Таким образом, основной причиной относительно позитивной социальноэкономической ситуации в Республике Татарстан является высокий уровень доходов от нефтедобычи при сохранении особых финансовых взаимоотношений с федеральным центром. Важную роль в укреплении социальной стабильности в регионе сыграла социально ориентированная политика властей региона в 1990-е гг., позволившая сохранить сеть социальной инфраструктуры, поддержать агросектор и жилищное строительство. Относительно высокий уровень жизни населения республики и высокие темпы миграции способствовали сохранению благоприятной демографической ситуации, а инфраструктурная освоенность территории в настоящее время определяет постоянный рост федеральных и иностранных инвестиций в экономику республики.

К числу актуальных республиканских проблем можно отнести рост поляризации заработков в нефтедобывающих городах и сельской местности в 2000-е гг.; проблемы безработицы и низких доходов в отдельных монопрофильных промышленных центрах; количественный рост негосударственного высшего образования без обеспечения его качества, массовый охват населения мерами социальной защиты, снижавший ее эффективность в 1990-е гг.; распространение религиозного фундаментализма в молодых индустриальных центрах на востоке республики.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЕМЬИ

Модернизационные процессы в стране разворачиваются неравномерной противоречиво, отчетливо проявляя имманентно присущую российскому обществу многомерность и мозаичность, выраженную, прежде всего, в характере и структуре повседневности. Именно она выступает как основной фактор обеспечения необходимого «культурного сдвига» – неременной предпосылки и условия обновления социально-экономического уклада и всех сфер общества.

В создавшихся условиях повседневность не только субъект, но и объект переосмысления, реконструкции и модернизации, она сама должна трансформироваться системно – в целеполагании и содержании, в методологии организации и технологии управления. Кризисность российского общества, которое, по сути, находится в исторической полосе цивилизационного перелома, затрагивает все стороны жизнедеятельности людей. Попытки объективно показать позитивное в нашей повседневности как бы лично от себя есть не что иное, как психологический момент, свидетельствующий об интеллектуально-духовном и профессионально-гражданском персональном выборе и индивидуальной ответственности исследователя.

Повседневность – одно из направлений социальной генетики. В ней находят отражение статистические, динамические и структурные компоненты общества в социальном (историческом) времени, в котором они реально существуют и интегрируются. Параметр времени качественно отличает повседневность от других объектов прикладной социологии и придает ей статус социальной реальности. Повседневность «вписывает» человека в общество с помощью трех форм «духовной предметности» – знаний, ценностей, проекта (М.С. Каган): знания являются формой познавательной деятельности человека; ценности – продуктом его отношения к миру или ориентационных устремлений; проект – отражением духовно-преобразовательного труда и первичной фазой любого вида деятельности, предполагающего самоактуализацию личности и реализацию ее творческого потенциала.

Связывая воедино различные формы и типы социального действия, а также взаимодействия сфер общества, повседневность предстает в качестве его особой своеобразной социальной материальности. Даже при беглом взгляде на обозначенную проблему видно, что она сложна для изучения в виду ее многоплановости, различия критериев измерения, специфичности и уникальности процессов. Но именно это и привлекает исследователей.

Социология повседневности как наука стала формироваться в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Истоком ее была этнометодология или феноменология. Объектом исследования являлись ритуалы и нормы социальности. Однако уже в начале 80-х годов внимание ученых сосредоточилось на экономике повседневной жизни и поведении людей в социальных институтах. Сегодня в период кризиса общественных отношений в социологии повседневности приоритетными стали вопросы обыденного сознания, образ-и-смыслжизнедеятельности.

В данной статье сделана попытка отойти от традиционных форм социальных исследований, описывающих одну из конкретных сфер жизнедеятельности людей, и представить повседневность как систему организации общественного бытия в следующих сферах – социальной, информационной, организационной, материальной и на уровне практики. Однако для детального рассмотрения этой проблемы оказалось недостаточно как теоретических знаний, так и языка, методов интерпретации и принципов методологии. Она чрезвычайно актуальна для России, когда активно идет процесс

социальных трансформаций и становления инновационного субъекта социально-экономических и общественно-политических отношений.

В нашем варианте повседневность рассмотрена в контексте социологии семьи, где она предстает: во-первых, не только продуктом, но и важнейшим ресурсом и мерой человеческой деятельности, являясь базовой основой воспроизводства цивилизационных отношений; во-вторых, в социальном времени семьи выделены различные компоненты времени общества и каждого поколения в отдельности, разные отраслевые коллективы, выражаемые многообразными бюджетами и множеством аспектов включенности в общественные процессы; в-третьих, ценности и духовно-нравственное отношение к окружающей среде, а также соответствие интересов и потребностей орловчан и их интеллектуальных возможностей в достижении обозначенных целей самореализации [5, 2, 3, 4].

Гегель считал социальные слои вторым базисом государства, «если первым является семья» [1]. Повседневность представляет человека во всех его совокупных микрособытиях семьи: с одной стороны, дает представления об экономических отношениях, ритуалах в семье, нормах питания, одежды, обращения с техникой, а также поведения в социальных институтах; с другой – показывает, что размеренность, цикличность, стабильность семейных отношений обеспечивает устойчивость общества. В связи с тем, что каждый член семьи выполняет конкретную социальную роль, имеет определенный социальный статус, обуславливающий различные формы и типы социального действия, повседневность выражает сущность традиционной и инновационной социокультуры.

Итак, семья – один из элементов сферы повседневности, который предопределяет истоки и среду трансформаций и генераций новых форм бытия, ценностных установок, ориентиров, способов и методов смысловознания деятельности. Все это, с одной стороны, опосредует процессы, происходящие в обществе; в определенной степени переадресовывает как позитивные, так и негативные акценты; переоценивает возникающие коллизии; обеспечивает ресурсы для существования и реализации индивидуальных целей поколений; с другой – под воздействием новых образцов, символов и влияний массовой культуры, рекламы, иностранных фильмов, массовой и субкультуры и т.д. меняет представления членов семьи, их пристрастия, идеологически неотмеченные симпатии и антипатии, каналы группового потребления.

Мы исследовали процессы, происходящие в семье, через студенческую молодежь. Исследования проводились в течение трех лет*. Акцент был сделан на повседневные связи и отношения. Обобщенные данные свидетельствуют о том, что 58,5 % респондентов-студентов живут в семье, из них 27,4 % в неполных, 64,3 % – состоят из представителей трех поколений, имеющих единое хозяйство. Кроме того, установлено, что около 15 % студентов-респондентов живут семьей не под одной крышей и без регистрации брака, большинство их родителей не знают об этом. К тому же, каждый второй из этой категории не уверен в том, что создаст с «партнером» семью, хуже того, каждый третий даже не намерен заводить серьезных семейных отношений. Обоснованного объяснения сложившегося положения ни мужская, ни женская половина не дает, хотя отдельные из них ссылаются на опыт родителей. Здесь картина такова: незарегистрированы в браке 9,5 % родителей респондентов, 17,2 % – разведены, 2,5 % – разведены, но живут под одной крышей.

Полученный срез внутрисемейных отношений позволяет говорить о трансформации в общественном мнении круга традиционных проблем, которые обусловлены не

* Исследования проводились в четырех вузах г. Орла (ОГАУ, ОРАГС, ОрелГТУ, ОрЮИ МВД России) в 2003–2006 гг., анкетированием было охвачено 417 студентов, их родителей и близких родственников (третий возраст). В статье приведены, в основном, данные за последний 2006 г., выводы основываются на материалах трех опросов.

только материальным положением семьи, но и характером социально-ролевых связей, социально-психологическими ценностями, духовно-нравственными установками. Суммируя ответы респондентов на вопросы анкет, мы выделили в зависимости от значимости и распределения их в массовом сознании следующие проблемы, омрачающие жизнь семьи и негативно влияющие на формирующуюся повседневность.

Во-первых, переутомление и усталость, которые ассоциируются с отчаянием, уязвимостью и незащищенностью. По удельному весу это 91 % ответов респондентов к общему числу опрошенных. В рамках данной проблемы сформировалось пять категорий анкетированных. Одни испытывают переутомление и усталость из-за краха планов на успех, к ним относятся преимущественно активные, предприимчивые и честолюбивые респонденты, которые относятся к «среднему классу», заняты или попробовали свои силы в сфере предпринимательства или бизнеса; другие – из-за отсутствия карьерных перспектив или надежд на улучшение своего социального положения; третьи – из-за пониженного жизненного тонуса, депрессивного состояния в связи с переходом по тем или иным причинам в более низкий социальный статус; четвертые – из-за смены социальных ролей, когда студенты берут на себя заботу о всей семье, ограничивая тем самым для себя выбор культурных запросов и круг информационных горизонтов; пятые – из-за чувства одиночества, отчуждения и символической включенности в происходящее.

Безусловно, фоновые характеристики повседневности, такие как «бедность общества» и «бедность человеческих запросов», проблемы со здоровьем людей старших поколений и невозможность оказать им квалифицированную медицинскую помощь, пессимистические оценки происходящих общественных процессов (развал промышленности, связанной с выпуском высокотехнологичной продукции; прекращение деятельности коллективных хозяйств в сельской местности и сдача в аренду земли за мизерный объем сельскохозяйственной продукции; работа в животноводстве за одну тысячу рублей в месяц и т.д.), делают жизнь крайне тяжелой для всей семьи.

Во-вторых, материальные проблемы, которые занимают второе место после переутомления и усталости. Оценка материального положения семьи респондентами распадается на две части. В первой опрошенные дали сравнительную характеристику, из которой видно, что хорошее материальное положение имеют всего 7,5 % семей, среднее – 42 %, плохое – 46,5 %; за последние три года смогли улучшить его лишь 17,5 % семей респондентов, без изменения осталось у 31,8 %, ухудшилось у 40,7 %.

Ухудшение материального состояния семей связано с рядом внешних и внутренних факторов. Среди внешних причин можно выделить системный кризис, следствием которого является тупиковое состояние экономики, имеющее региональный (проблема малых городов, села и т.д.) и местный (структура и формы хозяйствования) аспекты. Логично допустить, что в различных категориях семей (по материальному благополучию) есть свои специфические вопросы, создающие предпосылки нестабильности и снижения жизненного уровня. Студенты даже старших курсов не могут найти квалифицированную работу, за временный труд, как правило, договорные условия нарушаются в пользу работодателя. Это отметили 53 % тех, кто испытал данную технологию на себе.

Поскольку жизненные и социальные ресурсы представителей разных поколений в семье неодинаковы, то и амплитуда ожиданий и реальных отношений неадекватна. К примеру, у старших поколений, наряду с изменением родительских, социальных, профессиональных ролей, идет переоценка социального окружения и собственных возможностей, карьерных планов и материального благополучия, и, как правило, итоги прожитого и перспективы будущего чаще всего фрустрирующие, в результате чего более 63 % анкетированных находятся в постоянном конфликте с представителями старшего поколения, особенно через поколение. Если при первом анкетировании старшие поколения

«обвинялись» в неумении жить, то сегодня чаще всего камнем преткновения становятся вопросы социальных приоритетов и политических симпатий.

К примеру, в 2003 г. существенные расхождения в удовлетворенности жизнью у «отцов и детей» в основном касались духовно-нравственной сферы. И это вполне объяснимо: старшее поколение по-прежнему рассчитывало на помощь государства, так как ранее вся их энергия и физические силы натравлялись на процветание трудового коллектива и общества в целом. Эту точку зрения защищали более 80 % респондентов-родителей. Сегодня их ценности не воспринимаются молодежью (76 %). Хотя ценностные установки и идеологические принципы, которые были в СССР, соотнесенные с современными модернизационными процессами, они считают не востребованными (до 54 %), каждый второй родитель не хочет, чтобы они легли в основу мотивации жизненного успеха их детей. Представляется, что это в значительной степени касается и патриотизма, более 68 % студентов выпускных курсов не намерены после окончания вуза оставаться в Орловской области, около 33,5 % из них готовы уехать за границу.

В-третьих. Разумеется, иные модели поведения требуют других моральных стандартов, ориентации на вознаграждение за труд в соответствии с затраченными усилиями и уровнем квалификации. Высокие приработки меняют не только структуру включенности студентов в учебный процесс, но и формируют иные принципы взаимодействия как с преподавателями, сокурсниками, так и с родителями. Установлено, что свыше 86 % (в 2003 г. было 50 %) респондентов приоритетными считает прагматизм и рационализм, их они кладут в основу деловых и межличностных связей. Отсюда допускается апломб, самоуверенность, аффективно-ценностные подходы к родственным и иным сугубо личностным отношениям, к вопросам солидарности и гарантиям лояльности.

Положительным, на наш взгляд, является то, что 8,5 % респондентов-студентов становятся помощниками в хозяйстве семьи. Примерно 92 % опрошенных, усвоив современную мотивацию успеха и труда, инновационные стандарты потребления, полагаются только на себя (это, по-прежнему, в два раза выше, чем установка их родителей). Негативный момент заключается в том, что, доказывая свою идентификацию по отношению ко всему новому, большинство респондентов (78 %) дистанцируются не только от жизнедеятельности родителей, но и в целом семьи, что, безусловно, создает напряженность отношений. Между тем, в критические моменты 85 % опрошенных студентов надеются получить искреннюю помощь только от родителей, почти половина из них испытывает комфорт и снимает психологическое напряжение в семье, хотя совместным общежитием недоволен почти каждый третий из них – этот показатель остается стабильным во всех трех опросах.

В-четвертых. Уровень запросов семьи растет гораздо быстрее, чем уровень реальных доходов. В основном это определяется представлениями молодежи о стандартах жизни, насыщенностью потребительского рынка, психологическим давлением массы товаров, что, естественно, отражается на отношениях в семье. Так, по мнению респондентов, у старших двух поколений представления о богатстве связываются с владением квартирой, дачей и машиной (это отметили 91,8 % опрошенных). У молодежи данное понятие ассоциируется с системой образа жизнедеятельности, чертами модернизма, уровнем карьерных aspirations, каналами мобильности, характером ценностных ориентаций и количеством денег, создающих предпосылки осуществления возможного и желаемого (86,5 %).

Это не миф. Набор перечисленных элементов есть не что иное, как реальные стандарты, образцы и модели жизни «прагматического» общества. Дотянуться до них мечтают 94,2 % респондента, определяя их уровнем цивилизованной жизни и потребления. Однако действия в этом направлении предпринимает лишь каждый третий опрошенный, предполагая конкретные пути мобилизации имеющихся возможностей и интенсифика-

ции собственной деятельности. Кстати, 60 % из них этот образ жизнедеятельности считают наиболее верным путем приобщения к государственной или политической элите.

Кроме того, для родителей анкетированных большое напряжение на «основной работе-учебе» и высокие заработки параллельно этому связаны с дополнительными перегрузками и отсутствием свободного времени у детей, что непременно отразится, по их мнению, в будущем на их здоровье. Поэтому 57,3 % из них склоняют своих чад к нормативному образу жизни и отказу от имиджа «нового русского», что создает обстановку противоречия и непонимания между отцами и детьми.

В-пятых. Общий духовно-нравственный и эмоциональный баланс в семье определяется адекватностью ожиданий и оценок ролевого взаимодействия, взаимными надеждами, которые связывают родителей и детей. Набор повседневных занятий в значительной степени определяется двумя факторами: мужской или женской ролью и семейным статусом.

По репрезентативной выборке (182 студента) установлено, что организация повседневной жизни дедушек и бабушек, регулярность и устойчивость распределения времени и занятий при совместном ведении хозяйства зависит от других членов семьи. Это отмечено всеми опрошенными, но степень возложенных на них обязанностей определяется уровнем образованности детей и внуков, а также профессией пенсионера. Каков же их социальный портрет? Традиционными для дедушек являются походы по продуктовым магазинам, ремонт домашней утвари, игры в домино или шахматы с друзьями, просмотр телепередач и слушание радио; для бабушек – работа по дому (уборка квартиры, приготовление пищи, стирка, глаженье, и штопка белья и т.п.); ходьба по промтоварным магазинам с целью прицениться и посмотреть, что носят; просмотр телепередач от случая к случаю, разговоры на дворовых посиделках. Все остальные виды активности затухают. Практически они не посещают кино, театров, концертов, не занимаются делами для «души», что в частных беседах отмечается как «ненужность» детям и внукам.

Повседневные занятия родителей мало чем отличаются от обыденных дел старшего поколения, но они разнятся по принципу «больше-меньше». Все семейно значимые проблемы ложатся на «среднее поколение». Оно больше вовлечено в сферу активного общения, профессионального роста, воспитания детей, целенаправленного просмотра телепередач, чтения литературы по профессии. Между тем, каждый второй респондент-студент отметил, что у родителей нет интереса к чтению газет, журналов, книг, посещению и приему друзей, к времяпрепровождению с детьми, к избирательному потреблению информации.

Иное положение в студенческой среде, иначе говоря в группе суперпотребителей. Приоритетными для них являются свобода действий, наполненность жизни, помимо зарабатывания денег, всяческими удовольствиями, так утверждают 88,4 % респондентов. На втором месте дискотеки и видеозаписи, музыка, на третьем – встречи вне дома с друзьями, чтение газет и книг. Все это вместе взятое формирует специфически «западный» досуг – еженедельное посещение баров, дискотек, кинотеатров, спортивных мероприятий (56,4 % опрошенных, в 2003г. было 26,4 %).

Исследования подтверждают общепринятое положение о функциональной взаимодополнительности социальных ролей в семье. Ситуация традиционная: осуществляется обмен духовно-нравственными ценностями, благами и ресурсами. Мужчины, как всегда, добытчики, женщины-держатели нравственно-психологического капитала на уровне региональной или местной социокультуры. Это отметили более двух третей респондентов. Среди «выгод» совместной жизни – финансовая стабильность, жильё, разделение деятельности, психологическая комфортность. Устойчивость семье создают

женские предпочтения, отчасти совпадающие с ценностными установками пожилых людей, в частности: больше патернализма, суженность информационных интересов, отсутствие политических дебатов и активности, терпимость к ошибкам и упущениям близких, удовлетворенность достигнутым социальным положением, толерантное отношение к просчетам детей и т.д. Вполне правомерны тенденции старшего поколения поддержки более образованных и высоко статусных. Несмотря на то, что в ответах на прямой вопрос до 90,2 % респондентов признали необходимость равенства прав мужа и жены в семье, контрольные функции и преимущественные полномочия в текущих делах отдают тому, у кого выше доход, кто «крутится» (97,4 %).

Отсюда и прагматический подход к неравенству семейного положения женщины, протест против ее ориентации на социальную справедливость в повседневности. Ложные представления о том, что установка женщины на дом, семью, детей, мужа-хозяина сможет создать в домашнем кругу пути полноценной релаксации, поддерживают до 87,4 % опрошенных студентов и их родителей. И как бы противореча себе, утверждают, что неравенство полов в браке лишает родителей удовлетворенности семейной жизнью (42,7 %) и ощущения счастья респондентами-студентами (43,4 %).

Знамение сегодняшнего дня – счастье как высокодоходное «дело» и высокое социальное положение (83,2 %). Поэтому часть этих респондентов предадут забвению такие личностные достоинства, как широта эрудиции, профессионализм, ценностная ориентированность, сложная мотивация, способность оценивать происходящее в обобщенно-рефлексивных психологических категориях аффективно-ценностной гармонии и др., которые играют существенную роль в процессе социального продвижения (18,3 %). К сожалению, социальная пассивность, негативный опыт личностных связей респондентами переносится на смысловое содержание повседневности, усиливая при этом прагматизм не только брачных отношений, но и уровень служебно-должностных связей. Почти каждый второй респондент основой брака считает сексуальную совместимость, хотя согласен с позицией родителей (72,6 %), что для семейного благополучия необходимы ровные, спокойные отношения между супругами.

Довольно быстро усиливается тенденция зависимости отношений между супругами от изменения у одного из них социального статуса, затрагивающего сложившуюся структуру ролей. Те, кто смог обеспечить себе новые перспективы карьеры или благосостояние семьи, автоматически требуют дополнительного внимания и уважения (46,5 %), что усиливает психическую напряженность и конфликтность не только между родителями, но и другими членами семьи.

Защитным барьером в данной ситуации становится женщина. Как это ни странно, но психологические семейные напряжения она переводит либо в разряд внешних, либо интерпретирует их с разноплоскостными факторами, Порой это идет на уровне подсознания и инстинкта самосохранения. Допуская возможность психологической разгрузки и релаксации в семье, женщина стремится сохранить структуру ролей, поступаясь вниманием, любовью, уважением. Две трети респондентов отметили указанные выше нормы родительских отношений, но лишь 15 % пытаются ликвидировать их, хотя 94 % – считают, что их счастье и благополучие зависит от отношений между матерью и отцом, 82 % – от материального положения семьи, 87 % – от жилищных условий и характера родителей, 64,9 % – от отношений между родителями и детьми, 74,7 % – от гармонии персоналий.

Повседневность как тип социальных отношений сохраняет сегодня высокий потенциал стабильности и адаптации к изменениям: с одной стороны, она способна релаксировать социально-психологическую напряженность; с другой – структурными характеристиками способствовать модернизации субъективной составляющей социальных процессов. Безусловно, нельзя отрицать положительную роль консервативной и тради-

ционной повседневности в формировании личности, как и невозможно не зафиксировать ее негативного влияния на автономность мотивации и активность, ценность общественно значимой и персональной гармонии. Именно эти обстоятельства ведут к замене критериев оценки сугубо личностных отношений структурно-функциональными компонентами повседневности. Именно они определяют принципы жизнедеятельности, индивидуализацию процесса труда, уровень профессиональной квалификации, проецирование деловых отношений и межличностных связей. Именно таким путем осуществляются процессы воссоздания системы социокультурных ориентиров и образцов, символических и инструментальных функций повседневности.

Вопрос о роли повседневности в социальных институтах власти, ее конкретном влиянии на сферы общества и функциональные рамки социальных слоев и групп остается до сих пор открытым. Сегодня появилась возможность изучения слабых и сильных сторон повседневности, ее специфики и противоречивости в перестроечных процессах. Ибо повседневность, *во-первых*, до сих пор несет в себе элементы старых монополизированных каналов социального и профессионального роста и оказывает влияние на молодежь. *Во-вторых*, она как социальный институт является решающим фактором детерминации смысложизнедеятельности людей. *В-третьих*, повседневные образцы становятся единственными действующими ориентирами социальных норм и барьеров на пути всеобщего распада российского общества, а также вектором социальных ресурсов и общественных настроений. *В-четвертых*, повседневные ценности, интегрирующие людей в семью, поддерживают практические нормы общественного бытия. В обстановке распада «центральных» ценностных структур и неустойчивой региональной социальной политики функции социальной периферии со всеми ее достоинствами и недостатками ложатся на семью. *В-пятых*, правомерно говорить о повседневности как обыденно-практической социальной опоры модернизации России в рамках ее собственных и общественных возможностей.

Однако при всем при этом мы должны иметь в виду, что повседневность имеет важное, но весьма ограниченное значение в истоках и предпосылках формирования инновационной России и ее субъекта модернизации. Проблема заключается в том, что востребованность социологических знаний у властных структур, к примеру в Орловской области, минимальна.

К сожалению, национальные проекты и социология повседневности не сочетаются, как она не вписывается и в кадровые процессы, так как предполагается, что в ней отсутствует общественное мнение, она не связана с социально-экономическими процессами и ресурсным потенциалом области. Проведенный нами анализ свидетельствует об обратном.

Литература

1. Гегель Г. Философия права. – М.: 1990. – С. 241.
2. Патрушев В.Д. Использование совокупного времени общества. – М., 1978.
3. Проблемы теоретической социологии. Вып.2. – СПб., 1996.
4. Серов Н.К. Конструктивное понимание времени и процессная трактовка социальных явлений.
5. Сорокин П. Социологические теории современности. – М., 1992.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В КУРСКОМ КРАЕ*

В Курском регионе, как и в стране в целом, на современном этапе религиозные организации начинают играть существенную социальную роль. Нормировать и отслеживать процессы, происходящие в религиозной сфере, позволяет региональное законодательство: ряд законов и других нормативно-правовых актов, принятых органами государственной власти Курской области в сфере взаимодействия с религиозными объединениями. В этом же ряду – целевые программы. В частности: Закон Курской области «О миссионерской деятельности на территории Курской области», Постановление губернатора Курской области «Об экспертно-религиоведческом Совете», Постановление Курской областной Думы «Об областной программе «Изучение православной культуры в Курской области на 2006–2010 годы», Постановление Курской областной Думы «Об областной программе «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи Курской области на 2006–2010 годы», Постановление губернатора Курской области «О Региональной антитеррористической комиссии».

Так, например, Постановлением губернатора Курской области № 432 от 06.08.98 (ред. 08.09.98. № 485, изм. 06.12.2001. № 900, 03.11.2005 г. № 751) создан Экспертно-религиоведческий совет при Администрации Курской области. Этот Совет является экспертно-консультативным органом по вопросам свободы совести и вероисповедания и состоит из представителей органов государственной власти области, специалистов в области религиоведения, отношений государства и религиозных объединений. В качестве консультантов к его работе по необходимости привлекаются специалисты, не являющиеся его членами, а также участники религиозных объединений.

Именно благодаря Экспертно-религиоведческому совету Отдел по делам религий и национальностей Администрации области располагает объективными данными о конфессиональном составе населения Курской области. В процентном соотношении к общей его численности православные составляют 90 %, мусульмане – 0,6 %, евангельские христиане-баптисты – 0,4 %, старообрядцы – 0,3 %, пятидесятники – 0,2 %, свидетели Иеговы – 0,16 %, адвентисты седьмого дня – 0,12 %, иудеи – 0,07 %, католики – 0,03 %, остальные конфессии насчитывают не более 100 последователей[1].

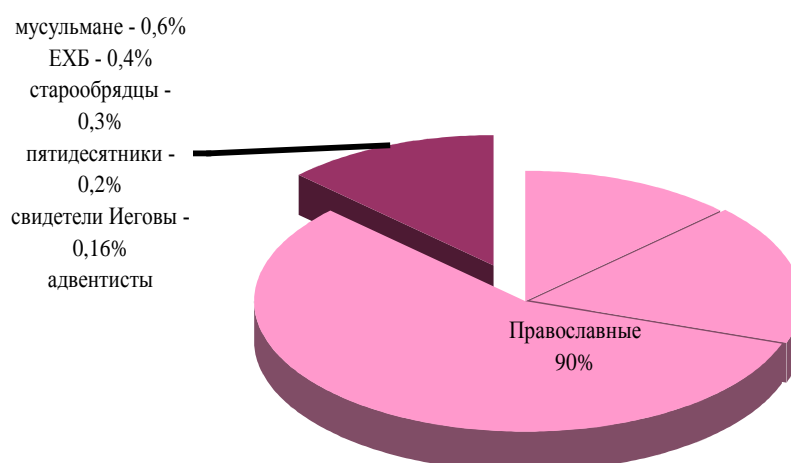

Рис.1. Конфессиональная структура населения Курской области

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 07-03-18019 е).

Таким образом, мы видим, что первое место в регионе по количеству приверженцев занимает православие, на втором месте (причем с большим отрывом) – ислам. Подтверждением вышеобозначенному служат данные, полученные в ходе проведенного в мае – июне 2007 года исследования «Социокультурный потенциал развития Курской области».

Так, отвечая на вопрос «Верования какой религии Вы разделяете?», 95,7 % респондентов назвали «православие», 1 % – «ислам», 0,3 % – «католицизм», по 0,1 % – «иудаизм», «буддизм» [2], «старообрядчество».

Однако обращает на себя внимание тот факт, что на вопрос «Что Вы можете сказать о своей религиозности?» – лишь 50,8 % респондентов ответили, что они являются верующими людьми, 37,1 % – «скорее верующие, чем неверующие», 5,8 % – «скорее неверующие, чем верующие», 3,5 % – «неверующие», 2,1 % – «атеисты».

Что вы можете сказать о своей религиозности?

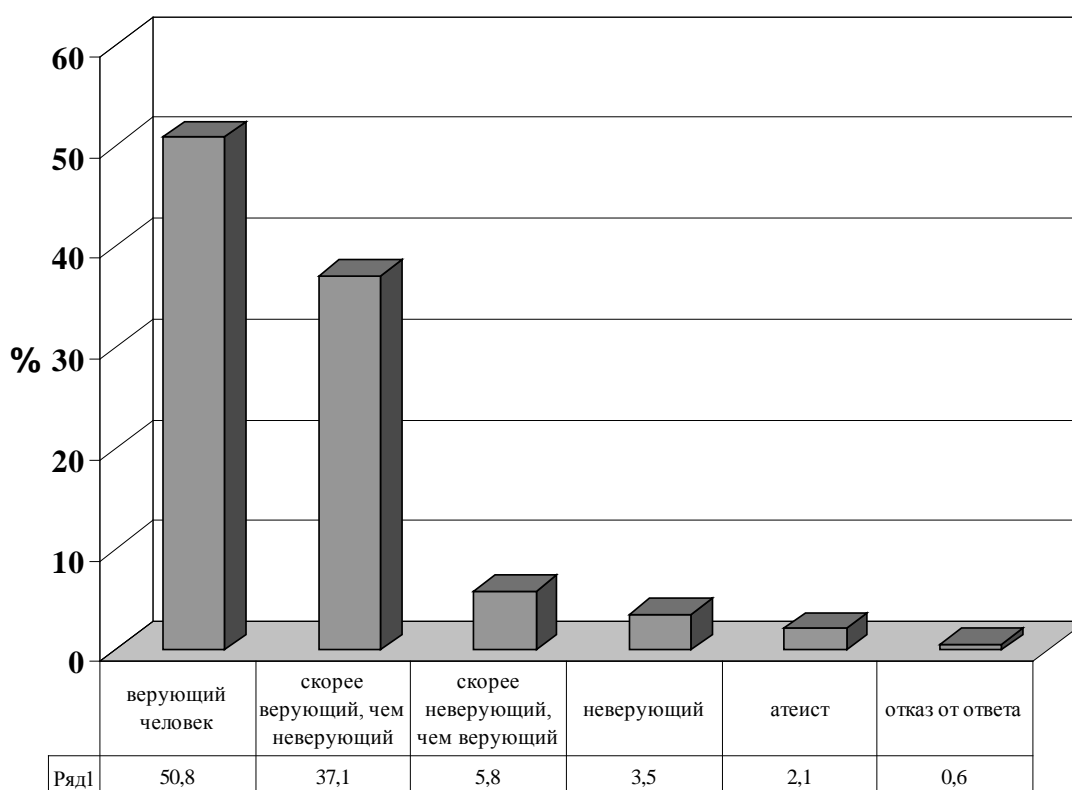

Рис.2

Это свидетельствует о том, что дискуссия по поводу «магии цифр и неоднозначной реальности» остается до сих пор актуальной. Социологи приходят к выводу о том, что скорее мы имеем дело с так называемой культурной религиозностью. При этом человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя, возможно, и не разделяет ее вероучения, не участвует в обрядах и не входит в религиозную общину [3].

В настоящее время в Курской области возросло количество религиозных объединений, увеличилось число верующих. Значительно расширилась сфера деятельности религиозных организаций: помимо культовой практики они занимаются благотворительностью, религиозным просвещением и образованием, сотрудничают с армией и органами охраны правопорядка. Что касается светских СМИ, то религиозная тематика в них чаще всего присутствует только в связи с какими-либо событиями политической

или общественной жизни. Следует отметить, что не всегда эти публикации компетентны [4].

В Курской области, по данным, предоставленным Отделом по делам религий и национальностей Курской области, на 2007 год зарегистрировано 327 религиозных организаций, принадлежащих к 14 конфессиям, из них:

- 284 – Русской Православной Церкви Московского Патриархата (в том числе 2 образовательных учреждения и семь монастырей);
- 16 – Евангельским христианам-баптистам;
- 7 – Древлеправославной церкви (старообрядцам);
- 6 – Адвентистам седьмого дня;
- 3 – Христианам веры евангельской (пятидесятникам);
- 2 – Новоапостольской церкви;
- 2 – истинно-православной церкви (катакомбникам);
- по 1 организации имеют Украинская православная церковь (Киевский Патриархат), Римско-католическая церковь, Ислам (ДУМЦЕР), Иудаизм (ортодоксальный), Свидетели Иеговы, Сознание Кришны (Вайшнав), Евангельские христиане.

Религиозные организации в основном представлены Русской Православной Церковью, которая является самым активным участником разнообразных мероприятий, проводимых совместно с органами государственной власти. И это не должно удивлять, поскольку Курская область – это регион, где православие занимает доминирующее положение и оказывает существенное влияние на культурную жизнь и развитие региона в целом.

Так, в ряде школ области преподается предмет «Основы православной культуры», осуществляется сотрудничество с социальными институтами региона, проводятся научно-практические конференции, родительские собрания, конкурсы, викторины с учащимися учреждений дошкольного, школьного и профессионального образования, встречи священнослужителей с молодежью, посвященные вопросам духовно-нравственного воспитания. При участии священнослужителей Курской Епархии, православных общин проходят мероприятия по возрождению духовных традиций медицины, по взаимодействию в сфере благотворительности и милосердия. Проводится ряд профилактических мероприятий по предупреждению потребления наркотиков, идет пропаганда традиционных моральных и духовных ценностей, традиций патриотизма, здорового образа жизни; особое внимание уделяется психологической реабилитации и социальной адаптации наркозависимых.

В ходе совместной работы органов государственной власти Курской области и Курской епархии открыты отделение сестер милосердия в медицинском колледже, молитвенные комнаты в больницах города и области; ведется консультативный прием страдающих нервными и душевными расстройствами, оказывается помощь наркозависимым лицам. Заключены договоры о совместной деятельности между епархией, Управлением исполнения наказания Минюста РФ, Управлением по Госнаркоконтролю Курской области, Комитетом социального обеспечения Правительства Курской области, Комитетом образования Правительства Курской области. Во всех исправительных учреждениях области действуют православные храмы и молитвенные комнаты, священники проводят с заключенными беседы на нравственные темы. Курская Епархия оказывает благотворительную помощь домам ребенка и домам престарелых. При УВД области действует военно-походный храм во имя благоверного кн. Дмитрия Донского. Церковь напутствует сотрудников правоохранительных органов в их боевых командировках. Таким образом, в настоящее время отношения между государством и религиозными объединениями как по России в целом, так и в Курском регионе характеризуются

предоставлением последним благоприятных условий для осуществления своей деятельности. Влияние церкви, религиозности, религиозных норм и ценностей на жизнь общества в Курской области заметно возросло.

Примечания

1. Данные о конфессиональном составе населения по состоянию на 2007 г. представлены Отделом по делам религий и национальностей Курской области.
2. Согласно переписи населения 2002 г. и данным Экспертно-религиоведческого совета, на территории Курской области не зарегистрировано приверженцев буддизма.
3. *Филатов С.Б., Лункин Р.Н.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. № 6. – С.35–45.
4. Здесь и далее приводятся сведения, полученные в ходе бесед с представителями Экспертно-религиоведческого совета Курской области и другими специалистами в данной сфере. В неформализованном интервью с экспертами было опрошено 15 человек.

А.А. Телегин

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОРТРЕТЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ*

В условиях становления и развития российской государственности и формирования гражданского общества становится все более актуальной потребность в утверждении в регионах действенной системы государственного управления. В этой связи эффективное взаимодействие органов власти и общественных организаций является одним из важнейших факторов совершенствования государственной политики, нацеленной на реализацию общественных интересов, повышение благосостояния населения, уровня доверия к власти, авторитета общественных организаций как институтов гражданского общества.

Одним из основных условий оптимизации государственной политики является, на наш взгляд, формирование потребности у органов власти в постоянном взаимодействии с населением, общественными организациями, вовлечение граждан в процесс подготовки и принятия политических решений. Однако для того, чтобы определять стратегии такого взаимодействия, создавать модели социально-политического и экономического устройства населения региона, прежде всего необходимо осуществить комплексное рассмотрение самого региона как «территориального сообщества, которое образуется в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, институтов власти, общественных организаций региона, который выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции, служит средой, которая мотивирует социальных акторов» [1]. Мы полагаем, что проект «Социокультурный портрет региона», основанный на Типовой методике, разработанной в ЦИСИ Института философии РАН (ИФ РАН) под руководством чл.-корр. РАН Н.И. Лапина, дает возможность увязать воедино программы социально-экономического и культурного развития отдельно взятого региона, состояние и уровень взаимодействия органов власти и общественных организаций, инновационные проекты преобразования этого региона с особенностями образа жизни его населения. Этот проект нацелен на выявление, а затем на преодоление и разрешение «нестыковок» различного характера, на выработку соответствующей социокультурной политики [2].

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-03-72301а/Ц).

Рассматривая вопрос отношения населения к государственным и общественным институтам Курской области, для начала обратимся к вопросу об уровне доверия населения Курской области к институтам власти. По результатам социологического исследования, проведенного в мае-июне 2007 г. в сводной табл. 1 представлены данные (проценты) об уровне доверия жителей Курской области различным институтам власти.

Таблица 1

Уровень доверия к институтам власти

	СУД	ПРЕЗИДЕНТ	ПРОФСОЮЗЫ	ПРОКУРАТУРА	МИЛИЦИЯ	ПРАВИТЕЛЬСТВО	РЕГИОН. ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТ. ПАРТИЙ	ПАРЛАМЕНТ	СМИ
Полностью доверяю	19,6	36,0	9,4	12,1	8,8	10,2	6,9	8,5	6,7
Пожалуй, доверяю	25,6	30,2	14,6	19,2	15,4	22,6	10,7	17,0	19,6
Трудно сказать точно	15,9	14,8	29,2	22,4	18,5	24,9	25,5	24,6	21,8
Не очень доверяю	19,1	9,6	18,5	22,8	26,7	20,9	22,3	22,2	25,8
Совсем не доверяю	14,8	6,3	19,1	18,4	26,5	15,9	25,7	21,7	21,8
Не знаю	3,6	2,0	7,4	3,7	2,7	4,1	7,0	4,3	2,6
Отказ от ответа	1,3	1,2	1,9	1,4	1,4	1,4	1,9	1,9	1,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Результаты, полученные в ходе анализа ответов, показывают, что наибольший процент опрошенных в Курской области респондентов (36 %) доверяют президенту, 19,6 % высказали свое доверие суду и 12,1 % прокуратуре. Вместе с тем данные регионального исследования подтверждают общероссийские выводы, а именно то, что в последние годы наблюдается кризис доверия граждан к государственным институтам (см. рис 1), таким, как милиция (26,5 % опрошенных), региональным представительствам политических партий (25,7 %) и средствам массовой информации (21,8 %). Добавим к этому, что уровень доверия к остальным институтам власти существенно ниже.

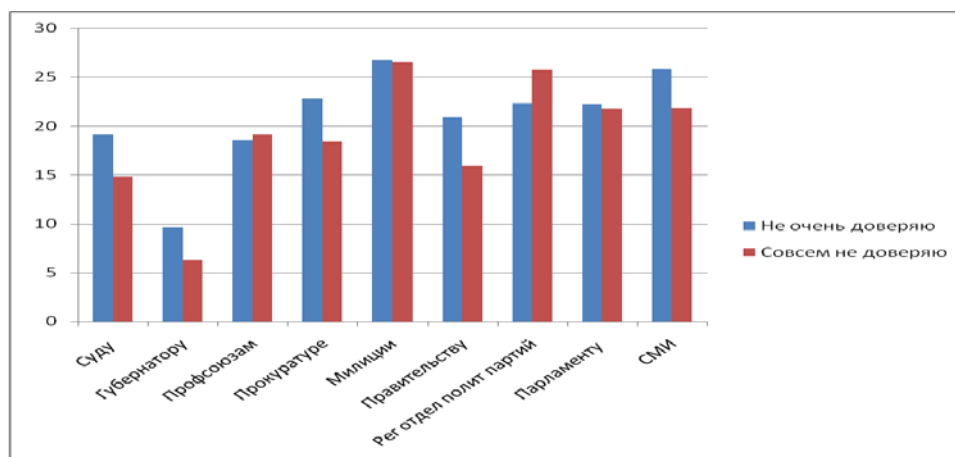

Рис 1. Уровень недоверия общественным организациям и государственным институтам

Кроме этого серьезное внимание необходимо обратить на то, что 25,6 % респондентов выразили готовность принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека, а 21,2 % скорее склоняются к участию в акциях протеста. Таким образом, 46,8 % населения Курской области потенциально готовы к акциям протеста, примерно столько же (45,7 %) выразили свое нежелание участвовать в протестных мероприятиях.

Недоверие к принимаемым государственными органами власти решениям проявляется в отношении населения к новому Жилищному кодексу РФ. Лишь около 7 % респондентов считают, что новый Жилищный кодекс улучшит их жизнь, 56,2 % предполагают, что ничего не изменится, 13,6 % опрошенных считают, что Жилищный кодекс скорее ухудшит жизнь семьи. Также отметим, что при ответе на вопрос «Как вы оцениваете качество вашего жилья?» 61,6 % респондентов считают его средним, 14,5 % – ниже среднего, 8,6 % – низким.

Отношение населения региона к власти и принимаемым государственными органами власти решениям проявляется также в распределении ответов на вопрос: «Как часто Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взятки, коррупции?». Анализ ответов респондентов показал, что почти 30 % опрошенных лично сталкивались с такими фактами, частично сталкивались с такими фактами 12,2 % респондентов. Вместе с тем стоит заметить, что было получено больше всего ответов о том, что с фактами вымогательства, взятки и коррупции респонденты не сталкивались: 53 % ответов.

Обратимся к результатам, полученным в ходе ответа на вопрос: «Сталкивались ли вы с нарушениями следующих прав и свобод и как вы поступали в таких случаях»? По мнению ряда экспертов, это вопрос о том, как реализуются декларируемые Конституцией права и свободы. Обобщенные результаты представлены на рис 2. К числу наиболее нарушаемых в нашем регионе относится право на равенство перед законом. Более 12 % респондентов отметили, что сталкивались с подобными нарушениями. Таким образом, законодательным органам Курской области следует обратить внимание на обеспечение защиты прав личности. Тревогу вызывают также низкие показатели обеспечения права на труд, на безопасность и защиту личности.

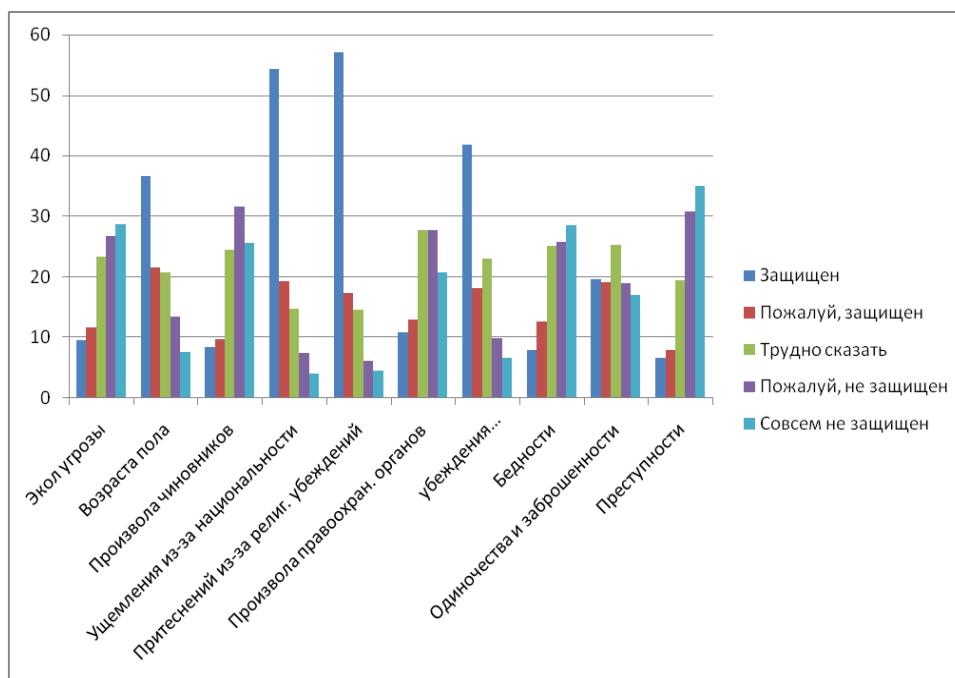

Рис. 2. Защищенность от различных опасностей

Отношение населения региона к власти проявляется и в выражении политических предпочтений. Исследование, проведенное некоммерческим партнерством «Курское агентство политики экономики и менеджмента» в августе 2007 г., позволяет судить об электоральных предпочтениях населения Курской области. Всего было опрошено 1500 респондентов. На вопрос: «Знаете ли вы, что 2 декабря 2007 г. состоятся выборы в Государственную Думу ФС РФ?», 68,5 % опрошенных ответили положительно, 31,5 % дали отрицательный ответ. При этом политические предпочтения населения нашего региона выглядят следующим образом:

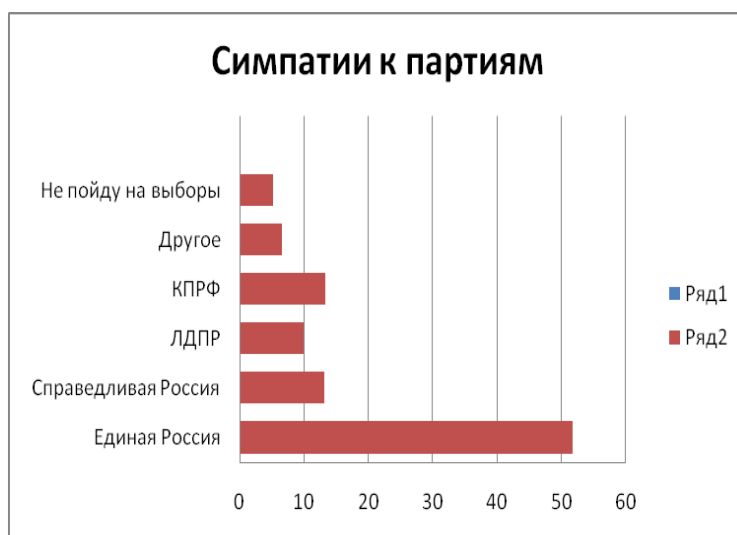

Рис. 3. Проявление предпочтений в отношении к партиям

Обнаружилось, что 51,7 % опрошенных выразили свои симпатии партии «Единая Россия», 13,2 % отдали свои предпочтения партии «Справедливая Россия», 13,3 % – КПРФ, 10 % – ЛДПР. Таким образом, на основе анализа полученных данных можно констатировать общую центристскую направленность политической ориентации избирателей. Заметим при этом, что на выборах депутатов в Курскую областную Думу четвертого созыва в 2005 г. именно за представителей партии «Единая Россия» было подано доминирующее число голосов (37,4 %).

В заключение отметим следующее. Во-первых, применение социального проектирования в практике государственного управления можно считать одним из эффективных механизмов, позволяющих выстраивать стратегии социально-экономического развития региона. Во-вторых, полагаем, что социокультурный срез региональной действительности, выполняемый социологами, способен дать необходимую информацию о восприятии происходящих процессов населением области, обеспечить необходимую обратную связь между населением и управленческим звеном региона, что, несомненно, может способствовать принятию своевременных и эффективных управленческих решений.

Литература

1. Социокультурный портрет региона: Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006.
2. Опыт построения социокультурного портрета Курской области: аналитический отчет / Сост. и отв. ред. Е.А. Когай, Т.Г. Кульсеева, Ю.М. Пасовец, А.А. Телегин. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.

А.В. Тихонова

**ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ (на материалах Смоленской губернии)***

Разрабатывая паспорт региона, целесообразно ввести в него исторические сведения, отражающие социальные, культурные, экономические особенности региона, которые подчеркивают его уникальность и в то же время включенность в общероссийский контекст.

Привлекательность региона для мигрантов возможно оценить, учитывая ряд факторов: выгодное географическое положение, наличие природных ресурсов, транспортных коммуникаций, трудовой и кадровый потенциал.

К концу XIX века в России завершился промышленный переворот, страна стала аграрно-индустриальной, войдя в пятерку стран-лидеров, имея самые высокие темпы экономического роста. Однако сохранялись неравномерность промышленного освоения территории страны и разнообразие регионов по социальным, экономическим, культурным показателям.

Находясь в средней части Европейской России, Смоленщина рассматривалась как переход от Великороссии к Белоруссии. Смоленская губерния в рассматриваемый период граничила с Могилевской, Витебской, Псковской, Тверской, Московской, Калужской, Орловской и Черниговской губерниями. Численность населения Смоленской губернии, согласно первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, составляла 1 525 279 человек [1], а к 1 января 1911 года – 1 968 007 человек [2]. В начале XX века по количеству населения Смоленская губерния занимала 19-ое место среди других губерний Европейской России. Из соседей только население Московской и Черниговской губерний значительно превышало число жителей Смоленщины [3].

При этом следует отметить, что подавляющее большинство жителей губернии проживало в сельской местности (по переписи 1897 г. доля городского населения была 8,0 %, а к 1 января 1911 г. – 9,6 %). Смоленщина традиционно являлась сельскохозяйственной губернией, вывозя хлеб, пеньку, конопляное семя, табак, лес и лесные изделия, воск, мед, кожи и сало. Круг промышленных изделий, которыми торговала губерния, был ограничен: писчая и пряденая бумага, суровые сукна, стекло и хрусталь [4]. Однако к 1894 г. на территории губернии находилось 828 фабрично-заводских заведений, на которых было занято около 9 тысяч рабочих. К крупным и средним предприятиям можно отнести лишь Ярцевскую бумагопрядильную фабрику с 3,1 тыс. рабочих и 9 заводов (4 стеклянных, 3 хрустальных и две спичечные фабрики) с числом рабочих от 100 до 500 человек. Еще 57 предприятий имели от 16 до 70 рабочих, подавляющее же большинство (около 92 %) – менее 16 человек [5].

Главными транспортными артериями Смоленщины были реки, но к концу XIX века сложилась железнодорожная сеть губернии, сыгравшая важную роль в промышленном освоении края. Было открыто движение по Риги-Орловской, Александровской (Смоленск-Москва-Брест), Сызранско-Вяземской дорогам, а также на участках Вязьма-Ржев и Смоленск-Козлов (ныне Мичуринск) [6].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Смоленской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социологический портрет Смоленской области», проект № 06-03-58302 а/Ц.

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

Удачное географическое положение, наличие разветвленной железнодорожной сети сделало Смоленщину привлекательным регионом для миграции. Анализируя миграционные процессы, сосредоточим внимание на миграции из-за рубежа, исключая Прибалтику, Финляндию и Царство Польское, так как эти территории находились в границах Российской империи. Согласно данным, приводимым в обзорах Смоленской губернии (в приложениях к ежегодному Всеподданнейшему отчету Смоленского губернатора), число иностранцев, проживавших в Смоленской губернии, колебалось от 967 в 1883 г. до 457 человек в 1913 г. (т.е. от 0,08 % до 0,02 % от общего числа населения губернии) [7]. По сведениям Всеобщей переписи населения 1897 года в Смоленской губернии находился 591 иностранный подданный (0,04 % от общего числа населения губернии), однако это были представители 17 иностранных государств. При этом Швейцария занимала первое место по числу иностранцев, проживавших на Смоленщине, на втором месте была Германия, на третьем месте – Австро-Венгрия [8].

Таблица 1

Миграция в Смоленскую губернию (по Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.). Страны указаны по убыванию числа иммигрантов [9]

Страны	Число иммигрантов в Смоленскую губернию по Всеобщей переписи 1897 г.	В % от общего числа иностранных подданных
Швейцария	282	47,72
Германия	201	34,01
Австро-Венгрия	55	9,31
Франция	24	4,06
Персия	8	1,4
Бельгия	5	0,85
Великобритания	3	0,51

Для сравнения в общероссийском масштабе на первом месте по числу миграций в Российскую империю из европейских государств была Германия, а Швейцария по этому показателю уступала ряду стран, явно не будучи лидером.

Таблица 2

Баланс миграций в Российскую империю в 1828–1915 годах [10]

Из государств	Численность оставшихся иммигрантов (тыс. чел., %)							
	1828–1860 гг.		1861–1900 гг.		1901–1915 гг.		Всего	
	тыс.ч.	%	тыс.ч.	%	тыс.ч.	%	тыс.ч.	%
Германия	89,1	34,9	1121,1	43,6	252	24,3	1462,2	37,8
Австро-Венгрия	57	22,3	759,4	29,6	10,9	1	827,3	21,4
Болгария	–	–	1,9	0,1	7,9	0,8	9,8	0,3
Румыния	11,8	4,6	27	1	18,7	1,8	57,5	1,5
Сербия	–0,2	–	1,3	0,1	–0,2	–	0,9	0,02
Персия	55,8	21,8	380,1	14,8	408,9	39,4	844,8	21,9
Китай	–	–	6,5	0,2	116,6	11,2	123,1	3,2
Турция	28,9	11,3	207,4	8,1	166,1	16	402,4	10,4
Франция	7,2	2,8	13,6	0,5	8,8	0,8	29,6	0,8
Великобритания	2,3	0,9	22,3	0,9	16,8	1,6	41,4	1,1

Материалы круглых столов

США	-0,2	-	7,3	0,3	6,1	0,6	13,2	0,3
-----	------	---	-----	-----	-----	-----	------	-----

Из государств	Численность оставшихся иммигрантов (тыс. чел., %)							
	1828–1860 гг.		1861–1900 гг.		1901–1915 гг.		Всего	
	тыс.ч.	%	тыс.ч.	%	тыс. ч.	%	тыс. ч.	%
Швейцария	1,5	0,6	4,5	0,2	1,8	0,2	7,8	0,2
Швеция	–0,1	–	5,6	0,2	5,2	0,5	10,7	0,3
Италия	2,3	0,9	11	0,4	2,1	0,2	15,4	0,4
Япония	–	–	–	–	17,1	1,6	17,1	0,4
Итого	255,4	100	2569	100	1038,8	100	3863,2	100

Почему среди иностранных подданных, проживавших на Смоленщине на рубеже XIX–XX веков, лидировали именно швейцарцы? Ответ дает газета «Смоленский вестник», уже в первый год своего существования (1878 г.) сообщавшая читателям: «Сыроварение в Смоленской губернии составляет не последнюю отрасль сельскохозяйственной промышленности. Находят, что травы наших пастбищ особенно благоприятны для выработки хорошего сыра [11], и потому швейцарцы охотно работают на сыроварнях Смоленской губернии» [12]. На Смоленщине было большое число заливных лугов: под ними находилось в 1890-х гг. 88 962 десятины земли, сена накашивали до 50 млн. пудов. Если крестьянский скот не отличался высоким качеством, то частные владельцы разводили рогатый скот симментальской и альгауской пород [13].

Рост числа сыроварен в Смоленской губернии был значительный в течение второй половины XIX – начала XX вв.: в 1857 году было 24 сыроварни, в 1894 г. – 70, в 1907 г. – 114, в 1910 г. – 150, в 1911 г. – 171 [14].

Сыроварни были во всех 12 уездах губернии [15], при этом швейцарские подданные, сведения о которых удалось найти в архивных документах, имели сыроварни в 9 из 12 уездов Смоленской губернии, проживая в сельской местности. Из учтенных по архивным документам 155 швейцарцев – 80, то есть 53,3 % занимались сыроварением, сельским хозяйством – 5, молочной торговлей – 2, торговлей маслом – 1, торговлей сыром – 1, изготовлением кефира – 1, были управляющими имениями 2 человека. У многих графа о занятиях была не заполнена, некоторые жили на содержании родственников. Любопытно, что из 155 швейцарских подданных 40 были представительницами женского пола, из них 6 человек занимались сыроварением (15 %), 1 – торговлей, 2 служило экономками, 5 – учительницами и гувернантками, 2 – артистками, остальные жили при родственниках, занимаясь домашним хозяйством.

Об объеме сыроваренного производства, осуществляемого швейцарцами, можно судить по отчету инструктора молочного хозяйства Смоленской губернии В.А. Маковского за 1900 год: «Очень большое количество ... средних сыроварен, перерабатывающих от 10 до 15 тысяч ведер молока в год, основанных новичками сыроварами, приехавшими из Швейцарии попытать счастья на русском молоке, или близкими родственниками уже прижившихся к России и давно работающих у нас сыроваров-швейцарцев. Эти сыновья и племянники работают с известной поддержкой своих отцов и дядей, сыроваров, уже нам знакомых, и преследуют одну цель – заблаговременно, пока не распался тот или иной крупный центр, или пока жив и процветает дядя в том, или ином пункте, создать себе самостоятельную деятельность. Или же просто расширить сеть своих заводов и вместе с тем благосостояние.

Мне известны целые серии сыроварен, принадлежащих одной фамилии. Если подсчитать общее количество перерабатываемого молока во всех этих пунктах одной какой-нибудь фамилией, то цифра эта возрастает в ином случае почти до 100 000 ведер ежегодно. Таковы семейства Витвер, Карлен и др.» [16].

Архивные документы подтверждают, что швейцарцы-сыровары проживали на Смоленщине семьями. Четверо сыроваров из большой семьи Карлен (Карлин) в начале XX в. трудились в Ельнинском уезде в имении Мачулы известного смоленского помещика А.А.Энгельгардта [17]. В канцелярии Смоленского губернатора удалось найти упоминание о семействе Карлен (Карлин), которое занималось сыроварением в имении князя Александра Голицына Пречистое Гжатского уезда еще в 1839 г. [18]. Следовательно, занятие швейцарскими подданными сыроварением в Смоленской губернии уже было традицией к началу XX века.

Трое представителей фамилии Витвер к 1916 году занимались сыроварением в Смоленском уезде, а один – в Рославльском уезде [19].

Распространенной фамилией среди швейцарцев-сыроваров было семейство Бергеров. В документах встретилось 6 представителей этой фамилии без учета жен и детей, которые в начале XX века трудились в Ельнинском (1), Краснинском (2), Смоленском (2) и Сычевском (1) уездах Смоленщины [20]. Сыровары Даувальдеры были владельцами 5 сыроварен из 17 в Бельском уезде и 2 из 9 в Гжатском уезде.

Швейцарцы держались достаточно сплоченно. О чем свидетельствуют воспоминания Н.В.Волкова-Муромцева, семья которого владела Хмелитой Вяземского уезда: «В Хмелите была сырная фабрика. Принадлежала она старому швейцарцу Шильдту... Он был старшиной всех смоленских сыроваров, которых было более 20 в Вяземском, Бельском, Сычевском, Дорогобужском и Духовщинском уездах. У старого Шильдта было много сыновей и племянников, его дочери, за исключением младшей Софки, были замужем за сыроварами...

К 1910 году мой отец отстроил новый дом для Шильдта и сыроварню с сырным складом на первом этаже.

Это была колоссальная выгода для окружающих крестьян и для нас. Шильдт устроил производство грюера, крестьяне удвоили количество коров и стали интересоваться качеством. Шильдт скупал все молоко, которое ему привозили. Недалеко, в четырех верстах, в Григорьевском у Лыкошиных, был сыроваром его сын Карл, в Старом Селе, в десяти верстах, сын Рудольф. Как ни странно, пятипудовые круги смоленского грюера Шильдт вывозил в Швейцарию. Оттуда он, вероятно, возвращался в Россию и в другие страны как швейцарский грюер. Сыр был великолепный. И нам, и крестьянам сыр продавался за полцены» [21]. В архивных документах пока удалось найти информацию о Карле и Рудольфе Федоровиче Шильдах (буква «д» в фамилии часто опускалась – А.Т.), швейцарцах, проживавших и занимавшихся сыроварением в селе Григорьевское Вяземского уезда [22].

Примером сыроваренного завода, основанного швейцарским подданным, может служить сыроварня Федора Яковлевича Линдера в сельце Митюреньки Духовщинского уезда. Согласно описанию, составленному по заданию Смоленского губернского земства, в 1910 г. сыроваренный завод, на котором трудились Линдер с сыном, произвел 350 пудов русско-швейцарского сыра и 30 пудов подсырного масла, переработав 5 500 ведер молока. Сыр отправлялся в Москву, цена пуда сыра составляла 9 рублей [23].

Что касается сбыта производимого на Смоленщине сыра, то «почти весь изготавливаемый сыр вывозится из губернии. Главные места сбыта – Москва, Петербург, Харьков, Киев и другие города. В губернии сыра остается ничтожное количество – около 3,4 %. Наоборот, до 75 % масла потребляется внутри губернии, преимущественно в Смоленске и уездных городах. Вывозится масло главным образом в Москву и Петербург» [24]. Главным потребителем сыра была Москва, а потому активно была задействована Московско-Брестская железная дорога [25].

Таким образом, приезд в Смоленскую губернию на постоянное местожительство швейцарских сыроваров вполне объясним благоприятными природными условиями для

развития сыроварения и наличием значительного рынка сбыта произведенной продукции.

По архивным документам были получены данные об иностранных подданных других государств. Так, есть сведения о 76 подданных **Германии**, проживавших на Смоленщине к 1897 г., из них 46 мужчин и 30 женщин, а также 38 подданных **Австро-Венгрии**, из них 27 мужчин и 11 женщин.

Подавляющее большинство мужчин, подданных Германии, были женаты, жили с женами и детьми, лишь трое указаны холостыми. Из 30 женщин, подданных Германии, пять – вдовы, девять – девицы, шесть – замужем, у 10 не указано семейное положение. Из 27 мужчин, подданных Австро-Венгрии, 17 были женаты и проживали с женами и детьми, трое – холостые, семейное положение остальных семи неизвестно. Из 11 женщин из Австро-Венгрии три – вдовы, 5 – девицы, семейное положение троих неизвестно. Таким образом, среди иностранцев, попавших в выборку, преобладали люди, состоявшие в браке.

Таблица 3

Уровень образования подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в Смоленской губернии [26]

Страна	Количество человек	Образование			
		Домашнее	Среднее	Без образования	Не указано
Германия	46 мужчин	3	2	7	34
	30 женщин	9	10	4	7
Австро-Венгрия	27 мужчин	6	11	3	7
	11 женщин	2	5	1	3

Среди занятий иностранных подданных Германии и Австро-Венгрии преобладает низко квалифицированный труд, не требующий высокого уровня образования. 10 мужчин, подданных Германии, были чернорабочими, двое – токарями, двое – столярами, один – колбасником, один – булочником, один – кожевником, один – купцом, один – пивоваром, у остальных занятия не указаны. Восемь австро-венгерских подданных были чернорабочими, трое – торговцами, двое занимались сельским хозяйством, один служил старшим бухгалтером на спичечной фабрике Ефременкова в Вязьме, один был конторщиком, один занимался извозом, один был жестянщиком, один – кузнецом, занятия девяти неизвестны.

Среди женщин-иностранок многие занимались учительством, были гувернантками. Так, среди женщин, подданных Германии, пять были гувернантками или домашними учительницами, две женщины были заняты в сельском хозяйстве, одна – экономкой, одна – заведующей пивным складом, одна – кассиршей в магазине, одна – фельдшерницей, одна – чернорабочей, одна – швеей, одна – прачкой. Из 11, попавших в выборку подданных Австро-Венгрии, трое служили боннами, одна была приказчицей, одна – прачкой, занятия остальных не указаны, обычно женщины проживали при родственниках. На страницах «Смоленского вестника» можно встретить объявления немок и француженок, которые желали служить гувернантками и боннами. Князь Щербатов, вспоминая о своей гувернантке-англичанке, писал о пореформенной ситуации: «Существовала некая негласная градация: самым шикарным приглашением на работу для девушек считалось приглашение из России, потом Австро-Венгрии и, наконец, — из Америки» [27]. Конечно, оплата труда гувернантки в аристократической семье в столице и обычной дворянской семье в провинции значительно различалась, но, тем не менее, видимо, была вполне достаточной.

Распределение подданных Германии и Австро-Венгрии по месту жительства в Смоленской губернии позволяет сделать вывод, что подданные этих стран отдавали предпочтение Смоленску (44 подданных Германии и 7 Австро-Венгрии) и Вязьме (5 подданных Германии и 13 Австро-Венгрии), как самым крупным городам губернии, в отличие от швейцарцев, которые в силу специфики своих занятий выбирали для жительства сельскую местность.

Стоит заметить, что 40 германских подданных из 76 (52,6 %) и 13 из 38 подданных Австро-Венгрии (48 %) находились в России со дня рождения. Из австро-венгерских подданных в возрасте до 20 лет в Россию приехало 5 человек (18,5 %), и лишь один, Травничек Феофил Иванович, приехал в Россию в возрасте 29 лет. Ф.И.Травничек, 1847 г. рождения, агроном по образованию, проживал в г. Вязьме с семьей (женой и двумя сыновьями) до ноября 1916 г. [28].

В нашу выборку попали 6 **француженок**, лишь одна из них была замужем и занималась домашним хозяйством, остальные указаны девицами. Причем из 5 девиц трое были домашними учительницами, занятие двоих не указано [29]. По архивным документам пока удалось установить лишь одну гражданку **Бельгии**, проживавшую в России при родственниках [30]. Из 6 учтенных нами граждан **Великобритании** четверо мужчин и две женщины. Женщины жили при родных, а из мужчин трое занимались предпринимательством, а один служил кучером в имении [31].

Среди иностранных подданных на рубеже XIX–XX вв. были представители **Дании, Италии, Китая, Норвегии, Румынии, Персии и др.**

Для сравнения обратимся к данным Всероссийской переписи 2002 года, согласно которым иностранные граждане, проживавшие в Российской Федерации, составили 1 миллион 25 тысяч 413 человек или 0,7 % ко всему населению России. Из них из дальнего зарубежья, включая страны Прибалтики, Польшу, Финляндию, – 119 099 человек (11,6 % от всех иностранных граждан). При этом лидерами по числу мигрантов в Россию стали Китай (30,6 тыс. чел.), Вьетнам (22,5 тыс. чел.), Афганистан (8,2 тыс. чел.), Индия (5,5 тыс. чел.) и Турция (5 тыс. чел.) [32]. Российская Федерация сегодня интересуется, в первую очередь, мигрантов из стран третьего мира, а не из держав с высокоразвитой экономикой.

В Смоленской области, по данным Всероссийской переписи 2002 года, проживало 5 тысяч 477 иностранных граждан (0,5 % от числа всего населения области). Если сравнить с дореволюционной ситуацией, то число иностранных граждан увеличилось по отношению к общему числу населения с сотых процента до десятых процента. Это связано с уменьшением общей численности населения, сокращением территории региона и демографическим кризисом.

Из иностранных граждан, приехавших на Смоленщину из дальнего зарубежья, включая страны Прибалтики, Польшу, Финляндию, – 353 человека (6,4 % от всех иностранных граждан). Первые места по числу мигрантов занимают Литва (155 чел.), Латвия (46 чел.), Эстония (12 чел.), Китай (9 чел.), Вьетнам (9 чел.), Болгария (9 чел.) [33].

Анализ законодательства Российской империи во второй половине XIX века показывает, что права иностранцев в России не были ущемлены. В ходе буржуазных реформ Александра II 10 февраля 1864 г. был принят закон, по которому существовавшие прежде различия в правах, льготах, а также ограничения в правах отдельных групп иностранных подданных были отменены [34]. Положения этого закона были развернуты в томе IX Свода Законов Российской империи «Законы о состояниях». Находясь в России, иностранцы как лично, так и по имуществу подлежали действию российских законов и пользовались их защитой и покровительством [35]. Российская империя была

достаточно открытой страной для притока мигрантов из-за рубежа. Ситуация изменилась с началом Первой мировой войны, но это тема отдельного исследования.

Согласно ныне действующему Федеральному закону от 25 июля 2002 года «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» № 115-ФЗ «иностранцы пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом» (ст. 4). Исключения касаются в первую очередь избирательного права и военной обязанности. В названном законе подробно рассмотрен порядок пребывания иностранных граждан на территории нашей страны, сроки и особенности оформления необходимых для этого документов.

Сегодняшние демографические проблемы государство предлагает решать разными путями, в том числе привлечением мигрантов. По структуре миграции, числу мигрантов, длительности их пребывания в России и в конкретном регионе можно судить о привлекательности страны и определенной территории для миграции.

Проведенный ретроспективный анализ миграции в Россию и на Смоленщину показывает, что на рубеже XIX–XX вв. в числе иммигрантов преобладали представители западных стран. В настоящее время ситуация изменилась, и ими стали выходцы из развивающихся стран. На примере швейцарских сыроваров можно сделать вывод, что на рубеже XIX–XX вв. выгодное географическое положение, природные условия, налаженная инфраструктура делали Смоленскую губернию привлекательной для миграции. Видимо, и для представителей других стран Европы, приезжавших в губернию на жительство, оплата труда и условия жизни были вполне приемлемыми в сравнении с родиной.

Современная Смоленщина пока не предлагает особых условий для миграции, а более низкий уровень жизни или некомфортная социально-политическая ситуация на родине способствует тому, что Смоленскую область для жительства выбирают представители государств третьего мира.

Примечания

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XL. Смоленская губерния / Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел; Под ред. Н.А.Тройницкого. – СПб, 1904. Краткий обзор цифровых данных по Смоленской губернии. – С. XVI–XVII.
2. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии / Издание Смоленской губернской земской управы. – Смоленск: Электро-типо-литография Я.Н.Подземского, 1912. – С. 21.
3. Там же. Для сравнения, по последней переписи населения РФ 2002 года в Смоленской области проживает 1 050,2 тысячи человек (Смоленская область: Энциклопедия. – Т. II. – СГПУ, 2003. – С. 267).
4. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / Сост. Я. Соловьев. – М., 1855. – С. 409; Географическо-статистический словарь Российской империи / Составил по поручению Императорского русского географического общества действительный член общества П.Семенов, при содействии действительных членов В.Зверинского, Л.Майкова и И.Бока. Том IV. – СПб.: Тип. В.Безобразова и комп., 1873. – С. 641–652.
5. *Жбанков Д.Н.* Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии / Издание Смоленского губернского земства Вып. I. – Смоленск: Типо-литография насл. Зельдович, 1894. – С. 10.
6. Подробнее о проведении железных дорог на территории Смоленской губернии см.: Ковалев Ю.П. Транспорт // Смоленская область: Энциклопедия. – Т. II. – СГПУ, 2003. – С. 516.
7. Обзор Смоленской губернии за 1883 год: Приложение ко Всеподданнейшему отчету Смоленского губернатора. – Смоленск: Губ. тип., 1884. – С. 19, 18; Обзор Смоленской губернии за 1913 год: Приложение ко Всеподданнейшему отчету Смоленского губернатора. – Смоленск: Губ. тип., 1914. – С. 18.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XL. Смоленская губерния / Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел; Под ред.

- Н.А.Тройницкого. – СПб, 1904. Краткий обзор цифровых данных по Смоленской губернии. – С. XVI-XVII.
9. Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. XVI-XVII.
 10. Таблица составлена по: Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–начале XX века. – М., 1998. – С.62-63.
 11. «На сыроварнях готовились преимущественно сыры твердые – голландский и русско-швейцарский и в меньшем количестве – мягкие: бакштейн, тильзитский, мальбри, бри, невшатель, комамбер, честер и другие. Маслодельни вырабатывали масла: подсырное, получаемое от пропуска сыворотки через сепаратор и сливочное (разных сортов), получаемое от пропуска через сепаратор цельного молока» (Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии / Издание Смоленской губернской земской управы. – Смоленск: Электро-типо-литография Я.Н.Подземского, 1912. – С. 168).
 12. Смоленский вестник. 1878. 11 (23) июня (№ 4). С. 2.
 13. Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. – СПб., 1900. Т. 30 а. – С. 550.
 14. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Смоленская губерния / Составил генерального штаба штабс-капитан М.Цебриков. – СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1862. – С. 227; Жбанков Д.Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии... Вып. I. – С. 28-29; Он же. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. – Смоленск. Типо-литография Я.Н.Подземского. 1896. – Вып. II. – С. 433; Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии... С. 168, 170.
 15. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии... С. 169. В 1911 г. лидерами по числу сыроварен были уезды: Духовщинский – 38 сыроварен, Бельский – 28 и Дорогобужский – 16, а наименьшее число сыроварен в Рославльском уезде – 5.
 16. Отчет инструктора молочного хозяйства Смоленской губернии В.А. Маковского за 1900 год. – Смоленск, 1900. – С. III-IV. Выражаю благодарность Ю.Шорину, предоставившему информацию об этом издании.
 17. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518. Л. 57 об.-58, 133 об.-134, 181 об., 183. Об усадьбе подробнее см.: Тихонова А.В. Смоленская усадьба «Мачулы» // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы /Ред. М.В. Нащокина. – М.: Изд-во «Жираф», 2001. Вып. 7(23). – С. 450-456.
 18. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 11.
 19. Информация о сыроварах Витверах см.: ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518. Л. 5 об.-6, 17 об.-18, 42 об.-44 и др.; Д. 498. Л. 35.
 20. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518. Л. 24 об. -25; 45 об.-46, 114 об.-115, 125 об.-126, 203 об.-204, 217 об.-218, 255 об.-256, 293 об.-294, 403 об.-404.
 21. Волков-Муромцев Н.В. Юность: От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). – М.: Русский путь, Грааль, 1997. – С. 72-73.
 22. ГАСО. Ф. Р-161. Оп.1. Д. 584. 1919 г. Л. 85; ГАСО. Р-78. Оп.1а. Д. 87. Л. 366.
 23. ГАСО. Ф. 815. Оп.1. Д. 10. 1911 г. Л. 1-12.
 24. Краткие хозяйственно-статистические сведения... С. 21.
 25. Там же. С. 160.
 26. Таблица составлена по: ГАСО. Ф. 1289. Оп.1. Д. 498, 513, 538.
 27. Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2005. – С. 25
 28. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518. 1915 г. Л. 158 об.-159, 388 об.-389.
 29. Там же. Л. 24 об. -25; 114 об.-115; 125 об.-126, 203 об.-204, 255 об.-256, 322 об.-323, 486 об.-487.
 30. Там же. Л. 23 об. -24; 113 об.-114; 125 об.-126, 203 об.-204, 255 об.-256, 321-322; 339 об.-340; 427 об.-428, 479 об.-480.
 31. Там же. Л. 19 об. -20; 120 об.-121, 199 об.-200; 251 об.-252, 318 об.-319; 335 об.-336; 424 об.-425, 485 об.-486; 488 об.-489.
 32. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. – С. 343.
 33. Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. (В 14 томах). Т. 4. Кн. 2. Официальное издание. – М.: ИИЦ "Статистика России", 2004. – С. 1920.
 34. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб, 1867. С. 107-110.
 35. Там же. Ст. 822. С. 164.

В.В. Токарев, Н.В. Дулина

ВОЛГОГРАД И ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ В КООРДИНАТАХ БОЛЕЕ ШИРОКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Региональный фактор в России традиционно оказывает большое влияние на социально-экономические и политические процессы, развитие страны в целом. В отечественной науке термин «развитие» долгое время понимался практически однозначно как «прогресс»: движение от хорошего к лучшему, и т. д. Однако нормально (поступательно) развивающийся регион в ходе своего развития переживает различные жизненные циклы и этапы, более того, явный прогресс в одних сферах жизнедеятельности региона обеспечивается, порой, за счет других. Иначе говоря, одни изменения влекут за собой другие, и вовсе не обязательно, что эти изменения – положительные. Такие изменения – функция развития. Эти изменения не содержат в себе оценочного содержания (ни положительного, ни отрицательного), но они существуют, и об их существовании необходимо знать, чтобы иметь возможность прогнозировать развитие региона. Становится понятно, что объективное представление о развитии отдельных региональных центров и регионов в целом невозможно без проведения сравнительного анализа социальной, экономической, экологической ситуации в различных регионах России. Основная цель такого анализа – понять роль и место конкретного региона в более широком географическом (экономическом, экологическом, социальном и т. д.) пространстве и осознать «конкурентные преимущества» и недостатки каждого конкретного региона.

Мы полагаем, что, рассматривая положение Волгоградской области в рамках более широкого географического пространства, имеет смысл провести это сравнение, с одной стороны, с регионами, входящими в Южный федеральный округ (Ростовской областью, Краснодарским и Ставропольским краями, республиками Северного Кавказа). С другой стороны, – с «традиционными» для области полигонами сравнения – регионами Поволжья (Саратовской и Самарской областями, республикой Татарстан). Основанием для сравнения экономического и социального положения в регионах могут являться статистические данные о ситуации в регионах, входящих в ассоциацию «Большая Волга» [16] и Южный федеральный округ [17], а также общие статистические данные об уровне развития Волгоградской области и регионов России [12, 13, 14, 15, 18, 20].

Сравнение выделенных регионов между собой было проведено на основе анализа трех классов параметров.

1. К первому классу были отнесены параметры, характеризующие общее геополитическое положение региона и «состояние населения»: площадь региона, плотность населения и общее количество жителей, поселенческая структура (распределение жителей по типам поселений), показатели мобильности (миграции) населения.
2. Во второй класс включались параметры, характеризующие демографическую структуру населения региона: распределение населения по полу, возрасту, уровню образования, уровню дохода.
3. Отраслевая специализация региона оценивалась на основании двух групп признаков. К первой группе относились параметры, характеризующие распределение занятого населения по отраслям экономики (промышленность, строительство, транспорт, связь, сельское хозяйство и т. д.). Во вторую группу включались признаки, непосредственно характеризующие структуру валового регионального продукта (по отраслям промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг).

В качестве общих интегральных характеристик рассматривались показатели, количественно характеризующие общий уровень «экономической успешности» региона –

величина валового регионального продукта, доходы бюджета, объемы инвестиций (в том числе иностранных) и т. д.

Наиболее удобным математическим аппаратом для проведения сравнения регионов является аппарат кластерного и факторного анализа. Не имея возможности представить все полученные результаты, в качестве иллюстрации приведем только некоторые.

Полагаем, что с точки зрения проведения эффективного анализа, имеет смысл дополнить традиционное представление о поло-возрастной структуре населения комплексом параметров, характеризующих «демографическое благополучие» региона (показатели рождаемости и смертности, естественного прироста/убыли населения и т. д.). Использование этих показателей, наряду с данными о распределении населения по основным поло-возрастным категориям, позволяет построить интегральную характеристику (фактор) «демографическое благополучия региона». Высокий уровень «демографического благополучия» свидетельствует о высокой рождаемости и низкой смертности среди населения; о выраженном смещении возрастного распределения жителей в сторону «молодежных» категорий (и, соответственно, относительно низкой доле людей в возрасте старше трудоспособного).

Аналогичным образом, данные о распределении населения регионов по уровню образования могут быть представлены в виде фактора «Уровень образования». Более высокие значения этого фактора свидетельствуют о большей доле жителей с образованием выше среднего; об относительно низкой доле людей, имеющих незаконченное среднее или начальное образование.

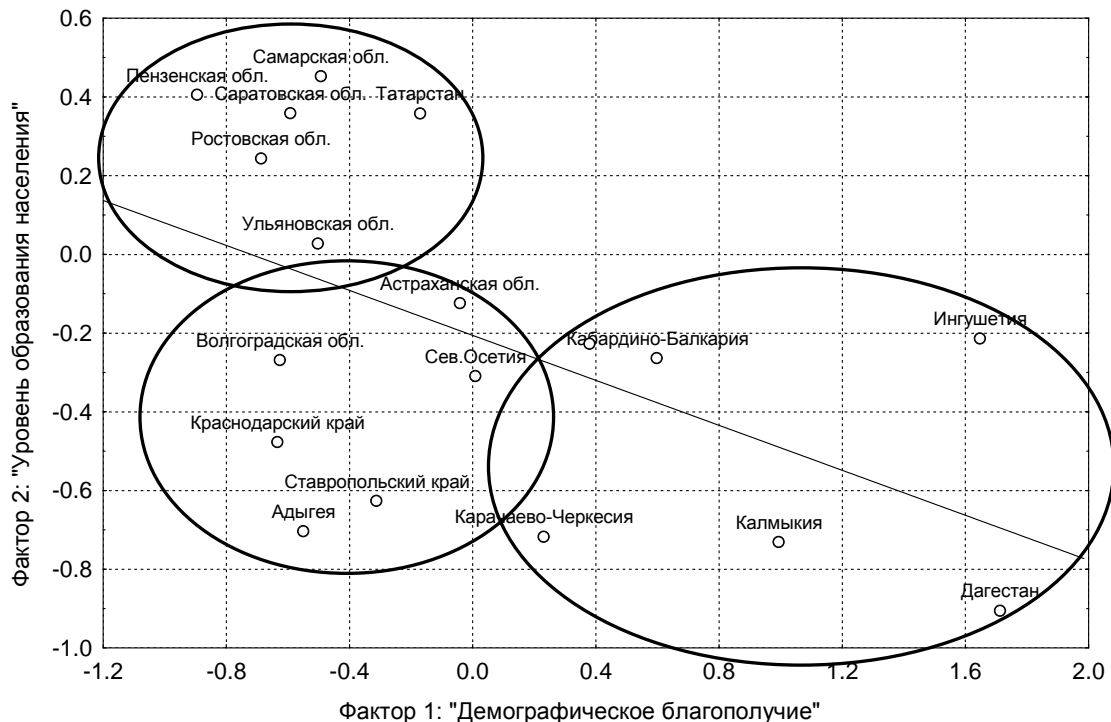

Рис. 9. Распределение регионов ЮФО и Поволжья в двумерном факторном пространстве (Факторы 1 и 2)

Диаграмма, представленная на рис. 9, позволяет оценить размещение регионов ЮФО и Поволжья в пространстве двух выделенных факторов. Можно заметить, что наиболее «демографически благополучными» (и при этом имеющими наименьшие показатели «уровня образования») являются Калмыкия и Северо-Кавказские республи-

ки (Ингушетия, Дагестан, Кабардино–Балкария). Наименее благоприятная демографическая ситуация наблюдается в северных областях Поволжья, в Ростовской области и Татарстане (показатели «уровня образования» наиболее высокие). Волгоградская область занимает среднее положение по уровню образования населения и является одним из наиболее «демографически неблагоприятных» регионов.

На рис. 10 приведена диаграмма, иллюстрирующая размещение регионов ЮФО и Поволжья в пространстве двух выделенных факторов: «Уровень благосостояния населения» (Фактор 4) и «Уровень урбанизации» (Фактор 5). Легко заметить, что в отношении этих признаков наиболее близкими к Волгоградской области оказываются Саратовская, Ростовская, Самарская области и Татарстан. Для этих регионов характерен высокий уровень концентрации населения в мегаполисах и показатели благосостояния, находящиеся на уровне средних по России значений.

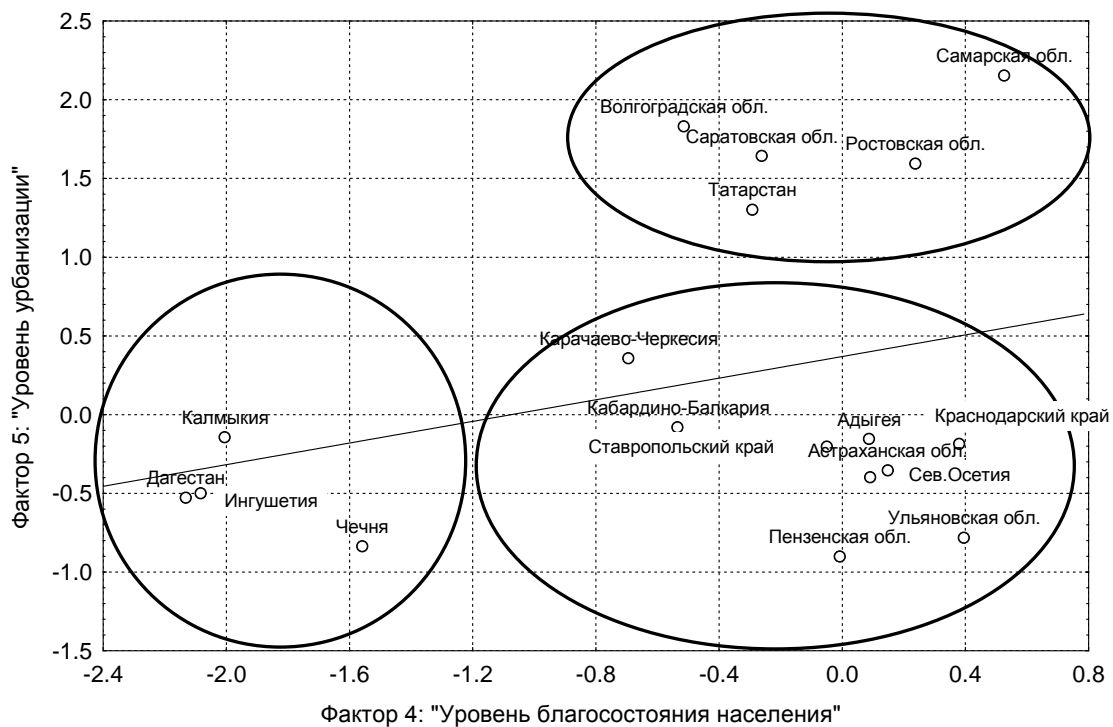

Рис. 10. Распределение регионов ЮФО и Поволжья в двумерном факторном пространстве (Факторы 4 и 5)

На рис. 11 приведена диаграмма кластерного анализа, иллюстрирующая группировку регионов в многомерном пространстве выделенных факторов. К первой группе (кластер #1), помимо Волгоградской области, относятся также Самарская, Саратовская, Ростовская области и республика Татарстан. Для этих регионов характерен достаточно высокий уровень урбанизации (значительная часть населения проживает в мегаполисах), а также образования и благосостояния населения. Регионы этой группы имеют средние показатели миграционной мобильности и характеризуются низким уровнем «демографического благополучия» (относительно низкая рождаемость и высокая смертность населения, значительная доля людей в возрасте старше трудоспособного).

Противоположными характеристиками (низкий уровень урбанизации, благосостояния и образования, низкие показатели мобильности) обладают регионы, включенные в кластер #3 – республики Дагестан, Ингушетия и Чечня. По большинству показателей (кроме миграционной мобильности населения) к этому кластеру оказывается

близка республика Калмыкия. Показатели миграционной мобильности для республики Калмыкия оказываются наиболее высокими среди всех регионов ЮФО и Поволжья.

Кластер #2 включает в себя регионы, «средние» по большинству показателей. Во многих отношениях (кроме уровня урбанизации и образования населения) регионы этой группы оказываются близки к первому кластеру. В этом кластере несколько «особняком» стоят две республики – Карачаево–Черкесская и Кабардино–Балкарская.

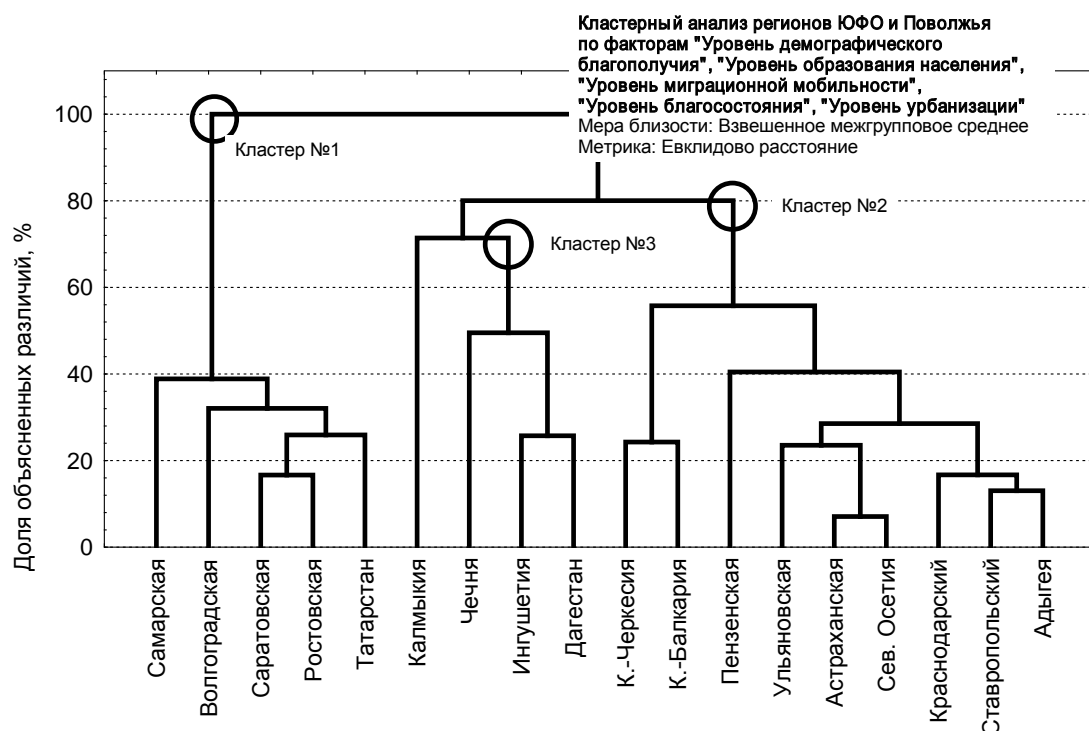

Рис. 11. Диаграмма кластерного анализа общего состояния населения регионов ЮФО и Поволжья

Сравнение показателей экономического развития регионов Поволжья и Юга России [18] позволяет сделать вывод о том, что существует значимая статистическая связь между показателями социально–экономического состояния региона и факторами, характеризующими «общее состояние населения».

Так, например, повышенная миграция наблюдается в регионы, имеющие достаточно высокие показатели валового регионального продукта, приходящегося на одного жителя региона (коэффициент корреляции 0,37). В этих же регионах наблюдается более высокий уровень благосостояния населения (коэффициент 0,49) и больший объем инвестиций в основной капитал (коэффициент 0,55). Уровень регистрируемой безработицы находится в положительной связи с «демографическим благополучием» региона (показателями рождаемости, смещением возрастного распределения в сторону «молодежных» категорий, коэффициент 0,60) и отрицательно связан с «уровнем благосостояния» жителей (коэффициент –0,45).

Практически полностью отсутствует корреляция между выделенными ранее факторами, характеризующими состояние населения и показателями обеспеченности образовательными и медицинскими услугами. Наименее выраженные корреляции наблюдаются между показателями социально–экономического развития и фактором «Уровень урбанизации».

Несколько парадоксальный результат анализа связан с тем, что комплексная оценка развития региона и уровень демографического благополучия отрицательно коррелированы (коэффициент равен $-0,4$). Таким образом, с увеличением показателей рождаемости и сокращением показателей смертности, «благополучие» региона снижается, растет безработица, падает уровень благосостояния населения.

Сравнительный анализ регионов по основным группам показателей, характеризующих социально-экономическое развитие, приводит к построению классификации, представленной на рис. 12.

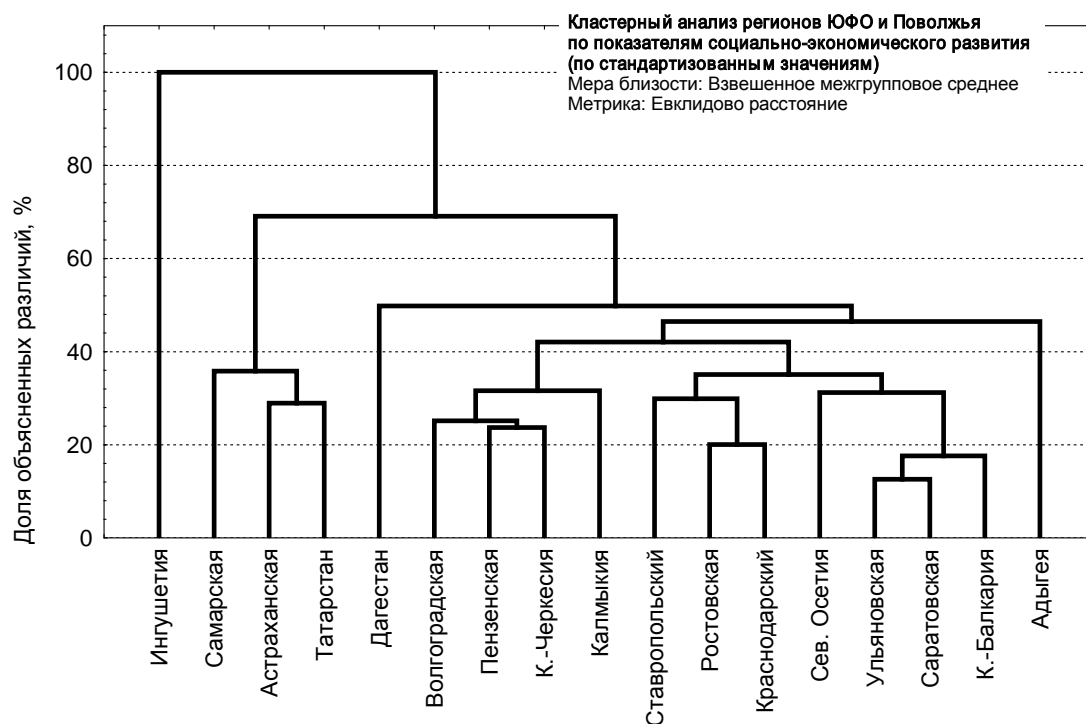

Рис. 12. Диаграмма кластерного анализа показателей социально-экономического развития регионов ЮФО и Поволжья

Дерево классификации позволяет выделить две группы регионов ЮФО и Поволжья, значительно различающихся по показателям социально-экономического развития. Группа регионов-лидеров включает в себя Самарскую, Астраханскую области и республику Татарстан. Вторая группа включает в себя остальные регионы (за исключением республики Ингушетия, имеющей самый низкий рейтинг и значительно отличающейся от всех регионов ЮФО и Поволжья). Полученные данные хорошо согласуются с результатами общероссийской классификации регионов.

Литература

11. Волгоградская область в цифрах: Статистический ежегодник. – Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2001. – 258 с.
12. Индикаторы, характеризующие социально-экономическое положение Волгоградской области в январе–сентябре 2001 г. - Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2001. – 80 с.
13. Основные показатели работы промышленности Волгоградской области в январе-октябре 2001 г. Статистический бюллетень. – Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2001. – 50 с.

14. Регионы России: Статистический сборник. В 2 т. Т. 1 / Госкомстат России. – М.: 1998. – 614 с.
15. Регионы России: Статистический сборник. В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. – М.: 1998. – 797 с.
16. Социально–экономические показатели регионов, входящих в ассоциацию «Большая Волга» за 2001 г. – Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2002. – 61 с.
17. Социально–экономические показатели регионов, входящих в Южный Федеральный округ за 2001 г. – Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2002. – 61 с.

Информационные источники сети Internet

18. <http://www.economy.gov.ru> – Сервер Министерства экономики РФ, содержащий аналитические и статистические материалы о социально–экономическом развитии регионов РФ. По адресу <http://www.economy.gov.ru/an2000.html> размещен аналитический материал «О комплексной оценке уровня социально–экономического развития регионов России и степени использования регионами инвестиционной привлекательности в 2000 году», использованный при подготовке аналитического отчета.
19. <http://www.lpur.tsu.ru/> – Сервер лаборатории самоорганизации геосистем Томского государственного технического университета. Содержит материалы постоянно действующего научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе» (в частности, материалы четвертого всероссийского семинара «Самоорганизация и организация власти»).
20. <http://sci.aha.ru/> – Сервер «Популярная наука», содержащий электронные базы данных (в том числе материалы статистических сборников «Регионы России») и предоставляющий OLAP-средства для их обработки и представления в виде электронных карт.

М.С. Третьяков

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Рынок труда представляет собой систему общественных отношений, отражающих уровень развития и достигнутый на данный период баланс интересов между присутствующими на рынке силами: предпринимателями, работниками и государством. Региональный рынок труда является важной составляющей частью экономической системы государства.

Трудовые отношения на рынке труда Курской области характеризуются как чертами, присущими всей современной российской экономике, так и специфическими чертами области, такими как:

- преимущественно аграрный характер производства;
- наличие на ее территории таких крупных предприятий, как МГОК и Курская АЭС;
- непосредственная граница с Украиной и близость границы с Республикой Беларусь;
- позиционирование области: согласно принятому инвестиционному индексу аналитической группы «Эксперт», Курская область входит в наиболее многочисленную группу ЗВ1 – пониженный потенциал – умеренный риск [1].

С целью изучения трудовых отношений, сложившихся в Курской области на текущий момент, было проведено анкетирование 1128 жителей области, представителей

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 07-03-18019 е).

различных возрастных и социальных групп, осуществлявшееся в 2007 году в ходе комплексного социологического исследования «Социокультурный потенциал Курской области».

Из числа опрошенных респондентов на государственных и муниципальных предприятиях работают 462 человека (40,9 %), на частных предприятиях, АО без участия государства – 167 (14,8 %), на предприятии, находящемся в личной собственности респондента – 28 (2,5 %), в колхозах, сельскохозяйственных кооперативах, фермерских хозяйствах – 29 (2,6 %), в личном подсобном хозяйстве – 24 (2,1 %), индивидуально-трудовой деятельностью занимаются 24 человека (2,2 %), не работают – 365 человек (32,4 %) и еще 28 (2,5 %) отказались ответить.

Социологическое исследование позволило обнаружить следующее.

Из числа всех опрошенных каждый пятый (224 человека, 19,8 %) имеет или, вернее сказать, вынужден иметь дополнительную работу. Половина из них (123 человека) работают в личном подсобном хозяйстве, 41 – на государственных и муниципальных предприятиях, 16 – на частных предприятиях, на предприятии, находящемся в личной собственности – 2 человека, в колхозах, сельскохозяйственных кооперативах, фермерских хозяйствах – 11, индивидуально-трудовой деятельностью занимается 31 человек.

Если сравнить реальное трудоустройство респондентов и их предпочтения в работе, то можно, как ни странно, заметить определенный интерес людей к государственным предприятиям (на них хотела бы работать почти половина опрошенных – 552 человека), а на частном предприятии – всего 119 человек (каждый десятый). Вероятно, в этом индикаторе проявляется определенная специфика рынка труда Курской области: некоторая неразвитость сегмента частного бизнеса, недобросовестность частных работодателей, консерватизм в предпочтениях курян и т.д. Вместе с тем, на собственном предприятии хотели бы работать – 196 человек (17,3 %), в личном подсобном хозяйстве – 40 (3,5 %), заниматься ИТД – 61 человек (5,4 %). То есть 26,2 % опрошенных хотели бы работать ни на государство, ни на частного предпринимателя, а на себя. И в этом видится значительный резерв для осуществления различных программ, мероприятий и действий областных властей, направленных на оживление мелкого и среднего бизнеса в области.

При определении собственного отношения к имеющейся работе подавляющее большинство респондентов отдали предпочтение материальной стороне, а не содержательной. Так, 50,6 % опрошенных хотели бы иметь «небольшой, но твердый заработок», 19,8 % – «большой заработок, даже без уверенности в завтрашнем дне», 13,2 % – «иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» и лишь 8,2 % – «иметь небольшой заработок, но больше свободного времени».

При проведении настоящего социологического исследования определенный интерес представляла проблема безработицы. Как уже упоминалось, 365 человек из числа опрошенных (32,4 %) ответили, что не работают, – и еще 28 (2,5 %) отказались ответить. Вместе с тем в ответах на другой вопрос о своем социальном статусе лишь 11 человек выбрали характеристику «безработный». Если добавить к этому числу 46 пенсионеров и 4 студентов (в сумме 61 человек), то «неясным» остается еще статус, как минимум, 300 человек. Это кто, люди потерявшие работу или временно не работающие? Ответы проявили, что проблема официальной и неофициальной безработицы является, безусловно, актуальной.

Согласно данным, предоставленным ТО ФСГС КО, уровень общей безработицы в Курской области увеличился с 2,6 % в 1992 году до 7,1 % в 2005 году. Уровень регистрируемой безработицы – с 0,3 % до 1,6 % [2]. Тенденция в увеличении обоих показателей наблюдалась до 2000 года. Затем началось постепенное сокращение численности официально зарегистрированных безработных.

Рост скрытой безработицы, в том числе вторичной занятости, служит стихийным амортизатором напряженности на рынке труда, связанной с сокращением возможностей занятости и реальной заработной платы на предприятиях формального, прежде всего государственного, сектора.

В 2005 году численность безработных составила 43 тыс. чел. Зарегистрировано в органах государственной службы занятости 9,2 тыс. чел., из них женщин 6,6 тыс. чел. Удельный вес женщин среди безработных женщин равен 53,5 %, но при этом доля зарегистрированных безработных женщин выше, достигает 72,5 %, что свидетельствует лишь о том, что женщины более склонны обращаться за содействием в трудоустройстве в государственные службы занятости населения.

Соотношение численности регистрируемых безработных, проживающих в городской и сельской местности, за годы экономических преобразований менялось следующим образом. В 1992 году их численность распределилась поровну, затем самый низкий удельный вес сельских безработных наблюдался в 2001 году – 17,1 %, а с 2002 года отмечен постепенный рост сельской безработицы.

Если вникнуть в суть безработицы, то можно с сожалением утверждать: когда трудовые ресурсы страны используются не полностью, – экономическая система функционирует неэффективно, и, следовательно, не достигает границ своих производственных возможностей, а значит, ни о каком подъеме экономики в стране не может быть и речи. Последствия безработицы ложатся тяжелым бременем на все население страны, нанося колоссальный ущерб жизненным интересам людей и системе общественных ценностей. Таким образом, высокий уровень безработицы – одна из острых проблем современного общества, яркий и неоспоримый показатель нестабильности экономики страны.

Интересной представляется проблема сохранения работы сегодняшними респондентами в сравнении с 1990-м годом. Так, из всего числа опрошенных, по сравнению с 1990-м годом, работу сохранили 438 (38,8 %) человек. Преобладание среди анкетированных пожилых людей определило этот довольно-таки высокий процент. Среди причин, побуждавших людей сохранять работу, в качестве аргументов в порядке убывания назывались:

- мне не куда уходить, другой работы у меня не было – 183 человека;
- я привык к своей работе, к коллективу – 121 человека;
- работа интересная – 86 человека;
- работа почетная, уважаемая, престижная, приносит пользу людям – 60 человека;
- работа хорошо оплачивается – 50 человека;
- мне так спокойнее – 19 человека;
- другое, не знаю, отказ от ответа – 33 человека.

Что касается «молодежной безработицы», в течение 1995–2004 годов ее уровень в общей численности официально зарегистрированных безработных в Курской области оставался в пределах 50 %, имея тенденцию к снижению. Наиболее высокая доля выпускников учебных заведений в общей численности регистрируемых безработных была отмечена в 1992 году – 20 %, самая низкая – в 2000 году – 1,5 % [3].

При изучении проблемы «молодежной безработицы», были выявлены следующие противоречия:

- возрастающая потребность общества в специалистах нового профиля, с одной стороны, и низкий спрос на молодых специалистов – с другой стороны;
- высокий уровень перспективности молодых специалистов с высшим образованием и их профессиональная практическая и психологическая незрелость;

- разрыв между профессиональной подготовкой, предоставляемой современными вузами, и реальной обстановкой, сложившейся на рынке труда;
- неоднократные попытки современных ученых, экономистов и политиков решить проблему занятости и вывести страну из «безработного» кризиса и, тем не менее, высокий уровень безработицы среди молодых специалистов как в стране, так и в отдельном ее регионе.

Социологическое исследование позволяет сделать ряд выводов и разработать рекомендации по решению проблемы увеличения занятости трудоспособного населения региона вообще и молодежи в частности.

Во-первых, государство должно позаботиться о создании атмосферы социальной стабильности и защищенности для все трудоспособных слоев населения, для этого необходимо:

- доработать законодательную базу;
- откорректировать политику в области трудоустройства;
- найти возможности дополнительного финансирования государственных программ и мероприятий в направлении занятости;
- разработать систему поощрений, льготного инвестирования и налогообложения регионов с низким уровнем безработицы (тем самым стимулировать местную администрацию в приоритетности решения проблемы занятости) и др.

Во-вторых, органы местной администрации должны активно следить за положением на рынке труда своего региона:

- способствовать созданию необходимого количества государственных и коммерческих специализированных институтов, занимающихся трудоустройством, профессиональным консультированием, психологической поддержкой (в частности, специализированных агентств для молодежи, кадровых агентств, центров социально-психологической помощи молодежи, бирж труда и т.п.);
- следить за деятельностью государственных служб занятости и городской биржи труда, оказывая необходимую финансовую помощь и организационно-правовую поддержку (при выплате пособий, оплате стажировок, финансировании и организации профессионально-консультационных массовых мероприятий и т.п.);
- формировать государственный заказ для вузов на такие специальности, которые соответствуют требованиям времени и условиям сложившегося рынка труда;
- обеспечить тесную взаимосвязь в системе: местные органы самоуправления – вузы – рынок труда;
- стимулировать предприятия и частных предпринимателей в увеличении количества молодых специалистов при формировании кадрового потенциала фирм (проводить на базе бирж труда и кадровых агентств консультационно-разъяснительные семинары с работодателями; выделять необходимые финансовые средства на начальном этапе апробации молодого специалиста, ввести квотирование численности молодых специалистов на предприятиях, организовывать курсы по планированию кадровой политики для частных предпринимателей).

В-третьих, необходима перестройка в образовательной деятельности современных учебных заведений, сегодняшний вуз должен выпускать качественно иного специалиста:

- выпускник должен иметь четкую профессиональную направленность (для этого необходимо ввести в каждом высшем учебном заведении преподавание специальной дисциплины (курса): «Планирование профессиональной карьеры»);
- выпускник должен быть уверен в востребованности своих знаний (специальности должны подбираться не только с целью коммерческой выгоды на сегодняшний день, но и с учетом перспективных тенденций на рынке труда; ввести в практику последиplomную стажировку на предприятиях в течение, приблизительно, шести месяцев);
- вузу следует нацеливаться не на набор, а на выпуск, т.е. на базе любого современного вуза должна работать своя кадровая служба по работе с выпускниками (либо заключен договор со специализированными агентствами), где будут обеспечиваться устойчивые взаимосвязи с действующими предприятиями-работодателями, организовываться курсы дополнительной специализации и повышения квалификации, практиковаться распределение на предприятия хотя бы наиболее перспективных выпускников.

Примечания

1. Издания агентства «Эксперт» 1996 – 2007 гг.; а также Интернет-сайт: (<http://www.expert.ru/>).
2. Здесь и далее в работе таблицы основаны на данных, предоставленных Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Курской области.
3. По данным Управления Федеральной государственной службы занятости населения по Курской области.

Г.М. Чердынцев

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОСНОВА ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА

Сибирь занимает особое место в Российской Федерации. Одним из основных факторов, определяющих перспективы развития Сибири и её место в российской экономике, является огромный ресурсный потенциал этого региона, прежде всего:

- месторождения полезных ископаемых: – извлекаемые разведанные запасы нефти в Сибири составляют 77 % российских запасов, природного газа – 85, угля – 80, меди – 70, никеля – 68, свинца – 85, цинка – 77, молибдена – 82, золота – 41, металлов платиновой группы – 99 %;
- гидроэнергетические ресурсы: – 45 % гидроэнергетического потенциала России.
- биологические ресурсы: – около 9 % мировых запасов древесины (более 41 % российских запасов).

Другим важным фактором развития Сибири является её сравнительно высокий производственный, научно-технический и научно-образовательный потенциал.

Федеральная целевая программа «Социально – экономическое развитие Сибири на 2008 – 2020 гг.» предусматривает широкую государственную поддержку инфраструктурного и институционального развития Сибири. Она обеспечивает комплексную координацию всех социально – экономических планов и программ, которые затрагивают Сибирский федеральный округ (СФО). Это планы развития субъектов федерации, бизнес – проекты крупнейших компаний, а также отраслевые федеральные целевые

Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России

программы. Крайне важна такая поддержка для СФО, ускоренному развитию которого препятствует наличие ряда проблем. Так, производственный износ в СФО составляет 55 %, износ сетей ЖКХ – более 60 %. Объем жилищного строительства в Сибири в два раза ниже, чем в среднем по России. Ежегодно численность населения в СФО сокращается примерно на 100 тыс. чел. Это может привести к сокращению численности населения к 2012 г. на 1 млн. чел. – с 19 до 18 млн. чел. Если указанная тенденция будет продолжаться, то к 2020 г. в СФО могут прекратить существование 5 – 6 тыс. населённых пунктов.

Успешное решение такого рода проблем напрямую затрагивает интересы Омской области, входящей в состав СФО.

Омская область находится в южной части Западно-Сибирской равнины. На западе и севере она граничит с Тюменской областью, на востоке – с Томской и Новосибирской областями, на юге – с Казахстаном. С севера на юг Омская область простирается более чем на 600 км, с запада на восток – 300 км. Её территория – 139,7 тыс. кв. км.

Омская область является одной из лидирующих прогрессивных областей СФО, особенно в промышленности. Это подтверждается данными о высоком уровне экономического развития почти во всех её отраслях.

Таблица 1

**Показатели экономического развития Омской области в 2005 г.
(место среди всех регионов России) [1]**

ПОКАЗАТЕЛИ	МЕСТО СРЕДИ РЕГИОНОВ РФ
I. Производство промышленной продукции:	
первичной переработки нефти	4
шин автомобильных, автобусных, для сельскохозяйственных машин, мотоциклов и мотороллеров	4
стиральных машин	5
мяса (включая субпродукты 1 категории)	5
животного масла	5
цельномолочной продукции (в перерасчёте на молоко)	21
II. Производство продукции сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий):	
зерна (в весе после доработки)	9
овощей	11
мяса (скота и птицы на убой в живом весе)	8
молока	8
яиц	25
III. Объём инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов	2
IV. Ввод в действие жилых домов, в % к предыдущему году	6

Рейтинг Омской области в РФ по отдельным социально – экономическим показателям, определённый среди 80 регионов России, в том числе городов Москвы и Санкт – Петербурга, также достаточно высок, что следует из следующих данных:

Таблица 2

Уровень жизни населения и социальная сфера
(место среди всех регионов России) [1]

ПОКАЗАТЕЛИ	МЕСТО СРЕДИ РЕГИОНОВ РФ
1. Доходы и расходы (2005 год):	
Среднедушевые денежные доходы населения	29
Оборот розничной торговли	22
Объём платных услуг населению	22
2. Потребление продуктов питания на душу населения (2004 г.):	
Мяса и мясопродуктов	4
Молока и молочных продуктов	2
Овощей и продовольственных бахчевых культур	3

Социально–экономическое состояние этого региона отражают данные табл.3.

Таблица 3

Основные социально-экономические показатели Омской области [1]

ПОКАЗАТЕЛИ \ ГОДЫ	1990 Г.	2005 Г.	2005 В % К 1990 Г.
Численность населения (на конец года), тыс. чел.	2161,3	2034,6	94,1
Среднегодовая численность занятых в экономике	1089,3	939,1	86,2
Численность безработных граждан, тыс. чел.	53,0 (1995г.)	89,0	167,9
Численность безработных граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости(на конец года), тыс. чел.	24,1(1995г.)	22,4	93,3
Численность пенсионеров (на конец года), тыс. чел.	426,6	529,8	124,2
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:			
• тыс. чел.	644,1 (1995 г.)	333,3	51,2
• в % от общей численности населения	29,7 (1995 г.)	16,3	54,9
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	3221,8 (2002 г.)	6910,4	214,4

ГОДЫ ПОКАЗАТЕЛИ	1990 Г.	2005 Г.	2005 В % К 1990 Г.
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	3452,9 (2002 г.)	7124,3	206,3
Внешнеторговый оборот со странами вне СНГ, млн. долл. США	629,6 (1995 г.)	6719,0	10,7 раза
В том числе:			
• экспорт	486,1	6603,9	13,6 раза
• импорт	143,5	115,1	80,2
Внешнеторговый оборот со странами СНГ, млн. долл. США	321,1(1995 г.)	790,7	2,5 раза
В том числе:			
• экспорт	134,1	587,8	4,4 раза
• импорт	187,0	202,9	108,5

Стабильное социально-экономическое развитие Омской области делает её привлекательной для инвесторов. Зарубежные компании активно вкладывают деньги в экономику региона. В целом по СФО иностранные инвестиции превысили за первое полугодие 2006 г. 805 млн.долл. Из них Красноярский край – 45 млн.долл., Новосибирская область – 21, Кемеровская область – 177 млн.долл. У Омской области лучший показатель по Сибири – 282 млн.долл.

Один из ключевых параметров развития региона – ввод жилья. Вот данные по сопоставимым по численности и территории с Омской областью регионам (2005 г.): Нижегородская область – 184 тыс.кв. м, Свердловская обл. – 309,5, Красноярский край – 149, Новосибирская область – 262, Омская область – почти 403 тыс. кв.м жилья.

В настоящее время в составе области 6 городов областного подчинения, 21 поселков городского типа, 32 сельских районов, 365 сельских округов, 1517 населенных пунктов с областным центром в г. Омске. В Западно – Сибирском регионе Омская область как по территории, так и по численности населения занимает 5 место. В г. Омске сосредоточено 53,2 % всего населения области.

Современная возрастная структура населения области отличается, прежде всего, высоким удельным весом лиц, вышедших из трудоспособного возраста. Каждый третий житель области относится к этой категории лиц. Уменьшается численность детей в возрасте от 0 до 4 лет, что объясняется резким спадом рождаемости. В настоящее время средний возраст населения области составляет 34,6 лет.

Средняя продолжительность жизни мужчин при рождении составляет: 1990 г. – 69,7 лет; 2005 г. – 58,7 лет; женщин: 1990 г. – 74,4 лет; 2005 г. – 72,2 лет.

В январе – декабре 2005 г. родилось 11,1 тыс.чел., а число умерших за этот период составило 15,6 тыс.чел. На 1000 жителей области приходилось 10,4 родившихся, 15,5 умерших, 7,8 браков, 4,0 развода.

Общая численность населения Омской области составила 2079,2 тыс.чел. За период прошедший со времени переписи населения 1989 г., она сократилась на 62,7 тыс. чел. Омская область занимает шестое место по численности населения среди регионов СФО.

Согласно данным переписи 2002 г., городское население составляет 1428,3 тыс. чел., из них в г. Омске проживает 1133,9 тыс. чел. По численности населения г. Омск занимает седьмое место среди 13 городов РФ с числом жителей свыше миллиона. За период с 1989 г. процесс урбанизации в Омской области практически прекратился, доля городского населения возросла лишь на 1,1 %. Сельского населения в области 650,9 тыс.чел. Самый многочисленный район области – Омский, а самый малочисленный – Большеуковский.

По данным переписи 2002 г. сохранялось характерное для населения области превышение численности женщин (1112,7 тыс.чел.) над численностью мужчин (966,5 тыс. чел.). На 1000 мужчин в Омской области приходится 1151 женщина. Этот показатель выше по сравнению с 1989 г. на 2,2 %. При этом в городской местности доля мужчин в общей численности населения на 2,0 % меньше, чем в сельской. На 1000 мужчин в г. Омске приходится 1131 женщина.

Численность экономически активного населения (ЭАН) на начало 2006 г. составила 1028,1 тыс.чел. (50,5 % всех жителей Омской области). В экономике сосредоточено 91,3 % ЭАН. По материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости в среднем за 2005 г. к безработным относилось 89,0 тыс. чел. (8,7 % ЭАН). При этом численность безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости (на конец года), составляет всего 22,4 тыс. чел. (2,2 % ЭАН).

Омская область является привлекательной для переселенцев других стран. Международная миграция в неё за 1997 – 2005 гг. составила 43,0 тыс. чел. Вместе с тем из Омской области выбыло за эти же годы 47 тыс. чел.. В результате миграционная убыль населения составила 11 чел. на 10000 чел. населения. Вынужденные переселенцы в основном были представлены ранее постоянно проживающими на территории Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана.

Омская область всегда отличалась многонациональной структурой. Национальный состав населения Омского Прииртышья, состоящий из более чем 120 национальностей и этнических групп представлен в табл. 4.

Таблица 4

Национальный состав населения Омской области [2]

№	НАЦИОНАЛЬНОСТИ	ЧЕЛ.	НА 100 ТЫС. ЧЕЛ.
1	Русские	1735512	83469
2	Казахи	81618	3925
3	Украинцы	77884	3746
4	Немцы	76334	3671
5	Татары	47796	2299
6	Белорусы	9075	436
7	Армяне	6644	320
8	Азербайджанцы	4260	205
9	Чуваши	4191	202
10	Эстонцы	3025	145
11	Поляки	2842	137
12	Евреи	2393	115
13	Цыгане	2272	109
14	Латыши	2235	107
15	Мордва	1966	95
16	Другие	21173	1019

Доля каждой национальности в общей численности населения составляла: русские – 83,5 %, казахи – 3,9, украинцы – 3,7, немцы – 3,7, татары – 2,3, лица других национальностей – 2,9 %.

При оценке уровня жизни населения Омской области следует отметить, что в ней на протяжении всего 2006 г. сохранялись самые низкие цены на продукты питания. Стоимость фиксированного набора продуктов питания в целом по стране составляла 1511 руб., в Сибирском Федеральном округе – 1527,5 руб., Красноярском крае и Кемеровской области – 1659 и 1457 руб. Соответственно в Омском регионе фиксированный набор продуктов питания стоил 1309 руб.

Одно из главных направлений в структуре расходов бюджета Омской области занимают расходы на социально-культурные мероприятия. Для расчета расходов учитываются прогнозные показатели возможной инфляции и индексация заработной платы и материальных затрат. Ежегодно общая сумма расходов на социально-культурные мероприятия составляет более 40 % всех расходов баланса.

Общеобразовательную подготовку в области ведут 1177 государственных дневных образовательных учреждений с численностью учащихся 215,8 тыс. чел. В 9 негосударственных учреждениях общего образования обучаются 0,5 тыс. чел. Аттестаты о среднем (полном) общем образовании в 2006 г. получили 19,3 тыс. чел. (88,9 % от уровня предыдущего года). Численность студентов государственных учреждений высшего профессионального образования увеличилась на 3,5 % и составляла в 2006 г. 94,3 тыс. чел., из них 6 тыс. чел. (44 %) обучаются с полным возмещением затрат на обучение. На 100 тыс. чел. населения области приходится 463 студента государственных высших и 216 студентов средних профессиональных учебных заведений. Образовательные услуги в системе высшей школы оказывают 15 негосударственных учебных заведений (включая филиалы), имеющих Лицензию Министерства образования и науки России, в них обучаются 11,7 тыс. чел.

Большие перспективы в деле обеспечения духовно-нравственной, экономической и социально-политической стабильности в Омской области прослеживаются в осуществлении приоритетного регионального проекта “Культура Омской области” [3]. В этом проекте заложены меры, реализация которых призвана обеспечить формирование единого культурного пространства, в полной мере учитывающего состояние и тенденции развития духовного и творческого потенциала Омской области. Вместе с тем предполагается сохранение и развитие культурных традиций населения региона.

Стратегия социально – экономического развития Омской области до 2020 года, разработанная Правительством Омской области, предусматривает решение следующих основных задач [4]:

1. На основе роста валового регионального продукта Омской области в 2,4 раза относительно уровня 2005 г. в социальной сфере будет обеспечен рост реальных доходов населения в 2,5 раза, снижение уровня бедности до 10 %, рост рождаемости на 12 %, увеличение средней продолжительности жизни до 68 лет.

2. Намечается также улучшение демографической ситуации, развитие системы социальной поддержки населения, развитие социальной инфраструктуры, рост качества доступности услуг образования и здравоохранения, создание условий для развития спорта и массовой физической культуры, сохранение и развитие культурного потенциала, улучшение жилищных условий населения и повышение комфортности проживания населения.

Основными механизмами реализации этих задач являются:

1. Стратегическое управление и планирование в Омской области.
2. Использование программно-целевого метода.
3. Расширение государственно-частного партнерства.

4. Эффективное государственное и муниципальное управление.

Полагаем, что решению обозначенных задач будет содействовать социокультурный портрет региона, который будет востребован субъектами государственного и муниципального управления, бизнес-сообществом, политическими структурами, учреждениями образования и культуры. С другой стороны, социокультурный портрет региона должен принять за свою основу характеристику социально-экономического развития региона, наиболее важные фрагменты которого и отражает данная статья.

Литература

1. Омский областной статистический ежегодник: Стат. сб. в 2 ч. Ч.1/ Омск-стат. – Омск, 2006. – С. 32.
2. Омский областной статистический ежегодник: Стат. сб. в 2 ч. Ч.1/ Омск-стат. – Омск, 2006. – С. 79.
3. Концепция приоритетного регионального проекта «Культура Омской области на 2006-2008 гг.». Приложение к Постановлению Правительства Омской области от 12 июля 2005 г., № 95-п.
4. Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2020 года. Приложение к Указу Губернатора Омской области от 13 февраля 2006г., № 18.

В.А. Юдашкин, А.Л. Чеблаков

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(на примере подготовки социологического портрета Тюменской региона)

Среди задач социологического сопровождения (обеспечения) деятельности органа законодательной власти одна из важных – организация канала его обратной связи с населением, в правовом регулировании жизнедеятельности которого этот орган власти принимает участие в соответствии со своей компетенцией. Через данный канал к нему поступает оперативная и достоверная информация о текущем отношении населения, социальных групп к той или иной проблеме развития территории, отрасли, сферы жизнедеятельности, к предпринимаемым органами государственного управления действиям, к практике правоприменительной деятельности.

Социологические исследования общественного мнения населения региона дают важную информацию, которая дополняет сведения, получаемые депутатами от исполнительных органов власти, субъектов хозяйственной деятельности, от избирателей, их общественных объединений и др.

Не менее важной задачей оказывается формирование (доформирование, развитие) у депутатов, индивидуальные воли которых сочетаются в коллективном законодательном решении, к оптимальности которого они стремятся, достаточно полного и глубокого, целостного представления о предмете их повседневных забот* – о субъекте федерации, в законодательный орган власти которого они избраны, как социально-экономическом регионе, о его текущем состоянии и тенденциях, перспективах изменения, о региональном пространстве жизнедеятельности населения и его самочувствии, о

* Иначе говоря, об объекте законодательного управления: мы считаем правомерным говорить о государственном управлении и о законодательном управлении как о его виде, осуществляемом посредством установления законодательных норм и контроля их исполнения; юристы предпочитают говорить о власти и о законодательном регулировании властью отношений в сферах жизнедеятельности населения, что, на наш взгляд, нисколько не противоречит нашей точке зрения и в данном контексте совпадает с ней по объему и содержанию.

комплексе нужд и потребностей людей. Непосредственный вклад в реализацию этой задачи может внести организация комплексных социологических исследований и ознакомление депутатов с их результатами, как это имело место в Тюменской области при подготовке социологического портрета региона.

В Тюменской области практика социологического сопровождения деятельности Тюменской областной Думы установлена Законом области «О порядке подготовки, принятия и действия нормативных правовых и правовых актов Тюменской области», который определяет социологические исследования как один из видов научной экспертизы.

Исходя из специфики органа законодательной власти субъекта Федерации, можно выделить следующие возможные виды (этапы) социологического обеспечения его деятельности.

1. Работа по прогнозированию потребности в законодательном управлении (законодательном регулировании) тех или иных отношений, определению механизма этого управления-регулирования (запрет, разрешение, предписание), созданию и установлению процедуры его результативного функционирования. При этом необходимо обратить внимание на изучение проблем эффективности действующего законодательства.

2. Социологическое обеспечение разработки концепции правовой нормы, закрепляемой законом. Задача этой стадии заключается в том, чтобы на концептуальном уровне найти оптимальную стыковку социального и правового, вписать правовую норму в социальный контекст, обеспечить соответствие правовой формы существующим и формирующимся социальным реалиям. При этом необходимо изучение представлений людей об обществе, о роли законов и правовых норм, о государстве и управлении им, о правилах, которые, по их мнению, должны соблюдаться в данной сфере.

3. Выяснение отношения различных слоев населения к введению в действие правовой новеллы после разработки проекта закона.

4. Изучение эффективности принятого закона, являющееся важным каналом обратной связи между законодателем и обществом.

5. Изучение организации законотворческой деятельности.

При выполнении данных работ большое значение имеет их организационное обеспечение и управление процессом сбора и обработки информации. Здесь возможно как проведение независимой социологической экспертизы, так и создание внутренних социологических служб различного вида.

В ряде субъектов Федерации пошли на создание специализированных подразделений социологического анализа в структуре органов государственной власти. При этом оговаривается необходимость создания сети филиалов или представительств данных подразделений во всех муниципальных образованиях субъекта Федерации. Несомненно, данная схема организации сбора социологической информации является эффективной как при проведении разовых исследований, так и, особенно, при проведении мониторинга социальных процессов в регионе, позволяет обеспечить проведение социологических исследований на единой методической, организационной и информационно-программной основе.

Однако, относительно органов законодательной власти, существует ряд ограничений по формированию подобной структуры. Прежде всего, она предполагает создание отдельного головного подразделения, которое, в силу возложенных на него функций (методическое и организационное обеспечение исследований, обработка результатов, подготовка отчетных документов и т.д.), должно быть достаточно многочисленным. В муниципальных образованиях также должны быть созданы подобные структу-

ры, отвечающие за сбор информации. Все это неизбежно ведет к увеличению аппарата управления и дополнительным расходам. Кроме того, формирование подобной структуры возможно только в условиях вертикальной подчиненности, что фактически присуще только исполнительной власти.

Поэтому организация социологического обеспечения деятельности органов законодательной власти субъектов Федерации должна строиться по другому принципу. Целесообразно возложить данные функции на уже существующие информационно-аналитические службы. При этом они выполняют функции представителя заказчика, определяющего общую стратегию и направленность исследовательских работ, а в качестве исполнителя привлекаются сторонние организации. Таким путем должно достигаться сочетание соблюдения интересов органа власти и независимой экспертизы общественного мнения.

Однако практика реализации данной схемы показывает значительные проблемы, возникающие в процессе взаимоотношений между заказчиком и исследовательской организацией. Ниже приводится, на основе опыта Тюменской областной Думы, по заказу которой с 2005 года осуществлено уже более двух десятков прикладных социологических исследований, обзор некоторых трудностей, возникающих на различных этапах их организации. Отметим, что сами результаты этих исследований могут быть рассмотрены как в некотором смысле предварительные штрихи, наброски к социологическому портрету Тюменского региона, опыт подготовки которого является предметом обсуждения конференции.

1. Планирование исследований.

Годовой план проведения социологических исследований основывается на плане работы Думы на текущий год и составляется по предложениям комитетов, комиссий, отдельных депутатов и подразделений аппарата. Как правило, эти предложения направлены на информационное обеспечение парламентских слушаний, «круглых столов», Дней депутата и других публичных мероприятий. Кроме того, традиционно планируется проведение исследований социального самочувствия населения области, направленных на выявление рейтинга проблем, электоральных предпочтений, отношения к действиям органов власти и т.д. Составленный таким образом план социологических исследований рассматривается Советом по информационной политике областной Думы и утверждается руководством Думы, финансирование предусматривается в смете расходов Думы.

Большое значение имеет определение сроков проведения исследований. Учитывая необходимость анализа полученных результатов и подготовки на его основе проектов нормативных документов, итоговый отчет о проведенном исследовании должен предоставляться в Думу не позднее, чем за месяц до проводимого мероприятия. Непосредственно исследование (от разработки программы и инструментария до подготовки отчета) может продолжаться, в зависимости от применяемых методик, от одного до нескольких месяцев. Поэтому при подготовке годового плана необходимо заранее определить основные методы сбора информации по каждому из включенных в данный план исследований. Опыт Тюменской областной Думы показывает, что исследования, направленные на выяснение общественного мнения о действии того или иного нормативно-правового акта, продолжаются, как правило, от одного до двух месяцев. Таким образом, начало проведения исследования необходимо планировать не менее чем за два-три месяца до момента предоставления депутатам итоговых документов.

Согласно Федеральному закону от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», на проведение открытого конкурса, от момента опубликования

объявления о конкурсе до определения победителя, конкурсной комиссии предоставляется до 50 дней. Учитывая время, необходимое для разработки и согласования конкурсной документации, заключения государственного контракта с победителем конкурса, срок подготовки технического задания можно определить как не менее чем два месяца до начала исследования, то есть не менее чем четыре-пять месяцев до момента предоставления депутатам итоговых документов, до мероприятия.

Однако, как правило, в этот период у организаторов мероприятия в лучшем случае существует только общая концепция, обосновывающая его необходимость, что затрудняет разработку технического задания на проведение исследования. В случае если затем в концепцию мероприятия вносятся какие-либо коррективы, внести соответствующие изменения в программу исследования бывает уже проблематично, а попытки сделать это вызывают конфликтную ситуацию между заказчиком и исполнителем. В то же время, результаты исследования, задачи которого не соответствуют задачам проводимого мероприятия, вызывают недоумение и сомнение в целесообразности проведения самого исследования и квалификации исполнителя.

Таким образом, одной из первых проблем во взаимоотношениях между органом власти и проводящей социологическое исследование организацией, заложенной уже на стадии планирования, является значительный (для органа власти) временной интервал между разработкой технического задания на проведение исследования и моментом использования его результатов.

2. Разработка технического задания и размещение заказа на проведение исследовательской работы.

Техническое задание включает в себя, как правило, цели и задачи исследования, описание методики сбора информации и выборки, перечень отчетных документов, максимальную стоимость исследования и критерии оценки участников конкурса на размещение заказа. Проект технического задания разрабатывается на основании исходных материалов (действующего закона и принятых в его развитие нормативных актов, целевой программы, статистических данных и др.) и дорабатывается с участием специалистов подразделения Думы, по предложению которого данное исследование проводится.

Обозначенная выше проблема большого временного промежутка между разработкой технического задания и получением отчета о проведенном исследовании является следующей сложностью при разработке технического задания. С одной стороны, чем конкретнее будут сформулированы в нем задачи исследования, тем более определенные результаты могут быть получены. С другой стороны, такая конкретика требует значительной по объему и времени работы по изучению необходимых материалов – своего рода предпрограммной проработки, которая может быть выполнена с участием высококвалифицированных специалистов. Поэтому задачи исследования порой формулируются некорректно. Мы считаем это допустимым при обязательном условии уточнения и интерпретации задач исследования с участием исполнителя в процессе разработки и заключения государственного контракта, согласования программы и инструментария.

Как уже было сказано, очень важным является определение методик сбора информации по каждому из исследований. Как правило, при проведении разовых исследований по заказу областной Думы применяются анкетные (в том числе телефонные) опросы, экспертные интервью, фокус-группы, контент-анализ публикаций в СМИ, анализ статистических материалов.

Опыт показывает, что для получения объективной картины желательно проводить комплексные исследования с одновременным использованием различных методов

сбора информации. Это позволяет сопоставить мнение специалистов в сфере исследования и мнение населения, что особенно важно для представительного органа власти.

Проблема определения методик сбора информации является важной, поскольку от этого зависит как стоимость исследования, так и значимость полученных в ходе его проведения данных. Эта проблема в наибольшей степени связана с уровнем социологической квалификации специалистов органов власти, ответственных за организацию исследований.

Как правило, именно на стадии разработки конкурсной документации чаще всего закладываются проблемы, которые впоследствии могут негативно сказаться на ходе и результатах исследования.

После согласования технического задания и подготовки иных требуемых форм конкурсной документации данные документы направляются в адрес органа исполнительной власти субъекта РФ, уполномоченного на осуществление функций по размещению заказов для государственных заказчиков.

3. Отбор исполнителя и взаимодействие с ним в процессе проведения исследования.

Достаточно серьезной проблемой является отбор исполнителей социологических исследований. Учитывая, что данный вид деятельности не требует лицензирования или сертификации, единственным вариантом обеспечения достаточного профессионального уровня возможных исполнителей является включение в перечень критериев оценки участников конкурса на размещение заказа такого критерия, как квалификация. Под квалификацией при этом может подразумеваться подтвержденный опыт проведения подобных исследований, применения указанных в конкурсной документации методик сбора информации или профессиональный уровень штатных работников организации. Очень сложно осуществить соблюдение интересов заказчика, выражающихся в том, чтобы привлечь для исполнения заказа наиболее квалифицированного исполнителя, и требований законодательства о присуждении победы в конкурсе участнику, предложившему наименьшую цену. Во-первых, заказчик не знает о количестве и перечне будущих участников конкурса; во-вторых, сами участники различаются по правовой форме, количеству работников, месту нахождения, основной направленности деятельности и т.п.

Заказчик преследует цель получения в результате социологического исследования информации, как можно более точно соответствующей вопросам, обозначенным в техническом задании. Поэтому в тексте государственного контракта на проведение исследований необходимо оговаривать порядок взаимодействия заказчика и исполнителя.

Заказчик в обязательном порядке должен согласовывать разработанные исполнителем программу и инструментарий исследования, методики подбора экспертов, принципы построения выборки и т.п. Жесткое поведение заказчика в данный момент оправдано, так как позволяет прийти к единому пониманию целей и задач исследования на его начальном этапе и избежать недоразумений при получении отчетных документов.

Уже на этом этапе необходимо минимизировать проблему различного понимания целей и задач исследования, когда у отдельных исполнителей проявляется свой (например, научный) интерес, что может привести к серьезным разногласиям в процессе проведения исследования. Другой встречающейся практикой являются попытки исполнителя каким-либо способом мотивировать корректировку технического задания в целях упрощения его исполнения – например, убрать отдельные задачи или изменить методику получения информации.

В то же время конструктивные предложения, основанные на опыте исполнителя, и направленные на повышение достоверности материалов исследования, должны оперативно рассматриваться и по возможности учитываться заказчиком.

Заказчик может оказывать исполнителю информационную или организационную поддержку, предоставив необходимые для проведения исследования нормативные документы или статистические данные, или способствуя формированию списка экспертов, но это не должно подменять обязанности исполнителя по сбору информации.

Заказчик обязан осуществлять текущий контроль над деятельностью исполнителя в форме выборочной проверки анкет, присутствия представителя заказчика во время проведения экспертных опросов или фокус-групп, что порой требует дополнительных расходов.

Опыт работы показывает необходимость ознакомления заказчика с предварительным вариантом итогового отчета. На этом этапе возможно оценить полноту освещения всех вопросов, поставленных в техническом задании, выполнения исполнителем требований по сбору информации и дать ему необходимые рекомендации.

К сожалению, именно в этот момент могут проявиться все те проблемы, о которых говорилось выше: несоответствие результатов исследования изменившейся концепции мероприятия, на освещение которого оно было направлено; ошибки при разработке технического задания; нарушения, допущенные исполнителем, и т.п.

4. Обработка и использование полученной информации.

Представленные по итогам исследований отчеты, как правило, представляют собой достаточно объемный материал, снабженный различного рода приложениями (таблицы, транскрипты и т.п.). Поэтому исполнители представляют также резюме данного отчета. В резюме указываются задачи исследования, обосновываются примененные методики и приводятся основные результаты и выводы.

Ответственное структурное подразделение органа законодательной власти, в нашем случае – информационно-аналитическое управление Тюменской областной Думы готовит заключение по итогам проведенного исследования, в котором определяется соответствие объема произведенных работ и представленных данных техническому заданию, качество выполнения исследования и дается рекомендация об утверждении отчета и оплате произведенных работ, либо, при выявлении недостатков, о направлении отчета на доработку.

Отчет об итогах проведенного исследования с заключением направляется председателю областной Думы, а также руководителю подразделения, на основании предложения которых тема данного исследования была внесена в годовой план проведения социологических исследований.

Резюме отчета, как правило, входит в состав информационных материалов, получаемых участниками проводимых областной Думой мероприятий. Практикуются также выступления на данных мероприятиях представителей исполнителя исследования.

Результаты исследований используются при подготовке законопроектов, постановлений и распоряжений председателя Думы, решений комитетов, комиссий, рекомендаций парламентских слушаний и «круглых столов». Кроме того, результаты могут быть опубликованы для всеобщего ознакомления на официальном сайте областной Думы, либо в ее печатных изданиях. Например, отдельной брошюрой были изданы материалы социологического портрета Тюменской области.

Отдельной проблемой является восприятие заказчиком полученных результатов. С одной стороны, они могут быть восприняты как банальные, на получение которых не

требовалось расходование бюджетных средств. С другой стороны, негативная для органа власти информация может быть воспринята как недостоверная. Избежать этого возможно только путем качественного выполнения исследования и подготовки отчета, содержащего обоснование всех сформулированных выводов и рекомендаций. Это обоснование должно опираться на сложный анализ всех полученных результатов, их сравнение между собой и сопоставление с другими источниками информации по теме исследования.

Создание социологического портрета Тюменской области, одним из заказчиков которого выступила областная Дума, потребовало от нее особого подхода на всех этапах реализации проекта. Масштабность работ, разнообразие применяемых методов получения и обработки информации, привлечение значительного числа экспертов (90 человек) и статистической информации, беспрецедентный объем выборки (4000 респондентов), география исследования – все это вызвало значительные затруднения уже на этапе разработки технического задания, несмотря на то, что основные целеполагающие моменты имелись в виде разработанного пакета методических материалов.

Социологический портрет интересует органы власти не только как собранная воедино информация, характеризующая различные аспекты экономической, политической, социальной жизни региона. Прежде всего, он должен явиться инструментом, способствующим принятию эффективных и результативных управленческих решений. Это потребовало определения в результате конкурса исполнителя, обладающего высоким уровнем квалификации и достаточными интеллектуальными и материальными ресурсами для решения столь сложной задачи. Тюменский государственный университет в полной мере отвечает такого рода требованиям.

Задачи исследования вызвали необходимость привлечения в качестве экспертов большого количества высококвалифицированных специалистов, представляющих производственные, научные, общественные организации, органы государственной власти и местного самоуправления, и обладающих высоким общественно-политическим статусом. В этой ситуации определение перечня экспертов и решение организационных вопросов потребовало постоянного участия заказчика. Кроме того, постоянная поддержка Тюменской областной Думой действий исполнителя была обусловлена сложностью административной структуры Тюменской области, состоящей из трех равноправных субъектов Федерации.

Работа в таком режиме позволила устранить основные проблемы взаимодействия органов власти и социологических исследовательских групп и получить результат, удовлетворяющий и заказчика, и исполнителя.

Сегодня, когда работа над созданием социологического портрета Тюменской области завершена, становится очевидным, что она потребует своего продолжения в форме регулярного мониторинга основных параметров социально-экономического и политического развития нашего региона. Такое продолжение позволит подтвердить или опровергнуть гипотезы о взаимосвязи отдельных показателей. Несомненно, что для уточнения отдельных показателей социологического портрета в последующем потребуются проведение ряда углубленных исследований.

Таким образом, реализация этого масштабного проекта в перспективе должна привести не только к повышению качества информационного обеспечения процесса принятия управленческих решений, но и к активизации социологических исследований на территории Тюменской области.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ КОНФЕРЕНЦИИ

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения социальных изменений Института философии РАН (Москва)

Благовестова Татьяна Евгеньевна – преподаватель кафедры гуманитарных наук Смоленского филиала Орловской региональной академии государственной службы (Смоленск)

Богомазов Константин Иванович – старший преподаватель кафедры экономики и социологии труда Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (Омск)

Винокуров Александр Иванович – кандидат психологических наук, доцент, первый заместитель директора Смоленского филиала Орловской региональной академии государственной службы (Смоленск)

Власова Евгения Александровна – старший преподаватель кафедры социологии Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (Белгород)

Власова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Германов Игорь Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета (Пермь)

Григорьев Валерий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, директор Чувашского государственного института гуманитарных наук (Чебоксары)

Гричаникова Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (Белгород)

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой экономической социологии Тюменского государственного университета (Тюмень)

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета (Ульяновск)

Дулина Надежда Васильевна – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой истории, культуры и социологии Волгоградского государственного технического университета (Волгоград)

Ефимова Галина Зиновьевна – студентка Международного института финансов, управления и бизнеса Тюменского государственного университета (Тюмень)

Ковальчук Алёна Игоревна – ассистент кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета (Тюмень)

Когай Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии, зав. социологической лабораторией Курского государственного университета (Курск)

Корепанов Геннадий Семенович – кандидат социологических наук, заместитель председателя Тюменской областной Думы (Тюмень)

Котельникова Валентина Матвеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (Белгород)

Кох Иван Адамович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии, руководитель социологической лабораторией Уральского государственного горного университета (Екатеринбург)

Кульсеева Татьяна Гавриловна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета (Курск)

Лапин Николай Иванович – член-корреспондент РАН, зав. отделом, руководитель Центра изучения социальных изменений Института философии РАН (Москва)

Леонтьева Вероника Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Харьковского национального университета электроники (Харьков)

Макаров Александр Сергеевич – аспирант кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета (Казань)

Манзанова Галина Владимировна – старший научный сотрудник института природопользования СО РАН, член Совета по аграрной реформе при Президенте Республики Бурятия (Улан-Удэ)

Мельник Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социального управления Тюменского государственного университета (Тюмень)

Мосин Василий Иванович – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор Тульского социологического центра (Тула)

Муханова Марина Николаевна – кандидат социологических наук, зав. социологической лабораторией, старший научный сотрудник Калмыцкого государственного университета (Элиста)

Несебря Наталья Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета (Пермь)

Овчар Надежда Андреевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, культуры и социологии Волгоградского государственного технического университета (Волгоград)

Пасовец Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета (Курск)

Пивоев Василий Михайлович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Плотникова Елена Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета (Пермь)

Покрамович Ольга Викторовна – старший преподаватель Курского филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института (Курск)

Романкова Надежда Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Смоленского филиала Московского университета МВД Российской Федерации (Смоленск)

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии, зав. социологической лабораторией Тюменского государственного университета (Тюмень)

Салагаев Александр Леонидович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета (Казань)

Сафонова Татьяна Михайловна – аспирант кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета (Тюмень)

Старостенко Анна Михайловна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и отечественной истории Орловской региональной академии государственной службы (Орел)

Тарасова Анна Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета (Тюмень)

Твердохлеб Вероника Ильинична – аспирант кафедры социологии и политологии Курского государственного университета (Курск)

Телегин Александр Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, зам. декана юридического факультета Курского государственного университета (Курск)

Тихонова Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Смоленского филиала Орловской региональной академии государственной службы (Смоленск)

Токарев Василий Владимирович – кандидат технических наук, генеральный директор Центра социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» (Волгоград)

Третьяков Максим Сергеевич – аспирант кафедры социологии и политологии Курского государственного университета (Курск)

Чеблаков Андрей Леонидович – консультант информационно-аналитического управления Тюменской областной Думы (Тюмень)

Чердынцев Геннадий Митрофанович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Омского государственного университета

Юдашкин Валентин Андреевич – начальник информационно-аналитического управления Тюменской областной Думы (Тюмень)

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ ПО РЕГИОНАМ

Республика Калмыкия

- М.Н. Муханова.* Социокультурные практики в хозяйственной деятельности населения Калмыкии 168
-

Республика Карелия

- В.М. Пивоев.* Миграционные процессы и региональная идентичность в Карелии 183
-

Республика Татарстан

- А.Л. Салагаев, А.С.Макаров.* Социальная структура современного татарстанского общества и проблемы социальной мобильности 205
-

Чувашская республика

- В.С. Григорьев* Инновационные подходы в реализации социальной политики в Чувашской республике 81
-

Белгородская область

- В.М. Котельникова, И.А. Гричаникова, Е.А. Власова.* Белгородская область как социокультурная территориальная общность 144
-

Волгоградская область

- В.В. Токарев, Н.В. Дулина.* Волгоград и Волгоградская область в координатах более широкого географического пространства 232
- Н.В. Дулина, В.В. Токарев* Из опыта социологического сопровождения деятельности администрации региона 114
- Н.В. Дулина, В.В. Токарев.* Методика количественного анализа качества жизни населения крупного города 124
- Н.А. Овчар* Информационно-коммуникационные технологии как средство формирования информационного пространства региона 175
-

Свердловская область

- И. А. Кох* Потребности населения как социальная характеристика муниципального образования 148

Курская область

<i>Л.А. Дремова, О.В. Покрамович.</i> Особенности инновационного процесса развития малого предпринимательства в курской области	<u>108</u>
<i>Е.А. Когай.</i> Курская область как социокультурное сообщество, ее место в ЦФО	<u>11</u>
<i>Т.Г. Кульсеева</i> Социально-профессиональная мобильность в Курской области	<u>154</u>
<i>Ю.М. Пасовец.</i> Уровень жизни населения Курской области	<u>177</u>
<i>В.И. Твердохлеб.</i> Религиозная ситуация в Курском крае	<u>217</u>
<i>А.А. Телегин.</i> Отношение населения к государственным и общественным институтам в социокультурном портрете Курской области	<u>220</u>
<i>М.С. Третьяков.</i> Трудовая деятельность и экономическая активность населения Курской области	<u>237</u>

Омская область

<i>К.И. Богомазов.</i> Расширение инструментария социокультурного портрета региона. Проект реляционной базы данных для Омской области	<u>68</u>
<i>Г.М. Чердынцев.</i> Характеристика социально-экономического развития Омской области как основа ее социокультурного портрета	<u>241</u>

Орловская область

<i>А.М. Старостенко.</i> Повседневность как социологический портрет семьи	<u>210</u>
---	------------

Пермская область

<i>Е.Б. Плотникова, И.А. Германов, Н.А. Несебря.</i> Социокультурный портрет Пермского края	<u>188</u>
---	------------

Смоленская область

<i>Т.Е. Благовестова.</i> Оценка качества жизни населения в субъектах центрального федерального округа	<u>64</u>
<i>А.И. Винокуров.</i> Мероприятия административной реформы в описании социокультурной жизни региона	<u>72</u>
<i>Н.В. Романкова.</i> Смоленский приказ общественного призрения как инструмент реализации национальных проектов рубежа XVIII и XIX в.	<u>193</u>
<i>А.В. Тихонова.</i> Проблема привлекательности региона: ретроспективный анализ миграционных процессов на рубеже XIX–XX веков (на материалах Смоленской губернии)	<u>224</u>

Тульская область

<i>В.И. Мосин.</i> Динамика численности городского и сельского населения Тульской области	<u>162</u>
---	------------

Тюменская область

<i>В.А. Давыденко, А.Н. Тарасова.</i> Эмпирические подходы к изучению неформальных практик как социального института	<u>84</u>
<i>Г.З. Ефимова.</i> Инновационный потенциал населения юга Тюменской области	<u>130</u>
<i>А.И. Ковальчук.</i> Профессиональная стратификация населения Тюменской области	<u>138</u>
<i>Г.С. Корепанов.</i> Конкурирующие социально-экономические и политические контексты региональных субъектов	<u>23</u>
<i>В.В. Мельник.</i> Некоторые итоги апробации методики «Социокультурный портрет тюменской области»	<u>159</u>
<i>Г.Ф. Ромашкина, Т.М. Сафонова.</i> Экономическая активность в социокультурном портрете региона	<u>198</u>
<i>В.А. Юдашкин, А.Л. Чеблаков.</i> Об организации социологического сопровождения деятельности органов законодательной власти субъектов Российской Федерации (на примере подготовки социологического портрета Тюменской региона)	<u>247</u>

Ульяновская область

<i>Н.В. Дергунова.</i> Бедность как фактор регионального развития	<u>100</u>
<i>Н.В. Власова.</i> Проблемы реализации национального проекта «образование» в Ульяновской области	<u>75</u>

Город Москва

<i>Л.А. Беляева.</i> Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и в регионах	<u>32</u>
<i>Н.И. Лапин.</i> Структура ценностей россиян: Всероссийский мониторинг и портрет региона	<u>47</u>

**ОПЫТ ПОДГОТОВКИ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ
РЕГИОНОВ РОССИИ**

**Материалы
III Всероссийской научно-практической конференции
25–28 сентября 2007 г., г. Курск**

Оргкомитет конференции выражает
благодарность за помощь в ее проведении
Администрации Курской области,
а также некоммерческому партнерству
«Курское агентство политики, экономики и менеджмента»

Редакторы Н.Д. Собина, Р.В. Головина, М.В. Оловянникова

Компьютерная верстка А.В. Кузнецов

Издательство Курского государственного университета
Лицензия ИД № 06248 от 12.11.2001 г.

Подписано в печать 10.09.07. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15 п. л. Тираж 150 экз.
Заказ №

Курский государственный университет
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Отпечатано в лаборатории
информационно-методического обеспечения КГУ